

**ЗАПИСКИ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ
И ЕГО ПРОДОЛЖАТЕЛЕЙ
О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ,
ОБ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ВОЙНЕ,
ОБ АФРИКАНСКОЙ ВОЙНЕ**

**ЗАПИСКИ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ
И ЕГО ПРОДОЛЖАТЕЛЕЙ
О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ,
ОБ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ВОЙНЕ,
ОБ АФРИКАНСКОЙ ВОЙНЕ**

Перевод М. М. Покровского

Москва

Берлин

2020

УДК 94(37+38):355.48

ББК 63.3(0)

3-32

Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской
3-32 войне, об Александрийской войне, об Африканской
войне / Пер. М. М. Покровского. – Москва ; Берлин :
Директ-Медиа, 2020. – 534 с.

ISBN 978-5-4499-0381-5

В издании представлены записки древнеримского политика, полководца и писателя Гая Юлия Цезаря (100–44 гг. до н. э.). Сочинение, состоящее из восьми книг, в строго лаконичной форме описывает завоевание Цезарем Галлии в 58–50 гг. до н. э., а также две его переправы с легионами через Рейн и высадку в Британии. В записях прослеживается связь между военными операциями Цезаря и внутренними событиями римской политики. Приводятся сжатые характеристики народов, живущих на завоеванных землях, описывается их общественно-бытовой уклад и политический строй. Записки о Гражданской войне («Bellum civile») представляют собой рассказ об одном из последних крупных внутренних конфликтов в Римской республике перед установлением империи. С этим временем связаны Александрийская и Африканская войны (49–45 гг. до н. э.), о которых также упоминается в издании. Помимо трудов Цезаря в книгу вошли записки его соратников и продолжателей.

УДК 94(37+38):355.48

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-4499-0381-5

© Издательство «Директ-Медиа», 2020

Г. Юлий Цезарь

Галльская война

(Bellum Gallicum)

Книга первая

1. Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут белый, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от бельгов — Матрона и Секвана. Самые храбрые из них — белый, так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами, либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории. Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана и ее границами служат река Гарумна, Океан и страна бельгов; но со стороны секванов и гельветов она примыкает также к реке Рейну. Она тянется к северу. Страна бельгов начинается у самой дальней границы Галлии и доходит до нижнего Рейна. Она обращена на северо-восток. Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-запад.

2. У гельветов первое место по своей знатности и богатству занимал Орбеториг. Страстно стремясь к царской власти, он,

в консульство М. Мессалы и М. Писона¹, вступил в тайное соглашение со знатью и убедил общину выселиться всем народом из своей земли: так как гельветы, говорил он, превосходят всех своей храбростью, то им нетрудно овладеть верховной властью над всей Галлией. Склонить на это гельветов было для него тем легче, что по природным условиям своей страны они отовсюду стеснены: с одной стороны весьма широкой и глубокой рекой Рейном, которая отделяет область гельветов от Германии, с другой — очень высоким хребтом Юрой — между секванами и гельветами, с третьей — Леманским озером и рекой Роданом, отделяющей нашу Провинцию от гельветов. Все это мешало им расширять район своих набегов и вторгаться в земли соседей: как люди воинственные они этим очень огорчались. Они полагали, что при их многолюдстве, военной славе и храбрости им было слишком тесно на своей земле, которая простиралась на двести сорок миль в длину и на сто шестьдесят в ширину.

3. Эти основания, а также авторитет Оргеторига склонили их к решению приготовить все необходимое для похода, скупить возможно большее количество вьючных животных и телег, засеять как можно больше земли, чтобы на походе было достаточно хлеба, и укрепить мирные и дружественные отношения с соседними общинами. Для выполнения всех этих задач, по их мнению, довольно было двух лет, а на третий год должно было состояться, по постановлению их народного собрания, поголовное выселение. Оргеториг взял на себя посольство к общинам. Во время этой поездки он убеждает секвана Кастика, сына Катаманталеда, который много лет был царем секванов и имел от нашего сената титул друга римского народа, захватить в своей общине царскую власть, которая раньше была в руках его отца; к такой же попытке он склоня-

¹ 61 год до н. э.

ет и эдую Думнорига, брата Дивитиака, который в то время занимал в своей общине высшую должность и был очень любим простым народом. За Думнорига он, кроме того, выдает замуж свою дочь. Оргеториг доказывает им, что эти попытки очень легко осуществимы, так как сам он должен получить верховную власть в своей общине, а Гельветы, несомненно, самый сильный народ в Галлии; он ручается, что при своих средствах и военной силе обеспечит им царскую власть. Под влиянием подобных речей они дают друг другу клятвенные обязательства и надеются, что после захвата царской власти они овладеют всей Галлией при помощи трех самых сильных и могущественных народов.

4. Но об этих замыслах гельветы узнали через доносчиков. Согласно со своими нравами² они заставили Оргеторига отвечать перед судом в оковах. В случае осуждения ему предстояла смертная казнь посредством сожжения. Но в назначенный для суда день Оргеториг отовсюду собрал на суд всех своих крепостных, около десяти тысяч человек, а также приказал явиться всем своим клиентам и должникам, которых у него было много; при помощи всех этих людей он избавился от необходимости защищаться на суде. Когда возмущенная этим община пыталась вооруженной силой осуществить свое право и власти стали набирать народ из деревень, Оргеториг умер; по мнению гельветов, есть основания подозревать, что он покончил с собой.

5. После его смерти гельветы тем не менее продолжали заботиться о выполнении своего решения выселиться всем народом. Как только они пришли к убеждению, что у них все для этой цели готово, они сожгли все свои города³ числом до

² У римлян обыкновенно не было предварительного ареста обвиненного.

³ В подлиннике *oppida*. Это не города в нашем смысле, но прежде всего укрепленные места.

двенадцати, села числом около четырехсот и сверх того все частные хутора, сожгли и весь хлеб, за исключением того, который должны были взять с собой на дорогу, — с тем чтобы не иметь уже никаких надежд на возвращение домой и, таким образом, быть более готовыми на какие угодно опасности: каждому приказано было взять с собой муки на три месяца. Они уговорили также своих соседей — рауриков, тулингов и латоников — сжечь, подобно им, свои города и села и двинуться вместе с ними. Наконец, они приняли к себе и включили в число своих союзников также боев, которые поселились за Рейном, затем перешли в Норик и осаждали Норею.

6. Было вообще два пути, по которым гельветы могли выступить из своей страны: один узкий и трудный — через область секванов, между Юрой и Роданом, по которому с трудом может проходить одна телега в ряд; кроме того, над ним нависали весьма высокие горы, так что, даже очень небольшой отряд легко мог загородить дорогу; другой шел через нашу Провинцию и был гораздо легче и удобнее, так как между гельветами и недавно покоренными аллоброгами⁴ течет река Родан, в некоторых местах проходима в брод. Самый дальний от нас город аллоброгов в ближайшем соседстве с гельветами — Генава. Из этого города идет мост в страну гельветов. Они были уверены в том, что либо уговорят все еще не примирившихся с римской властью аллоброгов или же заставят силой дать свободный проход через их землю. Приготовив все необходимое для похода, они назначают срок для общего сбора на берегу Родана. Это был пятый день до апрельских Календ, в год консульства Л. Писона и А. Габиния.

7. При известии о том, что гельветы пытаются идти через нашу Провинцию, Цезарь ускорил свой отъезд из Рима, дви-

⁴ Восстание аллоброгов было подавлено претором Г. Помппином в 61 году до н. э.

нулся самым скорым маршем в Дальнюю Галлию и прибыл в Генаву. Во всей Провинции он приказал произвести усиленный набор (вообще же в Дальней Галлии стоял только один легион) и разрушить мост у Генавы. Как только гельветы узнали о его прибытии, они отправили к нему послами знатнейших людей своего племени. Во главе посольства стояли Наммей и Веруклетий. Они должны были заявить, что гельветы имеют в виду пройти через Провинцию без всякого для нее вреда, так как никакого другого пути у них нет, и просят его соизволения на это. Но так как Цезарь помнил, что гельветы убили консула Л. Кассия, разбили его армию и провели ее под ярмо⁵, то он не считал возможным согласиться «а их проход: он понимал, что люди, враждебно настроенные, в случае разрешения пройти через Провинцию, не воздержатся от причинения вреда и насилий. Однако, чтобы выиграть время до прихода набранных солдат, он ответил послам, что ему нужно будет время, чтобы об этом подумать: если им угодно, то пусть они снова явятся к апрельским Идам.

8. Тем временем, при помощи бывшего при нем легиона и солдат, которые уже собрались из Провинции, он провел от Леманнского озера, которое изливается в реку Родам, до хребта Юры, разделяющего области секванов и гельветов, вал на протяжении девятнадцати миль в шестнадцать футов высотой и ров⁶. По окончании этих сооружений он расставил вдоль их посты и заложил сильные редуты, чтобы тем легче

⁵ В 107 году до н. э. Эта унижительная форма капитуляции — ярмо — образовывалась из трех копий (*hastae*), из которых два втыкались в землю, а третье служило перекладной; сдающиеся проходили под ярмом не только без оружия, но и без верхнего платья.

⁶ В действительности берега Роны в данном месте большей частью очень отвесны и неприступны, так что из девятнадцати миль, упомянутых Цезарем, ему пришлось укрепить менее трех с половиною (около пяти километров из двадцати восьми).

задержать врагов в случае их попытки пройти против его воли. Как только наступил условленный с послами день и они снова к нему явились, он объявил им, что, согласно с римскими обычаями и историческими прецедентами, он никому не может разрешить проход через Провинцию, а если они попытаются сделать это силой, то он сумеет их удержать. Гельветы, обманувшись в своих надеждах, стали делать попытки, иногда днем, а чаще ночью, прорваться частью на связанных попарно судах и построенных для этой цели многочисленных плотях, отчасти в брод, в самых мелких местах Родана. Но мощь наших укреплений, атаки наших солдат и обстрелы каждый раз отгоняли их и в конце концов заставили отказаться от их попыток.

9. Оставался единственный путь через страну секванов, по которому, однако, гельветы не могли двигаться, вследствие его узости, без разрешения секванов. Так как им самим не удалось склонить последних на свою сторону, то они отправили послов к эдую Думноригу, чтобы при его посредстве добиться согласия секванов. Думнориг, благодаря своему личному авторитету и щедрости, имел большой вес у секванов и вместе с тем был дружен с гельветами, так как его жена, дочь Оргеторига, была из их племени; кроме того, из жажды царской власти он стремился к перевороту и желал обязать себе своими услугами как можно больше племен. Поэтому он берет на себя это дело, добивается у секванов разрешения для гельветов на проход через их страну и устраивает между ними обмен заложниками на том условии, что секваны не будут задерживать движения гельветов, а гельветы будут идти без вреда для страны и без насилий.

10. Цезарю дали знать, что гельветы намереваются двигаться через области секванов и эдую в страну сантонов, лежащую недалеко от области толосатов, которая находится

уже в Провинции⁷. Он понимал, что в таком случае для Провинции будет очень опасно иметь своими соседями в местности открытой и очень хлебородной людей воинственных и враждебных римлянам. Поэтому он назначил комендантом построенного им укрепления своего легата Т. Лабиена, а сам поспешил в Италию, набрал там два легиона, вывел из зимнего лагеря еще три зимовавших в окрестностях Аквилеи и с этими пятью легионами быстро двинулся кратчайшими путями через Альпы в Дальнюю Галлию. Здесь кеутроны, грайокелы и катуриги, заняв возвышенности, пытались загородить путь нашей армии, но были разбиты в нескольких сражениях, и на седьмой день Цезарь достиг — от самого дальнего в Ближней Галлии города Окела — области воконтиев в Дальней Провинции. Оттуда он повел войско в страну аллоброгов, а от них к сегусиавам. Это — первое племя за Роданом вне Провинции.

11. Гельветы уже перевели свои силы через ущелье и область секванов, уже пришли в страну эдуев и начали опустошать их поля. Так как эдуи не были в состоянии защищать от них себя и свое имущество, то они отправили к Цезарю послов с просьбой о помощи: *эдуи, говорили послы, при каждом удобном случае оказывали римскому народу такие важные услуги, что не следовало бы допускать — почти что на глазах римского войска! — опустошения их полей, увода в рабство их детей, завоевания их городов.* Единновременно с эдуями их друзья и ближайшие родичи амбарры сообщили Цезарю, что их поля опустошены и им нелегко защищать свои города от нападений врагов. Также и аллоброги, имевшие за Роданом поселки и земельные участки, спаслись бегством к Цезарю и заявили, что у них не осталось ничего, кроме голой земли. Все это

⁷ Под Provincia разумеется Трансальпийская Галлия (название сохранилось во франц. — Provence).

привело Цезаря к решению не дожидаться, пока гельветы истребят все имущество союзников и дойдут до земли сантонов.

12. По земле эдуев и секванов протекает и впадает в Родан река Араp. Ее течение поразительно медленно, так что невозможно разглядеть, в каком направлении она течет. Гельветы переправлялись через нее на плотах и связанных попарно челноках. Как только Цезарь узнал от разведчиков, что гельветы перевели через эту реку уже три четверти своих сил, а около одной четверти осталось по сю сторону Араpа, он выступил из лагеря в третью стражу с тремя легионами и нагнал ту часть, которая еще не перешла через реку. Так как гельветы не были готовы к бою и не ожидали нападения, то он многих из «них положил на месте, остальные бросились бежать и укрылись в ближайших лесах. Этот паг назывался Тигуринским (надо сказать, что весь народ гельветский делится на четыре пага). Это и есть единственный паг⁸, который некогда на памяти отцов наших выступил из своей земли, убил консула Л. Кассия и его армию провел под ярмо⁹. Таким образом, произошло ли это случайно, или промыслом бессмертных богов, во всяком случае та часть гельветского племени, которая когда-то нанесла римскому народу крупные поражения, первая и поплатилась. Этим Цезарь отомстил не только за римское государство, но и за себя лично, так как в упомянутом сражении тигуринцы убили вместе с Кассием его легата Л. Писона, деда цезарева тестя Л. Писона.

13. Чтобы догнать после этого сражения остальные силы гельветов, Цезарь распорядился построить на Араpе мост и по нему перевел свое войско. Его внезапное приближение поразило гельветов, так как они увидели, что он в один день осуществил переправу, которая удалась им едва-едва в два-

⁸ Паг (pagus) — область, округ.

⁹ См. гл. 7.

дцать дней. Поэтому они отправили к нему послов. Во главе их был князь Дивикон, который когда-то был вождем гельветов в войне с Кассием. Он начал такую речь к Цезарю: *если римский народ желает мира с гельветами, то они пойдут туда и будут жить там, где он им укажет места для поселения; но если Цезарь намерен продолжать войну с ними, то пусть он вспомнит о прежнем поражении римлян и об унаследованной от предков храбрости гельветов. Если он неожиданно напал на один паг в то время, как переправлявшиеся не могли подать помощи своим, то пусть он не приписывает эту удачу главным образом своей доблести и к ним не относится свысока. От своих отцов и дедов они научились тому, чтобы в сражениях полагаться только на храбрость, а не прибегать к хитростям и засадам. Поэтому пусть он не доводит дела до того, чтобы то место, на котором они теперь стоят, получило название и известность от поражения римлян и уничтожения их армии.*

14. Цезарь дал им такой ответ: *он тем менее колеблется, что твердо держит в памяти то происшествие, на которое ссылались гельветские послы, и тем более им огорчен, чем менее оно было заслужено римским народом. Ведь если бы римляне признавали себя виновными в какой-либо несправедливости, то им нетрудно было бы остеречься; но они ошиблись именно потому, что их действия не давали им повода к опасениям, а бояться без причины они не находили нужным. Итак, если он даже и готов забыть о прежнем позоре, неужели он может изгладить из своей памяти недавнее правонарушение, именно что гельветы против его воли попытались силой пройти через Провинцию и причинили много беспокойства эдуям, амбаррам, аллоброгам? К тому же сводится их надменное хвастовство своей победой и удивление, что так долго остаются безнаказанными причиненные ими обиды. Но ведь бессмертные боги любят давать иногда тем, кого они желают покарать за преступления, большое благополучие и продолжительную безнаказанность, чтобы с переменной судьбы было*

тяжелее их горе. При всем том, однако, если они дадут ему заложников в удостоверение готовности исполнить свои обещания и если удовлетворят эдуев за обиды, причиненные им и их союзникам, а также аллоброгов, то он согласен на мир с ними. Дивикон отвечал: гельветы научились у своих предков брать заложников и не давать их: этому сам римский народ свидетель. С этим ответам он удалился.

15. На следующий день они снялись отсюда с лагеря. Цезарь сделал то же самое и для наблюдения над маршрутом неприятелей выслал вперед всю конницу, числом около четырех тысяч человек, которых он набрал во всей Провинции, а также у эдуев и их союзников. Всадники, увлекшись преследованием арьергарда, завязали на невыгодной позиции сражение с гельветской конницей, в котором потеряли несколько человек убитыми. Так как гельветы всего только с пятьюстами всадников отбросили такую многочисленную конницу, то это сражение подняло в них дух, и они стали по временам смелее давать отпор и беспокоить наших нападениями своего арьергарда. Но Цезарь удерживал своих солдат от сражения и пока ограничивался тем, что не давал врагу грабить и добывать фураж. И вот обе стороны двигались около пятнадцати дней так, что расстояние между неприятельским арьергардом и нашим авангардом было не больше пяти или шести миль.

16. Между тем Цезарь каждый день требовал от эдуев хлеба, официально ими обещанного. При упомянутом северном положении Галлии, вследствие холодного климата, не только еще не созрел хлеб на полях, но даже и фуража было недостаточно; а тем хлебом, который он подвез по реке Арару на судах, он почти не мог пользоваться, так как гельветы свернули в сторону от Арара, а он не хотел упускать их из виду. Эдуи оттягивали дело со дня на день, уверяя его, что хлеб собирается, свозится, уже готов. Цезарь понял, что его

уж очень долго обманывают; а между тем наступал срок распределения хлеба между солдатами. Тогда он созвал эдуйских князей, которых было много в его лагере. В числе их были, между прочим, Дивитиак и Лиск. Последний был в то время верховным правителем, который называется у эдуев вергобретом, избирается на год и имеет над своими согражданами право жизни и смерти. Цезарь предъявил им тяжкие обвинения в том, что когда хлеба нельзя ни купить, ни взять с полей, в такое тяжелое время, при такой близости врагов они ему не помогают, а между тем он решился на эту войну, главным образом, по их просьбе; но еще более он жаловался на то, что ему вообще изменили.

17. Только тогда, после речи Цезаря, Лиск высказал то, о чем раньше молчал. *Есть известные люди, говорил он, очень авторитетные и популярные у простого народа, личное влияние которых сильнее, чем у самих властей. Вот они-то своими мятежными и злостными речами и отпугивают народ от обязательной для него доставки хлеба: раз уж эдуи, говорят они, не могут стать во главе Галлии, то все же лучше покориться галлам, чем римлянам: ведь если римляне победят гельветов, то они, несомненно, поработят эдуев так же, как и остальных галлов. Те же агитаторы выдают врагам наши планы и все, что делается в лагере; обуздать их он, Лиск, не может. Мало того, он понимает, какой опасности он подверг себя вынужденным сообщением Цезарю того, что он обязан был сообщить; вот почему он, пока только можно было, молчал.*

18. Цезарь понимал, что Лиск намекает на Думнорига, брата Дивитиака¹⁰, но не желая дальнейших рассуждений об этом в присутствии большого количества свидетелей, он немедленно распустил собрание и удержал при себе только Лиска. Его он стал расспрашивать наедине по поводу

¹⁰ См. гл. 3.

сказанного в собрании. Тот говорит откровеннее и смелее. О том же Цезарь спросил с глазу на глаз и у других и убедился в истине слов Лиска: это и есть Думнориг, говорят они, человек очень смелый, благодаря своей щедрости весьма популярный в народе и очень склонный к перевороту. Много лет подряд у него были на откуп пошлыны и все остальные государственные доходы эдуюв за ничтожную цену, так как на торгах никто в его присутствии не осмеливается предлагать больше, чем он. Этим он и сам лично обогатился и приобрел большие средства для своих щедрых раздач. Он постоянно содержит на свой собственный счет и имеет при себе большую конницу и весьма влиятелен не только у себя на родине, но и у соседних племен. Кроме того, для укрепления своего могущества он отдал свою мать замуж за очень сильного князя битуригов, сам взял себе жену из племени гелльветов, сестру по матери и других родственниц выдал замуж в другие общины. Благодаря этому свойству он очень расположен к гелльветам, а к Цезарю и к римлянам питает, помимо всего прочего, личную ненависть, так как их приход ослабил его могущество и возвратил прежнее влияние и сан брату его Дивитиаку. Если римлян постигнет несчастье, то это даст ему самые верные гарантии при поддержке гелльветов овладеть царской властью; но если утвердится римская власть, то ему придется оставить всякую надежду не только на царство, но даже на сохранение того влияния, которым он теперь пользуется. В своих расспросах Цезарь узнал также и о том, что в неудачном конном сражении, бывшем несколько дней тому назад, первыми побежали Думнориг и его всадники (Думнориг был как раз командиром вспомогательного конного отряда, присланного эдуюми Цезарю), а их бегство вызвало панику и в остальной коннице.

19. Эти сообщения давали Цезарю достаточное основание покарать его или самолично, или судом его сограждан, так как к указанным подозрениям присоединялись вполне определенные факты, именно, что он перевел гелльветов через

страну секванов, устроил между ними обмен заложниками, что он все это сделал не только против воли Цезаря и своего племени, но даже без их ведома и что, наконец, в этом его обвиняет представитель высшей власти у эдуев. Но было одно серьезное препятствие. Цезарь знал, что брат Думнорига Дивитиак отличается великой преданностью римскому народу и расположением лично к нему и что это — человек в высшей степени верный, справедливый и разумный: его-то и боялся Цезарь обидеть казнью Думнорига. Поэтому, прежде чем принять какие-либо меры, он приказал позвать к себе Дивитиака, удалил обычных переводчиков и повел с ним беседу при посредстве своего друга Г. Валерия Троукилла, видного человека из Провинции Галлии, к которому питал полное доверие. Цезарь, между прочим, напомнил о том, что на собрании галлов в его присутствии было сказано о Думнориге; затем сообщил ему о том, что сказали ему другие, каждый в отдельности, в разговоре с глазу на глаз. При этом он убедительно просил Дивитиака не считать себя оскорбленным, если он сам по расследовании дела поставит приговор о Думнориге или предложит это сделать общине эдуев.

20. Дивитиак, обливаясь слезами, обнял [колена] Цезаря и начал умолять его не принимать слишком суровых мер против его брата: *он знает, что все это правда, и никто этим так не огорчен, как он: ведь его брат возвысился только благодаря ему в то время, когда он сам пользовался большим влиянием у себя на родине и в остальной Галлии, а тот по своей молодости не имел почти никакого значения. Но все свои средства и силы брат употребляет не только для уменьшения его влияния, но, можно сказать, для его гибели. И все-таки помимо своей любви к брату, ему приходится считаться и с общественным мнением. Если Цезарь слишком сурово накажет Думнорига, то все будут уверены, что это произошло не без согласия Дивитиака, который состоит в числе самых близких его друзей; а в результате от него отвернется*

вся Галлия. В ответ на эту красноречивую просьбу, сопровождаемую обильными слезами, Цезарь взял его за руку, утешил и просил прекратить свое ходатайство, уверяя Дивитиака, что он так им дорожит, что во внимание к его желанию и просьбе готов простить Думноригу измену римскому народу и свое личное оскорбление. Затем он зовет к себе Думнорига и в присутствии брата ставит ему на вид все, что он в нем порицает, все, что замечает за ним сам и на что жалуются его сограждане; на будущее время советует избегать всяких поводов к подозрению, а прошлое извиняет ради его брата Дивитиака. К Думноригу он приставил стражу, чтобы знать все, что он делает и с кем разговаривает.

21. В тот же день, узнав от разведчиков, что враги остановились у подошвы горы в восьми милях от его лагеря, он послал на разведки, какова эта гора и каков подъем на нее с разных сторон. Ему сообщили, что легкий. Тогда он приказал легату с правами претора Т. Лабизну¹¹ подняться в третью стражу на самую вершину горы с двумя легионами и с такими проводниками, которые хорошо знают путь; вместе с тем он познакомил его со своим общим планом действия. А сам в четвертую стражу двинулся на врагов тем же путем, каким они шли, и выслал вперед себя всю конницу. Вместе с разведчиками был послан вперед П. Консидий, который считался знатоком военного дела и в свое время служил в войске Л. Суллы¹², а впоследствии у М. Красса¹³.

22. На рассвете Лабизн уже занял вершину горы, а сам Цезарь был от неприятельского лагеря не более как в полутора милях; причем враги, как он потом узнал от пленных,

¹¹ Таким образом, Лабизн в отсутствие Цезаря был его заместителем и вообще главным его помощником.

¹² Сулла умер в 78 году до н. э.

¹³ Красс погиб в сражении с парфянами в 53 году до н. э.

пока еще не знали ни о его приходе, ни о приходе Лабиэна. В это время во весь опор прискакал Консидий с известием, что гора, которую он поручил занять Лабиэну, находится в руках врагов: это он будто бы узнал по галльскому оружию и украшениям. Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выстроил их в боевом порядке. Лабиэн помнил приказ Цезаря не начинать сражения, пока не увидит его собственного войска вблизи неприятельского лагеря, чтобы атаковать врага единовременно со всех сторон, и потому, по занятии горы, поджидал наших и воздерживался от боя. Уже среди белого дня Цезарь узнал от разведчиков, что гора занята римлянами и что гельветы снялись с лагеря, а Консидий со страха сообщил, будто бы видел то, чего на самом деле не видал. В этот день Цезарь пошел за врагами в обычном от них расстоянии и разбил свой лагерь в трех милях от их лагеря.

23. До распределения между солдатами хлеба оставалось только два дня, и так как Цезарь находился не более чем в восемнадцати милях от самого большого у эдуев и богатого провиантом города Бибракте, то он счел нужным позаботиться о продовольственном деле и на следующий день свернул в сторону от гельветов, направившись к Бибракте. Об этом было сообщено неприятелям через беглых рабов декуриона галльской конницы Л. Эмилия. Может быть гельветы вообразили, что римляне уходят от них из страха, тем более что накануне, несмотря на захват возвышенностей, они не завязали сражения; но может быть, у них появилась уверенность, что римлян можно отрезать от хлеба. Во всяком случае, они изменили свой план, повернули назад и начали насаждать на наш арьергард и беспокоить его.

24. Заметив это, Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выслал конницу, чтобы сдерживать нападения врагов. Тем временем сам он построил в три линии на середине склона свои четыре старых легиона, а на вершине холма поставил

два легиона, недавно набранные им в Ближней Галлии, а также все вспомогательные отряды, заняв, таким образом, всю гору людьми, а багаж он приказал снести тем временем в одно место и прикрыть его полевыми укреплениями, которые должны были построить войска, стоявшие наверху. Последовавшие за ним вместе со своими телегами гельветы также направили свой обоз в одно место, а сами отбросили атакой своих тесно сомкнутых рядов нашу конницу и, построившись фалангой, пошли в гору на нашу первую линию.

25. Цезарь приказал прежде всего увести своего коня, а затем и лошадей всех остальных командиров, чтобы при одинаковой для всех опасности отрезать всякие надежды на бегство; ободрив после этого солдат, он начал сражение. Так как солдаты пускали свои тяжелые копья сверху, то они без труда пробili неприятельскую фалангу, а затем обнажили мечи и бросились в атаку. Большой помехой в бою для галлов было то, что римские копья иногда одним ударом пробивали несколько щитов сразу и таким образом пригвождали их друг к другу, а когда острое загибалось, то его нельзя было вытащить, и бойцы не могли с удобством сражаться, так как движения левой рукой были затруднены; в конце концов многие, долго тряся рукой, предпочитали бросать щит и сражаться, имея все тело открытым. Сильно израненные, они, наконец, начали подаваться и отходить на ближайшую гору, которая была от них на расстоянии около одной мили, и ее заняли. Когда к ней стали подступать наши, то бои и туплинги, замыкавшие и прикрывавшие в количестве около пятнадцати тысяч человек неприятельский аррьергард, тут же на походе зашли нашим в незащищенный фланг и напали на них. Когда это заметили те гельветы, которые уже отступили на гору, то они стали снова насаждать на наших и пытаться возобновить бой. Римляне сделали поворот и пошли на них в два фронта: первая и вторая линии обратились против по-

бежденных и отброшенных гельветов, а третья стала задерживать только что напавших тулингов и боев.

26. Таким образом долго и горячо сражались на два фронта. Но когда, наконец, враги оказались не в состоянии выдерживать наши атаки, то одни из них отступили на гору, как это было и сначала, а другие обратились к своему обозу и повозкам: в продолжение всего этого сражения, хотя оно шло от седьмого часа до вечера, никто из врагов не показал нам тыла. До глубокой ночи шел бой также и у обоза, так как галлы выставили наподобие вала телеги и с них отвечали на наши атаки обстрелом, причем некоторые из них, расположившись между повозками и телегами, бросали оттуда свои легкие копья и ранили наших. Но после долгого сражения наши овладели и обозом, и лагерем. Тут были взяты в плен дочь и один из сыновей Ортеторига. От этого сражения уцелело около ста тридцати тысяч человек, и они шли всю ночь без перерыва; нигде не останавливаясь ни днем, ни ночью, они на четвертый день дошли до области лингонов, так как наши были целых три дня заняты ранеными и погребением убитых и потому не могли их преследовать. Цезарь отправил к лингонам гонцов с письменным приказом не помогать гельветам ни хлебом, ни чем-либо иным: тех, кто окажет помощь, он будет рассматривать как врагов наравне с гельветами. Затем сам он по истечении трех дней двинулся со всем своим войском в погоню за ними.

27. Доведенные таким образом до полной крайности, гельветы отправили к Цезарю послов с предложением сдачи. Они встретились с ним на походе, бросились к его ногам и со слезами покорно молили о мире. Он приказал им ждать его прихода на том месте, где они теперь находятся. Они повиновались. Прибыв туда, Цезарь, потребовал от них заложников, а также выдачи оружия и перебежавших к ним рабов. Пока все это разыскивали и собирали в одно место, наступила

ночь, и около шести тысяч человек из так называемого Вербигенского пага в самом же начале ночи оставили гельветский лагерь и направились к Рейну и в страну германцев, может быть, из страха, что по выдаче оружия их перебьют, а может быть, в надежде на спасение, так как при очень большой массе сдававшихся их бегство могло бы быть скрыто или даже совсем остаться незамеченным.

28. Как только Цезарь узнал об этом, он приказал тем племенам, через страну которых они шли, разыскать их и вернуть назад, если они желают перед ним оправдаться. С возвращенными он поступил как с врагами, а сдачу всех остальных принял по выдаче заложников, оружия и перебежчиков. Гельветам, тулингам и латовикам он велел вернуться на их покинутую родину, а так как по уничтожении всего урожая им дома нечего было есть, то приказал аллоброгам дать им нужный запас, провианта; сожженные ими города и села они должны были отстроить сами. Это он сделал главным образом из нежелания, чтобы покинутая гельветами страна оставалась пустой: иначе вследствие доброкачественности почвы могли бы переселиться в страну гельветов зарейнские германцы и, таким образом, сделались бы соседями Галльской Провинции и аллоброгов. На просьбу эдуев поселить в их стране известных своей выдающейся храбростью боев он изъявил согласие. Они отвели им землю и впоследствии приняли их в свою общину, дав им те же права и свободу, какими пользовались сами.

29. В лагере гельветов были найдены и доставлены Цезарю списки, написанные греческими буквами. В них были поименно подсчитаны все вообще выселившиеся, и отдельно указано число способных носить оружие, а также детей, стариков и женщин. В итоге оказалось: гельветов двести шестьдесят три тысячи, тулингов тридцать шесть тысяч, латовиков четырнадцать тысяч, рауриков двадцать три тысячи, боев тридцать две тысячи; из них около девяноста двух тысяч спо-

собных носить оружие. А в общем итоге — триста шестьдесят восемь тысяч. Число вернувшихся домой, по переписи, произведенной по приказу Цезаря, оказалось сто десять тысяч.

30. По окончании войны с гельветами к Цезарю явились с поздравлениями, в качестве представителей почти всей Галлии, князья общин. *Хотя он, говорили они, войной покарал гельветов за старые обиды, причиненные ими римскому народу, но они понимают, что такой исход столько же полезен для галльской земли, сколько для римского народа, так как гельветы, жившие у себя на родине в полном благополучии, покинули ее только с тем намерением, чтобы открыть войну против всей Галлии и подчинить ее своей власти, а затем из многих доставшихся им галльских областей выбрать себе для жительства самую удобную и плодородную и все остальные племена сделать своими данниками.* Вместе с тем они просили у Цезаря разрешения и согласия на созыв к определенному дню представителей всей Галлии: *по некоторым вопросам они желали бы, согласно с общим решением этого собрания, обратиться к нему с просьбой.* Получив это позволение, они установили день для собрания и обязались взаимной клятвой, что никто, за исключением лиц, на то официально уполномоченных, не будет разглашать постановлений собрания.

31. Когда это собрание разошлось, то те же князья общин, которые перед этим были у Цезаря, вернулись к нему и попросили у него позволения переговорить с ним о существенных интересах не только своих личных, но и всей Галлии. Получив это разрешение, они все со слезами бросились перед Цезарем на колени и сказали, что они столь же настойчиво стремятся к сохранению в тайне своих сообщений, как к исполнению своих желаний, потому что в случае разглашения тайны им, несомненно, предстоит мучительнейшая смерть. Тогда от лица их взял слово эдуй Дивитиак. *Вся Галлия, говорил он, распадается на две партии: во главе одной стоят*

эдуи, во главе другой — арверны. Они много лет вели друг с другом ожесточенную борьбу за господство, и дело кончилось тем, что арверны и секваны наняли на свою службу германцев. Последние перешли через Рейн сначала в количестве около пятнадцати тысяч человек; но когда этим грубым варварам полюбили галльские поля, образ жизни и благосостояние, их перешло еще больше; и теперь в Галлии их уже около ста двадцати тысяч человек. Эдуи и их клиенты неоднократно вели с ними вооруженную борьбу, но в конце концов потерпели тяжкое поражение и лишились всей знати, всего сената и всей конницы. Эдуи, когда-то самые могущественные во всей Галлии благодаря своей храбрости, а также узам гостеприимства и дружбы с римским народом, были сломлены этими роковыми сражениями и вынуждены были дать в заложники секванам своих знатнейших граждан, а кроме того, обязать свою общину клятвой — никогда не требовать назад заложников, не молить римский народ о помощи и не отказывать в полном и неизменном повиновении их неограниченной власти. Он, Дивитиак, оказался единственным человеком во всей общине эдуев, которого не удалось принудить ни к этой клятве, ни к выдаче детей своих в заложники. Поэтому он бежал из своей общины и прибыл в Рим просить сенат о помощи, так как он один не связан ни клятвой, ни заложниками. Впрочем, с победителями секванами случилось нечто худшее, чем с побежденными эдуями: в их стране утвердился германский царь Ариовист¹⁴, занял треть земли секванов, самой лучшей во всей Галлии, и теперь приказывает секванам очистить еще одну треть, так как несколько месяцев тому назад к нему прибыло двадцать четыре тысячи гарудов, которым должна быть предоставлена земля для поселения. Дело кончится тем, что через немного лет все галлы будут выгнаны из своей страны и все германцы перейдут через Рейн, ибо нельзя и

¹⁴ В консульство Цезаря (58 год до н. э.) Ариовист получил титул царя и друга римского народа.

сравнивать галльскую землю с германской, равно как и галльский образ жизни с германским. Ариовист со времени своей победы над галльскими войсками при Магетобриге властвует высокомерно и жестоко, он требует в заложники детей самых знатных граждан и подвергает их для примера жесточайшим наказаниям, если что-либо делается не по его мановению и воле. Это — человек дикий, вспыльчивый и вздорный: его деспотизма они выносить дальше не могут. Если они не найдут помощи у Цезаря или у римского народа, то всем галлам придется последовать примеру гельветов, именно покинуть родной дом, искать себе другой земли, другого местожительства подальше от германцев и испытать все, что выпадет на их долю. Если все это будет сообщено Ариовисту, то он, несомненно, подвергнет жесточайшей казни всех находящихся у него заложников. Только Цезарь своим личным авторитетом, внушительным войском, недавней победой и самим именем римского народа может остановить германцев от переселения в еще большем количестве за Рейн и защитить всю Галлию от обид со стороны Ариовиста.

32. После этой речи Дивитиака все присутствующие с громким плачем стали просить Цезаря о помощи. Цезарь заметил, что только секваны не делают того, что другие, но с опущенной головой печально смотрят в землю. Он с удивлением спросил их о причине такого поведения. Секваны ничего не отвечали, но продолжали молчать и оставались печальными, как прежде. Он несколько раз повторил свой вопрос, но так и не добился от них ни звука. Тогда тот же эдуй Дивитиак ответил: *судьба секванов тем печальнее и тяжелее положения остальных галлов, что они даже тайно не смеют жаловаться и молить о помощи: Ариовист страшен для них своей жестокостью даже заочно, как если бы он сам был перед ними. Ведь все остальные имеют возможность хоть бежать, секванам же придется претерпеть всякие мучения, так как они приняли Ариовиста в свою страну и все их города находятся в его власти.*

33. После этих сообщений Цезарь ободрил галлов и обещал позаботиться об этом деле: *он питает, говорил он, большие надежды на то, что Ариовист благодаря услугам и авторитету его, Цезаря, прекратит свои обиды.* С этими словами он распустил собрание. Но и помимо того, многие другие соображения побуждали его подумать об этом деле и взять его на себя: прежде всего, он видел, что эдуи, которые неоднократно получали от нашего сената титул единокровных братьев римского народа, состоят в рабстве и в полном подчинении у германцев и их заложники находятся в руках Ариовиста и секванов; а это, при величии власти римского народа, он считал величайшим позором для себя и для государства. Далее он понимал, что для римского народа представляет большую опасность развивающаяся у германцев привычка переходить через Рейн и массами селиться в Галлии: понятно, что эти дикие варвары после захвата всей Галлии не удержатся — по примеру кимбров и тевтонов — от перехода в Провинцию и оттуда в Италию, тем более, что секванов отделяет от нашей Провинции только река Родан. Все это, по мнению Цезаря, необходимо было как можно скорее предупредить. Но и сам Ариовист успел проникнуться таким высокомерием и наглостью, что долее терпеть такое его поведение не представлялось возможным.

34. Поэтому Цезарь решил отправить к Ариовисту послов с требованием выбрать какое-либо место, одинаково от них обоих удаленное, для переговоров, которые он желает вести с ним о делах государственных и по вопросам, очень важным для них обоих лично. Этому посольству Ариовист ответил: *если бы ему самому был нужен Цезарь, то он к нему и явился бы, а если Цезарю что-либо от него угодно, то он должен придти к нему.* Кроме того, он не решился бы явиться без войска в те части Галлии, которыми владеет Цезарь, да и войско он не может стянуть в одно место без провианта и без сложных приготовлений.

Ему только удивительно, какое дело Цезарю и вообще римскому народу до его Галлии, которую он победил войной.

35. Когда этот ответ был сообщен Цезарю, то он снова отправляет к Ариовисту послов со следующим поручением: *за великую милость со стороны его, Цезаря, и римского народа, именно за то, что в его консульство сенат признал его царем и союзником, — чем Ариовист отблагодарил теперь его и римский народ — отказом от приглашения явиться для переговоров и нежеланием высказаться по вопросам, общим для них, и даже познакомиться с ними! Поэтому Цезарь предъявляет ему следующие требования: во-первых, он не должен производить никаких дальнейших массовых переселений через Рейн в Галлию; далее он должен возвратить эдуям их заложников, а секванам разрешить вернуть — с его соизволения — эдуям имеющихся от них заложников; не беспокоить эдуев какими-либо враждебными действиями и не идти войной на них и их союзников. Если Ариовист удовлетворит эти требования, то у него навсегда сохранятся добрые отношения и дружба с Цезарем и с народом римским; но если Цезарь не получит удовлетворения, то он не сочтет себя вправе закрывать глаза на обиды, чинимые эдуям, так как в консульство М. Мессалы и М. Писона сенат постановил, что каждый наместник Провинции Галлии обязан защищать эдуев и остальных друзей римского народа соответственно интересам республики.*

36. На это Ариовист отвечал: *право войны позволяет победителям распоряжаться с побежденными, как им угодно; так и римский народ привык распоряжаться с побежденными не по чужому предписанию, но по собственному усмотрению. Если сам он не предписывает римскому народу способов осуществления его права, то и римский народ не должен мешать ему пользоваться своим законным правом. Эдуи сделались его данниками потому, что они решили испытать военное счастье, вступили в бой и были побеждены. Цезарь совершает большую несправедливость, уменьшая своим прибытием его доходы. Эдуям он заложников не*

возвратит, но не намерен без законного основания открывать войну ни против них, ни против их союзников, если они будут оставаться верными условиям договора и ежегодно платить дань; в противном случае им нисколько не поможет титул братьев римского народа. Правда, Цезарь заявляет ему, что не будет закрывать глаза на обиды, чинимые эдуям, но для всех, кто до сих пор вступал с ним, Ариовистом, в борьбу, эта борьба была гибельной. Пусть Цезарь идет, когда хочет: он тогда убедится, что значит храбрость непобедимых германцев, этих очень опытных воинов, которые за последние четырнадцать лет совсем не бывали под кровлей дома.

37. Как раз в то же самое время, когда Цезарь получил этот ответ, пришли послы от эдуев и от треверов, — эдуи с жалобой на то, что переведенные недавно в Галлию гаруды опустошают их землю: хотя они дали Ариовисту заложников, но даже и этим не могли купить у него мира; а треверы жаловались, что сто свебских пагов расположились на берегу Рейна с намерением перейти через него: во главе их стоят братья Насуя и Кимберий. Эти сообщения очень встревожили Цезаря, и он счел нужным немедленно принять необходимые меры: иначе эти новые полчища свебов могут соединиться со старыми войсками Ариовиста и дать им отпор будет уже нелегко. Поэтому он со всей поспешностью обеспечил себя продовольствием и ускоренным маршем двинулся на Ариовиста.

38. После трехдневного марша его известили о том, что Ариовист со всеми своими силами направляется для захвата главного города секванов — Весонтиона — и уже отошел на три дневных перехода от границ своей страны. Занятие этого города Цезарь считал нужным всячески предупредить. Именно здесь легко можно было найти много всяких военных запасов, и уже по самому характеру местности город был так защищен, что открывал полную возможность затянуть войну.

Действительно, он почти весь опоясан, точно по циркулю, рекой Дубисом; единственный доступ к нему — не более тысячи шестисот футов шириной, — который река оставляет открытым, занят высокой горой, причем ее подошва с обеих сторон подходит к берегам реки. Окружающая эту гору стена делает из нее крепость и соединяет ее с городом. Цезарь двинулся сюда ускоренным маршем, не прекращая его ни днем, ни ночью и, заняв город, поставил в нем гарнизон.

39. В то время как Цезарь задержался на несколько дней под Весонтионом для урегулирования продовольствия и подвоза, наши расспрашивали о германцах галлов и купцов. Последние заявляли, что германцы отличаются огромным ростом, изумительной храбростью и опытностью в употреблении оружия: в частых сражениях с ними галлы не могли выносить даже выражения их лица и острого взора. Вследствие этих рассказов всем войском вдруг овладела такая робость, которая немало смутила все умы и сердца. Страх обнаружился сначала у военных трибунов, начальников отрядов¹⁵ и других, которые не имели большого опыта в военном деле и последовали из Рима за Цезарем только ради дружбы с ним¹⁶. Последние под разными предлогами стали просить у него позволения уехать в отпуск по неотложным делам; лишь некоторые оставались из стыда, не желая навлечь на себя подозрение в трусости. Но они не могли изменить выражение лица, а подчас и удержаться от слез: забываясь в свои палатки, они либо в одиночестве жаловались на свою судьбу, либо скорбели с друзьями об общей опасности. Везде во всем лагере составлялись завещания. Трусливые

¹⁵ Употребленное в подлиннике *praefecti* вызывало разные толкования: одни разумели под этим молодых командиров вспомогательных отрядов, другие — командиров небольших конных частей.

¹⁶ Имеются в виду так называемые *contubernales*.

возгласы молодежи стали мало-помалу производить сильное впечатление даже на очень опытных в лагерной службе людей: на солдат, центурионов, начальников конницы. Те из них, которые хотели казаться менее трусливыми, говорили, что они боятся не врага, но трудных перевалов и обширных лесов, отделяющих римлян от Ариовиста, и что опасаются также за правильность подвоза провианта. Некоторые даже заявили Цезарю, что солдаты не послушаются его приказа сняться с лагеря и двинуться на врага и из страха не двинутся.

40. Заметив все это, Цезарь созвал военный совет, на который пригласил также центурионов всех рангов, и в гневных выражениях высказал порицание прежде всего за то, что они думают, будто их дело — спрашивать и раздумывать, куда и с какой целью их ведут. *В его консульство Ариовист усердно домогался дружбы римского народа: откуда же можно заключить, что он теперь без всяких оснований откажется от своих обязательств? Он по крайней мере держится того убеждения, что как только Ариовист познакомится с его требованиями и удостоверится в их справедливости, он не станет отталкивать от себя расположения его, Цезаря, и римского народа. Но если даже под влиянием бешенства и безумия он действительно начнет войну, так чего же они в конце концов боятся? И зачем они отчаиваются в своей собственной храбрости и в осмотрительности своего полководца? Ведь с этим врагом померились на памяти наших отцов, когда Г. Марий разбил кимбров и тевтонов¹⁷ и войско явно заслужило не меньшую славу, чем сам полководец: померились недавно и в Италии во время восстания рабов¹⁸, когда ему все-таки некоторую пользу принес полученный от нас опыт и дисциплина.*

¹⁷ В 101 году до н. э.

¹⁸ Крупнейшее в истории античного мира восстание рабов под руководством фракийца Спартака, предводителя рабов, происходило в 73—71 годах до н. э.

В конце концов они одолели врага, несмотря на его вооружение и победы, хотя перед этим некоторое время без всякого основания боялись его, даже пока он был плохо вооружен. По этому можно судить, сколько выгоды заключает в себе стойкость. Наконец, это все тот же враг, над которым часто одерживали победы гелльветы, и притом не только на своей, но по большей части на его земле, а ведь гелльветы никогда не могли устоять против нашего войска. Но если некоторых смущает неудачное сражение и бегство галлов, то, разобрав дело, они поймут, что галлы были утомлены продолжительной войной. Ариовист же много месяцев подряд не выходил из своего лагеря и из болот и не давал случая сразиться с ним; они уже потеряли всякую надежду на сражение и рассеялись, когда он внезапно напал на них и одержал победу не столько храбростью, сколько хитрым расчетом. Но если расчет этот был уместен в борьбе с неопытными варварами, то и сам Ариовист не надеется провести им наше войско. А те, которые прикрывают свой страх лицемерной тревогой за продовольствие или ссылкой на трудные перевалы, те позволяют себе большую дерзость, отчаиваясь в верности полководца своему долгу и осмеливаясь давать ему предписания. Это его дело. Хлеб ему доставляют секваны, леуки и лингоны, и он на полях уже созрел; а о состоянии путей они скоро сами получают представление. А что будто бы его не послушаются и на неприятеля не пойдут, то эти разговоры его нисколько не волнуют: он знает, что те, кого не слушалось войско, не умели вести дело, и им изменяло счастье; или же это были люди, известные своей порочностью и явно изобличенные в корыстолюбии; но его собственное бескорыстие засвидетельствовано всей его жизнью, а его счастье — войной с гелльветами. Поэтому то, что он предполагал отложить на более отдаленный срок, он намерен осуществить теперь, и в ближайшую же ночь, в четвертую стражу, снимется с лагеря, чтобы как можно скорее убедиться в том, что в них сильнее: чувство чести и долга или трусость. Если за ним вообще никто не пойдет, то

он выступит хотя бы с одним 10-м легионом: в нем он уверен, и это будет его преторской когортой¹⁹. Надо сказать, что этому легиону Цезарь всегда давал особые льготы и благодаря его храбрости очень на него полагался.

41. Эта речь вызвала удивительную перемену в настроении всего войска и пробудила весьма большую бодрость и боевой пыл. Прежде всего 10-й легион принес ему через военных трибунов благодарность за очень лестный отзыв и уверил в своей готовности к бою. Затем и остальные легионы просили своих военных трибунов и центурионов первых рангов оправдаться от их лица перед Цезарем и указать, что у них никогда не было ни колебаний, ни страха, но они всегда думали, что высшее руководство войной принадлежит не им, а полководцу. Приняв это оправдание, Цезарь поручил Дивитиаку, которому доверял более, чем кому-либо другому, обследовать, путь, с тем чтобы можно было вести войско по открытой местности, но с обходом в пятьдесят с лишком миль. После этого он, как и сказал раньше, выступил в четвертую стражу. На седьмой день безостановочного марша он получил известие от разведчиков, что войска Ариовиста находятся от нас в двадцати четырех милях.

42. Узнав о приближении Цезаря, Ариовист отправил к нему послов со следующим объяснением: *что касается заявленного раньше Цезарем требования по поводу переговоров, то теперь он ничего не имеет против его исполнения, так как Цезарь подошел ближе, и он думает, что он может сделать это безопасно.* Цезарь не отверг этого предложения и уже думал, что Ариовист готов образумиться, так как теперь он сам обещает то, в чем раньше отказывал, вопреки просьбе Цезаря; он начал даже питать большие надежды на то, что во внимание к великим милостям, полученным от него и от римского народа,

¹⁹ То есть его лейб-гвардией.

Ариовист оставит свое упорство, как скоро познакомится с его требованиями. Переговоры были назначены на пятый день. А тем временем обе стороны часто отправляли друг к другу послов; при этом Ариовист требовал, чтобы Цезарь отнюдь не брал с собой на эти переговоры пехотинцев: *он боится, что Цезарь может коварно заманить его в ловушку; оба они должны явиться только в сопровождении конницы — иначе он не явится.* Так как Цезарь не желал, чтобы под каким бы то ни было предлогом переговоры не состоялись, и вместе с тем не решился доверить жизнь свою галльской коннице, то он признал наиболее целесообразным спешить всю галльскую конницу и на ее коней посадить своих легионеров 10-го легиона, на который он, безусловно, полагался, чтобы в случае надобности иметь при себе самую преданную охрану. По этому поводу один солдат 10-го легиона не без остроумия заметил: *Цезарь делает больше, чем обещал: он обещал сделать 10-й легион своей преторской когортой, а теперь зачисляет его во всадники*²⁰.

43. Была большая равнина и на ней довольно высокий земляной холм. Это место находилось почти на одинаковом расстоянии от лагерей Цезаря и Ариовиста. Сюда они и явились для переговоров, как условились раньше. Легиону, посаженному на коней, Цезарь приказал остановиться в двухстах шагах от холма. На таком же расстоянии остановились и всадники Ариовиста. Ариовист потребовал, чтобы оба они беседовали верхом и чтобы каждый взял с собой на переговоры еще по десять человек. Когда, наконец, они друг с другом встретились, Цезарь в начале своей речи упомянул о милостях, оказанных Ариовисту им и сенатом. Он указывал, что *Ариовист получил от нашего сената титул царя и друга и*

²⁰ Шутка: сделавшись временно кавалеристами (équités), легионеры 10-го легиона, конечно, не становились еще членами сословия «всадников» (équités Romani).

что ему посылались самые почетные дары; это отличие, говорил он, лишь немногим доставалось на долю и обыкновенно дается в награду только за большие заслуги²¹. Хотя Ариовист не имел ни повода, ни законного основания для подобных притязаний, однако он получил такое отличие только благодаря милости и щедрости Цезаря и сената. Цезарь ссылался и на то, как давно и как законно существует близкая связь у римлян с эдуями, как часто в самых лестных выражениях составлялись постановления сената по отношению к эдуям; как эдуи еще до заключения с нами дружественного союза всегда занимали первое место во всей Галлии. Римский народ привык заботиться о том, чтобы его союзники и друзья не только не теряли ничего своего, но чтобы, наоборот, усиливались в своем влиянии, видном положении и почете: кто мог бы потерпеть, чтобы у них было отнято то, чем они владели к моменту заключения дружественного союза с римским народом? Наконец, Цезарь повторил те требования, которые он заявлял раньше через послов: Ариовист не должен идти войной ни на эдуев, ни на их союзников и обязан вернуть заложников; если он не может хоть некоторую часть германцев отправить обратно на родину, то пусть он, по крайней мере, не допускает их дальнейшего перехода через Рейн.

44. На требования Цезаря Ариовист дал короткий ответ, но зато подробно распространялся о своих достоинствах: он перешел через Рейн не по своему побуждению, но по просьбе и приглашению галлов; не без больших надежд и расчета на важные выгоды он оставил родину и близких; места для жительства в Галлии уступлены ему самими галлами, заложники даны по их доброй воле; дань он берет по праву войны, именно ту, которую победители обыкновенно налагают на побежденных. Не он начал войну с галлами, а галлы с ним: все галльские общины выступили против него и стали лагерем; но все эти силы были им разбиты и

²¹ См. гл. 33.

побеждены в одном сражении. Если они снова хотят с ним померяться, то и он снова готов сразиться; если же хотят иметь мир, то несправедливо отказывать в дани, которую они до сих пор платили добровольно. Дружба римского народа должна служить ему украшением и защитой, а не приносить вред: с этим расчетом он и искал ее. Если по милости римского народа дань будет сложена, а сдавшиеся будут у него отобраны, то он откажется от дружбы с римским народом столь же охотно, как искал ее. Что он переводит в Галлию массу германцев, это он делает для своей безопасности, а не для завоевания Галлии: доказательством служит то, что он пришел сюда по просьбе галлов и вел войну не наступательную, но оборонительную. Он пришел в Галлию раньше, чем римский народ. До сего времени войско римского народа ни разу не выходило за пределы Провинции Галлии. Что Цезарю нужно? Зачем он вступает в его владения? Эта Галлия — его провинция, как та — римская. Как ему самому не следовало бы позволять вторгаться в наши земли, так и с нашей стороны несправедливо вмешиваться в его права. Цезарь говорит, что сенат назвал эдуюв братьями; но он не до такой степени груб и невежествен, чтобы не знать того, что ни в последнюю войну с аллоброгами²² эдуи не помогли римлянам, ни сами в борьбе с ним и с секванами не пользовались помощью римского народа. Ему приходится догадываться, что дружба с эдуями — простой предлог и что войско, которое Цезарь держит в Галлии, он держит для уничтожения Ариовиста. Если Цезарь не уйдет и не выведет отсюда своего войска, то он будет считать его не другом, а врагом; и если его убьет, то этим доставит большое удовольствие многим знатым и видными римлянам: это ему известно от их собственных гонцов, и его смертью он мог бы купить расположение и дружбу всех их. Но если Цезарь уйдет и предоставит ему беспрепятственное обладание Галлией, то он оплатит ему

²² В 62—61 годах до н. э. См. гл. 6.

большими услугами и все войны, какие Цезарь пожелает вести, доведет до конца без всяких хлопот и риска для Цезаря.

45. Цезарем много было сказано о том, почему он не может отказаться от этого дела: ни его личная политика, ни политика римского народа не позволяют покидать заслуженных союзников; далее он не признает за Ариовистом больше прав на Галлию, чем за римским народом. Кв. Фабий Максим победил арвернов и рутенов²³, однако, римский народ простил их, не обратил их страны в свою провинцию и не обложил данью. Если считаться с давностью, то власть римского народа над Галлией более законна, чем какая бы то ни было другая; а если усвоить себе точку зрения римского сената, то Галлия должна быть свободной, так как, несмотря на победу над ней, он оставил за ней самоуправление.

46. В этот момент беседы Цезарю дали знать, что всадники Ариовиста приближаются к холму, насакивают на наших и пускают в них камни и копья. Цезарь прекратил переговоры, отступил к своим и отдал им строжайший приказ не отвечать на неприятельские выстрелы. Хотя он видел, что сражение с конницей отнюдь не опасно для отборного легиона, но считал недопустимым, чтобы после поражения врагов могли говорить, что он во время переговоров напал на них вероломно. В солдатской среде скоро стало известно, с какой наглостью Ариовист отказывал римлянам в каких бы то ни было правах на Галлию, как его всадники напали на наших и как этим переговоры были прерваны. Все это подняло в войске бодрость и боевой пыл.

47. На другой день Ариовист отправил к Цезарю послов с заявлением, что он желает продолжать начатые, но еще неоконченные переговоры: пусть Цезарь снова назначит для них день, или, если он этого не желает, пусть пришлет послом кого-либо из

²³ В 121 году до н. э.

своих приближенных. Но Цезарь не видел оснований для возобновления переговоров, тем более что уже накануне германцев нельзя было удержать от обстреливания наших. Отправить послом кого-либо из своих — это значило бы подвергнуть посла большой опасности и отдать в жертву людям диким. Наиболее целесообразным показалось послать к нему Г. Валерия Прокилла, сына Г. Валерия Кабура, и М. Меттия. Первый был очень храбрым и образованным молодым человеком, отец которого получил римское гражданство от Г. Валерия Флакка²⁴; он пользовался доверием Цезаря и, сверх того, знал галльский язык, на котором Ариовист бегло говорил от давнего пребывания в Галлии. Наконец, у германцев не было причины оскорбить его. А Меттий был связан с Ариовистом узами гостеприимства. Цезарь поручил им узнать, что говорит Ариовист, и сообщить ему. Но когда Ариовист увидал их у себя в лагере, то он закричал в присутствии своего войска: *зачем они пришли к нему? может быть, шпионить?* Они пытались было отвечать, но он не дал им говорить и приказал наложить на них цепи.

48. В тот же день он двинулся вперед и стал лагерем в шести милях от лагеря Цезаря под горой. На следующий день он провел свои войска мимо лагеря Цезаря и разбил свой лагерь в двух милях сзади него, чтобы отрезать Цезаря от хлеба и другого провианта, подвозимого из страны секванов и эдуев. С этого дня Цезарь в течение пяти дней подряд выводил свои войска и выстраивал их перед лагерем, чтобы дать Ариовисту сражение, если он того захочет. Но Ариовист все эти дни держал войско в Лагере и завязывал ежедневно только конные стычки. Это был особый род сражений, в котором германцы были опытни. У них было шесть тысяч всадников и

²⁴ Г. Валерий Флакк был наместником Трансальпийской Галлии в 83 году до н. э.

столько же особенно быстрых и храбрых пехотинцев, которых каждый всадник выбирал себе по одному из всей пехоты для своей личной охраны: эти пехотинцы сопровождали своих всадников в сражениях. К ним всадники отступали: если положение становилось опасным, то пехотинцы ввязывались в бой; когда кто-либо получал тяжелую рану и падал с коня, они его обступали; если нужно было продвинуться более или менее далеко или же с большой поспешностью отступить, то они от постоянного упражнения проявляли такую быстроту, что, держась за гриву коней, не отставали от всадников.

49. Видя, что Ариовист не покидает своего лагеря, Цезарь выбрал, во избежание дальнейшей задержки провианта, удобное место для лагеря по ту сторону лагеря германцев, приблизительно в шестистах шагах от него, и двинулся туда в боевом порядке тремя линиями. Первой и второй линиям приказано было стоять под оружием, а третьей укреплять лагерь. Это место, как упомянуто было, отстояло от неприятеля приблизительно на шестьсот шагов. Ариовист послал туда около шестнадцати тысяч человек налегке со всей конницей, чтобы наводить на наших страх и мешать постройке укреплений. Тем не менее Цезарь не отменил своего прежнего распоряжения и приказал двум линиям отражать врага, а третьей оканчивать работу. Укрепив лагерь, он оставил там два легиона и часть вспомогательных войск, а остальные четыре отвел назад в главный лагерь

50. На следующий день Цезарь, по своему обыкновению, вывел из обоих лагерей свои войска, немного продвинулся от своего главного лагеря и таким образом снова дал врагам случай сразиться. Но заметив, что они все-таки не выходят из своего лагеря, он около полудня отвел войско назад в лагерь. Только тогда Ариовист двинул часть своих сил на штурм малого лагеря. С обеих сторон завязался, продолжавшийся вплоть до вечера, ожесточенный бой. При заходе солнца

Ариовист, после больших потерь с той и другой стороны, отвел свои войска назад в лагерь. Цезарь стал спрашивать пленных, почему Ариовист уклоняется от решительного сражения; они объяснили это тем, что, по существующему у германцев обычаю, их замужние женщины объясняют на основании метания жребия и предсказаний, выгодно ли дать сражение или нет; и вот теперь они говорят, что германцам не суждено победить, если они дадут решительное сражение до новолуния.

51. На следующий день Цезарь, оставив для того и другого лагеря достаточное прикрытие, все вспомогательные войска расположил перед малым лагерем на виду у врагов. Эти вспомогательные войска он употребил в дело только для виду²⁵, так как численностью легионной пехоты он слишком уступал превосходившему его врагу. А сам он, построив войско в три линии, вплотную подошел к лагерю врагов. Только тогда германцы уже по необходимости вывели из лагеря свои силы и поставили их по племенам на одинаковом расстоянии друг от друга: это были гаруды, маркоманы, трибоки, вангионы, неметы, седусии и свебы. Все свое войско они окружили павозками и телегами, чтобы не оставалось никакой надежды на бегство. На них они посадили женщин, которые простирали руки к уходившим в бой и со слезами молили их не предавать их в рабство римлянам.

52. Цезарь назначил командирами отдельных легионов легатов и квестора, чтобы каждый солдат имел в их лице свидетелей своей храбрости, а сам начал сражение на правом фланге, так как заметил, что именно здесь неприятели всего слабее. Наши по данному сигналу атаковали врага с таким пылом и со своей стороны враги так внезапно и быстро бросились вперед, что ни те, ни другие не успели пустить друг

²⁵ Германцы, по расчету Цезаря, должны были принять эти выдвинутые вперед вспомогательные войска за регулярные.

в друга копий. Отбросив их, обнажили мечи, и начался рукопашный бой. Но германцы, по своему обыкновению, быстро выстроились фалангой и приняли направленные на них римские мечи. Из наших солдат оказалось немало таких, которые бросались на фалангу, руками оттягивали щиты и наносили сверху раны врагам. В то время как левый фланг неприятелей был разбит и обращен в бегство, их правый фланг своим численным превосходством сильно теснил наших. Это заметил начальник конницы молодой П. Красе, который был менее занят, чем находившиеся в бою, и двинул в подкрепление нашему теснимому флангу третью (резервную) линию.

53. Благодаря этому сражение возобновилось. Все враги обратились в бегство и прекратили его только тогда, когда достигли реки Рейна приблизительно в пяти милях отсюда. Там лишь очень немногие, в надежде на свою силу, попытались переплыть на другой берег или же спаслись на лодках, которые нашлись там. В числе их был и Ариовист, который нашел маленькое судно и на нем спасся бегством; всех остальных наша конница догнала и перебила. У Ариовиста было две жены, одна из племени свебов, которую он взял с собой из дому, а другая норийка, сестра царя Воккиона, который прислал ее в Галлию, где Ариовист и женился на ней. Обе они во время бегства погибли. Было и две дочери: одна из них была убита, другая взята в плен. Г. Валерий Прокилл, которого его сторожа во время бегства тащили на трех цепях, наткнулся на самого Цезаря, когда последний со своей конницей преследовал врага. Эта встреча доставила Цезарю не меньшее удовольствие, чем сама победа: таким образом этот весьма почтенный в Провинции Галлии человек, его друг и гостеприимец, вырвался из рук врагов и возвращен ему, и судьба, избавив его от гибели, ничем не омрачила великой радости ликования по случаю победы. Прокилл рассказывал, что в его присутствии о нем трижды бросали жребий — каз-

нить ли его немедленно сожжением или же отложить казнь на другое время: он уцелел по милости этих гаданий. Точно так же и М. Меттий был найден и приведен к Цезарю.

54. Когда известие об этом сражении проникло за Рейн, то уже достигшие его берегов свебы начали возвращаться на родину. Воспользовавшись их паникой, на них напали убии, жившие ближе других к Рейну, и многих из них перебили. Таким образом Цезарь окончил в одно лето две очень больших войны и потому несколько раньше, чем этого требовало время года, отвел войско на зимние квартиры к секванам. Комендантом зимнего лагеря он назначил Лабиена, а сам отправился в Ближнюю Галлию для судопроизводства²⁶.

²⁶ В качестве наместника обеих Галлий Цезарь должен был не только вести войну за Альпами, но и отправлять судебную деятельность в мирной Цисальпийской Галлии. В этом случае наместники привлекали себе на помощь римских всадников, живших в провинции по торговым делам, и их съезд (*conventus*) образовывал судебный «совет» (*consilium*) наместника.

Книга вторая

1. Когда Цезарь находился, как было выше упомянуто²⁷, в Ближней Галлии, до него часто доходили слухи, подтверждаемые письменными сообщениями Лабиэна, что все бельги (занимавшие, как было выше сказано²⁸, треть Галлии) заключают тайные союзы против римского народа и обмениваются заложниками. Указывались следующие причины этих заговоров: *прежде всего бельги боятся, что после покорения всей Галлии наше войско будет поведено на них; затем их подстрекают некоторые галлы: отчасти это были те, которые были недовольны зимовкой и вообще долговременным пребыванием римского войска в Галлии, подобно тому как до этого они не желали, чтобы в Галлии слишком надолго устраивались германцы; отчасти это были люди, которые стремились к перевороту по легкомыслию и непостоянству; наконец, некоторые агитировали еще и потому, что в Галлии люди могущественные, а также имеющие средства для содержания наемников, большей частью стремились к захвату царской власти, а при нашем господстве это было для них не так легко.*

2. Встревоженный этими известиями и донесениями, Цезарь набрал в Ближней Галлии два новых легиона и поручил легату Кв. Педию отвести их в начале лета в Дальнюю Галлию, а сам отправился к войску, как только на полях стал накапливаться фураж. Сенонам и остальным галлам, жившим по соседству с бельгами, он дал поручение узнавать, что у них делается, и доводить до его сведения. Они все единогласно сообщили, что там набирают отряды и стягивают войска в одно место. Тогда он уже без дальнейших колебаний решил двинуться против них и, обеспечив себя провиантом, снялся с лагеря и дней через пятнадцать достиг бельгийской границы.

²⁷См. I, 54.

²⁸ См. I, 1.

3. Так как он появился там внезапно и скорее, чем его могли ожидать, то ближайшие соседи бельгов, ремы, отправили к нему послами первых людей своей общины Иккия и Андекумбория с заявлением, что они себя и все свое достояние отдадут под власть и покровительство римского народа: они не были заодно с остальными бельгами и вообще не вступали ни в какие тайные союзы против римского народа; наоборот, они готовы дать заложников, исполнить все требования, принять римлян в свои города и снабдить их хлебом и другими припасами. Все остальные бельги стоят под оружием, с ними соединились также германцы, живущие по сю сторону Рейна, и у всех них так велико возбуждение, что ремам не удалось отклонить от союза с ними даже своих единокровных братьев суессионов, которые имеют общее с ними право и законы и даже общую военную власть и гражданское управление.

4. На расспросы Цезаря о том, какие именно общины подняли оружие, как они велики и каковы их военные силы, ему отвечали: большая часть бельгов — по происхождению германцы, которые давно перешли через Рейн и обосновались там вследствие плодородия земли, а прежних обитателей — галлов — выгнали; на памяти отцов наших, во время опустошения всей Галлии, они одни не дали вторгнуться в свою страну тевтонам и кимбрам²⁹; вследствие воспоминания об этом событии они присваивают себе большой авторитет в делах войны и очень этим гордятся. Что же касается численности восставших, то ремы утверждали, что она им точно известна, так как их общее происхождение и родственные связи позволили им узнать, какой контингент каждое племя обещало на общем собрании бельгов выставить для войны. Первое место по храбрости, влиянию и численности занимают среди них белловаки; они могут выставить сто тысяч вооруженных; из них они обещали шестьдесят

²⁹ См. I, 33.

тысяч человек отборного войска и за это требуют себе верховного руководства войной. Соседи самих ремов — суессиины; у них больше всех земли, и притом самой плодородной. Еще в наше время у них был царем Дивитиак, обладавший наибольшим в Галлии могуществом: в его руках была власть не только над значительной частью этой местности, но и над Британнией. Теперь у них царем Гальба: за его справедливость и ум ему единодушно желают вручить верховное командование. Городов у них всего двенадцать, они обещают пятьдесят тысяч вооруженных, столько же и нервии, которые у самих бельгов считаются самыми дикими и живут дальше всех. Пятнадцать тысяч обещают атребаты, десять тысяч — амбианы, двадцать пять — морины, семь тысяч — менапии, десять тысяч — калеты, столько же велиокассы и веромандуи, восемнадцать — адуатуки; кондрусы, эбуруны, кересы и пеманы, которые объединяются общим названием германцев, по их мнению, могут дать около сорока тысяч.

5. Ободрив ремов и отпустив их с дружественными словами, Цезарь приказал всему сенату явиться к нему и потребовал привода детей их князей в качестве заложников. Все это было исполнено ими в точности и к сроку. С особым ободрением Цезарь обратился к эдую Дивитиаку и указал ему, насколько важно для римского государства и для его общих с эдуюми интересов разъединить неприятельские войска, чтобы не пришлось сражаться с этими огромными полчищами одновременно. Это разъединение возможно в том случае, если эдуи со своими войсками вторгнутся в страну белловаков и начнут опустошать их поля. С этим поручением он его и отпустил. Когда он убедился в том, что бельги стянули все войска в одно место и уже двигаются против него, а от посланных им разведчиков и от ремов узнал, что они уже недалеко, то он поспешил перевести войско через реку Аксону, которая течет на самой границе ремов, и там разбил лагерь. Таким образом, одна сторона лагеря была прикрыта берегами реки, вместе с тем

был защищен его тыл и обеспечен безопасный подвоз провiantа от ремов и других племен. На этой реке был мост. Там он поставил прикрытие, а на другом берегу реки оставил легата Кв. Титурия Сабина с шестью когортами; свой лагерь он приказал укрепить валом в двенадцать футов высотой и рвом в восемнадцать футов шириной.

6. От этого лагеря был в восьми милях город ремов Бибракт. Бельги прямо с похода начали ожесточенно штурмовать его, и в этот день осажденные лишь с трудом продержались. У галлов и у бельгов один и тот же способ осады городов. Они массой окружают со всех сторон городские стены и начинают штурмовать их камнями, пока не заставят защитников покинуть свои посты; затем образуют «черепашу» и пытаются поджечь ворота и подрыть стену. На этот раз это было нетрудно. Когда эта огромная масса стала бросать камни и метать копья и стрелы, то держаться на стене не было никакой возможности, и только ночь положила конец этому штурму. Тогдашний комендант города рем Иккий, человек очень знатный и среди своих популярный, один из участников мирного посольства к Цезарю, послал ему гонца с известием, что если ему не пришлют помощи, то он дольше держаться не может.

7. Цезарь воспользовался гонцами Иккия в качестве проводников и в этот же день около полуночи послал на помощь горожанам нумидийских и критских стрелков и балеарских пращников. Их приход поднял у ремов надежду на оборону и возбудил желание дать отпор, а враги по той же причине оставили мысль о захвате города. Поэтому они пробыли еще немного времени под городом, опустошили поля ремов, сожгли все села и усадьбы, в какие только могли проникнуть; затем всей массой двинулись против лагеря Цезаря и разбили свой лагерь менее чем в двух милях от него. Этот их лагерь, судя по дыму и огням, тянулся на восемь с лишком миль в ширину.

8. Ввиду численного превосходства на стороне неприятелей и чрезвычайной храбрости, которою они славились, Цезарь сначала решил уклониться от генерального сражения; все-таки посредством ежедневных конных стычек он испытывал храбрость врагов и смелость своих, причем убедился в том, что наши солдаты не уступают неприятелю. Кроме того, и местность перед лагерем, по самому своему характеру, была очень удобна для того, чтобы выстроить на ней войско в боевом порядке: тот холм, на котором был лагерь Цезаря, постепенно поднимался над долиной; на стороне, обращенной к врагу, он имел в ширину как раз столько места, сколько могло занимать выстроенное войско. С обоих боков холм этот круто обрывался, а спереди спускался в долину слегка и мало-помалу. По обоим его бокам Цезарь провел поперечные рвы около четырехсот шагов в длину, на концах этих рвов заложил редуты и снабдил их тяжелыми орудиями, чтобы после построения войска в боевой порядок превосходившие его численностью враги не могли во время сражения зайти его солдатам во фланги. После этого он оставил два недавно набранных легиона в лагере, чтобы в случае надобности двинуть их в качестве резерва, а остальные шесть легионов выстроил перед лагерем. Враги также вывели из лагеря свое войско и выстроили его.

9. Между нашим и неприятельским войсками было небольшое болото. Враги ждали, не станут ли наши переходить его, а наши стояли под оружием в полной боевой готовности, чтобы воспользоваться затруднениями врага при переправе, если он ее первый начнет, и тогда атаковать его. Тем временем между обоими войсками шло конное сражение. Но ни те, ни другие не начали переправы, а конное сражение было более благоприятно для нас, и Цезарь отвел своих назад в лагерь. Враги немедленно двинулись отсюда к реке Аксоне, находившейся, как было указано, в тылу нашего лагеря. Там

они нашли брод и попытались переправить часть своих сил, чтобы, по возможности, взять с бою редуты, которыми командовал легат Кв. Титурий, и разрушить мост; а если это не удастся, то опустошить страну ремов, очень полезную для нас в наших военных операциях, и отрезать наших от подвоза.

10. По получении об этом известия от Титурия, Цезарь перевал по мосту всю конницу и легковооруженных нумидийцев, пращников и стрелков и направился против неприятеля. Там завязалось ожесточенное сражение. Наши напали на неприятелей в то время, когда последние были заняты переправой через реку, и довольно много их перебили; остальных, которые делали отчаянные попытки пройти по трупам павших, они отразили градом снарядов; а тех первых, которые успели перейти, окружила конница и перебила. Враги поняли, что обманулись в надежде на взятие города с бою и на переход через реку; они заметили также, что наши не двигаются на неудобное для сражения место, и, кроме того, сами стали ощущать нужду в провианте. Поэтому они созвали собрание и постановили, что лучше всего каждому возвращаться домой, а затем всем и отовсюду собираться для защиты той области, в которую раньше всего вторгнутся с войском римляне: вести войну лучше будет не на чужой, а на своей земле, так как здесь можно будет пользоваться местными запасами провианта. К этому решению, помимо всех других оснований, привело их еще и то обстоятельство, что они узнали о приближении Дивитиака и эдучев к границам области белловакоз; убедить их, чтобы они больше не оказывали помощи своим землякам, было уже невозможно.

11. Согласно с этим постановлением, они выступили во вторую стражу из лагеря с большим шумом и криком, без всякого порядка и команды: каждый хотел идти впереди и поскорей добраться до дому. Таким образом, это выступление было похоже на бегство. Об этом Цезарь узнал через

лазутчиков, но так как он еще не понимал действительной причины этого отступления, то боялся засады и потому держал свое войско и конницу в лагере. На рассвете известие это было подтверждено разведчиками, и тогда он выслал вперед всю конницу с поручением задерживать неприятельский аррьергард. Во главе ее он поставил легатов Кв. Педия и Л. Аурункулея Котту, а легату Т. Лабиену приказал идти за нею следом с тремя легионами. Они напали на аррьергард, много миль преследовали его по пятам и перебили очень многих из тех неприятелей, которые пытались бежать: именно в то время как последние ряды аррьергарда, которые и подверглись нападению, остановились и дали храбрый отпор нашей атаке, шедшие в его голове считали себя вне опасности, и, кроме того, над ними не было ни принуждения, ни командования; поэтому, как только они услышали крики, они все в полном беспорядке стали искать спасения в бегстве. Вследствие этого наши без всякой для себя опасности в продолжение целого дня избивали неприятелей; только перед самым заходом солнца они прекратили бойню и согласно приказу вернулись в лагерь.

12. На следующий день Цезарь, не давая врагам опомниться от ужаса и бегства, повел войско в землю суессионов, ближайших соседей ремов, и после большого дневного перехода двинулся против города Новиодуна. Он слышал, что там нет защитников, и попытался было прямо с похода взять его штурмом, но не мог этого сделать даже при малом количестве защитников, вследствие глубины рва и высоты стены. Поэтому он приказал укреплять лагерь, подводить подвижные галлерей («винеи») и вообще готовить все необходимое для осады. Тем временем вся бежавшая масса суессионов вошла в ближайшую ночь в город. Немедленно были подведены к городу галлерей, насыпан вал и воздвигнуты осадные башни. Эти огромные сооружения, до сего вре-

мени невиданные и неслыханные в Галлии, и быстрота, с которой они были построены, произвели на галлов такое сильное впечатление, что они отправили к Цезарю посольство с предложением сдачи, и, по ходатайству ремов, были помилованы.

13. Цезарь взял в заложники самых видных граждан, в том числе двух сыновей самого царя Гальбы, приказал выдать все находившееся в городе оружие и принял суессионов на капицуляцию, а затем двинулся с войском в страну белловаков. Они удалились со всем своим достоянием в город Братуспантий. Когда Цезарь находился от него мильх в пяти, из города вышли ему навстречу все пожилые люди и, протягивая руки, криками давали понять, что они отдаются во власть и под покровительство римского народа и не оказывают ему вооруженного сопротивления. Когда он подошел к самому городу и стал разбивать лагерь, женщины и дети, протягивая, по своему обычаю, со стен руки, точно так же просили у римлян мира.

14. На защиту их выступил Дивитиак, который, после ухода бельгов, распустил войско эдучев и вернулся к Цезарю: белловаки, говорил он, *всегда соблюдали верность и дружбу по отношению к общине эдучев; они изменили эдучам и пошли войной на римлян только по подстрекательству своих князей, которые говорили, что эдучи поработены Цезарем и терпят от него всевозможные возмутительные оскорбления. Действительные зачинщики, понимая, какую беду они навлекли на свой народ, бежали в Британнию. Просят не только белловаки, но за них и эдучи проясвить по отношению к ним свойственную ему милость и кротость. Этим он увеличит влияние эдучев у всех бельгов, а их сильную помощью эдучи пользовались во всех войнах, которые им случалось вести.*

15. Цезарь заявил, что, во внимание к Дивитиаку и эдучам, он готов принять их сдачу и помиловать их. Так как эта

большая община отличалась среди бельгов своим влиянием и многочисленностью населения, то он потребовал с нее шестьсот заложников. Их дали, а также выдали все находившееся в городе оружие, и Цезарь двинулся отсюда в пределы амбианов, которые немедленно сдались со всем своим достоинством. С ними граничили нервии. На свои расспросы об их характере и нравах Цезарь получил следующий ответ: к ним нет никакого доступа купцам; они категорически воспрепятствуют ввозу вина и других предметов роскоши, так как полагают, что это изнеживает душу и ослабляет храбрость; эти дикие и очень храбрые люди всячески бранят остальных бельгов за то, что они сдались римскому народу и позорно забыли про свою унаследованную от предков храбрость; они ругаются, что ни послов не пошлют, ни каких-либо условий мира не примут.

16. После трехдневного марша по их стране Цезарь узнал от пленных, что не более чем в десяти милях от его лагеря течет река Сабис; за этой рекой засели все нервии и там ожидают приближения римлян — вместе со своими соседями атребатами и веромандуями (тех и других они убедили попытаться вместе с ними военное счастье); они поджидают также войско адуатуксов, которые уже находятся в пути; женщин и всех, кто по своему возрасту не годился для войны, они укрыли в таком месте, которое из-за болот недоступно для войска.

17. По получении этих сведений он выслал вперед разведчиков и центурионов — выбрать удобное для лагеря место. Цезаря сопровождали на походе многие из сдавшихся бельгов и остальных галлов; некоторые из них, как впоследствии было узнано от пленных, познакомились с обычным порядком движения римского войска за эти дни, перешли ночью к нервиям и обратили их внимание на то, что между каждыми двумя легионами идет большой обоз и что нет никакого труда напасть на первый легион в момент его прихода на место лагеря, пока он еще не снял с себя амуницию, а

остальные легионы еще далеко: если он будет разбит, а обоз разграблен, те прочие легионы не решатся остановиться для отпора. В пользу их совета говорило то, что нервии с давних пор были слабы конницей (да и до сего времени они о ней не заботятся, но вся их главная сила состоит в пехоте). И вот, чтобы тем легче парализовать набег соседней конницы за добычею, они надрезали снизу молодые деревья и пригибали их к земле, а между ветвями, густо распространившимися в ширину, насажали ежевики и кустарника, так что этот плетень образовал своего рода укрепление, похожее на стену, причем не только нельзя было туда проникнуть, но и что-либо за ним разглядеть. Так как подобные плетни должны были затруднять движение нашего войска, то нервии сочли нужным воспользоваться упомянутым средством.

18. Природные свойства той местности, которую наши выбрали для лагеря, были таковы: к названной выше реке Сабису шел холм, равномерно покатый сверху донизу. На другом берегу, прямо напротив этого холма, поднимался другой холм с подобным уклоном; внизу шагов на двести в ширину он был открыт, а вверху зарос лесом, так что нелегко было что-либо там разглядеть. В этом лесу и держался секретно враг; а на открытом месте, вдоль по реке, виднелись его редкие конные посты. Река эта была около трех футов глубиной.

19. Цезарь выслал вперед конницу и сам шел за ней со всеми своими силами. Но весь порядок похода был иной, чем бельги сообщили нервиям. Так как теперь он приближался к самому врагу, то по своему прежнему обыкновению он вел шесть легионов без багажа и обоза; за ним следовал обоз всей армии; наконец, два недавно набранных легиона замыкали всю движущуюся колонну и прикрывали обоз. Наши всадники перешли вместе со стрелками и пращниками через реку и завязали сражение с неприятельской конницей». Враги то и дело отступали в леса к своим и затем снова нападали на

наших; в свою очередь наши не решались преследовать отступающих неприятелей далее того пункта, где кончалась открытая местность. Тем временем шесть легионов, которые пришли первыми, отмерили площадь для лагеря и начали ее укреплять. Как только скрывавшиеся в лесу неприятели заметили головную часть нашего обоза (относительно этого момента они заранее условились, причем еще в лесу они выстроились в боевой порядок и ободряли друг друга), они вдруг всей массой выскочили из лесу и напали на нашу конницу. Без труда разбив и смяв ее, они с невероятной быстротой сбегали к реке, так что почти одновременно их видели у леса, в реке и совсем поблизости от нас. С той же быстротой они бросились вверх по холму на наш лагерь и на тех, которые были заняты укреплением.

20. Цезарь должен был делать все сразу: выставить знамя [это было сигналом к началу сражения, дать сигнал трубой], отозвать солдат от шанцевых работ, вернуть тех, которые более или менее далеко ушли за материалом для вала, построить всех в боевой порядок, ободрить солдат, дать общий сигнал к наступлению. Все это мешали недостаток времени и быстрое приближение врага. Но в этом трудном положении выручали, во-первых, знание и опытность самих солдат: опыт прежних сражений приучил их самих разбираться в том, что надо делать, — не хуже, чем по чужим указаниям; во-вторых, Цезарь запретил легатам покидать лагерьные работы и свой легион, пока лагерь не будет вполне укреплен. Ввиду близости врага и той быстроты, с которой он действовал, они уже не дожидались приказов Цезаря, но сами принимали соответствующие меры.

21. Отдав самые необходимые распоряжения, Цезарь поспешил со словами ободрения к солдатам — там, где их заставлял, и попал к 10-му легиону. Его солдатам он лишь вкратце посоветовал твердо помнить о своей прежней доблести, не па-

дать духом и храбро выдержать неприятельскую атаку. Так как враги подошли уже приблизительно на расстояние выстрела, он дал сигнал к бою. Направившись в другое место также для ободрения, он застал солдат уже в самом разгаре сражения. Времени было так мало и враги шли с такой боевой отвагой, что некогда было возложить на себя знаки отличия и даже надеть шлемы и снять чехлы со щитов. Солдаты, шедшие с лагерных работ, занимали первые попавшиеся места в строю и приставали к первым встречным частям, чтобы в поисках своей части не терять времени для боя.

22. Войско, наконец, было выстроено в боевой порядок, но скорее в соответствии с условиями местности, с покатостью холма и с требованиями данного момента, чем по правилам военного распорядка: легионы бились с врагом в разных местах, каждый поодиночке: вышеупомянутые очень густые плетни, находившиеся между ними и неприятелями, закрывали от них горизонт, невозможно было ни расположить в определенных местах необходимые резервы, ни сообразить, что где нужно; нельзя было и единолично распоряжаться всеми операциями. Понятно, что при столь неблагоприятных условиях неизбежны были колебания военного счастья.

23. Стоявшие на нашем левом фланге солдаты 9-го и 10-го легионов, бросая сверху копья, быстро сбили ими в реку атребатов, которым достался этот участок и которые были изнурены утомительным бегом вверх и ранами и едва переводили дух. Когда они попытались переправиться через реку, то наши бросились туда за ними с мечами и многих из них во время переправы перебили. Они даже сами не задумались переправиться и при этом зашли на невыгодную для себя позицию; но когда враги повернулись на них и возобновили сражение, то они обратили их в бегство. Точно так же и в другом пункте два отдельных легиона, 11-й и 8-й, сбили с возвышенности веромандуев, с которыми у них завязался

рукопашный бой, и теперь сражались уже у самого берега реки. Но вследствие этого почти весь римский лагерь по фронту и на левом фланге был обнажен, и на правом фланге стоял только 12-й легион и недалеко от него 7-й. Тогда все нервии густейшими рядами, под предводительством своего главнокомандующего Бодуогната, устремились к этому пункту; часть из них стала обходить легионы с незащищенной стороны, а другая двинулась на возвышенность, на которой находился лагерь.

24. В то же время наши всадники и бывшие с ними легко вооруженные пехотинцы, которые, как я раньше оказал, были разбиты при первой неприятельской атаке, натыкались на врагов при своем отступлении к лагерю и снова обращались в бегство — уже в другом направлении. То же было и с обозными служителями: сначала, когда они из задних ворот лагеря на вершине холма заметили, как наши победоносно перешли через реку, они вышли из лагеря на поиски добычи; но как только они обернулись и увидели, что враги уже в нашем лагере, то они опрометью пустились бежать. Единовременно с этим поднимали крик и шум те, которые шли с обозом, и все в ужасе неслись в разные стороны. Все это произвело сильное впечатление на посланных своей общиной в помощь Цезарю треверских всадников — народа, который славится у галлов своей выдающейся храбростью: когда они увидели, что лагерь наполняется массой неприятелей, что легионы изнемогают от напора врагов и почти окружены ими, что обозные, всадники, прашники, нумидийцы бегут враспынную отдельно друг от друга в разные стороны, — то они потеряли веру в успех нашего дела и устремились домой; там они сообщили своим землякам, что римляне разбиты наголову и что их лагерем и обозом овладели враги.

25. Ободрив 10-й легион, Цезарь направился к правому флангу. Там он увидел, что его солдат теснят, манипулы со

своими знаменами сбились в одно место, солдаты 12-го легиона своей скученностью сами себя затрудняют в сражении, у 4-й когорты перебиты все центурионы и знаменщик и отбито даже знамя, у остальных когорт убиты или ранены почти все центурионы, в том числе и центурион первого ранга, необыкновенно храбрый П. Секстий Бакул, так тяжело изранен, что от слабости уже не может держаться на ногах, а остальные потеряли энергию; из задних рядов некоторые от истощения сил оставляют поле сражения и уходят из сферы обстрела, а тем временем враги безостановочно идут снизу на фронт римского лагеря и наступают на оба фланга; вообще все положение было очень опасно и не было под руками никакого подкрепления. Тогда Цезарь выхватил щит у одного из солдат задних рядов (так как сам пришел туда без щита) и прошел в первые ряды; там он лично поздоровался с каждым центурионом и, ободрив солдат, приказал им идти в атаку, а манипулы раздвинуть, чтобы легче можно было действовать мечами. Его появление внушило солдатам надежду и вернуло мужество, и так как на глазах у полководца каждому хотелось, даже в крайней опасности, как можно доблестнее исполнить свой долг, то напор врагов, был несколько задержан.

26. Увидав, что на стоящий рядом 7-й легион также напирает враг, Цезарь приказал через военных трибунов легионам мало-помалу соединиться, сделать поворот и перейти в наступление. Когда, таким образом, одни отряды стали подавать помощь другим и перестали бояться нападения врагов с тылу, то солдаты начали смелее давать отпор и вообще храбрее сражаться. Тем временем солдаты двух легионов, которые в арьергарде прикрывали обоз, при известии о сражении направились туда беглым шагом и враг скоро увидал их уже на вершине холма. Т. Лабизен овладел лагерем врагов и, заметив сверху, что делается в нашем лагере, послал нашим на помощь 10-й легион. Бегство всадников и обозных дало

понять этим солдатам, как обстоит дело и в какой опасности находятся и лагерь, и легионы, и главнокомандующий. Поэтому, они поспешили со всей скоростью, на которую только были способны.

27. С их приходом произошла полная перемена положения: даже те из наших солдат, которые свалились от ран, возобновили бой, опираясь на щиты. Тогда обозные, заметив у врагов панику, даже без оружия пошли навстречу вооруженным, а всадники стали сражаться по всему полю сражения, чтобы храбростью загладить свое позорное бегство и превзойти легионных солдат. Со своей стороны, враги даже при ничтожной надежде на спасение проявили необыкновенную храбрость: как только падали их первые ряды, следующие шли по трупам павших и сражались стоя на них; когда и эти падали и из трупов образовались целые груды, то уцелевшие метали с них, точно с горы, свои снаряды в наших, перехватывали их метательные копья и пускали назад в римлян. Таким образом, надо было признать, что недаром эти удивительно храбрые люди решились перейти через очень широкую реку, подняться на ее высокие берега и взобраться на позицию, для себя, безусловно, опасную: их необыкновенное геройство сделало все эти величайшие трудности легкими.

28. Эта битва окончилась почти полным уничтожением всего племени и даже имени нервиев³⁰. Их пожилые люди, которые, как мы выше сказали, вместе с женщинами и детьми были укрыты в лагунах и болотах, при известии об этом сражении поняли, что для победителей нет больше трудностей, а для побежденных — безопасности. Поэтому с согласия всех уцелевших они отправили к Цезарю послов и сдались ему. Упомянув о несчастий, постигшем их народ,

³⁰ Преувеличение, так как нервии через три года принимают деятельное участие в осаде лагеря Кв. Цицерона (V, 39).

они сослались на то, что из их шестисот сенаторов уцелело только трое, а из шестидесяти тысяч мужчин, способных носить оружие, едва-едва пятьсот. Чтобы с очевидностью проявить милосердие к несчастным и молящим, Цезарь дал им полное помилование, им самим приказал спокойно оставаться в своей стране и городах, а их соседям воспретил чинить им какие бы то ни было оскорбления и насилия.

29. Адуатуки, о которых мы выше писали³¹, уже двигались со всеми военными силами на помощь нервиям, но, при известии об этом сражении, повернули с полпути домой; оставив все города и укрепленные пункты, они со всем своим достоянием направились в один очень защищенный от природы город. Он, был почти со всех сторон окружен весьма высокими скалами и обрывами, и только с одной стороны возможен был подступ к нему по постепенной покатости шириной не более двухсот футов. Этот пункт они своевременно укрепили очень высокой двойной стеной: а теперь они укладывали на этой стене тяжелые каменные глыбы и заостренные бревна. Сами они происходили от кимбров и тевтонов; последние во время своего похода на нашу Провинцию и Италию оставили по сю сторону Рейна то имущество, которое не могли захватить с собой, и при нем в качестве стражи и прикрытия шесть тысяч человек из своего народа³². После уничтожения кимбров и тевтонов люди этого гарнизона много лет страдали от соседей в наступательных и оборонительных войнах с ними; наконец, между ними всеми состоялось соглашение и мир, и они выбрали себе именно эту местность для поселения.

30. На первых порах после прихода нашего войска они часто делали из города вылазки и завязывали небольшие стычки с нашими; но с тех пор как Цезарь окружил со всех сторон их

³¹ См. гл. 16.

³² В 103—101 годах до н. э.

город на пятнадцать миль в окружности валом в двенадцать футов вышиной и заложил во многих местах редуты на небольшом расстоянии друг от друга, они перестали выходить из города. А как только они увидали, что против них двигают галлерей, насыпана плотина и сооружена вдали башня, то они стали насмехаться и громко издеваться, что такую громадную машину строят на таком далеком расстоянии: где же руки и силы — особенно у таких маленьких людей, — с которыми они надеются поставить такую тяжелую башню на стену? Надо сказать, что галлы при их высоком росте большей частью относятся к нашему небольшому росту с презрением.

31. Но как только они увидали, что эта башня действительно движется и приближается к их стенам, это невиданное и необычайное зрелище так поразило их, что они отправили к Цезарю послов с предложением мира. Послы говорили следующее: они убедились в том, что римляне ведут войну с божественной помощью, если они способны двигать вперед столь высокие сооружения с такой быстротой; поэтому они отдаются им на милость со всем своим достоянием. Об одном они убедительно просят: в случае, если Цезарь со свойственной ему милостью и кротостью, о которой они слышаны от других, признает нужным помиловать адуатуков, то пусть он не лишает их оружия. К ним враждебны почти все их соседи и завидуют их храбрости. По выдаче оружия они не в состоянии будут защищаться от них. Раз они уже доведены до такой крайности, им лучше сносить какую угодно участь от римского народа, чем мучительно погибать от тех, над которыми они до сих пор привыкли господствовать.

32. На это Цезарь отвечал: скорее по своему обыкновению, чем по их заслугам он готов помиловать их народ, если, однако, они сдадутся прежде, чем таран коснется их стены. Но сдача возможна только под условием выдачи оружия. Он сделает то же, что сделал по отношению к нервиям: именно запретит соседним

народам чинить какие-либо обиды людям, сдавшимся римскому народу. Послы сообщили об этом своим, и те заявили, что исполнят это требование. Множество оружия было сброшено со стены в ров, находившийся перед городом, так что груды его достигали верхнего края стены и вершины вала; но все-таки около трети, как выяснилось впоследствии, было спрятано и удержано в городе. Как бы то ни было, они открыли ворота римлянам, и горожане провели этот день в мире.

33. Под вечер Цезарь приказал запереть ворота, а солдатам выйти из города, чтобы горожане не подверглись ночью каким-либо обидам с их стороны. Но у адриатиков, как оказалось, уже заранее был обдуман свой план: а именно они решили, что по случаю сдачи наши выведут из редутов охрану, или же наконец, будут сторожить не очень зорко; и вот, отчасти с тем оружием, которое они скрыли и удержали в городе, отчасти со щитами, сделанными из коры или из прутьев и за краткостью времени наспех покрытыми кожей, они вдруг в третью стражу сделали из города вылазку там, где подъем на наши укрепления казался особенно легким. Согласно с приказом, который Цезарь отдал раньше, быстро дан был сигнальный огонь, и по этому сигналу туда сбежались солдаты из ближайших редутов. Враги сражались так ожесточенно, как и должны были сражаться храбрые люди, когда почти не оставалось надежды на спасение или же она зависела исключительно от храбрости: они занимали невыгодную позицию и имели дело с противником, который обстреливал их снарядами с вала и башен. Около четырех тысяч человек было убито, остальные были отброшены в город. На следующий день были взломаны ворота при отсутствии защитников, солдаты были введены в город, и Цезарь приказал всю военную добычу с этого города продать с аукциона. Число проданных жителей, о котором ему было доложено покупателями, было пятьдесят три тысячи человек.

34. В то же самое время П. Кресе, посланный с одним легионом против венетов, венеллов, осисмов, куриосолитов, эсубиев, аулерков и редонов (все это приморские общины, жившие по берегу Океана) известил Цезаря о том, что все они теперь подчинены владычеству римского народа.

35. В результате всех этих операций была замирена вся Галлия и об этой войне среди варваров пошла такая слава, что зарейнские народы отправили к Цезарю послов с обещанием дать заложников и исполнить все его требования. Так как Цезарь спешил в Италию и Иллирию, то он приказал этим посольствам вернуться к нему в начале лета. А сам он отвел легионы на зимние квартиры в области карнутов, андов и туронов и тех соседних с ними общин, где он вел войну, и затем отправился в Италию. По случаю этих событий сенатом на основании донесения Цезаря было определено пятнадцатидневное молебствие, — отличие, которое до сих пор никому не выпадало на долю³³.

³³ Ср. речь Цицерона в защиту Бальба, § 61.

Книга третья

1. Отправляясь в Италию, Цезарь послал Сервия Гальбу с 12-м легионом и частью конницы к нантуатам, вараграм и седунам, области которых простираются от границ аллоброгов, Леманнского озера и реки Родана до гребня Альп. Целью посылки было сделать свободной дорогу через Альпы, на которой купцы обыкновенно подвергались большим опасностям и должны были платить большие пошлины. Он позволил Гальбе в случае надобности расквартировать в этих местах легион на зиму. После нескольких удачных сражений с горцами и захвата у них некоторых укрепленных пунктов, они отовсюду прислали к Гальбе послов, выдали заложников и заключили мир. Тогда он решил поместить две когорты у нантуатов, а сам с остальными когортами этого легиона остался зимовать у варагров в селении Октодуре. Оно лежит в долине, к которой примыкает небольшая равнина, и со всех сторон окружено очень высокими горами. Селение это разделяет пополам река. Одну часть его Гальба уступил галлам, а другую, которую они очистили, отвел под зимний лагерь своих когорт и все это место укрепил валом и рвом.

2. Прошло несколько дней зимовки, и он уже приказал свозить туда хлеб, как вдруг разведчики дали ему знать, что из той части, которую он уступил галлам, все жители ночью ушли и господствующие высоты заняты огромными полчищами седунов и варагров. Что галлы так внезапно задумали возобновить войну и уничтожить легион, на это было много причин: прежде всего, они презирали малочисленность этого легиона, который, вдобавок, был далеко не в полном составе, так как целых две когорты были из него выделены, и, кроме того, не было налицо многих солдат, которых небольшими группами послали за провиантом. Далее, галлы полагали, что, когда они будут сбегать с гор и стрелять в наших, то мы

вследствие неудобства позиции будем не в состоянии выдержать даже их первый натиск. К тому же галлы были огорчены уводом их детей в заложники и были убеждены в том, что римляне пытаются занять альпийские горы не только с целью обеспечить себе дороги, но и навсегда закрепить их за собой и присоединить к своим владениям эту страну как соседнюю с Провинцией.

3. Ко времени получения этих известий еще не были вполне закончены работы по устройству и укреплению лагеря; а так как Гальба после состоявшейся сдачи горцев и приема от них заложников не имел никаких оснований бояться возобновления военных действий, то и не было принято мер к обеспечению войска хлебом и другим провиантом. Поэтому он немедленно созвал военный совет и стал собирать голоса участников. Эта грозная и внезапная опасность наступила вопреки всем ожиданиям, и уже почти все высоты на глазах у наших были заняты массой вооруженных врагов; дороги были, следовательно, отрезаны, и невозможно было ни получить помощь, ни подвезти провиант. Ввиду всего этого общее положение представлялось почти безнадежным, и на этом военном совете раздавались даже такие голоса, что надо оставить обоз, сделать вылазку и пробиться по той дороге, по которой они сюда пришли. Однако большинство постановило прибегнуть к этому средству только в крайнем случае, а покамест выжидать исхода дела и защищать лагерь.

4. Едва успели отдать необходимые распоряжения для исполнения этого постановления, как враги вскоре по данному сигналу стали отовсюду сбегать с высот и осыпать вал камнями и копьями. Наши сначала со свежими силами храбро отбивались и со своей более высокой позиции обстреливали врагов без промаха; когда какая-либо часть лагеря, под напором врагов, оказывалась без защитников, они спешили туда на помощь; но они были слабее тем, что враги

в случае утомления продолжительностью боя могли оставлять сражение и их место заступали люди со свежими силами; тогда как для наших при их малочисленности это было совершенно невозможно: у нас не только утомленные не могли выйти из сферы боя, но даже раненым нельзя было отступать и оставлять то место, где они стояли.

5. Бой продолжался уже больше шести часов без перерыва, и у наших нехватало не только сил, но даже и снарядов. Наоборот, враги все сильнее наступали и уже начали, пользуясь нашим изнурением, ломать вал и засыпать рвы. Таким образом положение сделалось критическим. Тогда первый центурион П. Секстий Бакул, который, как мы говорили³⁴, был изранен в сражении с нервиями, а также военный трибун Г. Волуоен, человек столько же осмотрительный, сколько храбрый, поспешили к Гальбе и указали ему, что единственная надежда на спасение — это прорваться и рискнуть на крайнее средство. Поэтому Гальба созвал центурионов и немедленно отдал приказ солдатам прервать на некоторое время сражение, лишь принимать на себя пускаемые врагом снаряды и таким образом, отдохнуть от напряжения, а затем по данному сигналу они должны прорваться, полагаясь, однако, исключительно на свою храбрость.

6. Как им было приказано, так они и поступили: они вдруг бросились из всех ворот и не дали врагу времени ни понять, что происходит, ни собраться в одно место. Счастье переменилось, и врагов, которые надеялись, что лагерь уже в их руках, наши со всех сторон обошли и перебили: из с лишком тридцати тысяч варваров (именно в этом количестве они, как установлено было, наступали на наш лагерь) больше трети было убито; остальные обратились в паническое бегство, и им не дали утвердиться даже на высотах. Таким образом,

³⁴ См. II, 25.

разбив и обезоружив все неприятельские полчища, наши солдаты вернулись в свой лагерь и укрепления. Но после этого сражения Гальба не пожелал слишком часто испытывать счастье и не забывал, что то положение, в которое он попал, не соответствовало цели его зимовки. Кроме того, он ощущал большую нужду в хлебе и другом провианте. Поэтому на следующий же день он сжег в этом селении все усадьбы и направился назад в Провинцию. На этом пути он не встретил ни малейшей помехи и задержки со стороны неприятелей и благополучно провел свой легион в область нантуатов, а затем аллоброгов, где и перезимовал.

7. После этого Цезарь имел все основания считать Галлию вполне замиренной: действительно, была одержана победа над бельгами, прогнаны за Рейн германцы и в Альпах побеждены седуны. Поэтому он отправился в начале зимы в Иллирию, желая посетить и эти племена и познакомиться с их страной, как вдруг в Галлии вспыхнула война, по следующему поводу. Молодой П. Красс зимовал с 7-м легионом у самых берегов Океана, в стране андов. Так как в этих местах было мало хлеба, то он разослал по соседним общинам за провиантом нескольких командиров конницы и военных трибунов. Между прочим, Т. Террасидий был послан к эсубиям, М. Требий Галл — к куриосолитам, Кв. Веланий с Т. Силием — к венетам.

8. Это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые, вдобавок, находятся в руках именно венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю. Они начали с того, что задержали Силия и Велания в уверенности, что через них они вернут своих заложников, вы-

данных ими Крассу. Их примеру последовали и их соседи: со свойственной галлам склонностью поспешно и внезапно принимать решения, они задержали с той же целью Требия и Террасидия, немедленно разослали повсюду послов и через своих князей дали друг другу клятву — делать все не иначе как сообща и всякую участь делить вместе. Кроме того, они подняли на ноги и другие общины, убеждая их лучше оставаться верными свободе, унаследованной от предков, чем выносить римское рабство. Таким образом, они быстро склонили на свою сторону население всего морского побережья и затем сообща отправили к П. Крассу посольство с предложением вернуть им их заложников, если он желает получить назад своих людей.

9. Когда Цезарь получил от Красса известие об этом, он был слишком далеко от него. Поэтому он приказал строить тем временем военные корабли на реке Лигере, впадающей в Океан, организовать в Провинции комплект гребцов и набирать матросов и кормчих. Все это было скоро исполнено, и он поспешил сам к войску, как только это оказалось возможным по времени года. Венеты и их союзники понимали, какое преступление они совершили, задержав и заключив в оковы послов, звание которых всегда и у всех народов было священным и неприкосновенным; и поэтому при известии о приближении Цезаря они стали готовиться к войне соответственно с опасностью, которой она угрожала; главным же образом они стали приводить в боевую готовность свой флот, возлагая на него тем большие надежды, что они были уверены в естественных выгодах своей страны. Они знали, что их сухопутные дороги перерезаны лагунами, а плавание затруднительно по незнакомству с местностью и вследствие малочисленности гаваней; они были уверены также, что наши войска не могут слишком долго задержаться у них из-за недостатка провианта; и если бы даже все происходило

вопреки их ожиданиям, то за ними остается численный перевес в кораблях, между тем как римляне ими не располагают, и, кроме того, в тех местностях, в которых им предстоит вести войну, они не знают ни отмелей, ни гаваней, ни островов; да и самое плавание в закрытом море совсем иное дело, чем в безбрежном, всюду открытом Океане. Согласно с принятым решением, они укрепляют города, свозят в них хлеб из деревень, стягивают как можно больше кораблей в Венецию, где Цезарь, несомненно, должен был начать военные действия. Для совместного ведения этой войны они принимают в союзники осисмов, лексовиев, намнетов, амбилиатов, моринов, диаблинтов, менапиев, а вспомогательные войска берут из противоположащей Британии.

10. Указанные трудности ведения войны, несомненно, были налицо; тем не менее многое побуждало Цезаря к тому, чтобы начать ее, а именно: насильственное задержание римских всадников, возобновление войны после капитуляции, отпадение после выдачи заложников, тайный союз стольких общин, особенно же опасение, что и остальные племена сочтут для себя то же самое дозволенным; если он здесь не примет решительных мер. И вот, понимая, что почти все галлы падки на все новое и очень легко и быстро поддаются подстрекательству к войне (вообще люди от природы стремятся к свободе и ненавидят рабство), он решил разделить свое войско и распределить его по возможно более широкому району, прежде чем еще большее число племен вступит в тайный союз.

11. Поэтому он послал легата Т. Лабиэна с конницей в страну треверов, живущих у самого Рейна, с поручением побывать у ремов и остальных бельгов и держать их в повиновении, а также отразить германцев (которых, по слухам, пригласили к себе на помощь бельги), в случае, если они силой попытаются переправиться на кораблях через реку. За-

тем П. Крассу он отдал приказ отправиться с двенадцатью легионными когортами и многочисленной конницей в Аквитанию, чтобы воспрепятствовать посылке вспомогательных войск отсюда в Галлию и соединению этих обеих больших народностей. Легата Кв. Титурия Сабина он отправил с тремя легионами в страну венеллов, куриосолитов и лексовиев, чтобы по мере возможности разъединять их боевые силы. Наконец, молодой Д. Брут был назначен командиром флота и галльских кораблей, которые, по приказу Цезаря, должны были собраться туда из страны пиктонов, сантонов и из прочих замиренных местностей. При этом Бруту дан был приказ как можно скорее напасть на венетов. Сам Цезарь поспешил туда же со своей сухопутной армией.

12. Тамошние города обыкновенно были, расположены на конце косы или на мысу, и к ним нельзя было подойти ни с суши, так как два раза в день, через каждые двенадцать часов, наступал морской прилив, ни с моря, так как при наступлении отлива корабли терпели большие повреждения на мели. Таким образом, то и другое затрудняло осаду городов. И если удавалось взять верх над жителями сооружением огромной насыпи и плотин, которые отбивали волны и достигали высоты городской стены, заставляя их отчаиваться в своем спасении, тогда они пригоняли множество судов, которые были у них в изобилии, увозили на них все свои пожитки и укрывались в ближайших городах. Там они снова оборонялись, пользуясь теми же выгодами местоположения. Все это тем легче удавалось им в течение значительной части лета, что наши корабли задерживались бурями и вообще плавание по безбрежному и открытому морю с высокими волнами его приливов и при редкости и даже почти при полном отсутствии гаваней было чрезвычайно затруднительно.

13. Надо сказать, что их собственные корабли были следующим образом построены и снаряжены: их киль был

несколько более плоским, чтобы легче было справляться с мелями и отливами; носы, а равно и кормы были целиком сделаны из дуба, чтобы выносить какие угодно удары волн и повреждения; ребра корабля были внизу связаны балками в фут толщиной и скреплены гвоздями в палец толщиной; якоря укреплялись не канатами, но железными цепями; вместо парусов на кораблях была грубая или же тонкая дубленая кожа, может быть, по недостатку льна и неумению употреблять его в дело, а еще вероятнее потому, что полотняные паруса представлялись недостаточными для того, чтобы выдерживать сильные бури и порывистые ветры Океана и управлять такими тяжелыми кораблями. И вот когда наш флот сталкивался с этими судами, то он брал верх единственно быстротой хода и работой гребцов, а во всем остальном галльские корабли удобнее приспособлены к местным условиям и к борьбе с бурями. И действительно, наши суда не могли им вредить своими носами (до такой степени они были прочными); вследствие их высоты нелегко было их обстреливать; по той же причине не очень удобно было захватывать их баграми. Сверх того, когда начинал свирепеть ветер и они все-таки пускались в море, им было легче переносить бурю и безопаснее держаться на мели, а когда их захватывал отлив, им нечего было бояться скал и рифов. Наоборот, все подобные неожиданности были очень опасны для наших судов.

14. По завоевании нескольких городов Цезарь убедился, что все это напрасный труд, что даже захват городов не останавливает бегства неприятелей и вообще им нельзя причинить вред. Поэтому он решил дожидаться своего флота. Как только он пришел и показался врагам на глаза, около двухсот двадцати вполне готовых к бою и во всех отношениях отлично снаряженных кораблей вышли из гавани и стали против наших. Ни командир всего флота Брут, ни командовавшие отдельными кораблями военные трибуны и центурионы не

могли решить, что им делать и какой тактики держаться в бою. Они знали по опыту, что корабельными носами повредить неприятелю нельзя, а если они и устанавливали на своих судах башни, то они не достигали высоты неприятельских корм, и таким образом, обстрел их с более низкого пункта был не вполне действителен, тогда как галльские снаряды были с большей силой. Одно только наше приспособление оказалось очень полезным — острые серпы, вставленные в шесты и прикрепленные к ним, приблизительно вроде стенных серпов. Когда ими захватывали и притягивали к себе канаты, которыми реи прикреплялись к мачтам, то начинали грести и таким образом разрывали их. Тогда реи неизбежно должны были падать и лишенные их галльские корабли, в которых все было рассчитано на паруса и снасти, сразу становились негодными в дело. Дальнейшая борьба зависела исключительно от личной храбрости, в которой наши солдаты имели тем больший перевес, что сражение шло на глазах Цезаря и всего войска и, следовательно, ни одно сколько-нибудь значительное проявление геройства не могло остаться незамеченным, ибо все ближайшие холмы и высоты, с которых открывался вид на море, были заняты нашим войском.

15. Когда реи, как мы указали, бывали сбиты, то по два и по три наших корабля окружали один неприятельский, и солдаты, напрягая все силы, старались перейти на неприятельские корабли. Когда, таким образом, было взято с бою несколько кораблей и варвары заметили, что против этого все средства были бессильны, они поспешили спастись бегством. Но когда они уже повернули свои корабли в направлении ветра, вдруг наступило на море такое безветрие и такая тишина, что они не могли двинуться с места. Эта случайность особенно содействовала окончанию всего предприятия: гоняясь за неприятельскими кораблями, наши захватывали их один за другим, так что изо всей их массы только очень немногие достигли при

наступлении ночи берега после сражения, продолжавшегося приблизительно с четвертого часа дня до захода солнца.

16. Это сражение положило конец войне с венетами и со всем побережьем. Ибо туда сошлись все способные носить оружие, даже пожилые люди, обладавшие хоть некоторым умом и влиянием; в этом же пункте были отовсюду собраны все корабли, которые только были в их распоряжении. Все это погибло, и уцелевшим некуда было укрыться и неизвестно, как защищать города. Поэтому они со всем своим достоянием сдались Цезарю. Он решил строго покарать их, чтобы на будущее время варвары относились с большим уважением к праву послов, и приказал весь их сенат казнить, а всех остальных продать с аукциона.

17. Так шли дела в стране венетов. Тем временем Титурий Сабин³⁵ прибыл с теми войсками, которые он получил от Цезаря, в страну венеллов. Во главе их стоял Виридовик; он же был главнокомандующим всех вообще отпавших племен, у которых он набрал войско и большие вспомогательные силы; за последние дни также и аулерки, эбуровики и лексовии перебили свой сенат за его нежелание согласиться на эту войну, заперли ворота и соединились с Виридовиком. Кроме того, сюда сошлись во множестве со всей Галлии люди отчаянные и разбойники, которых отвлекала от земледелия и повседневного труда надежда на добычу и страсть к войне. Сабин спокойно стоял в лагере на позиции, во всех отношениях выгодной, несмотря на то, что Виридовик, утвердившийся против него в двух милях, ежедневно выводил против него свои войска и готов был дать сражение. В конце концов не только враги стали презирать Сабина, но даже и наши солдаты нередко задирали его своим злословием; и вообще он до такой степени внушил мнение о своей трусости, что враги осмели-

³⁵ См. гл. 11.

вались подходить уже к самому валу его лагеря. Это он делал на том основании, что легат, по его мнению, особенно в отсутствие главнокомандующего, мог бы дать решительное сражение столь превосходным силам врага только на удобной позиции и вообще при особо благоприятных условиях.

18. Укрепив за собой репутацию труса, он выбрал в своих вспомогательных войсках одного ловкого и подходящего для дела галла. Большими подарками и обещаниями он склонил его к тому, чтобы перейти к врагу, и дал ему точные указания относительно того, что от него требуется. Галл пришел к неприятелям как перебежчик и изобразил им страх римлян, сообщил также, как венеты теснят Цезаря и что не далее ближайшей ночи Сабин должен тайно вывести из лагеря свое войско и отправиться на помощь к Цезарю. Как только там это услышали, все подняли крик, что нельзя упускать такого благоприятного случая, но надо идти на штурм лагеря. Многие склоняло галлов к такому решению: колебания Сабина в предыдущие дни, ручательство перебежчика, недостаток съестных припасов, о которых они мало позаботились, надежда на успех венетской войны, наконец и то, что люди вообще охотно верят тому, что они желают. Под влиянием всего этого они не выпускали из собрания Виридовика и остальных вождей, пока им не будет разрешено взяться за оружие и идти на штурм лагеря. Этому разрешению они обрадовались так, как будто бы победа была уже в их руках; они набрали хворосту и фашинника, чтобы завалить им римские рвы, и двинулись на лагерь.

19. Римский лагерь стоял на возвышенности, которая постепенно поднималась [снизу] на протяжении около одной мили. Они бросились сюда бегом, чтобы совсем не дать римлянам времени собраться вооружиться для отпора, и добежали, еле переводя дыхание. Сабин ободрил своих и дал сигнал к бою, которого они страстно желали. Так как враги

были связаны ношей, которая была с ними, то он приказал своим внезапно напасть на них из двух ворот сразу. Выгодное местоположение, неосведомленность и изнурение неприятеля, храбрость солдат и опытность, приобретенная ими в прежних сражениях, привели к тому, что неприятели не выдержали даже первого нашего натиска и тотчас же обратились в бегство. Преследовавшие их со свежими силами наши солдаты перебили множество их при их неспособности к сопротивлению; остальных догнали всадники, от которых спаслись очень немногие, именно те, которые успели ускользнуть из бежавшей массы. Таким образом, одновременно Сабин получил известие о морском сражении, а Цезарь о победе Сабина, и все общины немедленно сдались Титурию Сабину. Действительно, насколько галлы бодро и решительно начинают войну, настолько же они слабохарактерны и нестойки в перенесении неудач.

20. Почти в то же самое время П. Красс прибыл в Аквитанию, которая, как сказано было раньше³⁶, по своему протяжению и населению составляет приблизительно треть всей Галлии. Принимая во внимание, что ему придется вести войну в таких местах, где немного лет тому назад был разбит и убит легат Л. Валерий Преконин³⁷ и откуда спасся бегством после потери всего обоза проконсул Л. Маллий³⁸, он понимал, что ему необходимо было действовать с величайшей осторожностью, и вот он обеспечил себя провиантом, набрал конницу и вспомогательные войска и, кроме того, вызвал поименно много храбрых ветеранов из Толосы, Каркассона и Нарбона, городов Провинции Галлии, лежащих по соседству с этими местами, а затем вступил со своими войсками в страну сотиа-

³⁶ См. I, 1.

³⁷ О легате Л. Валерии Преконике «ведений нет. Точно определить время его поражения невозможно.

³⁸ В 78 году до н. э.

тов. При известии о его приближении сотиаты собрали большое войско и конницу, составлявшую их главную силу, напали на наш отряд во время его движения и завязали прежде всего конное сражение, а когда наши отбросили конницу и стали ее преследовать, они внезапно появились со своими пешими силами из лощины, где они были в засаде. Напав на наши разрозненные части, они возобновили сражение.

21. Оно длилось долго и было упорным, так как сотиаты, полагаясь на свои прежние победы, понимали, что исключительно от их храбрости зависит спасение всей Аквитании, а наши солдаты очень желали показать, на что они способны в отсутствие главнокомандующего без поддержки остальных легионов и под предводительством очень молодого командира. Наконец, враги, изнемогая от ран, обратились в бегство. Перебив большое число их, Красс тут же с похода начал осаду их города. Вследствие их храброго сопротивления он двинул на них подвижные галлерей и башни. Они отчасти пытались делать вылазки, либо подводили подкопы под наш вал и галлерей: в этом деле они имеют очень большую опытность, так как у них в разных местах много медных рудников и каменноломен. Но заметив, что все эти меры ни к чему не приводят ввиду нашей бдительности, они отправили к Крассу послов с просьбой принять их на капитуляцию. Эта просьба была уважена под условием выдачи оружия, что они и сделали.

22. В то время как внимание римлян было направлено исключительно на эту капитуляцию, из другой части города главный вождь сотиатов Адиятунн попытался сделать вылазку во главе отряда из шестисот «преданных», которых галлы называют «солдуриями». Их положение таково: они обыкновенно пользуются всеми благами жизни сообща с теми, чьей дружбе они себя посвятили; но если этих последних постигнет насильственная смерть, то солдурии разделяют их участь или же сами лишают себя жизни; и до сих пор на памяти

истории не оказалось ни одного такого солдурия, который отказался бы умереть в случае умерщвления того, кому он обрек себя в друзья. Вот с ними-то и попытался прорваться Адиатунн. Но на этой стороне наших укреплений подняли крик, солдаты сбежались к оружию, и после ожесточенного сражения Адиатунн был отброшен в город. Впрочем, он добился от Красса тех же условий сдачи, как и другие.

23. По выдаче оружия и заложников, Красс двинулся в сторону вокатов и тарусатов. Только тогда на варваров произвела глубокое впечатление весть о том, что город, укрепленный и природой и человеческим искусством, был взят римлянами через несколько дней после их прихода. Они стали рассылать повсюду посольства, заключать тайные союзы, обмениваться заложниками и набирать войско. Даже к пограничным с Аквитанией общинам Ближней Испании были отправлены послы: отсюда они пригласили к себе не только вспомогательные войска, но и вождей. С их прибытием они начали снова вести войну с большой решительностью и при наличии крупных боевых сил. В вожди были выбраны люди, все время служившие под знаменами Кв. Сертория и считавшиеся большими знатоками военного дела. По примеру римлян они стали выбирать удобные позиции, укреплять лагерь, отрезывать наших от подвоза. Красс понял, что его собственный отряд ввиду его малочисленности неудобно дробить, что враги рыскают всюду, занимают дороги и все-таки оставляют достаточное прикрытие для своего лагеря, а потому подвоз хлеба и прочего провианта становится для него все более и более затруднительным, тогда как численность врагов увеличивается со дня на день. Поэтому он решил безотлагательно дать генеральное сражение. Доложив об этом военному совету и увидев, что все того же мнения, он назначил сражение на следующий день.

24. На рассвете он вывел все свое войско, выстроил его в две линии, поместив вспомогательные отряды в центре, и стал

ждать, что предпримут враги. Последние ввиду своего численного превосходства и старой военной славы, а также вследствие нашей малочисленности были уверены в том, что решительный бой не будет для них опасен; но еще более безопасным представлялось им занять дороги, отрезать подвоз и таким образом одержать бескровную победу: именно в случае, если бы римляне за недостатком съестных припасов начали отступать, они рассчитывали напасть на них (с еще большей уверенностью в своих силах) во время похода, когда они помимо других затруднений будут обременены поклажей. Этот план был одобрен вождями; поэтому, хотя римляне и вывели свое войско, галлы держались спокойно в своем лагере. Но их колебания и кажущийся страх только повысили бодрость и боевой пыл у наших солдат, и отовсюду стали слышаться голоса, что нечего больше ждать, но пора идти на лагерь. Понявший намерения врагов, Красс ободрил своих и к их общему удовольствию быстро двинулся на лагерь врагов.

25. Там одни стали засыпать рвы, другие градом снарядов старались выбивать с вала и из укреплений их защитников, а солдаты вспомогательных отрядов, которым Красс не придавал большого боевого значения, подавали камни и снаряды, носили дерн для вала и этим с виду могли быть приняты за бойцов; но и враги сражались стойко и бесстрашно, и их снаряды, пускаемые сверху, попадали в цель. Но римские всадники, успевшие объехать неприятельский лагерь, донесли Крассу, что у задних ворот он укреплен не с такой же тщательностью, как в других местах, и легко может быть атакован.

26. Красс посоветовал командирам конницы подбодрить своих людей большими наградами и обещаниями и дал им необходимые указания. Те, как и было приказано, вывели когорты, оставленные для прикрытия лагеря и до сих пор не бывшие в деле, повели их дальним и кружным путем так, чтобы их не было видно из неприятельского лагеря, и,

пользуясь тем, что все внимание врага было устремлено на сражение, быстро достигли указанных укреплений. Они прорвали их и утвердились в неприятельском лагере, прежде чем враги могли даже заметить их и понять, в чем дело. Теперь, когда наши услышали крик с той стороны, они с обновленными силами, как эта обыкновенно бывает в ожидании победы, еще смелее ударили на врага. Обойденные со всех сторон, неприятели в полном отчаянии стали бросаться из своих укреплений и поспешно спасаться бегством. Их преследовала на совершенно открытой местности конница, вернувшаяся в лагерь только поздно ночью. Из пятидесяти тысяч человек, которые, по точным сведениям, собрались сюда из Аквитании и от кантабров, уцелела едва одна четверть.

27. При известии об этом сражении большая часть Аквитании сдалась Крассу и сама послала ему заложников. В числе сдавшихся были тарбеллы, бигеррионы, птиании, вокаты, тарусаты, элусаты, гаты, ауски, гарумны, сибузаты, кокосаты. Лишь несколько отдаленных народностей пренебрегли этим, полагаясь на время года, так как уже приближалась зима.

28. После покорения всей Галлии только морины и менапии еще стояли под оружием и вообще ни разу не присылали к Цезарю мирного посольства. Хотя лето было на исходе, но Цезарь повел туда свое войско в надежде скоро окончить эту войну. Однако эти племена стали вести войну совсем иначе, чем остальные галлы. Так как они видели, что даже самые большие народности в открытом бою с римлянами потерпели полное поражение, то они со всем своим достоянием укрылись в сплошных лесах и болотах своей страны. Когда Цезарь подошел к началу этих лесов и стал укреплять там свой лагерь, врагов некоторое время не было видно; но как только наши разделились за работой на партии, они вдруг выскочили отовсюду из леса и напали на наших. Те немедленно схватились за оружие и отбросили их в леса, причем нескольких че-

ловек убили; но, попробовав преследовать их в местах, трудно проходимых, сами понесли некоторые потери.

29. Затем в течение нескольких дней подряд по распоряжению Цезаря занимались рубкой леса. Чтобы на вооруженных солдат не могло быть нападений врасплох с флангов, он приказал; все срубленные деревья повертывать верхушками к врагу и, накладывая их одно на другое, устраивать с обоих боков своего рода вал. В несколько дней с невероятной быстротой была готова целая большая полоса, и римляне уже захватили скот и хвост неприятельского обоза, но сами неприятели удалились в еще более густую чащу. Но тут наступила такая плохая погода, что работу пришлось по необходимости прекратить, и от непрерывных дождей солдаты дольше не могли жить в палатках. Тогда Цезарь опустошил все неприятельские поля, сжег все их селения и усадьбы, отвел войско назад и разместил его на зимних квартирах у аулерков и лексовиев, а также и у остальных племен, которые только что с ними воевали.

Книга четвертая

1. В следующую зиму (это был год консульств Гн. Помпея и М. Красса) два германских племени — усипеты и тенктеры — перешли большой массой через реку Рейн недалеко от его впадения в море. Причиной этого переселения было то, что они много лет страдали от свебов, которые беспокоили их войнами и мешали обрабатывать землю. Свебы — самый большой и самый воинственный народ, во всей Германии. Говорят, что их страна состоит из ста пагов, каждый из которых ежегодно высылает за границу по тысяче вооруженных людей на войну. Остающиеся дома прокармливают и себя и их; эти в свою очередь через год становятся под оружие, а те остаются дома. Таким образом у них нет перерыва ни в обработке полей, ни в приобретении военных знаний и опытности. У них вовсе нет земельной собственности, и никому не позволено больше года оставаться на одном месте для обработки земли. Питаются они сравнительно мало хлебом, а главным образом молоком и мясом своего скота. Кроме того, они проводят много времени на охоте. Она развивает их физические силы и общает им огромный рост, благодаря особой пище, ежедневным упражнениям и полной свободе, так как их с самого детства не приучают к повиновению и дисциплине, и они делают только то, что им нравится. В конце концов они так себя закалили, что даже в самых холодных местностях надевают на себя только короткие шкуры, оставляющие значительную часть тела открытой, и купаются в реках.

2. Купцов они допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-либо привозные товары. Даже привозных лошадей, до которых такие охотники галлы, покупающие их за большие деньги, германцы не употребляют, но в своих доморощенных, малорослых и безобразных лошадях развивают ежедневными упражнени-

ями чрезвычайную выносливость. В конных сражениях они часто соскакивают с лошадей и сражаются пешими, а лошади у них приучены оставаться на месте, и в случае надобности они быстро к ним отступают. По их понятиям, нет ничего позорнее и трусливее, как пользование седлом. Поэтому, как бы их ни было мало, они не задумываются атаковать любое число всадников на оседланных конях. Вино они вообще не позволяют к себе ввозить, так как, по их мнению, оно изнеживает человека и делает его неспособным выносить лишения.

3. По их понятиям, чем шире пустыни вокруг границ страны, тем больше для нее славы: это признак того, что многие другие народы не в состоянии бороться с ее силой. Так, на одной стороне области свебов, говорят, лежит пустыня около шести тысяч миль. На другой стороне с ними граничат убии, которые когда-то образовали обширное и цветущее государство, поскольку на это вообще способны германцы. Они несколько культурнее остальных своих сородичей, так как живут у самого Рейна; к ним часто приезжают купцы, да и сами они усвоили себе некоторые нравы своих соседей-галлов. Часто воевавшие с ними свебы не могли выгнать их из их страны вследствие ее больших размеров и могущества, но все-таки сильно принизили и ослабили их и сделали своими данниками.

4. В том же положении оказались и вышеупомянутые ушпеты и тенктеры, которые в течение многих лет сопротивлялись напору свебов, но в конце концов были изгнаны из своей земли и после трехлетних скитаний в разных местах Германии достигли Рейна. В этом районе жили менапии и по обоим берегам реки имели земли, дворы и селения; но, уstraшенные подходом такой массы, они выселились из своих дворов за реку, расставили по сю сторону Рейна вооруженные отряды и старались помешать переходу германцев. Те делали всевозможные попытки переправиться, но для форсирования реки у них не доставало судов, а пройти тайно они не могли из-за

береговой охраны. Тогда они притворились, что возвращаются к себе на родину, но после трехдневного похода вернулись назад, сделали весь этот переход со своей конницей в одну ночь и совершенно неожиданно напали на менапиев, которые вследствие известий разведчиков об уходе германцев безбоязненно переселились за Рейн в свои деревни. Германцы перебили их, захватили их суда, переправились через реку, прежде чем об этом могла узнать находившаяся по сю сторону Рейна часть менапиев, и, захватив их хутора, прожили конец зимы их запасами.

5. Как только Цезарь был извещен об этом, он счел совершенно невозможным доверяться в этом деле галлам из боязни их слабохарактерности, так как они слишком скоры на решения и обыкновенно склонны ко всяким переменам. Действительно, у галлов есть привычка останавливать путешественников даже против их воли и расспрашивать их, что они о том или ином слышали или узнали; точно так же в городах народ окружает купцов и заставляет их рассказывать, из каких они стран и что они там узнали. Под впечатлением всех этих слухов и пустой болтовни они часто принимают решения по самым важным делам и, конечно, немедленно в них раскаиваются, так как верят неопределенным слухам, и большинство сообщает им в угоду прямые выдумки.

6. Зная эту привычку, Цезарь отправился к войску ранее, чем обыкновенно, чтобы пресечь войну, пока она еще не приняла более опасного оборота. При своем прибытии он убедился в том, что его предположения подтвердились: некоторые племена уже отправили к германцам посольства с приглашением отступить от Рейна и с обещанием исполнить все их требования. Обнадеженные этими обещаниями, германцы расширили район своих набегов и уже вступили в область подчиненных треверам эбуронов и кондрусов. Цезарь вызвал к себе галльских князей, но счел нужным скрыть от

них свои сведения; он просто успокоил и ободрил их, потребовал от них конницы и решил начать войну с германцами.

7. Обеспечив себя продовольствием и набрав конницу, он пошел походом в те местности, в которых, по слухам, находились германцы. Когда он был на расстоянии нескольких дней пути от них, к нему пришли их послы со следующим заявлением: *германцы не начинают первыми войны с римлянами, но если их заденут, не отказываются от боя, так как, по унаследованному от предков обычаю, они дают отпор всякому нападающему врагу, а не упрашивают его. Но вот что они хотят сказать: не по доброй воле они пришли сюда, но изгнанниками из отечества; если римляне желают их дружбы, то они могут быть полезными для них друзьями; тогда пусть они отведут им земли или оставят за ними те, которыми они овладели с помощью оружия: они уступают только одним сведам, с которыми даже бессмертные боги не могут померяться; а кроме них нет никого на свете, кого бы они не были в состоянии победить.*

8. На это Цезарь дал ответ, какой счел нужным, но конец его речи был таков: *у него не может быть никакой дружбы с ними, если они останутся в Галлии; несправедливо, чтобы чужую землю захватывали те люди, которые не могли защитить своей; да и нет в Галлии никакой свободной земли, чтобы ее можно было дать им, особенно при таком их множестве, не обижая других; но если они хотят, они могут поселиться в стране убиев, послы которых теперь как раз находятся у него с жалобой на обиды свебов и с просьбой о помощи: об этом он отдаст приказ убиям.*

9. Послы сказали, что сообщат об этом своим и по обсуждении этого предложения на третий день вернутся к Цезарю; а на это время они просили его не продвигаться вперед. Но Цезарь заявил им, что и на это он не согласен. Дело в том, что, по полученным им сведениям, несколько дней тому назад они послали за добычей и за провиантом большой конный отряд в страну амбиваритов за Мосой: теперь они,

предполагал он, поджидают возвращения этого отряда и именно с этой целью добиваются отсрочки.

10. Моза зарождается в области лингонов в горном хребте Вогесе, затем принимает в себя один из рукавов Рейна, по имени Вакал, образует с ним остров батавов и приблизительно в восьмидесяти милях от него впадает в Океан. А Рейн зарождается в области альпийского народа лепонтиев, затем на большом протяжении течет с большой быстротой по земле нантуатов, гельветов, секванов, медиоматриков, трибоков и треверов. Недалеко от Океана он разделяется на несколько рукавов и образует много огромных островов; значительная часть из них населена дикими и варварскими народностями, из которых некоторые будто бы питаются только рыбой и птичьими яйцами. Наконец, многими устьями Рейн впадает в Океан.

11. Когда Цезарь был не более, чем в двенадцати милях от врага, к нему, как и было условлено, вернулись послы; встретив его на походе они, очень просили не двигаться дальше. Получив в этом отказ, они стали просить послать гонца к тем всадникам, которые образовали его авангард, и удержать их от сражения, а им разрешить отправить послов к убиям; если князья и сенат этого народа дадут им клятвенное ручательство, то они готовы принять предложение Цезаря, но для этого они просят, у него три дня сроку. Цезарь понимал, что все это клонится к тому, чтобы выиграть эти три дня и дать вернуться отсутствующим всадникам; однако он заявил им, что продвинется вперед не более, чем на четыре мили за водой; пусть они соберутся туда на следующий день в большом числе: тогда он разберет их требования. А тем временем он послал начальникам всей конницы, шедшей в авангарде, приказ не нападать на врага, а если на них нападут, то ограничиться обороной, пока он сам не подойдет с главными силами.

12. Наша конница состояла из пяти тысяч человек, а у неприятеля было налицо не более восьмисот всадников, так как

те, которые переправились на другой берег Мосы за фуражом, еще не вернулись; тем не менее, как только они заметили наших всадников, они напали на них и быстро привели в замешательство: дело в том, что послы неприятелей незадолго до того ушли от Цезаря и просили перемирия именно на этот день; вот почему наши всадники не опасались никакого нападения. Когда они стали сопротивляться, те, по своему обыкновению, спешили и, подкалывая наших лошадей, многих из наших сбили с них, а остальных обратили в бегство и гнали в такой панике, что те перестали бежать только при появлении головного отряда нашей пехоты. В этом сражении было убито из наших всадников семьдесят четыре человека, в том числе храбрый и очень знатный аквитанец Писон, дед которого был некогда царем своего народа и получил от нашего сената титул друга. Поспешив на помощь к своему брату, которого окружили враги, он выручил его, но сам был сбит со своего раненого коня; тем не менее, пока был в состоянии, очень храбро защищался; наконец, окруженный врагами, он пал от ран. Когда его брат, бывший уже вне линии боя, издали заметил это, он во весь опор бросился на врагов и также был убит.

13. После этого сражения Цезарь считал уже совершенно недопустимым выслушивать послов и принимать какие-либо предложения от людей, которые сначала лживо и коварно просили мира, а затем сами, без всякого повода, открыли военные действия; а ждать усиления неприятельского войска и возвращения конницы он признавал верхом безумия. Зная, далее, галльское непостоянство, он видел, как уже много выиграли в их глазах враги только одним этим сражением: разумеется, им нельзя было давать ни одной минуты на принятие каких-либо решений. После таких соображений он сообщил легатам и квестору свое решение не терять ни одного удобного дня для сражения. Но тут весьма кстати случилось, что на следующий день к Цезарю в Лагерь явились в

большом количестве — столь же вероломно и лицемерно — германцы вместе со своими князьями и старейшинами будто бы для извинения в том, что накануне их люди завязали сражение вопреки соглашению и их собственной просьбе, а также для того, чтобы по возможности обманно выпросить себе новую отсрочку. Цезарь был очень рад, что они попались ему в руки, и приказал их задержать; сам же выступил со всем своим войском из лагеря, а коннице приказал идти в арьергарде, так как полагал, что она все еще находится в страхе от вчерашнего сражения.

14. Построив войско в три линии, он быстро прошел восемь миль и достиг неприятельского лагеря, прежде чем германцы успели понять в чем дело. Их все сразу ошеломило: быстрота нашего наступления, отсутствие своих и невозможность, за недостатком времени, посоветоваться друг с другом и взяться за оружие; в смятении они не знали, что лучше — вывести ли войско против неприятеля, защищать ли лагерь или спастись бегством. Покамест они обнаруживали свой страх шумом и беспорядочной беготней, наши солдаты, раздраженные их вчерашним вероломством, ворвались в лагерь. Здесь те из них, которые успели быстро схватиться за оружие, некоторое время сопротивлялись и завязали сражение между обозными телегами. Но вся остальная масса, состоявшая из женщин и детей (они оставили родину и перешли через Рейн всем народом), бросилась бежать врассыпную; в погоню за ними Цезарь послал конницу.

15. Когда германцы услышали у себя в тылу крик и увидели избиение своих, то они побросали оружие, оставили знамена и кинулись из лагеря; но, добежав вплоть до того места, где Моса сливается с Рейном, должны были отказаться от дальнейшего бегства: очень многие из них были перебиты, уцелевшие бросились в воду и погибли, не справившись ни со своим страхом и утомлением, ни с силой течения. Наши

все до одного, за исключением весьма немногих раненых, благополучно вернулись в лагерь, избавившись от очень опасной войны, так как число неприятелей доходило до четырёхсот тридцати тысяч человек. Тем, которые были задержаны в лагере, Цезарь разрешил удалиться, но они, из боязни подвергнуться мучительной казни со стороны галлов, земли которых были ими разорены, заявили, что желают остаться у него. Тогда Цезарь даровал им свободу.

16. По окончании войны с германцами Цезарь по многим причинам счел необходимым переправиться через Рейн. Важнейшей из них было его желание внушить германцам, которые очень легко склоняются к переходу в Галлию, страх за их собственные владения и показать им, что у римской армии хватит силы и решимости перейти через Рейн. К тому же часть конницы усипетов и тенктеров, которая, как я выше упоминал, перешла через Мосу за добычей и за провиантом и не участвовала в бою, после поражения своих укрылась за Рейном в стране сугамбров и соединилась с ними. Когда Цезарь послал к ним гонцов с требованием выдачи ему тех германцев, которые напали на него и на Галлию, они ему отвечали: *власть римского народа кончается рекой Рейном. Если Цезарь считает несправедливым переход германцев против его воли в Галлию, почему же он желает присвоить себе права и господство над какими бы то ни было землями за Рейном? Наконец, убии, которые одни из зарейнских народов отправили к Цезарю послов, заключили с ним дружественный договор и дали заложников, теперь настойчиво просят помочь им против притеснений со стороны свебов: если же по соображениям политическим он этого сделать не может, то пусть он переправит свое войско через Рейн: это будет для них достаточной поддержкой и, кстати, гарантией на будущее время. Поражением Ариовиста и этим недавним сражением, говорили они, войско это стяжало себе такое имя и славу даже у самых отдаленных германских народностей,*

что уже самая идея дружбы с римским народом может вполне их обезопасить. Вместе с тем они обещали большое число кораблей для переправы войска.

17. По указанным причинам Цезарь решил переправиться через Рейн. Но переправу на судах он считал не вполне безопасной и не соответствующей его личной чести и достоинству римского народа. Хотя работы по постройке моста представлялись чрезвычайно трудными вследствие ширины, глубины и быстроты течения этой реки, он твердо решил или добиться своей цели, или уже не переправлять войска каким-либо иным способом. Мост он построил следующим образом. Бревна в полтора фута толщиной, несколько заостренные снизу и по длине своей соразмерные с глубиной реки, соединялись друг с другом попарно на расстоянии двух футов. Они были с помощью машин опущены в реку, укреплялись и вколачивались бабами, однако не перпендикулярно, как вбиваются обыкновенные сваи, но наискось, наподобие стропил, и с уклоном в сторону течения реки; против каждой из этих пар вбивалась на расстоянии сорока футов по дну пара бревен, соединенная таким же образом, но уже поставленная против течения. Обе эти пары соединялись сверху поперечной балкой в два фута толщиной соответственно расстоянию между соединенными бревнами [каждой пары] и держались в одинаковом одна от другой расстоянии посредством двух болтов на обоих концах поперечной балки. Так как, следовательно, эти пары балок были [посредством поперечных балок] разъединены и укреплены в обе противоположные стороны, то все сооружение получило естественным образом такую прочность, что чем сильнее был напор воды, тем крепче все его балки были связаны друг с другом. Поперечные сваи были устланы сверху продольными брусьями, а эти последние были покрыты шестами и фашинами. Тем не менее были еще вогнаны наискось вниз по течению сваи несколько ниже самих балок и вроде таранов,

чтобы в соединении со всем сооружением разбивать напор воды. Были также и другие защитные сваи выше моста [против течения] на небольшом от него расстоянии, с тем чтобы стволы деревьев или бревна, которые вздумают пустить варвары по течению для разрушения моста, разбивались о них и не вредили мосту.

18. В течение десяти дней с того времени, как начали свозить лес, вся постройка была закончена, и теперь приступили к переправе войска. Цезарь оставил сильное прикрытие на обоих концах моста и поспешил двинуться в страну сугамбров. Тем временем к нему пришли послы от многих племен. На просьбу их о дружбе и о мире он дал благосклонный ответ и приказал привести заложников. Но сугамбры еще со времени начала постройки моста, по совету находившихся у них тенктеров и усипетов, приготовились к бегству, выселились из своей страны со всем своим движимым имуществом и укрылись в глухих лесах.

19. Пробыв несколько дней в их стране, Цезарь приказал сжечь все селения и дворы и скосить хлеб, затем вернулся в область убиев и обещал им свою помощь на случай нападения свебов. О них он получил следующие сведения: *после того как свебы узнали от разведчиков о постройке моста, они, по своему обыкновению, созвали собрание и разослали повсюду гонцов с предложением выселяться из городов, укрыть в лесах жен и детей и все движимое имущество, а всем способным носить оружие сходиться в одно место: оно выбрано приблизительно в центре свебских владений; здесь они намерены поджидать прихода римлян и дать им решительный бой.* Таковы были сведения, полученные Цезарем. Он уже привел в исполнение все то, ради чего решил переправить войско: нагнал страху на германцев, покарал сугамбров, освободил убиев от осады. Полагая, что им достаточно сделано для славы и пользы римского народа, он после восемнадцатидневного пребывания за Рейном вернулся в Галлию и снес мост.

20. Хотя лето уже подходило к концу, и в этих местах ввиду северного положения Галлии зимы наступают рано, однако, Цезарь решил предпринять поход в Британнию, так как знал, что почти во все войны с Галлией оттуда посылались подкрепления нашим врагам; если бы даже остаток лета оказался недостаточным для ведения регулярной войны, то он все-таки считал очень полезным для себя хотя бы только вступить на этот остров, познакомиться с его населением и добыть сведения о его местностях, гаванях и удобных для высадки пунктах. Все это галлам было почти неизвестно. И действительно, туда не заходит без крайней нужды никто, кроме купцов, да и они знакомы исключительно с морским побережьем и местностями, лежащими против Галлии. Поэтому хотя он пригласил к себе отовсюду купцов, но не мог дознаться от них, как велик остров, какие народности его населяют и насколько они многочисленны, какова их боевая опытность и каковы учреждения, наконец, какие гавани в состоянии вместить более или менее значительный флот.

21. Чтобы осведомиться обо всем этом до начала своего предприятия, он предварительно послал туда с военным кораблем Г. Волусена³⁹, которого считал подходящим для этой цели. Ему он поручил произвести все необходимые разведки и затем как можно скорее вернуться. А сам со всем войском двинулся в страну моринов, так как оттуда была кратчайшая переправа в Британнию. Здесь он назначил сбор всех кораблей из соседних местностей и флота, построенного им прошлым летом для войны с венетами⁴⁰. Тем временем его планы стали известными и через купцов дошли до британцев. Тогда от многих общин явились к нему послы с обещанием дать заложников и подчиниться римской власти. По выслушании их он отпустил их с дружественными обещани-

³⁹ О Волусене см. III, 5.

⁴⁰ См. III, 9 сл.

ями и с советом остаться при этом своем решении. Вместе с ними он послал Коммия⁴¹, которого после победы над атребатами назначил им в цари: он ценил его храбрость и ум и считал преданным себе; к тому же Коммий пользовался в этих местах большим личным влиянием. Он приказал Коммию посетить возможно большее количество племен и посоветовать им отдаться под покровительство римского народа, а также сообщить им о скором прибытии самого Цезаря. Волусен осмотрел все пункты, насколько это было для него возможно, так как он не решался сойти с корабля и довериться варварам. На пятый день он вернулся к Цезарю и доложил обо всех своих наблюдениях.

22. В то время как Цезарь занят был в этих местах изготовлением кораблей, от значительной части моринов пришли к нему послы с извинением за свое поведение в прошлом году, именно, что по своей дикости и незнанию наших порядков они открыли войну против римского народа. Вместе с тем они обещали исполнять на будущее время все его требования. Для Цезаря это было очень кстати, так как он не хотел оставлять у себя в тылу врага, а воевать с ним по времени года не имел возможности; наконец, он не считал возможным интересоваться такими мелочами предпочтительно перед британской экспедицией. Поэтому он потребовал от них большого количества заложников и по выдаче их принял этот народ под римское покровительство. Ему удалось собрать и сосредоточить в одном месте около восьмидесяти грузовых судов, которых, по его мнению, было достаточно для перевоза двух легионов, а все находившиеся, сверх того, что в его распоряжении военные суда он распределил между квестором, легатами и префектами. Сверх того, у него были еще восемнадцать грузовых судов, которые задерживались ветром в восьми милях от сборного

⁴¹ См. II, 16—28, особенно II, 23.

пункта и не могли достигнуть гавани; они были определены им на перевоз конницы. Остальное войско он поручил легатам Кв. Титурию Сабину и А. Аурункулею Котте отвести в области менапиев и те округа моринов, от которых у него не было послов, а легату П. Сульпицию Руфу он приказал занять гавань с достаточным отрядом.

23. Отдав эти распоряжения, Цезарь дождался удобной для плавания погоды и около третьей стражи снялся с якоря; при этом коннице он приказал отправиться к дальней гавани, сесть на корабли и следовать за ним. Она, однако, несколько запоздала. Сам он достиг с первыми кораблями около четвертого часа дня Британнии и заметил, что там на всех холмах стоят вооруженные неприятельские отряды. Естественные особенности этого пункта таковы, что горы очень близко подходят к морю и суживают его; таким образом, с этих высот возможен обстрел всего берега. Находя, что высадка здесь совершенно неудобна, Цезарь простоял до девятого часа на якоре в ожидании подхода остальных кораблей. Тем временем он созвал легатов и военных трибунов, познакомил их со сведениями, полученными от Волусена, и со своими собственными намерениями и предупредил, что они должны все выполнять по первому его мановению и во-время, как это вообще требуют правила войны, особенно же на море, где все быстро меняется. Едва Цезарь отпустил их, как начался благоприятный ветер и прилив. Тогда он дал сигнал и приказал сняться с якоря. Пройдя затем отсюда около семи миль, он пристал к открытому и плоскому берегу.

24. Но варвары поняли намерения римлян. Они выслали вперед конницу и боевые колесницы, употребляемые ими почти во всех сражениях, сами с остальными силами последовали за ними и начали мешать нашей высадке. Она представляла много больших затруднений: наши корабли по своим размерам могли держаться на якоре только на глубо-

ких местах; солдаты же, не знавшие местности, с несвободными руками и обремененные сложным вооружением, должны были одновременно спрыгивать с кораблей, стараться стать твердой ногой в воде и сражаться с врагами, в то время как последние или оставались на сухом месте, или лишь немного входили в воду и при отличном знакомстве с местностью и полной свободе движения храбро стреляли в наших и налетали на своих хорошо обученных конях. Все это приводило наших в полное замешательство, и за отсутствием опытности в подобного рода боях они не проявляли в этой борьбе той бодрости и рвения, которые были им свойственны в сухопутных сражениях.

25. Заметив это, Цезарь приказал отвести в сторону от грузовых судов военные (которые и по своему виду были очень необычными для варваров и по быстротходности более подходили для подобных операций), дать им быстрый ход на веслах, поставить против незащищенного фланга врагов и на этой позиции отбивать и оттеснять их пращами, стрелами и метательными снарядами. Это распоряжение оказалось для наших очень полезным: самый вид кораблей, движение весел и непривычное действие метательных машин — все это произвело на варваров сильное впечатление; они остановились и несколько подались назад. Но наши солдаты все еще колебались, особенно вследствие глубины моря. Тогда орлоносец 9-го легиона обратился с мольбой к богам, чтобы его поступок принес счастье легиону, и сказал солдатам; *прыгайте, солдаты, если не хотите предать орла врагам; а я во всяком случае исполню свой долг перед республикой и императором.* С этим громким призывом он бросился с корабля и пошел с орлом на врагов. Тогда наши ободрили друг друга и, чтобы не навлекать на себя великого позора, все до одного спрыгнули с корабля; когда это заметили солдаты, находившиеся на ближайших кораблях, они также последовали этому примеру и двинулись на врага.

26. Обе стороны сражались ожесточенно. Но наши были в большом замешательстве, так как не могли ни держать строя, ни стать твердой ногой, ни собираться у своих знамен; люди, сходявшие каждый с разных кораблей, приставали к первым попавшимся частям. Наоборот, враги, которым были известны все мели, нападали, пустив в галоп коней, на наших каждый раз, как замечали с берега, что наши поодиночке оставляли корабли и первое время были в затруднении; при этом они в большом количестве окружали немногих, а другие обстреливали всю нашу линию на ее незащищенном фланге. Заметив это, Цезарь приказал посадить солдат на шлюпки военных кораблей, а также на разведочные суда и стал посылать подкрепления туда, где наших теснили. Но как только наши стали твердой ногой на сушу и к ним присоединились все другие их товарищи, они атаковали врагов и обратили их в бегство. Впрочем, они не могли слишком далеко их преследовать, так как конница не была в состоянии держаться намеченного курса и достигнуть острова. Только этого недоставало до полной удачи, до сих пор всегда сопутствовавшей Цезарю.

27. Как только разбитые враги после своего бегства пришли в себя, они тут же отправили к Цезарю послов с просьбой о мире и с обещанием дать заложников и исполнить все его требования. Вместе с этими послами вернулся к Цезарю атребат Коммий, который, как я выше указал, был им послан вперед в Британию. Когда он сошел с корабля и уже отправился к ним, чтобы в качестве уполномоченного сообщить им поручение Цезаря, они схватили его и заключили в оковы. Теперь, после сражения, они отпустили его назад. В своих просьбах о мире они сваливали вину на народную массу и просили извинения за свою необдуманность. Цезарь выразил им свое возмущение тем, что сначала они по собственному почину отправили к нему на материк послов для ходатайства о мире, а затем без причины пошли на него войной. Однако

он заявил им, что прощает их необдуманность, и потребовал заложников. Часть их они дали немедленно, другую обещали вызвать из отдаленных мест острова и выдать через несколько дней. А тем временем они приказали своим людям вернуться в деревни; их князья стали собираться со всех сторон и отдаваться под покровительство Цезаря.

28. Когда, таким образом, мир был упрочен, на четвертый день после прибытия в Британнию те восемнадцать кораблей, которые, как выше было указано⁴², перевозили конницу, вышли при тихом ветре из верхней гавани. Когда они уже приближались к Британнии и были видны из лагеря, вдруг поднялась такая буря, что ни один из них не был в состоянии держаться курса, но одни были отнесены к месту своего выхода, а другие выбросились с большой для себя опасностью к нижней части острова, которая лежала ближе к западу. Но когда они стали на якорь и их стало заливать водой, они по необходимости должны были, несмотря на темную ночь, выйти в открытое море и направиться к материку.

29. В ту же ночь случилось полнолуние; а этот день обыкновенно вызывает в Океане сильнейшие приливы, что нашим не было известно. Таким образом единовременно и военные корабли, на которых Цезарь организовал переправу войска и теперь приказал вытащить их на берег, заливало волнами, и стоявшие на якоре грузовые бросало в разные стороны бурей, так что у нас не было возможности ни управлять ими, ни подавать, где нужно, помощь. Значительное число кораблей разбилось, остальные же, лишившись канатов, якорей и прочих снастей, сделались непригодными к плаванию; а это, как и надо было ожидать, вызвало большую панику во всем войске. Действительно, других кораблей для обратного перевоза не было; равным образом совершенно не доставало нужных

⁴² См. гл. 22 и 23.

материалов для починки судов; и, наконец, так как все были уверены, что придется зимовать в Галлии, то в этой местности не заготовили провианта на зиму.

30. Британские князья, бывшие у Цезаря после сражения, обо всем этом узнали. Они заметили, что у римлян нехватает ни конницы, ни кораблей, ни хлеба и из малых размеров лагеря заключили о малочисленности войска; лагерь же был мал, между прочим, потому, что Цезарь переправил легионы без обоза. Тогда они вступили в переговоры, друг с другом и признали самым лучшим возобновить войну, отрезать наших от хлеба и подвоза и затянуть дело до зимы, в полной уверенности, что если это наше войско будет побеждено или отрезано от возвращения, то после этого уже никто не захочет переправляться в Британнию с враждебными целями. Поэтому они снова составили заговор и начали мало-помалу уходить из нашего лагеря и тайно собирать свой народ из деревень.

31. Хотя Цезарь еще не знал их намерений, но из несчастья со своими кораблями и из приостановки выдачи заложников делал такие предположения, которые и оправдались. Поэтому он на всякий случай принимал необходимые меры: ежедневно свозил хлеб с полей в лагерь; дерево и медь с тех кораблей, которые получили особенно тяжелые повреждения, приказал употребить на починку остальных, а другой необходимый материал привезти с материка. Таким образом, при чрезвычайно ревностной работе солдат, он лишился только двенадцати кораблей, а остальные снова были приведены в достаточную пригодность.

32. Во время этих работ один легион, именно 7-й, был по обыкновению, послан за хлебом. До сих пор покамест не было никаких оснований предполагать возобновление войны, так как часть населения оставалась в деревнях, а некоторые даже продолжали посещать наш лагерь. Вдруг с передовых постов, стоявших у лагерных ворот, Цезарю дали знать, что в том

направлении, в котором выступил легион, показалось необыкновенно большое облако пыли. Заподозрив у варваров какой-то особый умысел (что и было в действительности), Цезарь приказал этим караульным когортам отправиться с ним в этом направлении, двум другим сменить их, а остальным вооружиться и спешно следовать за ним. Отойдя немного от лагеря, он заметил, что враги теснят наших и последние с трудом держатся, а так как легион сбился в кучу, то его обстреливают со всех сторон. Дело в том, что хлеб был везде сжат и оставался только один участок. В предположении, что наши придут сюда, враги спрятались ночью в лесах; и вот, когда наши солдаты сняли с себя оружие и, рассеявшись в разные стороны, были заняты жатвой, британцы внезапно напали на них, несколько человек убили, а остальных привели в замешательство, тем более, что они не могли построиться в ряды; вместе с тем они окружили их конницами и боевыми колесницами.

33. Своеобразное сражение с колесниц происходит так. Сначала их гонят кругом по всем направлениям и стреляют, причем большей частью расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней и стуком колес; затем, пробравшись в промежутки между эскадронами, британцы соскакивают с колесниц и сражаются пешими. Тем временем возницы мало-помалу выходят из линии боя и ставят колесницы так, чтобы бойцы, в случае, если их будет теснить своей многочисленностью неприятель, могли легко отступить к своим. Таким образом в подобном сражении достигается подвижность конницы в соединении с устойчивостью пехоты. И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро спрыгивать в колесницу.

34. Все эти маневры и необычайный способ сражения привели наших в большое замешательство, и Цезарь весьма кстати подоспел к ним на помощь: при его приближении враги остановились, а наши оправились от страха. Несмотря на это, Цезарь счел неудобным напасть в этот момент на врага с целью завязать с ним сражение, но остался на своей позиции и немного спустя отвел легионы в лагерь. Тем временем, когда все наши были этим заняты, британцы, еще оставшиеся в деревнях, ушли из них. Затем несколько дней подряд были бури, которые и наших удерживали в лагере и врагам не давали нападать. Между тем варвары разослали во все стороны гонцов, всюду выставляли на вид, что наших солдат мало, и указывали на то, какой удобный случай представляется попользоваться добычей и навсегда закрепить за собой свободу, если удастся выбить римлян из их лагеря. Этим путем они быстро собрали многочисленную пехоту и конницу и двинулись на наш лагерь.

35. Цезарь предвидел, что и на этот раз произойдет то же, что было в предыдущие дни, то есть, что враги если и будут разбиты, то все-таки избегнут гибели благодаря своему проворству. Тем не менее, имея при себе только тридцать всадников, которых перевез с собою вышеупомянутый атребат Коммий⁴³, он выстроил легионы перед лагерем. В завязавшемся сражении враги не могли долго устоять перед натиском наших солдат и обратились в бегство. Наши преследовали их настолько, насколько позволяли силы и быстрота ног, и многих из них перебили; затем, предав пламени все их дворы всюду, где они попадались, они вернулись в лагерь.

36. В тот же день к Цезарю пришли послы от неприятелей с просьбой о мире. Цезарь потребовал от них вдвое большего

⁴³ См. гл. 21.

числа заложников, чем прежде⁴⁴, и приказал доставить их на материк, так как ввиду приближения равноденствия и дурного состояния кораблей не считал благоразумным подвергать свои войска опасностям плавания в период зимних бурь. А сам он выждал подходящей погоды и вскоре после полуночи снялся со своим флотом с якоря. В общем все его суда благополучно достигли материка, и только два грузовых не дошли до тех же гаваней, что и остальные, но были отнесены несколько ниже.

37. Высадившиеся с этих кораблей солдаты, числом около трехсот человек, шли в лагерь. Тут в надежде на добычу окружили их — сначала не в очень большом количестве — морины, которых Цезарь при своем отправлении в Британию оставил замиренными, и потребовали от наших положить оружие, если не хотят быть убитыми. Когда же те образовали карре и стали защищаться, на крик моринов сбежалось еще около шести тысяч человек. Получив об этом известие, Цезарь послал из лагеря своим на помощь всю конницу. Тем временем наши солдаты выдержали нападение неприятелей, в течение с лишком четырех часов очень храбро сражались и, потеряв лишь несколько человек ранеными, перебили много врагов. Но как только показалась наша конница, враги побросали оружие, бросились бежать, и еще их много было убито.

38. На следующий день Цезарь послал легата Т. Лабиена с перевезенными обратно из Британии легионами против возмущившихся моринов. Так как болота, в которых они скрывались в прошлом году, высохли, то теперь им некуда было укрыться, и они почти все попали в руки Лабиену. Легаты Кв. Титурий и Л. Котта, которые двинулись со своими легионами в область менапиев, опустошили все их поля, скосили

⁴⁴ См. гл. 27.

хлеб, сожгли дворы, так как сами менапии укрылись в густейших лесах, а затем вернулись к Цезарю. Цезарь выбрал для зимних квартир всех легионов страну бельгов. Туда всего две британских общины прислали заложников, остальные же этим пренебрегли. На основании донесения Цезаря по поводу этих событий сенат определил двадцати дневное молебствие⁴⁵.

⁴⁵ Эта чрезвычайная почать со стороны сената объясняется тем, что в данном году Цезарь открыл для римлян две до сих пор неизвестные им страны — Британию и Германию.

Книга пятая

1. В консульство А. Домиция и Аппия Клавдия Цезарь уехал из зимнего лагеря, как он это делал каждый год, в Италию⁴⁶, предварительно приказав легатам, которых он поставил во главе легионов, озаботиться во время зимы постройкой возможно большего количества новых судов и ремонтом старых. Он указал также, какой они должны быть конструкции и формы. Чтобы их можно было скорее нагрузить и легче вытащить на сушу, он приказал сделать их несколько ниже тех кораблей, которые ходят у нас в Нашем море⁴⁷, тем более, что, по его наблюдениям, там вследствие частой смены приливов и отливов волны не так высоки. С другой стороны, эти корабли должны быть несколько шире кораблей, плавающих в остальных морях, чтобы вмещать возможно большее количество грузов и вьючного скота. Все они должны быть быстроходными гребными судами, чему много способствует их низкая конструкция. Материалы для их оснастки Цезарь приказал привезти из Испании. Сам же он по закрытии судебных съездов в Ближней Галлии отправился в Иллирию, так как слыхал, что ее границу беспокоят своими опустошительными набегами пирусты. По прибытии туда он приказал общинам поставить солдат и собраться в определенном месте. При известии об этом пирусты отправили к нему послов с объяснением, что их община в этом совершенно неповинна и что они готовы дать какое угодно удовлетворение за причиненный вред. Выслушав это заявление, Цезарь приказал им дать заложников и доставить их к определенному сроку: *в противном случае он покарает общину*

⁴⁶ Под Италией здесь понимается Цисальпийская Галлия.

⁴⁷ «Наше море» — западная часть Средиземного моря (от Италии до Гибралтарского пролива).

вооруженной силой. Заложники были доставлены в указанный им срок, и он назначил третейских судей между общинами для определения убытка и размера вознаграждения.

2. Устроив эти дела и закончив судебную сессию, Цезарь вернулся в Ближнюю Галлию и оттуда отправился к войску. По прибытии туда осмотрел все зимние квартиры и нашел, что благодаря необыкновенному рвению солдат, несмотря на нужду в предметах первой необходимости, построено около шестисот кораблей указанного типа, а двадцать восемь военных судов уже настолько оснащено, что через несколько дней их можно спустить на воду. Похвалив солдат и руководителей работ, он дал им необходимые указания и приказал собраться всем к гавани Итию, откуда, как он знал по опыту, была самая удобная переправа в Британнию, находившуюся в этом пункте приблизительно в тридцати милях от материка. Для этого он оставил достаточное количество солдат. А сам с четырьмя легионами без багажа и с восьмьюстами всадников отправился в область треверов, так как последние не являлись на назначенные собрания, отказывали в повиновении и, по его известиям, подстрекали зарейнских германцев.

3. Это племя гораздо сильнее всех других галльских племен своей конницей и может также выставить многочисленную пехоту. Его область, как было выше указано⁴⁸, простирается до самого Рейна. Там боролись за высшую власть Индутиомар и Кингеториг. Последний при известии о приходе Цезаря и его легионов немедленно явился к нему и поручился за то, что как сам он, так и все его сторонники сохранят неизменную верность и дружбу по отношению к римскому народу; вместе с тем он сообщил о положении дел у треверов. Но Индутиомар стал стягивать конницу и пехоту, укрыл неспособных по возрасту носить оружие в ардуеннском лесу, который на боль-

⁴⁸ См. III, 11.

шом пространстве тянется через середину области треверов от Рейна до начала области ремов, и вообще стал готовиться к войне. Но отдельные князья этого племени — отчасти по дружбе с Кингеторигом, отчасти из страха перед приходом нашего войска — явились к Цезарю и стали ходатайствовать каждый за себя лично, раз уже нельзя помочь всему племени. Тогда Индутиомар, из боязни быть покинутым всеми, отправил к Цезарю послов со следующим заявлением: *он из тех соображений не хотел оставлять своих людей, чтобы легче удержать народ в повиновении: иначе народная масса по удалении всей знати могла бы по неразумию наделать ошибок. Таким образом, народ в его руках, и если Цезарь позволит, он явится к нему в лагерь и предоставит себя и народ в его полное распоряжение.*

4. Хотя Цезарь хорошо знал, почему это говорится и что заставляет Индутиомара отказаться от его первоначального плана, но, не желая потратить целое лето на треверов, в то время как все было уже готово к походу на Британию, он потребовал к себе Индутиомара с двумястами заложников. Когда они прибыли и среди них оказались также сын и все родственники Индутиомара, которых Цезарь вызвал поименно, он успокоил Индутиомара и посоветовал ему соблюдать верность. Тем не менее он пригласил к себе князей треверов и склонял каждого из них в отдельности на сторону Кингеторига: так как последний этого, несомненно, заслуживал, то для Цезаря было важно, чтобы человек, доказавший свое полное расположение к нему, пользовался наибольшим влиянием у своих соотечественников. Индутиомар был очень огорчен умалением своей популярности у себя на родине, а так как он уже ранее был враждебно настроен против нас, то теперь он еще больше озлобился.

5. Уладив эти дела, Цезарь прибыл с легионами к гавани Итию. Здесь он узнал, что шестьдесят судов, построенных в стране мельдов, были отброшены бурей и, не будучи в

состоянии держаться курса, вернулись на место своего выхода; остальные суда он нашел готовыми к плаванию и вполне снаряженными. Сюда же собралась вся галльская конница в количестве четырех тысяч человек, а также князья от всех племен. Цезарь решил лишь очень немногих из них, преданность которых была для него очевидна, оставить в Галлии, а остальных взять с собой в качестве заложников, так как иначе опасался восстания в Галлии в свое отсутствие.

6. Между прочим, тут был эдуй Думнориг, о котором мы уже раньше говорили⁴⁹. Цезарь считал особенно нужным держать его при себе, так как ему был известен его беспокойный дух, властолюбие, отвага и большой авторитет угаллов. К тому же на собрании эдоев Думнориг как-то сказал, что Цезарь предлагает ему царскую власть над его народом. Этим замечанием эдуй были очень недовольны, но не решались отправить к Цезарю послов для заявления своего протеста или, по крайней мере, просьбы не делать этого. Об этом Цезарь узнал от своих галльских друзей. Думнориг сначала стал осаждать Цезаря просьбами оставить его в Галлии, ссылаясь отчасти на то, что боится моря и не привык плавать по нем, отчасти на религиозные причины, удерживающие его. Но когда он встретил решительный отказ на все свои просьбы и потерял всякую надежду на их исполнение, то он стал подстрекать галльских князей, отводить их поодиночке в сторону и уговаривать остаться на материке; чтобы запугать их, он говорил, что не без основания лишают Галлию всей знати; что Цезарь намерен увести в Британию и там умертвить всех тех, кого он боится убить на глазах галлов. Другим он давал свое честное слово и с них требовал клятвы делать сообща все то, чего, по их мнению, требуют жизненные интересы Галлии. Сообщения об этом доходили до Цезаря с разных сторон.

⁴⁹ См. 1, 3, 9, 18.

7. Узнав об этом, Цезарь, вообще придававший большое значение общине эдучев, считал необходимым всеми средствами образумить и обуздать Думнорига: видя, что его безумие заходит слишком далеко, он, конечно, должен был принять меры к тому, чтобы оно не могло повредить ему и республике. Он пробыв здесь около двадцати пяти дней, так как отплытие задерживалось северо-западным ветром, который обыкновенно дует здесь значительную часть года, и старался удержать Думнорига в повиновении, не забывая, однако, следить за всеми его действиями. Наконец, дождавшись подходящей погоды, он приказал пехоте и коннице садиться на корабли. И вот, в то время как все были этим заняты, Думнориг с эдучскими всадниками покинул тайно от Цезаря лагерь и стал собираться к себе на родину. При известии об этом Цезарь отложил отплытие и все другие дела и послал значительную часть конницы в погоню за Думноригом с приказом вернуть его, если же он окажет сопротивление и не слушается, то убить, так как было ясно, что Думнориг, отказавшись у него на глазах повиноваться, в его отсутствие не образумится. Но Думнориг в ответ на требование вернуться оказал сопротивление, стал защищаться с оружием в руках и просил своих земляков о помощи, причем не раз кричал, что он свободный человек и гражданин свободного государства. Согласно приказу Цезаря, его люди окружили Думнорига и убили, а эдучские всадники, все до одного, вернулись к Цезарю.

8. После этого Цезарь оставил на материке Лабиена с тремя легионами и двумястами всадников, чтобы прикрывать гавань, заготавливать хлеб, а также наблюдать за ходом событий в Галлии, принимая нужные меры сообразно с требованиями момента и обстоятельств. А сам он с пятью легионами и с таким же количеством всадников, какое он оставил на материке, при заходе солнца снялся с якоря и вышел

при легком юго-западном ветре. Но после полуночи ветер прекратился. Цезарь не мог поэтому держаться курса, но был очень далеко отнесен в сторону течением, так что на рассвете увидал Британнию далеко от себя налево. Затем он воспользовался наступившим в свою очередь обратным течением и приказал усиленно грести, чтобы достигнуть той части острова, которая была ему известна по прошлому лету⁵⁰ как самая удобная для высадки. Солдаты обнаружили при этом весьма похвальную выдержку. Тяжелые грузовые суда при их неустанной гребле сравнялись ходом с военными кораблями. Вся эскадра достигла Британнии около полудня, но врага там пока еще не было видно. Как Цезарь узнал впоследствии от пленных, там собрались было большие полчища, но затем они оставили берег и удалились на высоты, так как устрешены были множеством кораблей; вместе с прошлогодними и теми судами, которые частные лица построили для своей надобности, их показалось на горизонте одновременно более восьмисот.

9. Цезарь высадил войско и выбрал удобное место для лагеря; как только он узнал от пленных, где находится позиция, занятая врагами, он оставил на берегу десять когорт⁵¹ и триста всадников для прикрытия эскадры, а сам в третью стражу двинулся на неприятеля, тем менее беспокоясь за свои корабли, что оставил их на якоре у слегка поднимающегося и открытого берега. Командиром прикрытия и кораблей он оставил Кв. Атрия. Пройдя в течение ночи около двенадцати миль, он заметил неприятельские войска. Враги с конницей и с боевыми колесницами дошли до реки и со своей высокой позиции начали задерживать наших и завязывать сражение, но были опрокинуты нашей конницей и укрылись в лес. Там

⁵⁰ См. IV, 23.

⁵¹ Эти десять когорт были взяты из разных легионов.

они нашли отлично укрепленную природой и человеческим искусством позицию, которую они, казалось, заранее оборудовали на случай внутренней войны⁵², по крайней мере всякий доступ к ней был закрыт частой засекой из срубленных деревьев. Сами они небольшими группами выскакивали из леса для обстрела наших и не давали им проникнуть в засеку. Но солдаты 7-го легиона образовали «черепаху», подвели к их укреплению плотину, заняли это место и выбили неприятелей из леса, понеся небольшой урон ранеными. Но Цезарь не позволил слишком далеко преследовать бегущих, так как не был знаком с местностью и, потеряв значительную часть дня, хотел сберечь некоторое время на укрепление лагеря.

10. На следующий день Цезарь разделил свою конницу и пехоту на три колонны и с утра послал в погоню за бежавшими. Когда они достаточно продвинулись вперед и был виден издали только их арьергард, прибывшие от Кв. Атрия к Цезарю всадники доложили ему, что в прошлую ночь поднялась очень сильная буря, которая повредила почти все корабли и выбросила их на сушу, так как ни якоря, ни канаты не могли ее выдержать, ни матросы с кормчими — справиться с ее порывами; таким образом, благодаря столкновению кораблей эскадра понесла очень большой урон.

11. При известии об этом Цезарь приказал отозвать легионы и конницу назад и давать отпор врагу по мере отступления, а сам вернулся к флоту. Здесь он собственными глазами увидел то, что он узнал из письменных и устных донесений; около сорока судов погибло, а остальные, повидимому, еще можно было починить, но с большим трудом. Поэтому он отобрал из всех легионов мастеров, кроме того, приказал выписать их с

⁵² В подлиннике употреблено выражение *domesticum bellum*; имеется в виду не гражданская война в пределах одной общины, а войны отдельных общин друг с другом.

материка, а также написал Лабиезу, чтобы он при помощи своих легионов изготовил как можно больше судов. А сам он считал наиболее целесообразным — хотя это требовало большого труда и хлопот — вытащить все корабли на берег и окружить их и лагерь общим укреплением. На это было затрачено около десяти дней, причем солдаты работали без отдыха даже по ночам. Когда корабли были вытащены и лагерь отлично укреплен, он оставил для их прикрытия те же силы, что и в прошлый раз, а сам снова вернулся к оставленному им пункту. Ко времени его прихода туда уже успели собраться большие, чем прежде, силы британцев, предоставивших по общему решению верховную власть и высшее командование Кассивеллауну. Его область отделяется от приморских общин рекой Тамесисом, находящейся приблизительно в восьмидесяти милях от моря. В прежнее время у него были постоянные войны с соседними племенами, но наш приход побудил всех британцев поручить ему верховное руководство войной.

12. Внутренняя часть Британнии⁵³ населена племенами, которые, на основании древних преданий, считают себя туземцами, а приморские — выходцами из Бельгии, переправившимися для грабежей и войны (все они носят здесь названия тех племен, от которых они происходят); после войны они там остались и стали заниматься земледелием. Население здесь чрезвычайно густо, дворы находятся очень близко друг от друга и большею частью похожи на галльские; скота очень много. У них в ходу золотая монета или же вместо денег железные палочки определенного веса. Здесь встречается олово во внутренней части острова, в прибрежной — железо, но его мало; что касается меди, то она у них привозная. Лес растет всякий,

⁵³ Главы 12—14 некоторые толкователи (особенно новейший из них, Мойзель) признают не принадлежащими Цезарю как по языку, так и по отдельным странностям.

как в Галлии, кроме бука и ели. Есть зайцев, кур и гусей считается грехом, однако их держат для забавы. Климат мягче, чем в Галлии, ибо холода не так сильны.

13. Остров имеет форму треугольника, одна сторона которого расположена против Галлии. Один ее угол, где лежит Кантий и куда пристают почти все корабли, приходящие из Галлии, обращен на восток, а другой, нижний, на юг. Эта сторона имеет в длину около пятисот миль⁵⁴. Другая, западная, сторона обращена к Испании; в этом направлении лежит Иберния; как полагают, она вдвое меньше Британнии; она находится в таком же расстоянии от Британнии, как Британния от Галлии. На полпути лежит остров по имени Мона; полагают, что там же есть и еще несколько небольших островов; о некоторых из них многие писатели сообщают, что там во время зимнего солнцеворота тридцать суток продолжается ночь. Но мы в своих расспросах, таких сведений не получали и только на основании точных измерений посредством водяных часов видели, что ночь там короче, чем на материке⁵⁵. Длина этой стороны, по мнению вышеупомянутых писателей, семьсот миль. Третья сторона обращена на север; против нее нет никакой земли, но ее угол обращен главным образом к Германии. Она простирается будто бы на восемьсот миль в длину. Таким образом, весь остров в окружности имеет две тысячи миль.

14. Наиболее цивилизованные из всех этих народов — жители Кантия, местности целиком береговой, и их образ жизни немногим отличается от галльского. Жители внутренней части Британнии большей частью не засевают полей, а

⁵⁴ Все цифровые данные относительно Британнии неточны. Ближе к истине Плиний (Hist. nat., IV, 30, § 16).

⁵⁵ Самый длинный день в Риме — пятнадцать часов, в Лондоне — шестнадцать с половиной.

питаются молоком и мясом и одеваются в шкуры. А все британцы вообще красятся вайдой, которая придает их телу голубой цвет, и от этого они в сражениях страшней других на вид. Волосы они отпускают, но все тело бреют, кроме головы и верхней губы. Жен они, человек по десять или по двенадцать, имеют общих, особенно братья с братьями и родители с сыновьями; родившиеся от таких союзов считаются детьми тех, кто взял за себя их мать девицей⁵⁶.

15. Неприятельские всадники и колесницы атаковали нашу конницу на походе и вступили с ней в жаркий бой, в котором, однако, наши повсюду вышли победителями и отбросили неприятеля в леса и на высоты. Впрочем, перебив много неприятелей и увлекшись погоней, они сами понесли некоторые потери. Но те спустя некоторое время, когда наши ничего не подозревали и были заняты укреплением лагеря, вдруг выскочили из лесу, напали на караульные посты, стоявшие перед лагерем, и завязали ожесточенное сражение. Цезарь послал нашим на помощь две когорты, и притом первые от двух легионов, и они выстроились на небольшом расстоянии одна от другой. Но так как невиданные боевые приемы врага привели наших в полное замешательство, то неприятели с чрезвычайной отвагой прорвались сквозь них и отступили без потерь. В этот день был убит военный трибун Кв. Лаберий Дур. Только тогда, когда было прислано в подкрепление большее число когорт, неприятель был отброшен.

16. В продолжение этого своеобразного сражения, которое происходило у всех на глазах и перед самым лагерем, выяснилось, что наша пехота со своим тяжелым вооружением не вполне пригодна для действий против подобного врага, так как она не в состоянии преследовать отступающих и не решается выходить из строя; а для конницы такое сражение

⁵⁶ Интересное сведение о «групповом браке» (Энгельс).

даже прямо опасно, потому что неприятели большей частью нарочно отступают, а как только отвлекут наших всадников несколько в сторону от легионов, то соскакивают с колесниц и сражаются пешими, что делает бой неравным (а регулярное конное сражение создавало одинаковую опасность и для отступавших и для преследовавших)⁵⁷. К тому же враги никогда не сражались густыми массами, но обыкновенно маленькими группами и на большом расстоянии одна от другой. Повсюду у них были расставлены сторожевые посты, так что одни регулярно сменяли других и место уставших заступали неутомленные бойцы со свежими силами.

17. На следующий день враги остановились далеко от нашего лагеря на высотах. Они показывались лишь небольшими партиями и нападали на нашу конницу с меньшим задором, чем накануне. Но в полдень, когда Цезарь послал за фуражом три легиона и всю конницу под начальством легата Г. Требония, они вдруг со всех сторон налетели на фуражиров и не побоялись даже приблизиться к легионам, стоявшим в боевом порядке. Наши энергичной атакой отбросили их и продолжали преследовать до тех пор, пока и всадники, опираясь на поддержку следовавших за ними легионов, не опрокинули их окончательно; перебив их большое количество, они не дали им возможности собраться, остановиться и соскочить с колесниц. После этого поражения все вспомогательные отряды британцев, собравшиеся со всех сторон, немедленно рассеялись, и с того времени враги уже ни разу не вводили в сражение с нами слишком больших сил.

18. Поняв план врагов, Цезарь двинулся со своим войском к реке Тамесису в страну Кассивеллауна. Эту реку можно перейти в брод только в одном месте, и то с трудом. Когда

⁵⁷ Фразу эту (*equestris proelii*) издатели заключают в скобки, как не принадлежащую Цезарю по языку.

Цезарь пришел туда, он заметил, что на другом берегу реки стоят в боевом порядке большие неприятельские силы. А берег был укреплен острыми кольями, вбитыми перед ним; такие колья были вбиты в воде и ею маскировались. Узнав об этом от пленных и перебежчиков, Цезарь выслал вперед конницу и приказал легионам спешно идти за ней. Хотя солдаты были по шею в воде, но они пошли с такой быстротой и стремительностью, что враги не могли выдержать общей атаки конницы и пехоты, но оставили берег и пустились бежать.

19. Кассивеллаун, как мы сказали выше⁵⁸, отказался от всякой надежды на успешный исход генерального сражения. Поэтому он распустил значительную часть своих войск и оставил при себе только около четырех тысяч боевых колесниц. С ними он следил за нашими передвижениями, держась несколько в стороне от дороги и скрываясь в трудно проходимых и лесистых местах; там, где, по его сведениям, должны были наши идти, он сгонял скот и население в леса, и каждый раз, как наша конница, с целью поживиться и пограбить, слишком смело забиралась в леса, он выпускал из лесу всеми дорогами и тропинками боевые колесницы и завязывал с ней весьма опасные для нее сражения и этой угрозой не давал ей делать далекие набегі. Цезарю не оставалось ничего иного, как держать конницу в непосредственной связи с легионами и вредить врагу только опустошением его полей и поджогом дворов, насколько это могла сделать легионная пехота во время своих трудных походов.

20. Тем временем тринованты, едва ли не самый сильный из тамошних народов, отправили к Цезарю послов с обещанием сдаться и исполнить все его требования, а также с просьбой защитить Мандубракия от обид со стороны Кассивеллауна и возвратить его согражданам с тем, чтобы он стал

⁵⁸ См. гл. 17.

во главе своего народа и принял верховное командование. Отец этого Мандубракия был царем триновантов и был убит Кассивеллауном, а молодой Мандубракий спасся от гибели бегством и, ища покровительства Цезаря, прибыл к нему на материк. Цезарь потребовал от них сорока заложников и хлеба для армии и послал к ним Мандубракия. Они быстро исполнили его требование и прислали хлеб и заложников в указанном количестве.

21. Таким образом, Цезарь принял их под свою защиту и оградил их от всяких обид со стороны своих солдат. Тогда кенноманны, сегонтиаки, анкалиты, биброки и кассы отправили к Цезарю послов и сдались ему. От них он узнал, что недалеко отсюда находится город Кассивеллауна, защищенный лесами и болотами, и что в нем сосредоточено довольно большое количество людей и скота. Городом британцы называют всякое место в трудно проходимом лесу, защищенное валом и рвом; туда они обыкновенно спасаются от неприятельских набегов. Он двинулся туда с легионами. Местность оказалась отлично защищенной природой и человеческим искусством. Однако он поспешил атаковать ее с двух сторон. Браги после короткого сопротивления не вынесли нашего натиска и бросились из своего города с другой его стороны. Там оказалось большое количество скота, и много народа во время бегства было захвачено и перебито.

22. Во время этих происшествий Кассивеллаун отправил послов в Кантий, лежавший, как выше сказали⁵⁹, у моря, к его четырем царям — Кингеторигу, Карвилию, Таксимагулу и Сеговаку с приказом собрать все боевые силы и внезапно двинуться на штурм стоянки римских кораблей. Когда они подошли к лагерю, то наши сделали вылазку, перебили много врагов, взяли даже в плен знатного вождя Луторига и

⁵⁹ См. гл. 14.

вернулись без потерь. При известии об этом сражении Кассивеллаун, вследствие стольких поражений, опустошения страны, а главное отпадения общин, отправил через атребата Коммия⁶⁰ послов к Цезарю с предложением сдачи. Ввиду неожиданных восстаний в Галлии Цезарь решил провести зиму на материке, и так как лето подходило к концу и его остаток мог бы пройти без пользы, то он потребовал заложников и определил размеры дани, которую Британния должна ежегодно платить римскому народу; при этом он строго запретил Кассивеллауну вредить Мандубракию и триновантам.

23. По получении заложников он отвел войско назад к морю; там он нашел корабли отремонтированными и спустил их на воду. Так как у него было много пленных и несколько кораблей погибло от бури, то он решил перевозить войска на материк в два приема. По счастливой случайности, из всего огромного количества кораблей, несмотря на частые переправы за текущее и прошлое лето, не погиб вообще ни один корабль, имевший на борту солдат, но зато из тех судов, которые должны были возвратиться к нему с материка порожними после высадки в Галлии солдат первой партии, а равно из тех шестидесяти, которые впоследствии были построены Лабиэном, только немногие достигли места назначения, и почти все остальные были отброшены бурей. Цезарь долго и напрасно ждал их. Но чтобы самое время года, именно близость равноденствия, не помешало ему отплыть, он по необходимости посадил солдат теснее, и когда наступило полное затишье, он в начале второй стражи снялся с якоря и на рассвете благополучно достиг суши со всей своей эскадрой.

24. Цезарь приказал вытащить корабли на сушу и созвал в Самаробриве общегалльское собрание. Так как в этом году в Галлии урожай вследствие засухи был ниже среднего, то он

⁶⁰ См. о нем IV, 21.

принужден был разместить свое войско на зимние квартиры иначе, чем в прошлые годы: именно он распределил легионы по большему количеству общин. Один легион должен был отвести в область моринов легат Г. Фабий, другой к нервиям — Кв. Цицерон, третий к эсувиям — А. Росций; четвертому было приказано зимовать под командой Т. Лабиэна в стране ремов на границе с треверами; три легиона были помещены в Бельгии, их командирами были назначены квестор М. Красс и легаты Л. Мунаций Планк и Г. Требоний. Один легион, который Цезарь недавно набрал за Падом, и, кроме того, пять когорт он послал к эбуронам, область которых лежит главным образом между Мосой и Рейном и которые в это время были под властью Амбиорига и Катуволка. Командование этими солдатами он поручил Кв. Титурию Сабину и Л. Аурункулею Котте⁶¹. При таком расположении легионов он рассчитывал легче всего справиться с недостатком провианта. При этом зимние квартиры всех этих легионов кроме того, который поручено было Л. Росцию отвести в самую мирную и спокойную часть Галлии, находились на расстоянии ста миль друг от друга. А сам он решил остаться в Галлии вплоть до получения сведений о том, что легионы устроились и зимние квартиры укреплены.

25. В стране карнутов был некто Тазгетий, человек очень знатного рода, предки которого были у себя на родине царями. За его мужество и расположение, а также за исключительные заслуги во всех войнах Цезарь возвратил ему сан предков. Он уже третий год царствовал, как вдруг его убили у всех на глазах его враги по наущению многих граждан общины. Об этом доложили Цезарю. Так как в это дело было замешано много людей, то Цезарь из опасения, что они всю

⁶¹ Старшим из этих двух легатов был Титурий Сабин, и это трагически отозвалось на судьбе данного отряда — см. рассказ о его уничтожении в главах 25—37.

страну толкнут на открытое восстание, приказал Л. Планку немедленно двинуться с легионом из Бельгии к карнугам и там зимовать, а также произвести следствие о виновниках убийства Тазгетия, арестовать их и отправить к нему. Тем временем он получил от всех легатов и квестора, которым он передал легионы, донесения, что они прибыли на зимние квартиры и укрепили их.

26. Дней через пятнадцать после прибытия на зимние квартиры, по почину Амбиорига и Катуволка, внезапно началось восстание и отпадение. Когда они встретили на границе своей страны Сабина и Котту и доставили провиант в их зимний лагерь, то под влиянием посольства от тревера Индутиомара они взбунтовали своих людей, внезапно напали на солдат, рубивших лес, и с большим отрядом подошли к лагерю с целью штурмовать его. Но наши быстро взялись за оружие, взойшли на вал, а с другой стороны лагеря выслали испанскую конницу и одержали верх в завязавшемся конном сражении, вследствие чего враги отчаялись в успехе, бросили штурм и отступили. Тогда, по своему обычаю, они подняли крик, чтобы кто-нибудь из наших вышел для переговоров: *они имеют сообщить нечто касающееся интересов обеих сторон и надеются, что это сообщение поможет уладить их недоразумения.*

27. К ним послали для переговоров римского всадника Г. Арпинея, друга Кв. Титурия, и некоего Кв. Юния из Испании, который уже раньше, по поручению Цезаря, неоднократно хаживал к Амбиоригу. Амбиориг сказал им приблизительно следующее: *он признает, что многим обязан Цезарю за его благодеяния; благодаря ему он освобожден от дани, которую он платил своим соседям адуатукам; Цезарь вернул ему родного сына, а также сына брата, которые были посланы адуатукам в заложники и содержались у них в цепях и в рабстве. Что же касается нападения на лагерь, то он сделал его не по своему решению и воле, но по принуждению своего народа, ибо власть его тако-*

ва, что народ имеет над ним такие же права, как и он над народом. А народ его потому начал войну, что не мог противиться внезапному восстанию всей Галлии. Самое лучшее доказательство этому его собственное бессилие: ведь не до такой степени он не осведомлен об общем положении дела, чтобы питать уверенность в победе над римлянами своими собственными силами. Но таково решение всей Галлии, и именно сегодняшний день выбран для штурма всех зимних лагерей Цезаря, чтобы ни один легион не мог прийти на помощь другому. Как галлы они, конечно, не могли отказать галлам же, тем более, что принятое решение, очевидно, имело целью восстановление национальной свободы. Так как он в достаточной степени исполнил перед ними долг патриота, то теперь он желает исполнить долг благодарности за благодеяния, полученные от Цезаря; как старый друг он настоятельно просит Титурия подумать о себе и о своих солдатах. Большой отряд наемных германцев уже перешел через Рейн, через два дня он будет здесь. Римляне сами должны решить, не лучше ли им, прежде чем заметят соседи, оставить зимние квартиры и дойти или до Цицерона, или до Лабиэна, из которых один находится от них в пятидесяти милях, а другой несколько дальше. Он одно им обещает и скрепляет это обещание клятвой — дать свободный проход по своей земле. Этим он исполнил бы долг перед своим народом, освобождая его от зимнего постоя, и отблагодарил бы Цезаря за оказанные услуги. После этой речи Амбиориг удалился.

28. Арпиней и Юний доложили услышанное легатам. Пораженные этим внезапным сообщением, они полагали, что им нельзя пренебрегать, хотя оно идет от врага. Особенное впечатление производила на них малая вероятность того, чтобы такой незначительный и слабый народ, как эбуроны, сам по себе мог осмелиться начать войну с римлянами. Поэтому они доложили дело военному совету, и там между ними возник большой спор. А. Аурункулей и большая часть военных трибунов и центурионов первого ранга полагали,

что ничего не следует делать наобум и что зимний лагерь нельзя покидать без приказа Цезаря; они доказывали, что в хорошо укрепленном зимнем лагере можно устоять против каких угодно полчищ, хотя бы и германских: об этом свидетельствует уже то, что первую неприятельскую атаку они очень храбро выдержали и даже нанесли врагу большой урон; в отношении продовольствия они не страдают; а тем временем подойдут подкрепления как из ближайшего зимнего лагеря, так и от Цезаря. Наконец, разве не верх легкомыслия и позора принимать самые ответственные решения по совету врага?

29. В ответ на это Титурий кричал, что поздно уже будет, когда соберутся еще большие неприятельские полчища, да еще с присоединением германцев, или когда случится какое-либо несчастье в соседнем зимнем лагере. Теперь некогда совещаться. По его мнению Цезарь отправился в Италию; иначе и карнаты не задумали бы убить Тазгетия, и эбуроны не пошли бы на наш лагерь с таким презрением к нам, если бы Цезарь был здесь. Не с советом врага он соображается, а с реальными фактами: Рейн близко; германцы очень огорчены смертью Ариовиста и нашими прежними победами; пылает местью вся Галлия, претерпевшая столько оскорблений, покорившаяся римской власти и утратившая свою прежнюю военную славу. Наконец, кто мог бы поверить тому, чтобы Амбиориг решился на такой шаг без определенных оснований? Его мнение вдвойне безопасно: если дело не так плохо, то они без всякой опасности достигнут ближайшего легиона; но если вся Галлия заодно с германцами, тогда единственное спасение заключается в быстроте. Наоборот, к каким результатам приведет предложение Котты и других, не согласных с ним? Если даже не-зачем будет бояться опасности в данный момент, зато в будущем грозит голод как последствие долгой осады.

30. После речей обеих сторон, причем Котта и центурионы первого ранга упорно отстаивали свое предложение, Сабин еще громче закричал, так что его могла слышать значительная

масса солдат: так пусть будет по-вашему! Я не таков, чтобы бояться смерти более, чем кто бы то ни было из вас! Вот они поймут, и если случится беда, от тебя они потребуют ответа. Не будь дело за тобой, они могли бы уже послезавтра соединиться со своими товарищами в ближайшем зимнем лагере и сообщая с ними разделять превратности войны, вместо того, чтобы быть здесь брошенными и сосланными и погибать вдали от остальных либо от меча, либо от голода.

31. Все участники совета встают, схватывают за руки обоих противников и просят не доводить дела своими раздорами и упрямством до крайней опасности: *оставаться ли или уходить — то и другое не представляет затруднений, если только все будут согласны и единодушны; наоборот, при раздоре нельзя ждать спасения.* Споры затягиваются до полуночи. Наконец Котта сдался на приведенные доводы. Предложение Сабина берет верх. Отдают приказ на рассвете выступать. Всю ночь проводят без сна, так как каждый солдат осматривал свои вещи и соображал, что он может взять с собой и что из лагерного обзаведения должен будет оставить. Придумывают всевозможные доводы в пользу того, что дальнейшее пребывание в лагере было бы весьма опасным и эта опасность только увеличилась бы от усталости и бессонницы солдат. На рассвете выступают очень растянутой колонной и с огромным обозом, как люди, вполне убежденные в том, что Амбиориг дал им совет не как враг, а как лучший друг.

32. Между тем враги, заключив из ночного шума и бодрствования о предстоящем выступлении наших, разделились на два отряда, поместили в лесах в удобном и скрытом месте двойную засаду милях в двух от римского лагеря и стали выжидать приближения римлян. Как только большая часть их колонны спустилась в котловину, неприятели показались у обоих выходов и стали теснить арьергард, а авангарду преграждать подъем и, таким образом, вовлекать наших в сражение на совершенно неудобной для них позиции.

33. Титурий, который ничего не предусмотрел раньше, только теперь стал в беспокойстве суетиться, бегать с места на место и расставлять когорты, но и это он делал трусливо и с видом человека, совершенно потерявшего голову, как это обыкновенно бывает с людьми, принужденными вырабатывать план действий тогда, когда нужно уже действовать. Наоборот, Котта, который уже думал о том, что подобное может случиться во время похода и именно поэтому был против выступления, поспевал всюду, где этого требовало общее благо: он не только обращался со словами ободрения к солдатам, но и сам принимал участие в бою и, таким образом, исполнял обязанности и полководца и солдата. Так как из-за растянутости колонны не очень легко было лично все исполнять и даже предусмотреть, где и что нужно, то легаты приказали объявить солдатам, чтобы они оставили обоз и образовали каре. Хотя такое распоряжение в подобных случаях вообще не заслуживает порицания, но теперь оно оказалось непригодным: у наших солдат оно уменьшило шансы на победу, а у врагов подняло боевой дух, так как было очевидно, что эта мера внушена величайшим страхом и отчаянием. Ко всему этому присоединилось и другое неизбежное зло: солдаты стали толпами покидать строй и спешили разыскать в обозе и захватить с собой все, что для каждого из них было дорого. Таким образом, всюду раздавался крик и плач.

34. Наоборот, варвары проявили большую распорядительность. Их вожди приказали объявить по всей линии: *никто не должен выходить из строя; все, что оставили римляне, — их добыча, для них она и предназначена; пусть только они знают, что теперь все зависит от победы.* [Храбростью и боевым пылом наши не уступали врагам]: покинутые вождем и счастьем, они видели свое спасение исключительно в храбрости; и каждый раз, как какая-либо когорта выступала из каре, там много врагов падало мертвыми. Как только Амбиориг это

заметил, он приказал объявить своим, чтобы они стреляли издали, не подходили слишком близко к неприятелю и там, где он будет наступать для атаки, подавались назад; при их легком вооружении и ежедневном упражнении им никакого вреда не будет; а когда римляне будут снова отступать к своей линии, вот тогда пусть они их и преследуют.

35. Это распоряжение исполнялось со всей точностью: каждый раз, как какая-либо когорта выходила из каре для атаки, враги с чрезвычайной быстротой отбегали. А тем временем этот бок неизбежно обнажался и, будучи неприкрытым, подвергался обстрелу. А когда когорта начинала отступать на свое прежнее место в каре, то ее окружали как те, которые перед ней отступали, так и те, которые стояли поблизости от нее. Если же римляне хотели оставаться в каре, то там не было места для проявления личной храбрости, и вследствие своей скученности они не могли избавиться от снарядов, пускаемых в них неприятельскими массами. И все-таки, несмотря на столько злоключений и на большие потери ранеными, они твердо держались; хотя прошла значительная часть дня (сражение длилось с рассвета до восьмого часа дня), они не делали ничего такого, что было бы недостойно их самих. В этот момент был тяжело ранен метательным копьем в оба бедра храбрый и очень уважаемый Т. Бальвенций, который в прошлом году был старшим центурионом. Кв. Луканий, также центурион первого ранга, был убит в отважном бою в то время, как хотел подать помощь окруженному врагами сыну. Легат Л. Котта был ранен пращей прямо в лицо во время обхода и ободрения когорт и рядов.

36. Кв. Титурий был всем этим окончательно потрясен. И вот он, заметив издали Амбиорига, который ободрял своих людей, послал к нему своего переводчика Кн. Помпея с просьбой пощадить его и солдат. В ответ на эту просьбу тот сказал: *если Титурий желает поговорить с ним, это можно; что*

касается пощады солдат, то он надеется добиться ее у своих людей; но самому Титурию не будет никакого вреда: в этом он дает свое честное слово. Тот сообщает об этом раненому Котте и спрашивает, не найдет ли он возможным выйти из линии боя и сообщая переговорить с Амбиоригом: он надеется добиться от него пощады для себя и для своих солдат. Но Котта наотрез отказался идти к вооруженному врагу.

37. Сабин приказывает находившимся при нем военным трибунам и старшим центурионам следовать за собой. Когда он подошел ближе к Амбиоригу, ему приказали бросить оружие. Он повинуеться и приказывает своим сделать то же. А тем временем, пока они вели переговоры и Амбиориг намеренно их затягивал, Сабина мало-помалу окружили и убили. Но теперь эбуроны, по своему обыкновению, закричали: «Победа, победа!» и, бросившись с диким воем на наших, прорвали их ряды. Здесь был убит с оружием в руках А. Котта и большая часть его отряда. Остальные отступили в лагерь, перед этим ими покинутый. Из них орлоносец Л. Петросидий, теснимый массой врагов, бросил орла через вал в лагерь, а сам с чрезвычайной храбростью сражался перед лагерем, пока не был убит. Они с трудом выдерживали штурм вплоть до ночи, а ночью, потеряв всякую надежду на спасение, они все до одного покончили с собой. Лишь немногие спаслись из сражения, после блужданий по лесам добрались до зимнего лагеря легата Т. Лабиезна и принесли ему известие о случившемся.

38. Гордясь этой победой, Амбиориг немедленно отправился с конницей к своим соседям адватукам; он двигался непрерывно днем и ночью, а пехоте своей приказал идти в аррьергарде. Сообщив адватукам о происшедшем и тем подняв их на ноги, он на следующий день прибыл к нервиям и стал их уговаривать не упускать случая навсегда завоевать себе свободу и отомстить римлянам за причиненные ими оби-

ды. Он сослался при этом на смерть двух легатов и на истребление значительной части римской армии; *нет никакого труда*, говорил он, *напасть врасплох на легион, находящийся на зимних квартирах под командой Цицерона, и уничтожить его: в этом он обещает свое полное содействие. Этими словами он без труда убедил нервиев.*

39. Поэтому они немедленно разослали гонцов к подчиненным их власти кеутронам, грудиям, левакам, плеумоксиям и гейдумнам, набрали как можно больше войск и неожиданно налетели на зимний лагерь Цицерона еще прежде, чем до него дошли слухи о смерти Титурия. С Цицероном также случилось то, чего следовало ожидать: некоторые его солдаты, ушедшие в лес за дровами и другими материалами для укрепления, были застигнуты и отрезаны внезапной атакой неприятельской конницы. Тогда эбуроны, нервии, адватуки, вместе со своими союзниками и подданными, напали на легион и начали штурмовать лагерь. Наши поспешно сбежались к оружию и заняли вал. В этот день легион с трудом выдержал натиск неприятелей, так как они всю надежду возлагали на быстроту и были вполне уверены в том, что если они теперь одержат победу, то останутся победителями навсегда.

40. Цицерон немедленно написал Цезарю и обещал большую награду за доставку писем; но все дороги были заняты, и его посланцев перехватывали неприятели. В течение ночи с необычайной быстротой было изготовлено не менее ста двадцати башен из леса, заранее срезанного для укрепления: все, что казалось недоделанным, теперь было закончено. На следующий день враги возобновили штурм лагеря с еще большими боевыми силами и стали заваливать ров. Как и накануне, наши оказали сопротивление; то же самое продолжалось и во все последующие дни. Работа шла без перерыва даже ночью; ни больным, ни раненым не было возможности отдохнуть. Все, что нужно было для защиты от

нападения на следующий день, заготовлялось за ночь; было изготовлено много заостренных кольев и большое количество стенных копий; башни накрывают досками, к валу приделывают плетеные брустверы и зубцы. Сам Цицерон, несмотря на свое слабое здоровье, не давал себе отдыха даже ночью, так что солдаты сами сбегались к нему и своими громкими просьбами принуждали его беречь себя.

41. Тогда вожди и князья нервиев, которые имели какой-либо случай побеседовать с Цицероном и находились с ним в дружественных отношениях, заявляют о своем желании переговорить с ним. Получив это разрешение, они указывают ему на то же, о чем Амбиориг говорил с Титурием: *вся Галлия находится под оружием; германцы перешли через Рейн; зимние лагеря Цезаря и всех его легатов осаждены*. Прибавляют и сообщение о смерти Сабина; в подтверждение этого ссылаются на Амбиорига: *большая ошибка — рассчитывать на какую-либо помощь со стороны тех, которые сами отчаялись в своем спасении*. Тем не менее они отнюдь не враждебно настроены по отношению к Цицерону и римскому народу; они только против зимнего постоя и не желают, чтобы он обратился в постоянную привычку. Цицерону и его людям они позволяют покинуть свой лагерь невредимыми и спокойно отправляться, куда им угодно. На это Цицерон дал один ответ: *римский народ не привык принимать условия от вооруженных врагов; если им угодно положить оружие, то пусть они обратятся к нему за содействием и отправят послов к Цезарю: принимая во внимание его справедливость, он надеется, что они добьются от него исполнения своих пожеланий*.

42. Обманувшись в своих ожиданиях, нервии окружают наш лагерь валом в десять футов вышиной и рвом в пятнадцать футов шириной. Эти знания они получили от нас в своих сношениях с нами за предыдущие годы, а также пользовались указаниями некоторых бывших у них пленных римлян из нашего войска. Но за отсутствием подходящих для

этого дела железных инструментов они принуждены были снимать дерн мечами, а землю выгребать руками и выносить в плащах. По этому можно было составить себе представление об их многочисленности: менее чем в три часа они окончили линию укрепления в десять миль в окружности и пятнадцать футов высотой, а в следующие дни начали готовить и воздвигать башни соразмерно с высотой вала, стенные багры, устраивать «черепахи», чему их научили те же пленные.

43. На седьмой день осады внезапно поднялась сильная буря, и враги, пользуясь этим, стали метать из пращей раскаленные глиняные пули, а также дротики с огнем на острие в бараки, которые, по галльскому обычаю, имели соломенную крышу. Они быстро загорелись, и силой ветра огонь распространился по всему лагерю. Враги с громким криком, точно победа была уже одержана и несомненна, стали подкатывать башни и «черепахи» и взбираться по лестницам на вал. Но наши солдаты проявили замечательную храбрость и присутствие духа: хотя их со всех сторон палил огонь и снаряды сыпались на них градом и хотя они видели, что горит весь обоз и все их имущество, — не только никто не отходил от вала, чтобы совсем его покинуть, но почти никто даже и не оглядывался, но все сражались с необыкновенным ожесточением и отвагой. Для наших это был самый тяжкий день, но он окончился тем, что тогда было изранено и перебито очень много врагов, так как они скучились у самого вала и задние ряды не давали передним возможности выбраться. Когда огонь на время несколько ослабел и в одном пункте враги подкатали башню вплотную к валу, то центурионы третьей когорты отступили со своей позиции и отвели всех своих людей и начали кивками и криками приглашать врагов, не угодно ли им пожаловать в укрепление; но ни один не осмелился сделать ни шагу вперед. Тогда их со всех сторон осыпали градом камней и выбили из башни, а башню подожгли.

44. В том легионе было два очень храбрых центуриона, которым немного оставалось до повышения в первый ранг: Т. Пулион и Л. Ворен. Между ними был постоянный спор о том, кто из них заслуживает предпочтения, и из года в год они боролись за повышение с величайшим соревнованием. Когда около укреплений шел ожесточенный бой, Пулион сказал: *чего ж ты раздумываешь, Ворен? и какого другого случая ждешь показать свою храбрость? Нынешний день порешит наш спор.* С этими словами он вышел из-за укрепления и бросился на неприятелей там, где они были особенно скучены. Ворен тоже не остался за валом, но, боясь общественного мнения, пошел за ним. Тогда Пулион, подойдя на близкое расстояние к врагу, пустил копье и пронзил им одного галла, выбежавшего вперед из толпы. Враги прикрыли щитами своего пораженного и бездыханного товарища и все до одного стали стрелять в Пулиона, не давая ему возможности двинуться с места. Пулиону пробили щит, и один дротик попал в перевязь. Этим ударом были отброшены назад ножны и задержана его правая рука, когда он пытался вытащить меч. Тогда враги, пользуясь его затруднением, обступили его. Но тут подбежал его соперник Ворен и подал ему в эту трудную минуту помощь. Вся толпа тотчас же обратилась на него и бросила Пулиона, думая, что он убит дротиком. Ворен действует мечом и, убив одного, мало-помалу заставляет остальных отступить; но в увлечении преследованием он попадает в яму и падает. Теперь и он в свою очередь окружен, но ему приходит на помощь Пулион, и оба, убив немало неприятелей, благополучно, со славой возвращаются в лагерь. Так подшутила над ними судьба в их соперничестве и борьбе: оба врага поддержали и выручили друг друга, и нельзя было решить, кого из них следует признать храбрее другого.

45. Осада с каждым днем становилась тяжелее и опаснее, особенно потому, что значительная часть солдат была пере-

ранена и оборону пришлось возложить лишь на немногих защитников. Тем чаще посылались к Цезарю письма и гонцы; но часть последних враги ловили и на глазах у наших солдат подвергали мучительной казни. В лагере был один знатный нервий, по имени Вертикон, который с самого начала осады перебежал к Цицерону и на деле доказал ему свою полную преданность. Этот самый Вертикон склонил обещанием свободы и большими наградами одного из своих рабов к тому, чтобы доставить письмо Цезарю. Тот привязал письмо к метательному копьё, пронес его и, не возбуждая у галлов, как галл, никаких подозрений, добрался до Цезаря, который этим путем узнал об опасном положении Цицерона и его легиона.

46. Цезарь получил это письмо около 11-го часа дня и тут же отправил к М. Крассу, стоявшему лагерем в стране белловаков в двадцати пяти милях от него, гонца с приказом выступить со своим легионом в полночь и спешно идти к нему. Красс двинулся немедленно по прибытии гонца. Другого гонца Цезарь послал к легату Г. Фабия, чтобы тот привел легион в область атребатов, где Цезарь должен был проходить. Писал он и Лабиему, чтобы тот со своим легионом подошел к границе нервиев, если это можно сделать без вреда для общего положения дела. Остальной части войска, так как она была слишком далеко, он решил не дожидаться. Кроме того, он стянул к себе около четырехсот всадников из ближайших зимних лагерей.

47. Около третьего часа он получил от передовых разъездов (Красса) известие о приближении Красса и в этот день прошел двадцать миль. Красса он назначил комендантом Самаробривы и дал ему легион, так как здесь он оставлял обоз всей армии, заложников от общин, государственный архив и весь хлеб, свезенный им сюда на зиму. Фабий, как ему и было приказано, не стал терять много времени и со своим

легионом встретил Цезаря на походе. Что касается Лабиена, то он уже узнал о смерти Сабина и о гибели римских когорт. Так как теперь против его лагеря появились все боевые силы треверов, то он, естественно, опасался, что если его выступление из зимнего лагеря будет походить на бегство, то он не в состоянии будет выдержать атаку неприятеля, вдобавок упоенного недавней победой. Поэтому он указал в своем ответе Цезарю, до какой степени было бы для него опасно выводить свой легион из зимних квартир, подробно описал события в стране эбуронов и уведомил, что все конные и пешие силы треверов заняли позицию в трех милях от его лагеря.

48. Цезарь одобрил его решение, и хотя вместо трех легионов, на которые он рассчитывал, он принужден был ограничиться двумя, тем не менее единственное средство к спасению ему представлялось в быстроте действий. Ускоренным маршем он прибыл в страну нервиев. Там он узнал от пленных о том, что делается у Цицерона и как опасно его положение. Тогда он уговорил, обещая большую награду, одного из галльских всадников доставить письмо к Цицерону. Оно было им написано по-гречески, чтобы враги из перехваченной нашей переписки не могли узнать наших планов. В случае невозможности добраться он дает галлу наставление привязать письмо к ремню дротика и этот дротик перебросить в лагерь. В письме он писал, что уже выступил с легионами и скоро будет на месте; пусть только Цицерон не изменит своей прежней доблести. Галл, боясь излишнего риска, пустил дротик согласно полученному наставлению. Он случайно зацепился за башню и в течение двух дней не был замечен нашими. Но на третий день один солдат увидел его, снял и доставил Цицерону. Тот, посмотрев письмо, прочел его на собрании солдат и этим чрезвычайно всех обрадовал. Скоро стали виднеться издали клубы дыма от пожаров, чем были устранены всякие сомнения относительно прихода легионов.

49. Когда галлы узнали через разведчиков о приближении Цезаря, то они сняли осаду и пошли со всеми силами на него. Это была целая армия тысяч в шестьдесят. Пользуясь случаем, Цицерон снова потребовал у упомянутого Вертикона⁶² галла для доставки Цезарю письма. Посланному он напомнил, что он с крайней осторожностью должен держать свой путь, а в письме писал, что враги его оставили и всеми полчищами обратились против Цезаря. Это письмо было доставлено Цезарю около полуночи. Он сообщил его своим людям и ободрил их к сражению. На следующий день на рассвете он снялся с лагеря и приблизительно через четыре мили пути заметил полчища врагов за долиной и ручьем. Было бы очень опасно при таких маленьких силах дать сражение на невыгодной позиции; сверх того, так как он знал, что Цицерон теперь освобожден от осады, то он полагал, что можно спокойно действовать с меньшей скоростью. Поэтому он остановился и приказал разбить укрепленный лагерь на возможно более выгодной позиции. Хотя лагерь этот уже сам по себе был мал, так как предназначался для неполных семи тысяч человек, да еще без обоза, но он сделал его еще меньше, насколько возможно сузив его улицы, с тем чтобы внушить врагу полное презрение к нашему войску. Тем временем он во все стороны разослал разведчиков, чтобы найти самый удобный путь для перехода через долину.

50. В этот день у ручья было несколько маленьких конных стычек, вообще же обе стороны держались в своих лагерях: галлы ожидали еще больших войск, которые еще не собрались, а Цезарь рассчитывал притворной трусливостью заманить врагов на свою сторону, чтобы дать им сражение в этой части долины перед своим лагерьем, а если не удастся, то обследовать пути и перейти через долину и ручей с наименьшей опасностью. На рассвете неприятельская конница

⁶² См. гл. 45.

приблизилась к лагерю и завязала сражение с нашей. Цезарь приказал своим всадникам нарочно отступать перед врагом и отходить к лагерю; вместе с тем он распорядился сделать выше вал по всей линии, заложить ворота и за этой работой как можно более суетиться и проявлять притворный страх.

51. Все это соблазнило врагов перевести свое войско и выстроить его в боевой порядок на невыгодной позиции; а так как Цезарь увел солдат даже с вала, то они подошли ближе, стали со всех сторон стрелять внутрь лагеря и через глашатаев всюду объявлять, что если кто — галл или римлянин — пожелает до 3-го часа перейти к ним, то он может это сделать безопасно, но после того это будет уже невозможно. И вообще они прониклись величайшим презрением к нам: так как им казалось, что они не могут прорваться через ворота, которые в действительности были лишь для виду заложены одним слоем дерна, то одни из них стали голыми руками обрывать вал, а другие заваливать рвы. Тогда Цезарь сделал вылазку из всех ворот, пустил на них конницу и быстро обратил их в бегство, так что в общем никто из них не осмелился остановиться для сопротивления; многие из них были убиты, и все принуждены были побросать оружие.

52. Но продолжить преследование Цезарь не решился, так как между ним и неприятелями были леса и болота и таким образом не было возможности причинить им даже самые незначительные потери. Поэтому он в тот же день дошел до цицероновского лагеря, не потеряв ни одного солдата. Он с удивлением смотрит на неприятельские башни, «черепахи» и укрепления. На смотре легиона он узнает, что даже десяти процентов не осталось не ранеными. По всему этому он мог судить, как велика была опасность и как храбро велась оборона. Он похвалил по заслугам Цицерона и легион и особо отличил тех центурионов и военных трибунов, которые, по свидетельству Цицерона, проявили выдающуюся

доблесть. Подробности о гибели Сабина и Котты он узнал от пленных. На следующий день он созвал общее собрание, рассказал, как было дело, и обратился к солдатам со словами утешения и ободрения: *к тому несчастью, виной которого была опрометчивость легата, следует отнестись с тем большим хладнокровием, что оно уже искуплено милостью бессмертных богов и их собственной храбростью, и теперь ни для врага нет оснований долго радоваться, ни для них — долго горевать.*

53. Между тем до Лабиезна с невероятной быстротой доходит через ремов весть о победе Цезаря. Хотя зимний лагерь Лабиезна был приблизительно в шестидесяти милях от лагеря Цицерона и Цезарь пришел туда только после девятого часа дня, но еще раньше полуночи поднялся у лагерных ворот крик, которым ремы хотели дать знать Лабиезну о победе и поздравить его. Когда эта весть дошла до треверов, то Индутиомар, который уже решил штурмовать на следующий день лагерь Лабиезна, ночью бежал и отвел все свои войска назад к треверам. Цезарь отослал Фабия с его легионом назад в зимний лагерь, а сам с тремя легионами решил зимовать в трех лагерях в окрестностях Самаробривы и ввиду сильных восстаний, вспыхнувших в Галлии, лично остаться на всю зиму при своей армии. Действительно, при известии о гибели Сабина почти все галльские племена начали совещаться о войне, рассылать повсюду гонцов и послов, осведомляться о том, какие решения намерены предпринять другие и кто первый начнет военные действия, а также устраивать по ночам собрания в уединенных местах. Вообще почти за всю зиму не было ни одного спокойного для Цезаря дня, но он постоянно получал какие-нибудь известия о собраниях и волнениях галлов. Между прочим Л. Росций, которого он назначил командиром 13-го легиона, известил его о том, что большие силы тех галльских племен, которые называются ареморийскими, собрались для нападения на него и уже находились не более, чем в восьми милях от его зимнего

лагеря, но при известии о победе Цезаря ушли так поспешно, что уход этот походил на бегство.

54. Но Цезарь сумел удержать в повиновении значительную часть Галлии тем, что вызвал из всех общин их князей и либо запугивал их уверениями, что он знает обо всем происходящем, либо успокаивал их словами одобрения. Исключение составили только сеноны, одно из самых сильных и влиятельных в Галлии племен. Цезарь назначил у них царем Каварина, брат которого — Моритазг, так же как и его предки, царствовал над ними ко времени прихода Цезаря. И вот сеноны в силу постановления всей общины задумали убить Каварина, но так как он во-время это заметил и бежал, то они преследовали его до границ царства, выгнали из своей страны и лишили царской власти, а затем отправили к Цезарю послов для своего оправдания. Но когда Цезарь потребовал, чтобы к нему явился весь их сенат, они не послушались. То обстоятельство, что нашлись люди, которые первые дали сигнал к войне с римлянами, произвело на варваров такое сильное впечатление и вызвало такой переворот в их настроении, что почти ни одно племя не могло в наших глазах считаться надежным, за исключением эдуев и ремов, которых Цезарь всегда отличал особым вниманием — одних за их давнюю и неизменную верность римскому народу, других — за недавние услуги в войне с галлами. И этому вряд ли нужно особенно удивляться: помимо других причин, галльский народ, занимавший по своей воинской доблести первое место среди всех других народов, естественно, был чрезвычайно огорчен таким умалением своей военной славы, которое довело его до подчинения римскому владычеству.

55. А треверы и Индутиомар не переставали в течение всей зимы посылать за Рейн послов, подстрекать германские общины⁶³, обещать им большие денежные суммы и распростра-

⁶³ См. гл. 3.

нять сообщения о том, что большая часть римской армии уничтожена и только очень небольшая уцелела. Но только ни одного германского племени им не удалось склонить к переходу через Рейн: те говорили, что их дважды проучили — во время войны Ариовиста и при переходе тенктеров, — и они больше не хотят испытывать счастье. Обманувшись в надежде на их помощь, Индутиомар, тем не менее, стал продолжать собирать и обучать войска, покупать у соседей лошадей и заманивать к себе большими наградами изгнанников и осужденных. И надо сказать, что всеми этими действиями он уже приобрел себе в Галлии такой авторитет, что к нему отовсюду стекались посольства, и не только целые общины, но даже частные лица искали его милости и дружбы.

56. Как только он заметил, что все к нему сами идут, что сенонов и карнутов как соучастников в возмущении можно толкнуть на дальнейшие шаги, а, с другой стороны, нервии и адуатуки прямо готовятся к войне с римлянами и что, как только он выступит из своей страны, у него не будет недостатка в добровольцах, — то он назначил вооруженный съезд. По галльским понятиям, это равносильно началу военных действий: на эти съезды обязаны собираться все взрослые люди в полном вооружении; кто является последним, того на глазах собравшегося народа подвергают всевозможным мучениям и казням. На этом съезде Индутиомар объявляет главу другой партии и своего зятя Кингеторига (который, как мы выше указали, отдался под защиту Цезаря и остался ему верным) врагом и конфискует его имущество. После этого он заявляет на съезде, что его позвали на помощь сеноны, карнуты и многие другие галльские племена: *он пойдет к ним через страну ремов и опустошит их поля, а сначала нападет на Лабиэна*. Затем он отдал дальнейшие распоряжения.

57. Лабиэн, стоявший в лагере, очень укрепленном самой природой и человеческим искусством, не боялся никакой опасности для себя и для своего легиона; он думал только,

как бы не упустить случая к удачному сражению. И вот как только он узнал от Кингеторига и его приближенных содержание речи, которую Индутиомар держал на съезде, он послал гонцов к соседним племенам и стал отовсюду вызывать всадников, назначив им определенный срок для явки. Тем временем Индутиомар почти ежедневно разъезжал со всей конницей около его укреплений, либо с тем, чтобы познакомиться с расположением его лагеря, либо чтобы завязать переговоры или поугатать; его всадники обыкновенно все стреляли через вал в лагерь. Но Лабие́н не выпускал своих людей из окопов и всячески старался укрепить врага в его представлении о трусости римлян.

58. Индутиомар каждый день с возрастающим презрением подъезжал к нашему лагерю. Но Лабие́н в одну из ночей ввел в лагерь конницу, набранную им у всех соседних племен, и всячески усилил караул, не давая никому выходить из лагеря, так что треверы никоим образом не могли получить об этом каких-либо сведений. Между тем Индутиомар по обыкновению приблизился к лагерю и провел здесь значительную часть дня; его всадники стреляли и с Громкой бранью вызывали наших на бой. Но, не получив от наших никакого ответа, они под вечер, когда им вздумалось, ушли и рассеялись без всякого порядка. Вдруг Лабие́н выпускает на них из двух ворот всю конницу со строжайшим приказом — как только враги будут опрокинуты и обращены в бегство (он предполагал, что так случится, и это предположение оправдалось на деле), всем броситься на одного Индутиомара и, прежде чем не увидят его убитым, никому не целиться в кого-либо другого. Лабие́н, разумеется, не хотел, чтобы Индутиомар улучил время для бегства, пока наши солдаты будут заняты его людьми. За его голову он назначил большую награду. На помощь всадникам все время высылались когорты. Распоряжение это увенчалось успехом: так как все устремились на одного Индутиомара, то

он был застигнут как раз во время переправы вброд через реку и убит; его голова была принесена в наш лагерь. Кроме него, всадники на обратном пути нагнали и перебили всех, кого могли. При известии об этом все собравшиеся силы эбуронов и нервиев разошлись, и с этого времени для Цезаря наступило некоторое успокоение Галлии.

Книга шестая

1. Так как Цезарь по многим причинам ожидал еще больших волнений в Галлии, то он решил произвести новый набор, поручив заведывание им легатам М. Силану, Г. Антисию Регину и Т. Секстию. Вместе с тем он просил проконсула Гн. Помпея — ввиду того, что сам Помпей оставался по политическим причинам под Римом, с сохранением высшей военной власти, — призвать под знамена и отправить к нему тех солдат, которых Помпей в свое консульство набрал в Цисальпийской Галлии и привел к присяге⁶⁴. Цезарь считал очень важным поддерживать в галлах и на будущее время высокое мнение о военных ресурсах Италии, которые позволяют не только быстро пополнять понесенный на войне урон, но и во много раз увеличивать армию свежими силами. Помпей исполнил его просьбу в видах государственной пользы, а также по дружбе. В свою очередь и легаты быстро набрали три легиона и еще до начала зимы сформировали их и привели к Цезарю. Таким образом получилось двойное число когорт сравнительно с погибшими для Цезаря пятнадцатью когортами Кв. Титурия, и уже самой быстротой и численностью пополнения Цезарь доказал, что значит благоустройство и мощь римского государства.

2. После убийства Индутиомара, о котором шла речь выше⁶⁵, треверы вручили верховную власть его родственникам. Те не переставали волновать соседних германцев и обещать им денежные суммы. Не будучи в состоянии склонить на

⁶⁴ После своего второго консульства (в 55 году до н. э.) Помпей получил проконсульство в обеих Испаниях, Ближней и Дальней, но управлял ими через своих легатов, а сам оставался в окрестностях Рима для наблюдения за событиями.

⁶⁵ См. V, 58.

свою сторону ближайших соседей, они пытаются привлечь к себе более отдаленные племена. Когда таковые нашлись, они скрепляют союз с ними клятвой и обеспечивают денежное вознаграждение выдачей заложников. Они заключают дружественный союз также и с Амбиоригом. Эти вести убедили Цезаря в том, что ему со всех сторон грозит война: нервии, адватуки и менапии в союзе с германцами, живущими на этом берегу Рейна, стоят под оружием, сеноны, несмотря на его приказ, не явились к нему и заводят сношения с карнутами и соседними племенами, треверы соблазняют германцев своими частыми посольствами. При таких обстоятельствах Цезарь счел нужным заблаговременно подумать о войне.

3. Поэтому еще до окончания зимы он стянул четыре ближайших легиона и с ними неожиданно вторгся в страну нервиев. Прежде чем они могли собраться или убежать, он захватил множество скота и народа, отдав его в добычу солдатам, и опустошил их поля. Этим он принудил их покориться и дать заложников. Быстро окончив эту операцию, он отвел легионы назад на зимние квартиры. В начале весны он, по обыкновению, назначил общегалльское собрание, на которое явились все, кроме сенонов, карнутов и треверов. В этом он усмотрел сигнал к войне и отпадению и, чтобы показать, что это для него самое неотложное дело, перенес собрание в город парисиев — Лутетию. Они были соседями сенонов и на памяти наших отцов соединились с ними в одну общину, но можно было думать, что теперь они стояли в стороне от этого движения. Заявив с трибунала о таком положении дел, Цезарь в тот же день выступил с легионами против сенонов и достиг их страны ускоренным маршем.

4. При известии о его приближении главный зачинщик возмущения Аккон приказал деревенскому населению сходиться в города. Но еще прежде, чем эта попытка могла быть исполнена, пришла весть, что римляне уже здесь. Тогда

сеноны по необходимости оставили свой план и отправили к Цезарю послов с просьбой о помиловании. Доступ к нему они получили при посредстве эдуев, под покровительством которых они состояли издавна. По просьбе эдуев, Цезарь охотно простил их и принял их извинения, полагая, что летом надо заниматься предстоящей войной, а не производством следствия. Он потребовал от них сто заложников, надзор за которыми поручил эдуям. Сюда же и карнуты прислали послов и заложников; ходатаями за них были ремы, под покровительством которых они состояли. Им дан был такой же ответ. Затем Цезарь распустил собрание и приказал общинам поставить всадников.

5. Замирив эту часть Галлии, Цезарь обратил все свои мысли и все внимание на войну с треверами и Амбиоригом. Каварину⁶⁶ и его коннице он приказал выступить вместе с ним из опасения, как бы его раздражение или ненависть земляков, которую он навлек на себя, не вызвали волнений в его народе. Эти дела были, следовательно, устроены. Что же касается Амбиорига, то Цезарь был уверен, что он воздержится от сражения, но старался отгадать и другие его замыслы. Соседями эбурунов были защищенные сплошными лесами и болотами менапии, которые одни из всех галлов никогда не посылали к Цезарю послов с просьбой о мире. Он знал, что они связаны узами гостеприимства с Амбиоригом, который при посредстве треверов вступил в дружественные отношения также и с германцами. Вот этой-то поддержки и надо было лишить его раньше, чем напасть на него самого: иначе с отчаяния он начал бы искать себе убежища у менапиев или же вынужден был бы пристать к зарейнским германцам. Приняв такое решение, Цезарь послал обоз всей армии в страну треверов к Лабиену и, кроме того, туда же приказал

⁶⁶ См. V, 54.

двинуть два легиона, а сам с пятью легионами налегке выступил против менапиев. Последние, в надежде на то, что самая местность достаточно защитит их, не собирали никаких отрядов, но бежали в леса и болота и туда же перенесли все свое имущество.

6. Поделившись своими боевыми силами с легатом Г. Фабием и квестором М. Крассом, Цезарь быстро навел мосты и двинулся на неприятеля тремя колоннами. Дворы и селения он предал пламени и захватил много скота и народа. Это вынудило менапиев послать к нему послов с просьбой о мире. Он взял от них заложников и заявил, что будет рассматривать их как врагов, если они дадут у себя приют Амбиоригу или, его послам. Укрепив здесь свое положение, он оставил у менапиев для наблюдения атребата Коммия с конницей, а сам двинулся против треверов.

7. За это время треверы собрали большие пешие и конные силы и готовились напасть на Лабиэна, который зимовал с одним легионом в их стране. Они были от него уже не более чем в двух переходах, как вдруг узнали, что подошли два легиона, посланные Цезарем в подкрепление. Разбив свой лагерь в пятнадцати милях, они решили ожидать прихода германских вспомогательных войск. Лабиэн, узнав об их замыслах и надеясь, что их необдуманность даст ему случай сразиться, оставил для прикрытия обоза пять когорт, с двадцатью пятью когортами и с большим конным отрядом двинулся против неприятеля и в одной миле от него разбил укрепленный лагерь. Его отделяла от неприятеля трудная для перехода река с отвесными берегами. И сам он не собирался переходить через нее, и враги, по его предположениям, не стали бы переходить. У них со дня на день увеличивалась надежда на приход подкреплений. Тогда Лабиэн открыто говорит на военном совете, что ввиду слухов о приближении германцев он не намерен рисковать собой и своим войском и

на следующий день снимется с лагеря. Это скоро было сообщено врагам, так как из большого числа галльских всадников некоторые, естественно, сочувствовали галльскому делу. Лабиэн созвал ночью военных трибунов и старших центурионов, познакомил их со своим планом и, чтобы тем легче внушить врагам мысль о нашей трусости, приказал сняться с лагеря с большим шумом и беспорядком, чем это обыкновенно бывает у римлян. Этим он сделал свое отступление похожим на бегство. При большой близости лагерей разведчики и об этом еще до рассвета донесли врагам.

8. Едва аррьергард выступил из лагеря, как галлы начали убеждать друг друга не упускать из рук желанную добычу: *было бы долго, говорили они, при такой панике среди римлян, дожидаться помощи от германцев, да и противно их достоинству бояться с их огромными силами напасть на ничтожный отряд, который, вдобавок, бежит и обременен тяжестью.* Поэтому они без колебаний перешли через реку и завязали сражение. Лабиэн, который заранее этого ожидал, продолжал делать вид, что отступает, и двигался не спеша, чтобы все их силы заманить на этот берег реки. Затем, пустив обоз несколько вперед и устроив его на одном холме, он сказал: *вот вам, солдаты, желанный случай: враг в ваших руках на позиции, для него затруднительной и невыгодной. Проявите передо мной, вождь вашим, ту же храбрость, какую вы часто проявляли перед вашим императором, и думайте, что он сам здесь и сам на вас смотрит.* Вместе с тем он приказывает сделать поворот в сторону врага и выстроиться; для прикрытия обоза он послал несколько эскадронов, а остальную конницу расположил на флангах. Наши немедленно подняли крик и стали пускать в неприятелей копья. Как только те увидели, что мнимые беглецы против ожидания идут на них в атаку, они не могли выдержать даже первого натиска, но уже при первом столкновении пустились бежать и устремились в леса. Лабиэн преследовал их с конницей, много перебил, немало взял

в плен и, таким образом, через несколько дней снова покори́л это племя. Ибо германцы, которые уже шли к ним на помощь, при известии о бегстве треверов вернулись домой. Вместе с ними удалились из страны и родственники Индутиомара, которые были зачинщиками этого возмущения. Кингеторигу, который, как мы говорили, с самого начала и до конца остался верным римлянам, была дана высшая гражданская военная власть.

9. Прибыв из страны менапиев в страну треверов, Цезарь решил по двум причинам переправиться через Рейн: во-первых, оттуда были посланы треверам вспомогательные войска против него, во-вторых, он не желал, чтобы там нашел себе убежище Амбиориг. Сообразно с этим он приказал навести мост несколько выше места своей первой переправы. Так как система сооружения была солдатам знакома и испытана на деле, то эта работа была выполнена при большом усердии солдат в несколько дней. Оставив в стране треверов у моста надежное прикрытие для предупреждения их внезапного возмущения, он перевел остальные силы и конницу на другой берег. Убии, которые еще раньше дали заложников и покорились, прислали к нему с целью оправдания послов и доказывали, что их община не посылала помощи треверам и осталась непоколебимо верной. Они убедительно просили пощадить их и из ненависти ко всем германцам вообще не наказывать невиновных вместо виновных: если Цезарь желает от них еще большего числа заложников, то они готовы их дать. При разборе дела Цезарь нашел, что вспомогательные войска были посланы свебами; поэтому он принял оправдания убиев и стал производить разведку о доступах и дорогах к стране свебов.

10. Тем временем через несколько дней он получил от убиев известие, что свебы стягивают все свои боевые силы в одно место и требуют от подчиненных им племен присылки пеших и конных подкреплений. Тогда он принял меры к

обеспечению себя провиантом и выбрал удобную позицию для лагеря. Убийам он дал приказ перевести весь свой скот и движимое имущество из деревень в города — в надежде, что недостаток продовольствия заставит тех грубых варваров принять сражение в невыгодной обстановке. Тем же убиям он поручил почаще посылать к свебам разведчиков и узнавать, что там делается. Они исполнили его приказания и через несколько дней сообщили, что свебы, по получении точных сведений о римской армии, со всеми своими союзными войсками, которые они успели набрать, отступили к самым отдаленным границам своей страны: там есть огромный лес, по имени Бакенский; он идет далеко в глубь страны и служит естественной стеной для херусков и свебов против их нападений и разбойничьих набегов друг на друга: при входе в этот лес свебы и решили выждать приближение римлян.

11. В этой связи нам представляется нелишним поговорить о нравах Галлии и Германии и об отличии этих народов друг от друга. В Галлии не только во всех общинах и во всех округах и других подразделениях страны, но чуть ли не в каждом доме существуют партии. Во главе этих партий стоят лица, имеющие в общественном мнении наибольший вес, на их суд и усмотрение передаются все важнейшие дела. Этот порядок установился, повидимому, очень давно, с тем чтобы людям простым была обеспечена помощь против сильных. Ибо ни один глава партии не позволяет притеснять и обижать своих приверженцев; в противном случае он теряет у своих сторонников всякое влияние. В общем итоге это явление наблюдается во всей Галлии, ибо во всех общинах существуют две партии.

12. Ко времени прибытия Цезаря в Галлию во главе одной партии стояли эдуи, во главе другой — секваны⁶⁷. Последние сами по себе были сравнительно слабы, так как эдуи были

⁶⁷ См. 1, 3, 9, 18.

издавна самым влиятельным народом и от них зависело много племен. Поэтому секваны вступили в союз с германцами и привлекли их на свою сторону большими материальными жертвами и обещаниями. Но после нескольких удачных сражений и уничтожения всей знати эдуев они получили такой перевес, что перетянули на свою сторону от эдуев значительную часть зависимых племен, взяли у них в заложники детей их князей, заставили дать от лица общины клятву не предпринимать ничего против секванов, а также насильственно завладели частью их пограничной земли и, таким образом, приобрели себе главенство над всей Галлией. Это крайне тяжелое положение заставило Дивитиака отправиться в Рим и просить помощи у нашего сената. С приходом Цезаря все изменилось: были возвращены эдуям заложники, отданы назад зависимые племена, при содействии Цезаря были завязаны связи с другими племенами, так как племена, примкнувшие к эдуям, находили, что эти новые условия для них выгоднее и власть справедливее. Но и во всех других отношениях влияние и авторитет эдуев возросли, и, таким образом, секваны должны были выпустить из рук свое главенство. Их место заняли ремы, и как только обнаружилось, что они пользуются одинаковым с эдуями расположением Цезаря, их клиентами стали объявлять себя те племена, которые из-за старой неприязни никоим образом не могли вступить в союз с эдуями. Ремы опекали их с большой заботливостью и этим укрепляли свое новое, внезапно приобретенное влияние. Вообще к этому времени дело обстояло так, что наиболее влиятельными считались эдуи, а второе место по своему значению занимали ремы.

13. Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и

обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами. Но вышеупомянутые два класса — это друиды и всадники. Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах, — решают те же друиды; они же назначают награды и наказания; и если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность. Во главе всех друидов стоит один, который пользуется среди них величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием. В определенное время года друиды собираются на заседания в освященное место в стране карнутов, которая считается центром всей Галлии. Сюда отовсюду сходятся все тяжущиеся и подчиняются их определениям и приговорам. Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею познакомиться, отправляются туда для ее изучения.

14. Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими [они вообще свободны

от военной службы и от всех других повинностей]⁶⁸. Вследствие таких преимуществ многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники. Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов до двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок у них заведен по двум причинам: друиды не желают, чтоб их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти; да и действительно со многими людьми бывает, что они, находя себе опору в записи, с меньшей старательностью учат наизусть и запоминают прочитанное. Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость⁶⁹. Кроме того, они много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов.

15. Другой класс — это всадники. Они все выступают в поход, когда это необходимо и когда наступает война (а до прихода Цезаря им приходилось почти ежегодно вести или наступательные или оборонительные войны). При этом, чем кто знатнее и богаче, тем больше он держит при себе слуг и клиентов. В этом одном они видят свое влияние и могущество.

16. Все галлы чрезвычайно набожны. Поэтому люди, пораженные тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или дают обет принести человеческие жертвы; этим у них заведуют друиды. Именно

⁶⁸ См. IV, 23.

⁶⁹ Эти десять когорт были взяты из разных легионов.

галлы думают, что бессмертных богов можно умиловить не иначе, как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческой жизни. У них заведены даже общественные жертвоприношения этого рода. Некоторые племена употребляют для этой цели огромные чучела, сделанные из прутьев, члены которых они наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени. Но, по их мнению, еще угоднее бессмертным богам принесение в жертву попавшихся в воровстве, грабеже или другом тяжелом преступлении; а когда таких людей нехватает, тогда они прибегают к принесению в жертву даже невиновных.

17. Из богов они больше всего почитают Меркурия. Он имеет больше, чем все другие боги, изображений; его считают изобретателем всех искусств; он же признается указывателем дорог и проводником в путешествиях; думают также, что он очень содействует наживе денег и торговым делам. Вслед за ним они почитают Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. Об этих божествах они имеют приблизительно такие же представления, как остальные народы: Аполлон прогоняет болезни, Минерва учит начаткам ремесл и искусств, Юпитер имеет верховную власть над небожителями, Марс руководит войной⁷⁰. Перед решительным сражением они обыкновенно посвящают ему будущую военную добычу, а после победы приносят в жертву все захваченное живым, остальную же добычу сносят в одно место. Во многих общинах можно видеть целые кучи подобных предметов в освященных местах, и очень редко случается, чтобы кто-либо из неуважения к этому религиозному обычаю осмелился скрыть у себя что-нибудь из добычи или унести из кучи: за это определена очень мучительная казнь.

⁷⁰ В подлиннике употреблено выражение *domesticum bellum*; имеется в виду не гражданская война в пределах одной общины, а войны отдельных общин друг с другом.

18. Галлы все считают себя потомками [отца] Дита и говорят, что таково учение друидов. По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идет ночь, за ней день⁷¹. В остальных своих обычаях они отличаются от прочих народов, главным образом, тем, что позволяют своим детям подходить к себе при народе не раньше достижения ими совершеннолетия и воинского возраста и считают неприличным, чтобы сын в детском возрасте появлялся на публике при отце.

19. К деньгам, которые муж получает в приданое за женой, он прибавляет такую же сумму из своего имущества на основании произведенной оценки. Этому соединенному капиталу ведется общий счет, и доходы с него откладываются. Кто из супругов переживет другого, к тому переходят обе половины капитала вместе с выросшими за все время процентами. Мужья имеют над женами, как и над детьми, право жизни и смерти, и когда умирает знатный человек — глава семейства, то собираются его родственники и, в случае, если его смерть возбуждает какие-либо подозрения, пытаются жен, как рабов, и уличенных казнят после всевозможных пыток, между прочим, сожжением. Похороны у галлов сравнительно с их образом жизни, великолепны и связаны с большими расходами. Все, что, по их мнению, было мило покойнику при жизни, они бросают в огонь, даже и животных; и еще незадолго до нашего времени по соблюдении всех похоронных обрядов сжигались вместе с покойником его рабы и клиенты, если он их действительно любил.

20. В общинах, наиболее благоустроенных, существует строгий закон, чтобы всякий, кто узнает от соседей — будет ли

⁷¹ Главы 12—14 некоторые толкователи (особенно новейший из них, Мойзель) признают не принадлежащими Цезарю как по языку, так и по отдельным странным подробностям.

это просто болтовня, или определенная молва — нечто касающееся общественных интересов общин, доносил властям и не сообщал никому другому, так как опыт показал, что ложные слухи часто пугают людей безрассудных и неопытных, толкают их на необдуманные действия и заставляют принимать ответственные решения по важнейшим делам. Власти, что найдут нужным скрыть, скрывают, а то, что найдут полезным, объявляют народу, но вообще о государственных делах позволяется говорить только в народном собрании.

21. Нравы германцев во многом отличаются от галльских нравов: у них нет друидов для заведывания богослужением, и они мало придают значения жертвоприношениям. Они веруют только в таких богов, которых они видят и которые им явно помогают, — именно: в солнце, Вулкана и луну; об остальных богах они не знают и по слуху. Вся жизнь их проходит в охоте и в военных занятиях: они с детства приучаются к труду и к суровой жизни. Чем дольше молодые люди сохраняют целомудрие, тем больше им славы у своих: по их мнению, это увеличивает рост и укрепляет мускульную силу; знать до двадцатилетнего возраста, что такое женщина, они считают величайшим позором. Однако это и не скрывается, так как оба пола вместе купаются в реках и одеваются в шкуры или небольшие меха, которые оставляют значительную часть тела голой.

22. Земледелием они занимаются мало; их пища состоит, главным образом, из молока, сыра и мяса. Ни у кого из них нет определенных земельных участков и вообще земельной собственности; но власти и князья каждый год наделяют земель, насколько и где найдут нужным, роды и объединившиеся союзы родственников, а через год заставляют их переходить на другое место. Этот порядок они объясняют разными соображениями; именно, чтобы в увлечении оседлой жизнью люди не променяли интереса к войне на занятия земледелием, что-

бы они не стремились к приобретению обширных имений и люди сильные не выгоняли бы слабых из их владений; чтобы люди не слишком основательно строились из боязни холодов и жары; чтобы не нарождалась у них жадность к деньгам, благодаря которой возникают партии и раздоры; наконец, это лучшее средство управлять народом путем укрепления в нем довольства, раз каждый видит, что в имущественном отношении он не уступает людям самым сильным.

23. Чем более опустошает известная община соседние земли и чем обширнее пустыни, ее окружающие, тем больше для нее славы⁷². Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из своих земель, уходили дальше и чтобы никто не осмеливался селиться поблизости от них; вместе с тем они полагают, что они будут находиться в большей безопасности, если будут устранять повод для страха перед неожиданными набегами. Когда община ведет оборонительную или наступательную войну, она выбирает для руководства ею особую власть с правом жизни и смерти. В мирное же время у них нет общей для всего племени власти, но старейшины областей и пагов творят суд среди своих и улаживают их споры. Разбои вне пределов собственной страны у них не считаются позорными, и они даже хвалят их как лучшее средство для упражнения молодежи и для устранения праздности. И когда какой-нибудь князь предлагает себя в народном собрании в вожди [подобного набега] и вызывает желающих за ним последовать, тогда поднимаются все, кто сочувствует предприятию и личности вождя, и при одобрениях народной массы обещают свою помощь. Но те из них, кто на самом деле не пойдет, считаются дезертирами и изменниками, и после этого им ни в чем не верят. Оскорбить гостя германцы считают грехом, и кто бы и по какому бы

⁷² Все цифровые данные относительно Британии неточны. Ближе к истине Плиний (Hist. nat., IV, 30, § 16).

делу к ним ни пришел, ограждают его от обид, признают его неприкосновенным, для него открыты все дома, и с ним все делятся пищей.

24. Было некогда время, когда галлы превосходили храбростью германцев, сами шли на них войной и вследствие избытка населения при недостатке земли высылали свои колонии за Рейн. Таким образом самые плодородные местности в Германии около Геркинского леса (как я нахожу, он известен по слухам Эратосфену⁷³ и некоторым другим греческим ученым под именем Оркинского) захватили вольки-тектосаги и там поселились. Народ этот до сих пор там живет и пользуется большой славой за свою справедливость и военную доблесть. Но теперь германцы продолжают пребывать в той же нужде и бедности и попрежнему терпеливо выносят их; у них осталась такая же пища, как прежде, и такая же одежда. Что же касается галлов, то близость римских провинций и знакомство с заморскими товарами⁷⁴ способствует развитию у них благосостояния и новых потребностей; благодаря этому они мало-помалу привыкли к тому, чтобы их побеждали, и после многих поражений даже и сами не пытаются равняться в храбрости с германцами.

25. Упомянутый Геркинский лес⁷⁵ тянется в ширину на девять дней пути для хорошего пешехода; иначе определить его размеры невозможно, так как германцы не знают мер протяжения. Лес этот начинается на границе гельветов, неметов и рауриков и тянется параллельно с рекой Данувием до страны даков и анартов; отсюда он забирает налево, в сторону от реки и при своем огромном протяжении проходит через

⁷³ Самый длинный день в Риме — пятнадцать часов, в Лондоне — шестнадцать с половиной.

⁷⁴ Интересное сведение о «групповом браке» (Энгельс).

⁷⁵ Фразу эту (*equestris proelii*) издатели заключают в скобки, как не принадлежащую Цезарю по языку.

земли многих народов. В этой части Германии нет человека, который мог бы сказать, что доходил до конца этого леса (хотя бы он пробыл шестьдесят дней в пути) или даже слышал бы, где этот конец находится. Как известно, в нем водится много пород животных, невиданных в других местах. Наиболее своеобразные и замечательные из них суть следующие.

26. Здесь водится бык с видом оленя; у него на лбу между ушами выдается один рог, более высокий и прямой, чем у известных нам рогатых животных. В своей верхней части он широко разветвляется наподобие ладони и ветвей. У самки такое же сложение, как у самца: ее рога имеют такую же форму и такую же величину.

27. Водятся и так называемые лоси. Строением тела и пестротой они похожи на козлов, но несколько больше их, рога у них тупые, а ноги без связок и сочленений. Поэтому они не ложатся, когда хотят спать, и раз они почему-либо упали, то уже не могут ни встать на ноги, ни даже приподняться. Логовище им заменяют деревья: они к ним прислоняются и таким образом спят, немного откинувшись назад. Как только по их следам охотники откроют их обычное убежище, то в том же месте они либо подкапывают все деревья в корне, либо надрезают их, но настолько, чтобы вообще казалось, что они крепко стоят. Как только лоси, по обыкновению, прислоняются к этим непрочным деревьям, они валят их своей тяжестью и вместе с ними падают сами.

28. Третья порода — это так называемые зубры. Они несколько меньше слонов, а по внешнему виду, цвету и строению тела похожи на быков. Они очень сильны и быстры и не щадят ни людей, ни животных, которых завидят. Германцы стараются заманивать их в ямы и там убивают. В этой трудной и своеобразной охоте упражняется и закаляется молодежь, и кто убьет наибольшее число зубров и публично представит в доказательство их рога, тот получает большие похвалы. Зубры, даже пойманные совсем маленькими, не

привыкают к людям и не делаются ручными. По своему размеру, строению и внешнему виду их рога очень отличаются от рогов наших быков. Их всячески стараются добыть, оправляют по краям серебром и употребляют вместо кубков на торжественных пирах.

29. Когда Цезарь узнал от разведчиков убиев, что свебы удалились в свои леса, он решил не двигаться дальше из боязни недостатка провианта, так как германцы — на что мы указывали выше⁷⁶ — очень мало занимаются земледелием. Но чтобы вообще оставить варваров в страхе перед своим возвращением и задержать подход к ним подкреплений, он после обратной переправы своего войска через Рейн приказал разобрать на двести футов в длину конец моста у берега убиев и на краю моста поставил четырехэтажную башню; для охраны моста он заложил сильное предмостное укрепление, для прикрытия которого оставил двенадцать когорт под командой молодого Г. Волькация Тулла. Так как уже начал поспевать хлеб, то сам Цезарь выступил в поход против Амбиорига через Ардуеннский лес, самый большой во всей Галлии, который идет на протяжении с лишком пятисот миль от берегов Рейна и границы треверов вплоть до страны нервиев. Сюда же он послал вперед со всей конницей Л. Минуция Басила, в расчете, что быстрота движения, или же удобный случай помогут ему достигнуть некоторого успеха. При этом он посоветовал Басилу не позволять разводить в лагере огни, чтобы они еще издали не были сигналом его приближения, а сам обещал ему без промедления идти за ним следом.

30. Как Басилу было приказано, так он и поступил. Он быстро и совершенно неожиданно проделал свой поход и достиг врасплох массу эбуронов в деревнях. По их показаниям

⁷⁶ См. гл. 17.

он двинулся против самого Амбиорига туда, где, как они говорили, он находился в сопровождении немногих всадников. Счастье во всем играет большую роль, особенно же в делах войны. Большой случайностью было то, что Басил наткнулся на Амбиорига, когда последний был к этому не готов и не принял мер предосторожности, и что Басила увидали перед собой прежде, чем о его наступлении могли дойти слухи и вести. Но не менее счастливым случаем для Амбиорига было то, что хотя он лишился всего бывшего при нем военного имущества, причем были захвачены даже его повозки и лошади, но сам спасся от смерти. Но и это случилось лишь потому, что его дом стоял в лесу, так как вообще галлы для защиты от жары строят свои жилища большей частью вблизи лесов и рек, а его спутники и друзья, заняв узкую дорожку в лесу, некоторое время могли выдерживать нашу конную атаку. Во время боя кто-то из его людей посадил его на коня, и беглеца укрыл лес. Таким образом, по воле судьбы Амбиориг, с одной стороны, подвергся опасности, с другой — избежал ее.

31. Умышленно ли не стянул Амбиориг всех своих сил, не считая возможным принимать решительное сражение, или ему в этом помешала краткость времени и внезапное появление нашей конницы, за которой, по его убеждению, должны были следовать наши главные силы, — сказать трудно. Во всяком случае, он разослал по деревьям гонцов с предложением каждому заботиться о себе. Часть населения спаслась бегством в Ардуеннский лес, другая — в обширные болотистые местности; жившие ближе к Океану укрылись на островах, образуемых приливами; многие совсем покинули свою страну и нашли для себя и для всего своего достояния пристанище у людей совершенно чужих. Царь другой половины страны эбуронов — Катуволк, участник восстания Амбиорига, по своему преклонному возрасту не мог выносить тягости войны и бегства и, всячески проклиная Амбиорига как истинного

виновника этого движения, отравился ягодами тиса, который в большом количестве водится в Галлии и в Германии.

32. Сегны и кондрусы, которые причисляются к германским племенам и живут между эбуронами и треверами, отправили Цезарю послов с просьбой не рассматривать их как врагов и вообще не думать, что все германцы, живущие по эту сторону Рейна, имеют общие интересы: сами они вовсе не помышляли о войне и не посылали никаких подкреплений Амбиоригу. Цезарь опросил по этому поводу пленных и приказал сегнам и кондрусам выдать ему всех бежавших эбуранов, которые вздумают спастись к ним. Только при этом условии он обещал не трогать их страны. Затем, разделив все свои силы на три колонны, он направил обоз всех легионов в Адуатуку. Так называется укрепленный пункт почти в центре страны эбуранов, где перед этим стояли на зимних квартирах Титурий и Аурункулей. Это место он выбрал, между прочим, потому, что теперь нужно было облегчить работу солдат. Для прикрытия обоза он оставил 14-й легион, один из тех трех, которые он в последний раз набрал в Италии и перевел сюда. Командование легионом и лагерем он поручил Кв. Туллию Цицерону, которому, кроме того, придал двести всадников.

33. Разделив войско, одну из трех колонн в три легиона Цезарь отправил под командой Т. Лабиена к Океану в те части области эбуранов, которые соприкасаются со страной менапиев; другую, также в три легиона, под начальством Г. Требония, для опустошения области, прилегающей к стране адуатуков; а сам с остальными тремя легионами решил двинуться к притоку Мосы Скальдису и к окраине Ардуеннского леса, куда, по его сведениям, удалился в сопровождении немногих всадников Амбиориг. При выступлении он обещал вернуться через семь дней, так как знал, что к этому сроку легион, оставляемый в Адуатуке, должен получить свое довольствие. Лабиена и Требония он также убеждает вернуться, если

это можно сделать без ущерба для всей кампании, к тому же дню, чтобы снова обменяться мнениями и, выяснив расчеты неприятеля, начать войну по новому плану.

34. У врагов, как мы выше указали, не было какого-либо регулярного войска, или города, или укрепленного пункта, способного к вооруженной обороне, но это была лишь масса, разбросанная в разных направлениях: каждый цеплялся или за скрытую долину, или за лесное место, или за непроходимое болото, если надеялся найти себе здесь защиту или спасение. Эти места были известны соседям, — что требовало от Цезаря особой бдительности, разумеется, не в смысле сохранения войска во всей его совокупности (армии как целому не могла угрожать никакая опасность со стороны уstraшенных и разбросанных неприятелей), но надо было беречь отдельных солдат; а это в свою очередь должно было отзываться и на всей армии. И действительно, с одной стороны жажда добычи заманивала многих из них все дальше и дальше, а с другой — леса с их потаенными и неверными тропами не давали возможности атаковать неприятеля в сомкнутом строю. Чтобы покончить с этой операцией и в корне истребить весь этот преступный сброд, надо было бы рассылать в разные стороны много отдельных отрядов и, таким образом, раздроблять войско; если же держать манипулы в строю под знаменами, как этого требовали правила и установившийся в римской армии порядок, — в таком случае сама местность служила для варваров защитой, и у отдельных из них хватало дерзости устраивать засады и нападать на рассеявшихся римских солдат. Против подобных затруднений принимались, насколько возможно было, меры предосторожности в том соображении, что при всей жажде мести у солдат, лучше жертвовать отдельными случаями причинить вред врагу, чем это делать с какими-либо потерями. Поэтому Цезарь разослал по соседним общинам гонцов, вызывая всех, рассчитывающих на добычу, грабить

эбуронов, чтобы в их лесах подвергались опасности лучше галлы, чем легионные солдаты, а также чтобы окруженное этой массой племя было уничтожено за свои преступления вконец, вплоть до самого своего имени. И действительно, отовсюду собралось множество галлов.

35. Так шло дело во всех частях страны эбуронов. Между тем уже приближался седьмой день, когда Цезарь хотел вернуться к обозу и в лагерь Цицерона. Тут можно было убедиться в том, какую роль играет на войне счастье и сколько превратностей оно приносит. Враги, как мы указали, были рассеяны и напуганы, и у них не было ни одного отряда, который мог бы подать нам хотя бы самый ничтожный повод к опасениям. Но тем временем дошел до зарейнских германцев слух о разграблении эбуронов и о том, что римляне вызывают охотников до добычи. Тогда жившие у самого Рейна сутамбры, которые, как выше было указано⁷⁷, дали приют бежавшим тенктерам и усипетам, собирают две тысячи всадников и переправляются через Рейн на кораблях и на плотах, на тридцать миль ниже того места, где Цезарь навел [второй] мост и поставил гарнизон. Они нападают на пограничные части области эбуронов, захватывают много разбежавшегося народа и большое количество скота, до которого варвары вообще большие охотники. В увлечении добычей они двигаются дальше; ни леса, ни болота не задерживают этих прирожденных воинов и разбойников. Они спрашивают у пленных, где находится Цезарь; им говорят, что он далеко и что его войско отсюда ушло. Один из пленных прибавил: *что вы гонитесь за этой жалкой и ничтожной добычей, когда вы сразу могли бы сделаться богачами? Через три часа вы можете быть в Адуатуке: туда римское войско свезло все свое богатство, а тамошний гарнизон так мал, что ни вала кругом занять не сможет, ни выйти за укрепления не решится. Обнадеженные им германцы спрятали*

⁷⁷ См. гл. 14.

ту добычу, которую они уже успели наgrabить, и поспешили в Адуатуку, взяв в проводники того же пленного, который им это сообщил.

36. Цицерон во все предшествовавшие дни строго соблюдал указания Цезаря и держал солдат в лагере, не выпуская из него даже погонщиков. Но на седьмой день он стал сомневаться в том, что Цезарь в точности исполнит свое слово относительно дня возвращения, так как слышал, что он ушел далеко и не было никаких вестей о его возвращении. Вместе с тем на него производили большое впечатление громкие жалобы тех, которые называли его терпеливое ожидание своего рода блокадой (раз даже из лагеря нельзя выйти). Наконец, и сам он не думал, что на три мили в окружности с ним может приключиться несчастье, когда против рассеянного и почти уничтоженного врага выставлено девять легионов с сильной конницей. Поэтому он выслал пять когорт за фуражом на те поля, которые отделялись от него всего только одним холмом. В лагере было оставлено много больных из разных легионов; около трехсот из них за эти дни выздоровели и были посланы вместе с когортами под особым знаменем; кроме того, воспользовавшись этим случаем, за ними пошло очень много погонщиков с большим количеством вьючных животных, остававшихся в лагере.

37. Как раз в этот момент случайно появились германские всадники и тотчас же на скаку попытались ворваться в лагерь у задних ворот. Так как с этой стороны их прикрывали леса, то они были замечены только при самом своем приближении к лагерю, так что торговцы, разбившие свои палатки у самого вала, не успели вернуться в лагерь. Это неожиданное нападение привело наших в замешательство, и караульная когорта с трудом выдержала первый натиск. Враги охватывают лагерь и с других сторон, в расчете найти какой-либо пункт для прорыва. Только с трудом наши удерживают ворота; остальные

подступы защищает только самая местность и лагерные укрепления. Во всем лагере суeta и тревога, и один спрашивает у другого о причине переполоха; не соображают, куда направить атаку, кому куда идти. Один кричит, что лагерь уже взят; другой утверждает, что войско вместе с императором уничтожено и победители варвары уже здесь; большую часть самое место наводит на странные суеверные мысли: живо представляется катастрофа с Коттой и Сабинком, которые погибли именно в этом укреплении. Такой всеобщий страх и ужас у римлян поддерживает в варварах мысль, что в лагере действительно нет гарнизона, как им говорили пленные. Они пытаются прорваться и подбодряют друг друга к тому, чтобы не упускать из рук такого счастливого случая.

38. В числе больных при отряде находился старший центурион в войске Цезаря П. Секстий Бакул, о котором мы упоминали в связи с прежними сражениями⁷⁸. Он уже пятый день не принимал пищи. Не ожидая спасения ни для себя, ни для остальных, он выходит без оружия из палатки, видит, что враги уже близко и дело совсем плохо; хватает оружие у первого попавшегося и становится у ворот. К нему присоединяются центурионы караульной когорты. Некоторое время они все вместе выдерживают бой, но Секстий лишается чувств от многих тяжелых ран, и его с трудом спасают, передавая из рук в руки. Тем временем остальные ободряются настолько, что осмеливаются стать на укрепления и принять вид активных защитников.

39. Между тем наши солдаты уже окончили фуражировку и вдруг слышат крик. Вперед выскакивают всадники и видят, как плохо обстоит дело. А здесь нет ни одного укрепления, чтобы прикрыть уstraшенных; только что набранные солдаты, без боевой опытности, глядят военному трибуну и центурио-

⁷⁸ См. о нем IV, 21.

нам в глаза и ждут их указаний. Нет такого храброго человека, которого неожиданность не смутила бы. Варвары, заметив издали сомкнутые ряды отряда, бросают штурм. Сперва они были убеждены, что вернулись легионы, которые [однако], по показанию пленных, должны были уйти далеко. Потом, удостоверившись в малочисленности отряда, они нападают на него со всех сторон.

40. Погонщики побежали вперед на ближайший холм. Быстро выбитые оттуда, они бросаются к знаменам и манипулам и тем еще больше терроризируют и без того оробевших солдат. Другие предлагают образовать, ввиду близости лагеря, клинообразную колонну и таким образом быстро пробиться — в полной уверенности, что если некоторая часть из них и будет отрезана и уничтожена, зато остальные могут спастись, третьи советуют занять позицию на возвышенности и сообща разделить общую участь. Этого не одобряют старые солдаты, которые, как мы указали, отправились под особым знаменем вместе с когортами. И вот, ободрив друг друга, они под предводительством своего начальника — римского всадника Г. Требония — пробиваются сквозь неприятельские ряды и все до одного благополучно достигают лагеря. Примкнувшие к ним погонщики и всадники спаслись благодаря той же атаке этих храбрых солдат. Наоборот, те которые заняли возвышенности, за отсутствием боевого опыта не выдержали принятого ими же самими плана — защищаться на высокой позиции, равно как и не сумели усвоить себе ту стремительность и быстроту, которая на их глазах так помогала другим. Вместо этого они попытались вернуться в лагерь, причем попали на невыгодное место. Их центурионы, часть которых была переведена из низших рангов в других легионах в этот легион с повышением в ранге за храбрость, сражались с чрезвычайной доблестью, чтобы не потерять ранее приобретенной славы, и пали; зато часть солдат, воодушевленная их храбростью,

заставила врага податься и, против ожидания, благополучно достигла лагеря; другая же часть была окружена варварами и погибла.

41. Германцы, видя, что наши уже стоят на укреплениях, потеряли надежду на завоевание лагеря и вернулись за Рейн с той добычей, которую они спрятали в лесах. Но даже после ухода неприятеля все еще продолжался ужас у наших, и когда посланный Цезарем с конницей Г. Волусен в следующую ночь прибыл в лагерь, ему никто не хотел верить, что Цезарь и его армия невредимы и подходят. Все были так охвачены страхом, что, точно безумные, утверждали, что все главные силы уничтожены и что только этот конный отряд спасся при общем бегстве: *ведь если бы, говорили они, войско было невредимым, германцы не стали бы штурмовать лагеря*. Их страху положил конец только приход Цезаря.

42. Как человек, хорошо знакомый с превратностями войны, Цезарь по своем возвращении мог сделать упрек единственно в том, что когорты были посланы с своего поста и из укрепленного лагеря: следовало избегать возможности даже самой незначительной неудачи; по его мнению, несомненной игрой судьбы было внезапное нападение врага, а еще более — его удаление, после того как он был уже у самого вала, почти в воротах лагеря. Но самым удивительным во всем этом деле представлялось то, что германцы, переправившиеся через Рейн с намерением опустошить страну Амбиорига, случайно отвлеклись в сторону римского лагеря и тем оказали Амбиоригу самую желанную услугу.

43. Цезарь снова выступил для опустошения земли врагов. Из соседних племен он собрал много народа и разослал его во все стороны. Все селения и дворы, какие только попадались на глаза, были сожжены; все разграблялось; хлеб на полях съедало множество выючных животных и людей, а то, что оставалось, полегло от дурной осенней погоды и проливных дождей;

если кому-нибудь покамест еще и удавалось укрыться, то всем таким людям, даже после ухода нашего войска, грозила несомненная смерть от голода. При этом разосланные в огромном количестве по разным направлениям всадники часто добирались до такого пункта, что эбурионы при взятии в плен искали глазами Амбиорига, точно они только что видели его бегущим, и даже утверждали, что он не совсем еще скрылся. Это увеличивало надежду на успех погони, и те, которые желали заслужить высшую благодарность Цезаря, брали на себя бесконечный труд и, можно сказать, в своем усердии готовы были превзойти самую природу человеческую. Но каждый раз какой-нибудь мелочи недоставало до полного успеха. А тем временем Амбиориг спасался в потаенных местах и в густых лесах и под покровом ночи устремлялся по иным направлениям и в другие местности — притом в сопровождении только четырех всадников, которым он одним решался доверить свою жизнь.

44. Когда, таким образом, вся эта местность была опустошена, Цезарь отвел все свое войско с потерей только двух когорт, назад в Дурокортор в стране ремов. Назначив в этом пункте общегалльское собрание, он решил произвести следствие о заговоре сенонов и карнутов. Аккон, который стоял во главе этого заговора, был присужден к смерти и казнен по обычаю предков. Некоторые из страха перед судом бежали. Они объявлены были лишенными огня и воды. После этого Цезарь поместил на зимние квартиры два легиона на границе треверов, два в области лингонов, шесть остальных в Агединке в области сенонов, заготовил для всей армии продовольствие и по своему обыкновению отправился в Италию на судебный съезд.

Книга седьмая

1. Итак, в Галлии водворилось спокойствие⁷⁹, и Цезарь, по обыкновению, отправился в Италию⁸⁰ для судопроизводства. Здесь он узнал об убийстве Клодия и о постановлении сената, по которому все военнообязанные в Италии должны были стать под знамена⁸¹. Ввиду этого и он начал производить набор во всей Провинции. Вести об этих происшествиях быстро доходят в Трансальпийскую Галлию. Соответственно обстоятельствам, галлы преувеличивают события и сами сочиняют слух, что Цезаря удерживает восстание в Риме и из-за больших смут он не может прибыть к войску. Этот случай побудил людей, уже давно скорбевших о своем подчинении римской власти, строить с большой свободой и смелостью планы войны с римлянами. Галльские князья стали собираться в лесных и отдаленных местах и жаловаться на казнь Аккона⁸²: *такая же участь, говорили они, может постигнуть и их самих*. Они сокрушаются об общей для всей Галлии судьбе; всякими обещаниями и наградами вызывают желающих начать восстание и на свой риск добиваться свободы для Гал-

⁷⁹ Полного спокойствия в Галлии, конечно, не было.

⁸⁰ То есть в Цисальпийскую Галлию.

⁸¹ В этом году известный демагог П. Клодий был убит на Аппиевой дороге представителем консервативной партии и кандидатом в консулы Милоном. В Риме была полная анархия; опасались гражданской войны и государственного переворота. Сенат принужден был прибегнуть к «крайнему» постановлению (*senatus consultum ultimum*), в силу которого Помпей, находившийся в окрестностях Рима в звании проконсула Испании, был выбран в консулы *sine collega* с чрезвычайными полномочиями и с обязательством произвести набор во всей Италии (см. речь Цицерона в защиту Милона и комментарий к ней ученого грамматика времен начала империи, Аскония Педианского).

⁸² См. VI, 44.

лии. Главное дело — отрезать Цезаря от его армии, прежде чем их тайные планы сделаются известными. И это нетрудно, так как ни легионы не осмелятся выйти из зимнего лагеря в отсутствие полководца, ни полководец не может добраться до легионов без прикрытия; наконец, лучше пасть в бою, чем отказаться от попытки вернуть свою прежнюю военную славу и унаследованную от предков свободу.

2. После оживленных прений карнuty заявляют, что для общего блага они готовы на все опасности, и обещают первыми начать войну. Но так как невозможно было обеспечить тайну предприятия путем обмена заложниками, то они требуют клятвенной поруки в том, что после начала военных действий их не покинут остальные; такой порукой должна быть присяга перед соединенными знаменами, которая была у галлов одним из самых торжественных религиозных обрядов. Все присутствовавшие похвалили карнuty, дали эту присягу, условились о дне восстания и затем разошлись по домам.

3. Когда наступил условленный день, карнuty, под предводительством двух отчаянных смельчаков — Гутруата и Конконнетодумна, по данному знаку устремились в Кенаб, перебили римских граждан, поселившихся там с торговыми целями, и разграбили их имущество. В том числе погиб и уважаемый римский всадник Г. Фуфий Цита, который, по приказу Цезаря, заведывал продовольствием. Молва об этом скоро дошла до всех общин Галлии. Действительно, о каждом сколько-нибудь крупном и выдающемся событии галлы дают знать криком по полям и округам; там, в свою очередь, их подхватывают и передают соседям, как было и на этот раз; то, что при восходе солнца произошло в Кенабе, стало известным еще до окончания первой стражи в стране арвернов, то есть приблизительно за сто шестьдесят миль.

4. Так было и с арверном Верцингеторигом, сыном Кельтилла. Этот очень влиятельный молодой человек, отец которого стоял некогда во главе всей Галлии и за свое стремление

к царской власти был убит своими согражданами, собрал всех своих клиентов и без труда поджег их к восстанию. Узнав о его замыслах, арверны схватились за оружие. Его дядя Гобаннитион и остальные князья, не находившие возможным теперь же попытать счастья, воспротивились ему, и он был изгнан из города Герговии. Однако он не отказался от своего намерения, и стал набирать по деревням бедноту и всякий сброд. С этой шайкой он обходит общину и повсюду привлекает к себе сторонников, призывая к оружию для борьбы за общую свободу. Собрав таким образом большие силы, он изгоняет из страны своих противников, которые недавно изгнали его самого. Его приверженцы провозглашают его царем. Он повсюду рассылает посольства, закликает галлов соблюдать верность своей присяге. Скоро в союз с ним вступают сеноны, парисии, пиктоны, кадурки, туроны, аулерки, лемовики, анды и все прочие племена на берегу Океана. По единогласному постановлению, они вручили ему главное командование. Облеченный этой властью, он требует от всех этих общин заложников; приказывает в кратчайший срок поставить определенное число солдат; определяет, сколько оружия и к какому сроку должна изготовить у себя каждая община. Главным образом он заботится о коннице. Чрезвычайная энергия соединяется у него с чрезвычайной строгостью военной дисциплины: колеблющихся он подвергает большим наказаниям, за крупные преступления приказывает сжигать и казнить всевозможными пытками, за легкие проступки обрезать уши или выкалывать один глаз и в таком виде отправлять на родину, чтобы наказанные служили уроком для остальных и своей тяжелой карой внушали им страх.

5. Быстро набрав этими суровыми мерами целую армию, он посылает часть ее под начальством отчаянного смельчака — кадурка Лактерия в область рутенов, а с другой отправился сам в область битуригов. При его приближении битуриги отправили к своим покровителям эдуюм послов с просьбой о

подкреплении, чтобы сообща легче выдержать нападение неприятельского войска. Эдуи, по совету легатов, которых Цезарь оставил при армии, послали битуригам в помощь и конные и пешие силы. Когда эти войска дошли до Лигера, отделяющего битуригов от эдуев, то они простояли там несколько дней, не решаясь переправляться через реку, и вернулись домой, а легатам нашим донесли, что вернулись из боязни вероломства битуригов, которые, по их сведениям, были намерены напасть на них, в случае их переправы, с одной стороны сами, в то время как с другой нападут арверны. Действительно ли такова была причина, которая будто бы заставила эдуев вернуться, или это было с их стороны вероломством, утвердительно сказать нельзя за отсутствием достаточных данных. Во всяком случае, по уходе эдуев битуриги немедленно соединились с арвернами.

6. К тому времени, когда Цезарь получил в Италии известия об этих событиях, положение дел в Риме, благодаря энергичным мерам Гн. Помпея, значительно улучшилось⁸³. Ввиду этого Цезарь немедленно отправился с Трансальпийскую Галлию. Там он был в большом затруднении, не зная, каким образом добраться до своей армии. Если вызвать легионы в Провинцию, то в его отсутствие они, несомненно, будут вынуждены принять решительное сражение на походе; если же самому поспешить к армии, то в такое время было бы явной неосторожностью доверить свою личную безопасность даже тем галлам, которые с виду держались спокойно.

7. Тем временем посланный к рутенам кадурк Луктерий склонил их общину к союзу с арверками. Отсюда он двинулся дальше в области нитиоброгов и габалов, с тех и других взял заложников, собрал значительные боевые силы и задумал прорваться в Провинцию по направлению к Нарбону. При

⁸³ Помпей ввел войско в Рим и под его охраной водворил некоторый порядок.

известии об этом Цезарь счел самым неотложным делом самому поспешить в Нарбон. Прибыв туда, он ободряет робких, ставит гарнизоны во всех пунктах, пограничных с неприятелем, именно в области принадлежащих к Провинции рурутенов, арекомийских вольков, толосатов и в окрестностях Нарбона; часть его сил в Провинции и подкрепления, приведенные им из Италии, должны были собраться в области гельвиев на границе с арвернами.

8. Эти меры сразу остановили и оттеснили Луктерия, так как он считал опасным пробиваться в Провинцию сквозь линию укреплений, и Цезарь двинулся в страну гельвиев. Но этот поход был затруднен тем, что Кевеннский хребет, отделяющий арвернов от гельвиев, в это суровое время года был покрыт очень глубоким снегом; однако напряженной работой солдат снеговые массы в шесть футов высотой были очищены, и, таким образом, были открыты пути, по которым Цезарь и дошел до страны арвернов. Эти последние были застигнуты врасплох, так как за Кевеннами они чувствовали себя, как за каменной стеной, и в это время года в горах даже отдельные пешеходы не имели понятия о каких-либо тропинках. Ввиду этого Цезарь приказал своей коннице охватить своими набегами возможно более широкий район и как можно больше нагнать страху на неприятелей. Слухи и прямые вести об этом доходят до Верцингеторига. Его обступают в ужасе все арверны и умоляют позаботиться об их достоянии и не отдавать его на разграбление врагам, тем более, что война, как и сам он видит, всей тяжестью обрушивается на их страну. Их просьбы побудили его выступить из области битуритов по направлению к стране арвернов.

9. Цезарь предвидел, что Верцингеториг так и поступит. Поэтому он пробыл в этих местах только два дня, а затем оставил армию под предлогом, что желает привести сюда подкрепления и стянуть всю конницу. Во главе этой армии

он поставил молодого Брута и приказал ему разослать по всем направлениям конницу для набегов на возможно большем пространстве, прибавив, что постарается пробыть в отлучке не более трех дней. После этого он сам быстрым маршем прибыл в Вьенну против ожидания своих. Застав там в отличном состоянии конницу, которую он за много дней до этого выслал впереди себя, он двинулся с нею, не останавливаясь ни днем, ни ночью, через страну эдуев в область лингонов, где зимовали два его легиона, чтобы в случае, если даже и эдуи задумают посягнуть на его личную безопасность, предупредить их замыслы быстротой действий. Прибыв туда, он посылает приказы к остальным легионам и стягивает их в одно место прежде, чем арверны могли получить сведения о его приближении. При этом известии Верцингеториг снова отвел свое войско в область битуригов, оттуда двинулся к Горговине, городу боев, которые после поражения в гельветийской битве были поселены там Цезарем и отданы под покровительство эдуям⁸⁴, и приступил к его осаде.

10. Этот маневр очень затруднял дальнейшие операции Цезаря. Если продержат легионы весь конец зимы в одном пункте, то враг может взять с бою подвластный эдуям город, и тогда вся Галлия увидит, что от Цезаря нет никакой помощи даже друзьям, и отпадет; если ж слишком рано вывести их из зимнего лагеря, то пришлось бы страдать от затруднений в доставке провианта. В конце концов Цезарь решил, что лучше претерпеть всевозможные затруднения, чем навлечь на себя такой позор и лишиться расположения своих сторонников. Поэтому он уговорил эдуев подвозить к нему провиант и послал гонцов к боям, чтобы заблаговременно известить их о своем приближении и ободрить к сохранению верности и к мужественному сопротивлению атакам врага.

⁸⁴ См. I, 28.

Оставив в Агединке два легиона и обоз всей армии, он двинулся в страну боев.

11. На следующий день он подошел к городу сенонов Веллаунодуну. Чтобы не оставлять у себя в тылу врагов и тем облегчить подвоз провианта, он приступил к осаде города и через два дня обвел его валом. На третий день из города явились послы с предложением капитуляции. Цезарь приказал выдать оружие, вывести вьючный скот и дать шестьсот заложников. Для наблюдения за исполнением этих условий он оставил легата Г. Требония, а сам поторопился продолжить свой поход на город карнутов — Кенаб. Карнуты только теперь узнали об осаде Веллаунодуна и в предположении, что она затянется довольно долго, все еще были заняты формированием гарнизона для обороны Кенаба. Сюда Цезарь прибыл через два дня и разбил лагерь перед самым городом, но за поздним временем отложил осаду до следующего дня, причем, однако, приказал солдатам немедленно заготовить все для нее необходимое. Так как к городу Кенабу примыкал мост через реку Лигер, то из опасения, что неприятели ночью убегут из города, он приказал двум легионам караулить всю ночь под оружием. И действительно, кенабийцы незадолго до полуночи бесшумно вышли из города и начали переходить через реку. Об этом дали знать Цезарю разведчики. Тогда он приказал легионам, которые по его распоряжению были наготове, поджечь ворота и вступить в город. Город попал в его руки, и почти все жители за немногими исключениями были взяты в плен, так как узость моста и дорог сделала бегство для большой массы невозможным. Он приказал разграбить и сжечь город и отдал его в добычу солдатам. Затем он перевел войско через Лигер и прибыл в область битуригов.

12. Узнав о приходе Цезаря, Верциигеториг снял осаду и двинулся ему навстречу. Цезарь между тем приступил к оса-

де города битуригов Новиодуна, лежавшего на его пути. Из этого города пришли к нему послы с просьбой о прощении и пощаде. Желая исполнить свои дальнейшие планы с той же скоростью, которой он был обязан успехом в большей части своих предприятий, он приказал сдать оружие, вывести лошадей и дать заложников. Часть заложников была уже выдана, остальные дела были в полном ходу, в город были уже введены центурионы с несколькими солдатами для приема оружия и животных, как вдруг вдали показалась неприятельская конница, образовавшая авангард колонны Верцингеторига. Как только горожане заметили ее и прониклись надеждой на выручку, они подняли военный клич и стали хвататься за оружие, запирают ворота и занимать стену. Бывшие в городе центурионы догадались по всему поведению галлов, что они что-то замышляют, немедленно обнажили мечи, заняли ворота и благополучно вернулись оттуда со своими солдатами в лагерь.

13. Цезарь приказал коннице выступить из лагеря и завязал конное сражение. Когда наших начали теснить враги, то он послал в помощь около четырехсот германских всадников, которых он с самого начала войны обыкновенно держал при себе. Галлы не могли выдержать их натиска, обратились в бегство и с большими потерями отступили к своим, главным силам. После их поражения горожанами снова овладел ужас. Они схватили тех, кого считали виновниками возмущения народа, привели их к Цезарю и сдались. Окончив эту операцию, Цезарь двинулся против Аварика, самого укрепленного и главного города битуригов, к тому же лежащего в очень плодородной местности. Он был уверен, что с занятием этого города подчинит общину битуригов своей власти.

14. После стольких сплошных неудач — под Веллаунодуном, Кенабом и Новиодуном — Верцингеториг созывает своих на собрание. Там он указывает, что войну следует вести

совершенно иначе, чем до сих пор. Надо всячески стараться отрезать римлян от фуражировок и подвоза провианта. Это сделать нетрудно, так как сами галлы имеют перевес в коннице и, кроме того, им благоприятствует время года. Травы косить нельзя; враги должны по необходимости дробиться на небольшие отряды и добывать фураж из усадеб; все подобные отряды может ежедневно уничтожать конница. Помимо того, все частные интересы надо принести в жертву общему благу, а именно сжечь на всем этом пространстве селения и усадьбы всюду, куда только римляне могут отправляться за фуражом. А у галлов всего этого вполне достаточно, так как их будут снабжать своими запасами те, на чьей территории будет идти война. Римляне либо не вынесут голода, либо должны будут с большой для себя опасностью уходить слишком далеко от лагеря. При этом все равно — перебить их самих или лишить их обоза, без которого вести войну нельзя. Далее надо сжечь такие города, которые не вполне обеспечены от опасности своим местоположением или искусственными укреплениями, чтобы они не были убежищем для галлов, уклоняющихся от воинской повинности, и не соблазняли бы римлян вывозить из них запасы провианта и добычу. Если бы это показалось тяжелым и огорчительным, то, несомненно, гораздо тяжелее увод в рабство детей и жен и истребление их самих, — а это неизбежная участь побежденных.

15. Предложение Верцингеторига было единодушно одобрено, и в один день было сожжено у битуригов более двадцати городов. То же происходит и в остальных общинах. Во всех направлениях видно зарево пожаров. Но как все это ни огорчало галлов, они утешали себя уверенностью, что теперь победа почти в их руках и они скоро вернут потерянное. На общем собрании обсуждался вопрос и об Аварики, — сжечь ли его или же защищать. Битуриги на коленях молят всех галлов не принуждать их своими руками поджигать этот, может быть, самый прекрасный город во всей Галлии, красу и опору их

общины. Они утверждают, что защитят его благодаря его местоположению, так как он почти со всех сторон окружен рекой и болотом и доступен только в одном, и то очень узком, месте. Эта просьба была уважена. Верцингеториг сначала противился, но потом уступил их мольбам и всеобщему сочувствию к ним. Для города были выбраны надежные защитники.

16. Верцингеториг двигался по пятам Цезаря небольшими дневными переходами и в конце концов выбрал для лагеря место, защищенное болотами и лесами, в шестнадцати милях от Аварика. Там, благодаря регулярно поставленной разведке, он ежечасно узнавал о том, что делается в Аварике, и давал соответственные указания. Он наблюдал за всеми нашими продовольственными и фуражировочными отрядами, и когда они заходили слишком далеко, нападал на них поодиночке и причинял им значительный урон, хотя с нашей стороны, насколько это можно было предусмотреть, принимались предупредительные меры и экспедиции отправлялись в неопределенное время и не по одним и тем же направлениям.

17. Цезарь разбил лагерь у той части города, которая, как указано выше, не была окружена рекой и болотами и представляла единственный очень узкий доступ. Здесь он начал заготавливать материал для плотины, продвигать крытые галереи и устанавливать две башни, ибо окружению валом мешало местоположение. Относительно доставки продовольствия он не переставал обращаться с убедительными просьбами к боям и эдуям. Но последние мало помогали, потому что не обнаруживали ни малейшего усердия, а первые, будучи племенем слабым и малым, не располагали большими запасами и то, что имели, скоро съели сами. Таким образом, от бедности боев, незначительности эдуев и пожара усадеб наша армия испытывала такие тяжелые продовольственные затруднения, что солдаты в течение многих

дней не видали хлеба и утоляли свой острый голод лишь мясом скота, пригоняемого из отдаленных деревень; однако от них не слыхали ни одного звука, недостойного величия римского народа и их прежних побед. Мало того, когда Цезарь на осадных работах обращался к отдельным легионам и говорил, что готов снять осаду, если им слишком тяжело терпеть нужду, они, все до одного, просили его не делать этого: *за много лет службы под его командованием они никогда не навлекали на себя бесчестия, ниоткуда не уходили, не кончив дела; они сочли бы для себя позором оставить начатую осаду: лучше вынести все лишения, чем отказаться от поминок в честь тех римских граждан, которые погибли в Кенабе от вероломства галлов.* То же самое они заявляли Цезарю и через своих центурионов и военных трибунов.

18. Когда башни уже приблизились к стене, Цезарь узнал от пленных, что Верцингеториг извел весь фураж и поэтому придвинулся ближе к Аварику, причем сам он выступил с конницей и легковооруженными пехотинцами, привыкшими сражаться среди всадников, — для того, чтобы устроить засаду там, куда, по его расчетам, наши должны были явиться на следующий день за фуражом. При известии об этом Цезарь выступил в полночь в полной тишине и рано утром достиг лагеря врагов. Те, скоро узнав через разведчиков о приближении Цезаря, спрятали свои повозки и обоз в густой лес, а все свои силы выстроили на высоком и открытом месте. Весть об этом заставила Цезаря отдать приказ немедленно убрать поклажу в одно место и держать оружие наготове.

19. Это была высота с легким у подошвы подъемом. Ее почти со всех сторон окружало чрезвычайно трудно проходимое болото не шире пятидесяти футов. Галлы сломали мосты через него и спокойно держались на возвышенности, уверенные в природной крепости своей позиции; при этом они занимали все броды и проходы этого болота, разделив-

шись по племенам, в полной готовности напасть со своей возвышенной позиции на римлян, если последние, при своей попытке прорваться через болото, застрянут в нем. Ввиду близости их расположения, можно было бы подумать, что они готовы были дать бой при условиях почти одинаковых для обеих сторон; но, убеждаясь в действительности как раз в неравенстве этих условий, легко можно было понять, что это лишь притворная, хвастливая демонстрация. Римские солдаты негодовали на то, что враги не боятся на таком ничтожном расстоянии спокойно смотреть на них, и требовали сигнала к бою. Но Цезарь разъяснил им, сколько жертв и скольких доблестных жизней должна была бы стоить эта победа: *как раз потому, что он видит их полную готовность решиться на все ради его славы, он был бы повинен в величайшей несправедливости, если бы их жизнь была для него не дороже его личных интересов*. Утешив этими словами солдат, он в тот же день отвел их в лагерь и стал делать дальнейшие приготовления к осаде города.

20. Когда Верцингеториг вернулся к своим, то он был обвинен в измене за то, что *слишком близко продвинулся к римлянам, что ушел со всей конницей, что оставил очень большие силы без командования, что после его ухода римляне подошли очень скоро с большой выгодой для себя; все это не могло произойти случайно и без умысла; он, следовательно, предпочитает быть царем Галлии с разрешения Цезаря, а не милостью своих соотечественников*. На эти обвинения он возразил: *с лагеря он снялся из-за недостатка фуража, по их же собственному предложению; к римлянам он придвинулся из убеждения в выгоде позиции, которая сама себя способна защищать без всяких искусственных укреплений; без конницы в болотистых местах можно было вполне обойтись, тогда как там, куда она с ним выступила, она оказала полезные услуги. При своем уходе он намеренно никому не передавал командования, чтобы его заместитель под влиянием неразумного увлечения массы не соблазнился на решительное сражение,*

а к этому сражению, как он видел, стремились все по своей слабости, так как им не хотелось дольше выносить трудности войны. Если римляне подошли случайно, надо благодарить судьбу; если же по чьему-либо показанию, то заслуживает признательности этот предатель, так как галлы со своей высокой позиции могли убедиться в их малочисленности и проникнуться презрением к храбрости людей, которые не осмеливались дать сражение и с позором отступили в свой лагерь. От Цезаря он вовсе не желает высшей власти путем измены, так как может получить ее после победы, которая теперь обеспечена для него и для всей Галлии. Мало того, власть эту он возвращает им назад, если они убеждены в том, что они не столько получают от него спасение, сколько оказывают ему честь. — Чтобы вы увидели, прибавил он, что я говорю правду, послушайте римских солдат. При этом он выводит рабов, которых он несколько дней тому назад захватил на фуражировке и замучил голодом и цепями. Заранее наученный ответам на вопросы, которые им будут предлагать, они выдали себя за легионных солдат: будто бы от голода и крайней нужды они тайно вышли из лагеря в расчете найти в деревне сколько-нибудь хлеба или мяса. От такой же нужды страдает и все войско, все обессилели и не могут выносить работ над укреплениями; поэтому полководец решил увести войско через три дня, если осада города нисколько не подвинется вперед... — Вот чем, сказал Верцингеториг, обязаны вы мне, которого вы обвиняете в измене. Вы сами видите, что я изнурил голодом большую победоносную армию, не пролив ни капли вашей крови. Я же принял меры и к тому; чтобы ни одно племя не дало ей убежища при ее позорном отступлении и бегстве.

21. Вся масса приветствует его криком и, согласно с обычаем, стучит оружием, — что галлы всегда делают в честь оратора, речь которого они одобряют: *Верцингеториг — великий вождь, его честность несомненна, и разумнее вести войну невозможно. Решено было послать из всего войска десять тысяч*

отборных бойцов в город, чтобы не доверять общего блага одним битуригам, так как ясно было, что если они удержат этот город, то это и будет почти равносильно окончательной победе.

22. Исключительной доблести наших солдат галлы противопоставляли разного рода маневры, так как вообще эта нация отличается большой смышленностью и чрезвычайной способностью перенимать и воспроизводить у себя все, чему учат другие. Именно наши стенные крюки они ловили петлями и, зацепив их, тащили воротом к себе в город, под нашу плотину они проводили подземные ходы и таким образом вытаскивали из-под нее землю, с тем большим знанием дела, что у них есть большие железные копи, и всякого рода подземные ходы им хорошо известны по собственному опыту. А всю свою стену они застроили со всех сторон ярусными башнями, которые покрыли кожами. Далее, они делали частые вылазки и днем и ночью и либо поджигали плотину, либо нападали на наших солдат за их работой, и на какую высоту от ежедневного увеличения плотины поднимались наши башни, такую же они давали своим башням посредством прибавки новых балок; наконец, проведение открытых ходов они задерживали заостренными и зажженными бревнами, горячей смолой и камнями огромной тяжести и таким образом препятствовали приближению их к стенам.

23. Все галльские стены обыкновенно бывают такого устройства. На землю кладутся во всю длину прямые и цельные бревна параллельно друг другу с промежутком в два фута; они связываются внутри (поперечными балками) и густо покрываются землей; а спереди указанные промежутки плотно заполняются большими камнями. Положив и связав их, на них кладут сверху другой ряд с соблюдением того же расстояния между бревнами; однако бревна (верхнее и нижнее) не приходятся одно на другое, но каждое из них в

пределах того же расстояния крепко сдерживается каменной кладкой. Так, рядами выводится вся постройка, пока стена не достигнет надлежащей высоты. Это сооружение имеет в общем довольно приятный и разнообразный вид вследствие правильного чередования бревен и камней, лежащих рядами по прямым линиям; но кроме того, оно вполне целесообразно в смысле успешной обороны городов, так как от огня защищает камень, а от тарана деревянная кладка, которую нельзя ни пробить, ни вытащить, ибо она состоит из цельных бревен — обыкновенно в сорок футов длиной — и внутри надлежащим образом связана.

24. Все эти препятствия очень затрудняли осаду, и, кроме того, работа наших солдат все время замедлялась холодами и постоянными ливнями. И все-таки они преодолели все затруднения непрерывным трудом, построив в двадцать пять дней плотину шириной в триста тридцать футов и высотой в восемьдесят футов. Когда она уже почти касалась неприятельской стены и Цезарь, по обыкновению, проводил ночь при работающих солдатах и ободрял их ни на одну минуту не прерывать работы, незадолго до третьей стражи заметили, что плотина дымится (оказалось, что ее подожгли посредством подкопа враги); в то же время на всей стене поднялся воинский клич, и из двух ворот у обеих сторон [наших] башен началась вылазка. Другие бросали издали со стены на плотину факелы и сухое дерево, лили смолу и другие горючие вещества, так что с трудом можно было сообразить, куда надо прежде всего спешить, где подать помощь. Но так как по заведенному Цезарем порядку всегда стояли на карауле два легиона и еще большее число солдат было занято попеременно работой, то скоро одни стали отбивать вылазку, другие отводить назад башни и ломать плотину, а вся масса солдат, бывшая в лагере, сбежалась тушить пожар.

25. Оставшаяся часть ночи уже пришла к концу, а сражение все еще продолжалось во всех пунктах, и у врагов возника-

ли все новые и новые надежды на победу, тем более что они видели, как сторели башенные щитки и какого труда стоило нашим солдатам, не имевшим прикрытия, подавать помощь. Наоборот, у них самих бойцы с свежими силами постоянно сменяли утомленных, и вообще они полагали, что спасение всей Галлии зависит исключительно от этого момента. В это время на наших глазах случился достойный упоминания эпизод, о котором мы не сочли возможным умолчать. Один галл перед воротами города бросал по направлению к башне в огонь передаваемые ему из рук в руки комки сала и смолы. Пораженный в правый бок выстрелом из скорпиона, он пал бездыханным. Один из его соседей перешагнул через его труп и продолжал его дело; он точно так же был убит выстрелом из скорпиона, его сменил третий, третьего — четвертый; и этот пункт только тогда был очищен неприятельскими бойцами, когда пожар плотины был потушен, враги были отеснены и сражение вообще окончилось.

26. Так как ни одна из всевозможных попыток галлов не удалась, то на следующий день, по совету и приказанию Верцингеторига, они приняли решение бежать из города. Эту попытку они надеялись осуществить в тишине ночи с небольшими потерями, так как недалеко от города был лагерь Верцингеторига и, кроме того, тянувшееся между лагерем и городом сплошное болото должно было замедлять нашу погоню. И они уже собирались сделать это ночью, но вдруг выбежали на улицу замужние женщины и с плачем стали всячески просить на коленях своих мужей не отдавать на мучения врагам их и их общих детей, которым природное слабосилие мешает бежать. Но увидев своих мужчин непреклонными — вообще в момент величайшей опасности страх не знает сострадания, — они стали кричать и давать римлянам знаки, что их мужья хотят бежать. Это устрасило галлов, и из боязни, что римская конница может отрезать их от всех дорог, они от этого плана отступились.

27. На следующий день Цезарь распорядился продвинуть башню и указал, куда направить те осадные работы, которые по его приказанию были уже начаты. В это время начался сильный ливень, и Цезарь решил использовать такую погоду для исполнения задуманного плана. Видя, что караулы на стене у неприятелей расставлены не так тщательно, как обыкновенно, он и своим солдатам приказал работать с меньшей энергией и дал им необходимые указания. Поместив легионы в боевой готовности в скрытом месте за крытыми галлереями, он ободрил их к тому, чтобы, наконец, пожать плоды победы за свои великие труды; тем, которые первыми взойдут на неприятельскую стену, он обещал награды и затем дал сигналы к атаке. Солдаты быстро бросились со всех сторон и немедленно заняли всю стену.

28. Неожиданность нападения привела врагов в ужас. Выбитые со стены и из башен, они остановились в клинообразном строю на площади и других открытых местах с решимостью принять правильное сражение там, где римляне пойдут на них в атаку. Но увидев, что никто не спускается на ровное место, но все распространяются кругом по всей стене, они побоялись потерять последнюю надежду спастись бегством и, побросав оружие, неудержимым потоком устремились к окраинам города. Там одни из них, давившие друг друга в узком выходе из ворот, были перебиты нашей пехотой, а другие — уже за воротами — конницей. При этом никто не думал о добыче. Озлобленные резней в Кенабе⁸⁵ и трудностью осадных работ, солдаты не дали пощады ни дряхлым старикам, ни женщинам, ни малым детям. В конце концов, из всей массы, доходившей до четырех тысяч человек, уцелело едва восемьсот человек, которые успели при первых же криках броситься из города и невредимыми добрались до Верцинге-

⁸⁵ См. гл. 3.

торига. Но он боялся, как бы скопление их в лагере и жалость к ним не породили возмущения в солдатской массе, и потому принял этих беглецов уже поздно в тишине ночи. При этом он разместил по дороге вдали от лагеря своих друзей и князей общин и приказал последним разбить их на группы и отводить к их землякам в ту часть лагеря, которая с самого начала досталась каждому племени.

29. Созвав на следующий день собрание, он утешал присутствующих и ободрял их не слишком падать духом и не слишком волноваться по поводу неудачи: *Не храбростью и не в открытом бою победили римляне, но каким-то хитрым приемом и благодаря знанию осадного дела, в котором галлы были неопытны. Ошибаются те, которые ожидают на войне только одних успехов. Он всегда был против обороны Аварики: свидетельствами в этом они сами. Но неразумие битуригов и излишняя снисходительность остальных были причинами этой неудачи. Но он скоро залечит ее более крупными успехами. Именно те общины, которые расходятся с остальными галлами, он всячески постарается привлечь на свою сторону и таким образом создать единый общегалльский союз; и если в нем будет согласие, то даже весь мир не в состоянии бороться с ним. Этой цели он почти уже достиг. А тем временем в интересах общего блага справедливо потребовать от них приступить, наконец, к укреплению своих лагерей, чтобы тем легче выдерживать внезапные нападения врагов.*

30. Эта речь произвела довольно хорошее впечатление на галлов; особенно потому, что сам он не пал духом после такой большой неудачи, не стал скрываться и избегать показываться на глаза массе, и так как он еще раньше, когда все обстояло благополучно, сначала предлагал сжечь Аварику, а потом его оставить, то у них еще более повысилось представление о его предусмотрительности и способности предугадывать будущее. Таким образом, в то время как неудачи других полководцев обыкновенно умаляют их авторитет,

влияние Верцингеторига, наоборот, от понесенного поражения только стало со дня на день увеличиваться. Вместе с тем его речительство насчет присоединения к союзу остальных племен очень обнадеживало галлов. С этого времени галлы впервые стали укреплять лагерь, и эти непривычные к работе люди были охвачены таким душевным порывом, что сочли нужным безусловно подчиняться всем его распоряжениям.

31. И действительно, Верцингеториг, как и обещал, все свое внимание обращал на присоединение, к союзу остальных племен и старался склонить на свою сторону их князей дарами и обещаниями. Для этой цели он выбирал подходящих людей, которые особенно способны были обольщать новых сторонников либо вкрадчивыми речами, либо благодаря дружественным связям. Спасшихся бегством из завоеванного Аварика он распорядился вооружить и одеть; вместе с тем для пополнения убыли в войсках он приказал общинам поставить определенные контингенты солдат и привести их к известному сроку в лагерь, а также набрать и доставить к нему всех стрелков, которых было очень много в Галлии. Этими мерами потери, понесенные в Аварике, были скоро восполнены. Тем временем к нему прибыл с большой конницей — как собственной, так и нанятой в Аквитании — царь нитиоброгов Теутомат, сын Олловикона, которому в свое время наш сенат дал титул друга римского народа.

32. Пробыв несколько дней в Аварике, Цезарь нашел там очень большие запасы хлеба и прочего провианта и дал, таким образом, своей армии возможность оправиться после трудов и лишений. Зима уже почти оканчивалась, и самое время года призывало к открытию кампании. Но когда Цезарь решил двинуться на врага, в расчете выманить его из болот и лесов или же стеснить блокадой, к нему явились послами князя эдуев с просьбай помочь их общине в это особенно трудное для нее время: *положение ее очень опасно;*

эдуи издавна обыкновенно избирают только одного высшего сановника, который в течение года пользуется царской властью, а теперь у них два таких сановника, и каждый из них утверждает, что он избран законным путем. Один из них — Конвиктолитав, влиятельный и знатный молодой человек, а другой — Кот, из очень древнего рода и также с очень большим влиянием и могущественной родней, брат которого Валетиак занимал в прошлом году ту же должность. Все граждане под оружием, разделился сенат, разделился народ, у каждого вождя свои клиенты. Если эта распря затянется, то дело кончится тем, что одна часть граждан вступит в вооруженное столкновение с другой. Предупредить его может только бдительность и авторитет Цезаря.

33. Хотя Цезарь понимал, что очень невыгодно прерывать войну и уходить от врага, но вместе с тем он хорошо знал, к каким вредным последствиям приводят внутренние распри, а потому решил не допустить, чтобы эта могущественная и тесно связанная с римским народом община, которую он сам всегда возвышал и всячески отличал, прибегла к вооруженному восстанию и чтобы партия, менее уверенная в своих силах, обратилась за помощью к Верцингеторигу. Но так как по законам эдучей верховный правитель не может оставлять пределов страны и так как Цезарь не хотел давать повода думать, что он в чем-либо умаляет их права и законы, то он счел нужным двинуться самому в область эдучей и вызвал к себе в Декетию весь их сенат и обе спорящие стороны. Туда собралась почти вся община, и он узнал, что избиратели были созваны тайно, в небольшом количестве, в неподходящем месте и в неподходящее время, и что брат объявил верховным правителем брата, тогда как, по законам, два члена одной и той же фамилии при жизни их обоих не только не могут быть выбраны на должность верховного правителя, но даже не имеют права совместно заседать в сенате. Поэтому Цезарь принудил Кота сложить с себя власть и утвердил ее за

Конвиктолитавом, который, согласно с местными обычаями, за временным отсутствием светских властей, был избран под руководством жрецов.

34. Поставив такой приговор, он посоветовал эдуям забыть все споры и распри, оставить в стороне всякие другие дела и заняться исключительно настоящей войной в ожидании от него заслуженных наград после покорения всей Галлии; *для этой цели они должны спешно прислать к нему всю конницу и десять тысяч человек пехоты.* Все это войско он имел в виду распределить по разным местам для охраны продовольственных транспортов. Затем он разделил свою армию на две части: четыре легиона он дал Лабиену для похода на сенонов, а шесть повел сам на арвернов к городу Герговии по течению реки Элавера; половину конницы он отдал ему, половину оставил себе. При известии об этом Верцингеториг сломал все мосты на этой реке и пошел другим ее берегом.

35. Итак, оба войска были на виду друг у друга и почти всегда разбивали лагерь одно против другого, причем с галльской стороны бывали расставлены разведочные посты, чтобы римляне где-нибудь не построили моста и не переправили своих сил. Это создавало большие затруднения для Цезаря, и он опасался, как бы река не задержала его в течение большей части лета, так как через Элавер можно переходить в брод вообще не раньше осени. Во избежание этого, он разбил лагерь в лесистой местности против одного из тех мостов, которые Верцингеториг велел сломать. На следующий день он остался здесь в скрытом месте с двумя легионами, а остальные силы двинул в поход по обыкновению со всем обозом, разместив некоторые когорты таким образом, чтобы число легионов казалось полным. Им дан был приказ пройти вперед как можно дальше, и когда, судя по времени дня, они уже должны были разбить лагерь, он начал вновь строить мост на тех же сваях, нижняя часть которых оставалась еще целой. Эта работа была

скоро окончена. Цезарь перевел легионы, выбрал удобное для лагеря место и вызвал к себе назад остальные войска. При известии об этом Верцингеториг, чтобы не быть вынужденным против воли к решительному сражению, ускоренным маршем ушел вперед.

36. Отсюда Цезарь дошел в пять дневных переходов до Герговии, и уже в день его прихода произошло небольшое кавалерийское сражение. Осмотрев местоположение города — он лежал на очень высокой горе, и все подступы к нему были трудны, — Цезарь оставил всякую мысль о штурме и даже к блокаде решил приступить только после полного урегулирования продовольственного дела. А Верцингеториг, разбив свой лагерь на горе около города, расположил отряды отдельных общин вокруг себя на небольшом расстоянии один от другого и занял все уступы хребта, насколько можно было с них обозревать окрестности. Таким образом, весь его лагерь в целом имел грозный вид. Князей этих общин, которых он выбрал в свой военный совет, он каждый день на рассвете вызывал к себе для разных сообщений или распоряжений и почти ежедневно заставлял стрелков сражаться в рядах конницы, чтобы испытать степень мужества и храбрости каждого из своих в отдельности. Против города у самой подошвы горы был холм, чрезвычайно укрепленный и со всех сторон отвесный: если бы его захватили наши, то они, очевидно, могли бы в значительной степени затруднять врагам добывание воды и свободу фуражировок. Но этот холм занимали галлы, — впрочем, не очень сильным отрядом. Цезарь в тишине ночи выступил из лагеря, прежде чем из города могла придти помощь, выбил охранный отряд и, овладев этим пунктом, поставил там два легиона и провел от главного лагеря к малому двойной ров в двенадцать футов шириною, чтобы солдаты могли даже поодиночке ходить от одного пункта к другому в полной безопасности от внезапного нападения неприятелей.

37. Так шло дело под Герговией. Тем временем эдуй Конвиктолитав, которому, как мы указывали⁸⁶, Цезарь присудил верховную власть, был подкуплен арвернами и вступил в переговоры с некоторыми молодыми людьми, во главе которых стоял Литавикк и его братья, молодые люди из очень знатной фамилии. С ними он поделился полученными деньгами, настойчиво напоминая им, что они — люди свободные и рожденные для власти. *Одна только община эдуев, говорил он, отсрочивает вернейшую победу Галлии, ее влияние сдерживает остальных; но если перетянуть ее на свою сторону, то у римлян не останется в Галлии твердой почвы под ногами. Сам он, правда, обязан Цезарю известным одолжением, но, впрочем, лишь постольку, поскольку добился успеха в деле правом. Однако он выше ставит общую свободу. Почему, в самом деле, эдуи в делах, касающихся их собственного права и законов, обращаются к третейскому суду Цезаря, а не наоборот — римляне к эдуям?* Речь верховного правителя и деньги не замедлили соблазнить молодых людей, так что они заявили о своей готовности даже стать во главе предприятия. Надо было только найти способ к выполнению плана, так как у них не было прямой надежды увлечь без причины общину эдуев на путь открытого восстания. Порешили, что Литавикк примет командование над теми десятью тысячами, которые посылались к Цезарю, и постарается их доставить, а его братья немедленно, раньше его отправятся к Цезарю. Условились и относительно дальнейших действий.

38. Получив командование над войском, Литавикк двинулся в поход. Когда он был на расстоянии миль тридцати от Герговии, он вдруг собрал солдат и сказал им со слезами: *куда мы идем, солдаты? Вся наша конница, вся знать погибли. Главы нашей общины Эпоредориг и Виридомар обвинены в измене и без суда казнены римлянами. Узнайте об этом от тех, которые бе-*

⁸⁶ См. гл. 33.

жали из самой резни: мне, у которого казнены братья и все родственники, скорбь мешает рассказать, как было дело. Тут он приказывает вывести людей, которых сам научил говорить, что надо, и они изложили перед толпой то же самое, что уже сказал Литавикк: вся эдуйская конница перебита — будто бы за сношения с арвернами; сами они спрятались в солдатской массе и бежали из самой резни. Эдуи поднимают крик и заклиная Литавикка дать им полезный совет. Точно, сказал тот, тут нужен совет? Не нужно ли, наоборот, поспешить нам в Герговию и соединиться с арвернами? Или для нас еще остается сомнение, что римляне после своего нечестивого злодеяния теперь же устремятся перебить и нас? Поэтому, если в нас есть еще мужество, отомстим за смерть тех, которые столь возмутительно погублены, и убьем этих разбойников! При этом он показал на римских граждан, которые, полагаясь на его защиту, пристали к его войску, и немедленно велел разграбить бывший при них большой запас хлеба и другого провианта, а самих их убить после мучительных пыток. В то же время он рассылает гонцов по всей общине эдучей и упорно распротраняет ту же ложь об избиении всадников и князей, настойчиво советуя отомстить за свои обиды так же, как сделал он сам.

39. В числе прибывших всадников при Цезаре находились по его специальному вызову эдуй Эпоредориг, молодой человек высокого рода, весьма влиятельный в своей общине, и вместе с ним Виридомар, равный ему по возрасту и популярности, но не такой знатный: он был рекомендован Цезарю Дивитиаком и из низкого положения был возведен им в высокое звание. Между ними было состязание о первенстве, и в упомянутом споре о верховной магистратуре один всеми силами боролся за Конвиктолитава, другой за Кота. Эпоредориг, узнав о замысле Литавикка, около полуночи донес об этом Цезарю и просил его не допускать, чтобы его община под влиянием безумных замыслов молодежи изменила

дружественному союзу с римским народом; а это, по его предположениям, непременно должно произойти, если с врагами соединится столько тысяч человек, к судьбе которых не могут отнестись равнодушно и легко ни их родственники, ни сама община.

40. Этим известием Цезарь был очень встревожен, так как он всегда оказывал особое благоволение общине эдуев. Поэтому он без малейшего колебания вывел из лагеря четыре легиона в полной боевой готовности и всю конницу; сократить лагерь при таких обстоятельствах не было времени, так как теперь, очевидно, все зависело от быстроты; для прикрытия лагеря он оставил легата Г. Фабия с двумя легионами. Он отдал также приказ об аресте братьев Литавикка, он узнал, что они незадолго до этого бежали к неприятелям. Своих солдат он просил не тяготиться походом в такое тяжелое время, и так как все они были полны одушевления, то он прошел целых двадцать пять миль, пока не заметил колонны эдуев. Бросив на них свою конницу, он задержал и остановил их движение, причем, однако, запретил своим людям кого бы то ни было убивать. Эпоредоригу и Виридомару, которых те считали убитыми, он приказал скакать вместе со всадниками и обратиться с воззванием к своим соотечественникам. Узнав их и убедившись в обмане Литавикка, эдуи стали протягивать руки, показывать, что сдаются, бросать оружие и молить о пощаде. Литавикк со своими клиентами, которым, по галльским обычаям, грешно было покидать патрона даже в случае крайней опасности⁸⁷, спасся бегством в Герговию.

41. Цезарь послал общине эдуев гонцов объявить, что только благодаря его милосердию пощажены те, которых он мог бы по праву войны перебить. Своему войску он дал три часа на отдых и затем двинулся на Герговию. Приблизительно на

⁸⁷ См. III, 22.

середине пути посланные Фабием всадники сообщили ему, как опасно было положение: *враг со всеми силами напал на лагерь, люди свеokie часто сменяли у него утомленных, а наших изнуряло постоянное напряжение, так как вследствие огромных размеров лагеря они должны были все время бессменно держаться на валу; много народа было переранено стрелами и всевозможными метательными снарядами; впрочем, для защиты от них оказались очень полезными метательные машины. По уходе врагов Фабий оставил только двое ворот, остальные же приказал заделать, а на вал поставить оборонительные щитки, и на завтрашний день стал готовиться к такому же нападению. При известии об этом Цезарь, пользуясь необыкновенным воодушевлением солдат, еще до восхода солнца прибыл в лагерь.*

42. Во время этих происшествий под Герговией эдуи при первых же известиях от Литавикка не дают себе труда расследовать дело. Одних увлекает корыстолюбие, других вспыльчивость и необдуманность — эта прирожденная черта их национального характера, заставляющая их принимать пустые слухи за несомненную истину. Они грабят имущество римских граждан, вырезают их, уводят в рабство. Положение, и без того принявшее дурной оборот, еще более ухудшает Конвиктолитав, который доводит чернь до крайней ярости, чтобы по совершении преступления ей неловко было образумиться. Так, они заставили военного трибуна М. Аристия, который отправлялся к своему легиону, покинуть город Кабиллон и дали ему гарантию личной безопасности; к тому же они принудили и тех римских граждан, которые поселились там для торговли. Но тут же на пути они напали на них и отняли весь багаж. Так как те стали сопротивляться, то их держали целые сутки в осаде, и после значительных потерь с обеих сторон нападавшие стали звать к себе еще большее число вооруженных.

43. Но когда тем временем пришло известие, что все их солдаты находятся во власти Цезаря, то они спешат к

Аристию и доказывают, что все это произошло помимо воли их властей; назначают следствие о разграблении имущества, конфискуют имущество Литавикка и его братьев, посылают послов к Цезарю для оправдания. Все это они делают с тем, чтобы вернуть к себе своих; но втайне они задумывали войну и посылали для этой цели посольства к прочим общинам: и действительно, они были запятнаны преступлением, соблазнены выгодами от разграбления имущества, в чем было замешано много народа, и страшились наказания. Все это Цезарь хорошо понимал. Тем не менее он отвечал послам со всей ласковостью, на какую был способен: *из-за глупости и легкомыслия черни, говорил он, он не намерен принимать какие-либо крутые меры против всей общины и лишать эдуев своего обычного благоволения.* Но сам он ожидал еще большего движения в Галлии и опасался того, что все племена могут со всех сторон напасть на него; поэтому он обдумывал, как бы оставить Герговию и снова стянуть к себе все войско, но так, чтобы это отступление, вызванное боязнью восстания, не походило на бегство.

44. Среди этих размышлений ему показалось, что есть возможность устроить дело. Именно, когда он зашел в малый лагерь для осмотра работ, он заметил, что один занимаемый врагами уступ совершенно ими оставлен, а между тем в предыдущие дни он был почти не виден из-за массы людей. С удивлением он спрашивал об этом перебежчиков, которые ежедневно стекались к нему в большом количестве. Все они в один голос утверждали (это, впрочем, и сам Цезарь уже знал через своих разведчиков), что *хребет этой цепи — почти ровный, но он лесист и узок с той стороны, где был доступ к другой части города; за этот пункт враги особенно опасаются в полном убеждении, что с потерей этого уступа, поскольку римляне уже заняли другой, они будут почти совершенно заперты и отрезаны от всяких внешних сношений и фуражировки; именно для укрепления этого пункта все люди и были вызваны Верцингеторигом.*

45. Узнав об этом, Цезарь посылает туда же около полуночи несколько эскадронов конницы с приказом производить свои передвижения с возможно большим шумом. На рассвете он приказал вывести из лагеря большое количество обозных лошадей и мулов, снять с них выюки и посадить на них погонщиков в шлемах, чтобы они имели вид настоящих всадников. Им он дал приказ разъезжать кругом по возвышенностям и прибавил к ним несколько всадников, которые должны были для демонстрации охватывать своими разъездами еще более широкий район. Все эти партии должны были после долгого объезда кругом направляться в один и тот же пункт. Все это видели вдали из города, так как из Герговии открывался вид вниз на лагерь, но вследствие большого расстояния нельзя было точно узнать, в чем дело. Один легион Цезарь отправил на ту же возвышенность, и когда он несколько прошел вперед, остановил его в ложбине и прикрыл лесом. Это укрепило галлов в их подозрении, и они перевели туда для шанцевых работ все свои силы. Заметив, что неприятельский лагерь опустел, Цезарь приказал своим солдатам переходить из большого лагеря в малый маленькими группами и притом закрыть знаки различия и спрятать знамена, чтобы не быть замеченными из города. Равным образом он дал соответствующее указание легатам, которые командовали отдельными легионами; особенно предупреждал он их сдерживать солдат и не давать им слишком далеко заходить вперед либо из желания сразиться, либо в надежде на добычу. Он подчеркнул при этом, как неблагоприятно для них самое местоположение; единственное средство против этого — быстрота; все дело тут в благоприятном случае, а не в сражении. После этих указаний он дал сигнал к наступлению и в то же время послал эдучев с правой стороны другой дорогой в гору.

46. Городская стена была от равнины и подошвы горы по прямому направлению, если не считать изгибов дороги,

в тысяче двухстах шагах; всякого рода обходы, смягчавшие подъем, увеличивали это расстояние. Приблизительно на середине уступа галлы соорудили применительно к местности вдоль по горе стену из огромных каменных глыб в шесть футов вышиной, чтобы задерживать наши атаки; всю нижнюю часть склона они оставили незанятой, а верхнюю вплоть до самой городской стены покрыли густым рядом лагерей. Наши солдаты по данному сигналу быстро дошли до укрепления, перешли его и овладели тремя лагерями, захватив их с такой быстротой, что царь нитиоброгов — Теутомат, застигнутый врасплох в своей палатке (так как спал в полдень полунагой), с трудом вырвался на раненой лошади из рук грабивших лагерь солдат.

47. Достигнув своей цели, Цезарь приказал трубить отбой и немедленно остановил бывший при нем 10-й легион. Но солдаты остальных легионов не расслышали звука трубы, так как их отделяла от Цезаря большая долина. Хотя военные трибуны и легаты, согласно распоряжению Цезаря, всячески старались их сдерживать, но те, увлеченные надеждой на скорую победу, бегством врагов и прежними счастливыми сражениями, вообразили, что для их храбрости не существует ничего непреодолимого, и только тогда прекратили преследование, когда приблизились к городской стене и к воротам. Тут во всех частях города поднялся крик; те, которые были отсюда далеко, в ужасе от внезапного переполоха решили, что враг уже в стенах города, и бросились вон из города. Женщины стали бросать со стены одежду и деньги и, наклоняясь с обнаженной грудью, простирали руки и заклинали римлян пощадить их и не губить, как они это сделали в Аварике, даже женщин и детей. Некоторые из них дали даже спустить себя на руках и отдались солдатам. Центурион 8-го легиона Л. Фабий, как всем было известно, заявил в этот день среди своих, что его соблазняют награды, обещанные

под Авариком⁸⁸, и он не допустит, чтобы кто-либо прежде его взошел на стену. И вот, взяв трех солдат из своего манипула, он на их руках поднялся на стену; в свою очередь, приподнимая их одного за другим, он вытянул их на стену.

48. Тем временем те галлы, которые, как мы выше указали⁸⁹, собрались в другой части города для шанцевых работ, сначала услышали крик, а затем к ним стали одна за другой приходить вести, что город занят римлянами. Тогда они, послав вперед конницу, бегом устремились туда. В том порядке, в каком они прибывали, они останавливались под стеной и, таким образом, увеличивали число защитников. Когда их собралась большая масса, то женщины, которые незадолго до того протягивали со стены руки к римлянам, теперь стали заклинять своих, по галльскому обычаю показывать на свои распущенные волосы и выносить всем на глаза детей. И позиция, и численное превосходство неприятеля делали для римлян борьбу неравной; кроме того, они были утомлены своей перебежкой и потому с трудом держались против свежих и непочатых неприятельских сил.

49. Когда Цезарь заметил, что сражение происходит на невыгодной позиции и силы неприятеля все увеличиваются, то, боясь за свое войско, он послал легату Т. Секстию, которого оставил для прикрытия малого лагеря, приказ спешно вывести из лагеря когорты и занять позицию у самой подошвы возвышенности против неприятельского правого фланга с тем, чтобы мешать неприятелю беспрепятственно преследовать наших, в случае, если Секстий увидит их выбитыми из занимаемой позиции. Сам же он прошел отсюда со своим легионом немного вперед и с места остановки стал выжидать исхода сражения.

⁸⁸ См. гл. 27.

⁸⁹ См. гл. 44.

50. Шел ожесточенный рукопашный бой, причем враги полагались на выгодную позицию и свое численное превосходство, а наши на свою храбрость. В это время вдруг показались на нашем открытом фланге эдуи, которых Цезарь послал справа в гору другой дорогой, чтобы не дать соединиться неприятельским силам. Сходство оружия привело наших в великий ужас, и хотя они видели, что у эдуев правое плечо обнажено (это обыкновенно служило отличительным признаком их мирных намерений), но именно в этом солдаты усматривали хитрый прием, придуманный врагами, чтобы обмануть их. В то же самое время центуриона Л. Фабия и тех, которые вместе с ним взойшли на стену, окружили, убили и стали сбрасывать головой вниз со стены. Центурион того же легиона М. Петроний, попытавшийся взломать ворота, был застигнут целой массой врагов. Потеряв надежду на свое спасение и весь израненный, он закричал последовавшим за ним солдатам своего манипула: *так как я не могу спасти и себя, и вместе с собою вас, то я, по крайней мере, позабочусь о вашей жизни, которую я своим славолубием подверг опасности. Пользуйтесь случаем и думайте о себе.* С этими словами он ворвался в гущу врагов, двух из них убил, а остальных несколько оттеснил от ворот. Когда его товарищи попытались помочь ему, он сказал им: *напрасно вы пытаетесь спасти мне жизнь: и кровь и силы уже оставляют меня. Лучше уходите, пока возможно, и спасайтесь к вашему легиону.* Так вскоре он пал в бою и спас своих товарищей.

51. Наши, теснимые со всех сторон, были сбиты с позиции и потеряли сорок шесть центурионов. Но когда галлы стали слишком горячо их преследовать, то их задержал 10-й легион, который стоял в резерве на более ровной местности. Его в свою очередь сменили когорты 13-го легиона, которые двинулись из малого лагеря под командой Т. Секстия и заняли более высокую позицию. Как только легионы достигли равнины,

они остановились и выстроились против врага. Но Верцингеториг отвел своих солдат с подошвы горы назад в укрепления. В этот день мы потеряли без малого семьсот солдат.

52. На следующий день Цезарь созвал солдат на сходку и на ней порицал их безрассудство и пыл, именно что они самовольно решили, куда им идти и что делать, не остановились при сигнале к отбою и не послушались удерживавших их военных трибунов и легатов. Он указал им, как много значит невыгодное местоположение, что он и сам испытал под Авариком⁹⁰, когда застиг врагов врасплох без вождя и без конницы, и все-таки добровольно отказался от несомненной победы, чтобы в бою на неудобной позиции не понести хотя бы самого ничтожного урона. Насколько он удивляется их героизму, которого не могли остановить ни лагерные укрепления, ни высота горы, ни городская стена, настолько же он порицает их своеволие и дерзость, с которой они воображают, что могут судить о победе и об успехе предприятия правильное полководца. От солдата он требует столько же повиновения и дисциплины, сколько храбрости и героизма.

53. Но в конце этой речи он ободрил солдат и советовал им не слишком из-за этого печалиться и не приписывать храбрости врагов того, что произошло от неудобства местности. Оставаясь при своем прежнем решении относительно отступления, он вывел легионы из лагеря и выстроил их на удобной позиции. Но так как Верцингеториг и на этот раз не стал спускаться на равнину, то Цезарь после небольшого, но удачного кавалерийского сражения снова отвел войско в лагерь. То же самое он повторил и на следующий день. Решив теперь, что им приняты достаточные меры для принижения галльской хвастливости и для укрепления мужества своих солдат, Цезарь двинулся в страну эдуев. Так

⁹⁰ См. гл. 19.

как враги и на этот раз не преследовали его, то на третий день он починил мост на реке Элавере и переправил свое войско на другой берег.

54. Там ему представились эдуи Виридомар и Эпоредориг, и от них он узнал, что Литавикк со всей конницей отправился волновать эдуев: поэтому необходимо им самим поспешить и прибыть раньше его, чтобы удержать эдуев в повиновении. Хотя для Цезаря по многим признакам было ясно вероломство эдуев и он понимал, что отъезд этих обоих князей только ускорит отпадение общины, однако он не считал нужным удерживать их, чтобы избежать всякой видимости насилия и не дать заподозрить себя в трусости. При их отъезде он вкратце упомянул о своих заслугах перед эдуями, какими слабыми и в каком состоянии унижения он их застал⁹¹: они были согнаны в города, лишены в наказание своих земель и всего достатка, обязаны платить дань, оскорбительнейшим образом принуждены были дать заложников; но он довел их до высокого благополучия и могущества, так что они не только вернули себе свое прежнее положение, но стали пользоваться большим влиянием и значением, чем когда-либо. С таким поручением он отпустил их на родину.

55. У берегов Лигера на удобном месте находился город эдуев Новиодун. Здесь Цезарь поместил всех галльских заложников, запасы хлеба, общественную казну и значительную часть своего и войскового багажа; сюда же он отправил большое количество лошадей, скупленных им для этой войны в Италии и в Испании. Когда сюда прибыли Эпоредориг и Виридомар, то они получили следующие сведения о положении дел в общине: Литавикк принят эдуями в их главном городе Бибракте, к нему приехали верховный правитель Конвиктолитав и значительная часть сената и от имени общины от-

⁹¹ См. I, 31 и VI, 12.

правлено к Верцингеторигу посольство для заключения мирного и дружественного договора. Тогда они и со своей стороны решили не упускать такого удобного случая. Поэтому они перебили в Новиодуне стражу и находившихся там римских купцов и поделили деньги и лошадей между собой; заложников от общин они распорядились препроводить в Бибракте к верховному правителю; город, который они не надеялись удержать за собой, они сожгли, чтобы он на что-нибудь не пригодился римлянам; часть хлеба, насколько это возможно было, второпях увезли на кораблях, а остаток бросили в реку или сожгли. Затем сами они стали набирать в окрестностях боевые силы, располагать по берегам Лигера охранительные отряды и караулы и, чтобы нагонять на римлян страх, всюду делать демонстративные конные набеги в расчете, не удастся ли отрезать римлян от подвоза и, доведя их до голода, прогнать в Провинцию. В этой надежде их особенно поддерживало то, что Лигер очень поднялся от таяния снегов и потому казался совершенно непроходимым в брод.

56. Узнав об этом, Цезарь решил поторопиться, чтобы в случае, если дело дойдет до сражения во время постройки мостов, дать его прежде, чем враг стянет сюда более значительные силы. Действительно, изменить план и отступить в Провинцию (что, — по крайней мере в данный момент, — всякий считал неизбежным) представлялось невозможным: с одной стороны, мешали бесславие и позор отступления, преграда в виде Кевеннского хребта и вообще трудность передвижения, с другой — он очень боялся за судьбу разьединенного с ним Лабиэна и посланных с последним легионов⁹². Здесь его всадники скоро нашли брод, который был при его крайне тяжелом положении довольно подходящим, хотя только руки и

⁹² Текст в начале этой главы (nam ut—vehementer timebat) неисправен.

плечи выдавались над водой, чтобы держать оружие. Затем, для ослабления силы течения, он поставил в воде конницу и, пользуясь первыми проявлениями замешательства врага при этом зрелище, благополучно переправил войско. На полях он нашел много хлеба и скота и, снабдив тем и другим в изобилии войско, направил свой путь в страну сенонов.

57. Так шли дела у Цезаря. Тем временем Лабие, оставив в Агединке для прикрытия обоза недавно прибывшие из Италии пополнения, двинулся с четырьмя легионами против Лутетии. Это — город парисиев, лежащий на острове Секваны. При известии о его приближении здесь собрались большие неприятельские силы из соседних общин. Верховное командование было вручено аулерку Камулогену: хотя он и был уже дряхлым стариком, но был призван на эту должность за отличное знание военного дела. Последний, обратив внимание на сплошное болото, которое имело спуск в реку Секвану и делало всю местность почти недоступной, расположился здесь и стал мешать нашей переправе.

58. Лабие сначала пытался подводить крытые подвижные галлерей, заваливать болото фашинником и насыпью и таким образом прокладывать себе надежную дорогу. Но потом, когда он нашел эту работу слишком трудной, он без шума выступил из лагеря в третью стражу и тем же путем, каким пришел сюда, достиг Метиоседа. Это — город сенонов, лежащий, подобно только что упомянутой Лутетии, также на острове Секваны. Захватив здесь около пятидесяти кораблей, он быстро их связал, посадил на них солдат и без сопротивления овладел городом, так как горожане, значительная часть которых была призвана на войну, были уstraшены этой неожиданностью. Восстановив мост, который в предыдущие дни был сломан неприятелями, он перевел войско и пошел на Лутетию по течению реки. Узнав об этом от бежавших из Метиоседа, неприятели приказали сжечь Лутетию и сломать

городские мосты, а сами покинули болото у берегов Секваны и расположились против Лутетии и лагеря Лабиэна.

59. Уже говорили, что Цезарь отступил от Герговии, уже ходили слухи об отпадении эдуев и об удачном ходе восстания Галлии, а галлы в разговорах друг с другом утверждали, что Цезарь отрезан от своего маршрута и от Лигера и из-за недостатка провианта вынужден был спешно отступить в Провинцию. При известии об отпадении эдуев беллоаки, которые уже и раньше были ненадежными⁹³, стали собирать войска и открыто готовиться к войне. Тогда Лабиэн, ввиду полной перемены положения, понял, что ему надо принять совершенно иное решение. Теперь он помышлял уже не о дальнейших завоеваниях и наступательных действиях против неприятеля, но о том, как бы отвести назад свое войско без потерь в Агединк. Действительно, с одной стороны ему угрожали беллоаки, считавшиеся самым храбрым в Галлии племенем, с другой — против него стоял Камулоген с готовым к бою и хорошо снаряженным войском; кроме того, его легионы были совершенно отрезаны большой рекой от резервного отряда и обоза. При таких внезапных затруднениях он стал искать выхода в смелом решении.

60. Под вечер он созвал военный совет, на котором потребовал от присутствующих точного и, энергичного исполнения своих приказаний; затем распределил между римскими всадниками команду над судами, выведенными из Метиоседа, с приказом пройти без шума по окончании первой стражи четыре мили вниз по течению реки и там поджидать его. Пять когорт, которые он считал наименее боеспособными, он оставил для прикрытия лагеря; а пять остальных из того же легиона должны были выступить в полночь вверх по реке со всем багажом и с большим шумом. Он разыскал и лодки и

⁹³ См. II, 4.

направил их туда же с приказом как можно сильнее бить веслами. А сам немного спустя в полной тишине выступил с тремя легионами по направлению к тому пункту, где должны были причалить суда.

61. Когда он прибыл сюда, то при поддержке внезапно поднявшейся бури застиг врасплах неприятельских разведчиков, расставленных вдоль по всей реке. Под надзором римских всадников, на которых была возложена эта задача, римская пехота и конница были быстро переправлены на другой берег. Почти в то же самое время на рассвете враги получили известие, что в римском лагере происходит необычный шум, что вверх по реке движется большой отряд и в том же направлении слышны удары весел, а несколько ниже переправляют солдат на судах. При этом известии враги; решили, что легионы переправляются в трех местах и что римское войско в полной панике от измены эдуев собирается бежать. Тогда они также разделили свои силы на три отряда. Против римского лагеря они оставили один отряд, другой, небольшой, отправили в направлении Метисседа с приказом двигаться вперед по мере движения судов, а остальные силы повели против Лабиэна.

62. На рассвете наши были все переправлены, и в то же самое время были видны враги, стоявшие в боевом строю. Лабиэн, ободряя солдат, просил их не забывать о своей прежней храбрости и счастливых сражениях и представлять себе, что перед ними сам Цезарь, под предводительством которого они часто побеждали врагов. Затем он дает сигнал к бою. При первой схватке на правом фланге, где стоял 7-й легион, враги были опрокинуты и обращены в бегство; на левом, который был занят 12-м легионом, первые ряды неприятелей пали под ударами копий, но остальные оказывали очень упорное сопротивление, и никто не давал повода заподозрить себя в желании бежать. Сам неприятельский предводитель Камуло-

ген находился при своих бойцах и ободрял их. Победа все еще оставалась неопределенной; но когда трибунам 7-го легиона дали знать о том, что делается на левом фланге, они со своим легионом появились в тылу неприятеля и ударили на него. Однако и теперь никто не подался, но все были обойдены и перебиты. Ту же участь разделил и Камулоген. Что же касается тех, которые были оставлены для наблюдения за находившимся против них лагерем Лабиэна, то когда они услышали о начале сражения, они пошли на помощь своим и заняли холм. Однако они не могли выдержать натиска наших победоносных солдат и смешались с бегущими, причем все, кто не нашел убежища в лесах и горах, были перебиты конницей. По исполнении этой операции, Лабиэн вернулся в Агединк, где оставался обоз всей армии; отсюда на третий день он со всеми силами прибыл к Цезарю.

63. Как только отпадение эдуев стало известным, война приняла более широкие размеры. Повсюду рассылались посольства; эдуи старались соблазнить соседние общины всем, чем могли: влиянием, могуществом, подкупом. Они обладали заложниками, которых поместил у них Цезарь, и угрозой казнить их запугивали колеблющихся. Далее, они просили Верцингеторига прибыть к ним и сообща обдумать план военных действий. Добившись его прибытия, они настаивали на том, чтобы верховное руководство войной было предоставлено им, и так как это вызвало споры, то назначили общегалльский съезд в Бибракте. Со всех сторон собираются массаи. Дело решается общим голосованием; все до одного признают главнокомандующим Верцингеторига. На этом съезде не было ремов, лингонов и треверов: первые два племени оставались верными союзу с римлянами, а треверы жили очень далеко, и их теснили германцы, вследствие чего они в продолжение всей войны не принимали в ней никакого участия и не посылали ни одной стороне вспомогательных

отрядов. Эдуи очень огорчились потерей главенства, стали жаловаться на изменение своего положения и желали вернуть благоволение Цезаря; однако, раз решившись на войну, они не осмеливались действовать отдельно от других. Честолюбивые молодые люди — Эпоредориг и Виридомар неохотно подчинялись Верцингеторигу⁹⁴.

64. Тот требует от общин к определенному сроку заложников. Всей коннице, числом в пятнадцать тысяч человек, отдается приказ немедленно собраться; что же касается пехоты, то, по его словам, ему будет довольно той, которая была у него до сих пор; он не думает пытаться и давать открытое сражение, но при численном перевесе его конницы ему очень легко затруднять римлян в добывании хлеба и фуража. Пусть только галлы равнодушно собственными руками испортят свой хлеб и подожгут усадьбы; ценой этих материальных жертв они несомненно навсегда приобретут власть и свободу. После этого он требует от эдучей и сугусиавов, ближайших соседей Провинции, десять тысяч человек пехоты; к ним он придает восемьсот всадников. Во главе их он ставит брата Эпоредорига и приказывает ему открыть войну против аллоброгов. На противоположном конце Галлии он посылает габалов и отряды ближайших арвернских округов против гельвиев, а рутенов и кадурков — опустошать страну вольков и арекомиков. При всем том он тайно отправляет к аллоброгам, чтобы соблазнить их, гонцов и посольства, в надежде, что они еще не успокоились от предыдущей войны⁹⁵. Их князьям он обещает деньги, а общине власть над всей Провинцией.

65. Против всех этих случайностей римляне имели под оружием только двадцать две когорты из самой Провинции, которые легат Л. Цезарь выставлял против врага на всех

⁹⁴ См. о них гл. 39.

⁹⁵ См. I, 6.

пунктах. Гельвии на свой страх сразились с соседями, но были разбиты и, потеряв много человек убитыми, в том числе и своего князя Г. Валерия Доннотаура, сына Кабура⁹⁶, отброшены за укрепления своих городов. Аллоброги расставили вдоль по Родану густые караульные цепи и с большой заботливостью и бдительностью стали сторожить свои границы. Так как Цезарь знал о численном превосходстве неприятельской конницы и, будучи отрезан от всех дорог, не мог получить никакой поддержки ни из Провинции, ни из Италии, то он послал за Рейн к покоренным в предшествующие годы германским племенам гонцов, чтобы получить от них конницу и легковооруженную пехоту, сражающуюся в ее рядах. Когда германцы прибыли, то их лошади оказались не вполне удовлетворительными. Поэтому Цезарь взял лошадей у военных трибунов и прочих римских всадников, а также у добровольцев-ветеранов и распределил их между германцами.

66. Тем временем неприятельские отряды, двинувшиеся из страны арвернов, соединились с всадниками, которых должна была поставить вся Галлия. И вот, когда Цезарь шел в область секванов окраиной земли лингонов, чтобы, в случае надобности, немедленно подать помощь Провинции, Верцингеториг расположился с этими значительными силами тремя лагерями милях в десяти от римлян. Создав на совет начальников конницы, он указал им, что настал час победы: *римляне бегут в Провинцию и очищают Галлию; для достижения свободы в данный момент галлам этого достаточно, но на будущее время мир и покой этим мало обеспечиваются: конечно, римляне вернутся с большими силами и не прекратят войны.* Поэтому галлы должны напасть на них на походе, когда они не готовы к бою. Если легионеры будут подавать помощь своим и на это тратить время, то они не смогут продолжать

⁹⁶ Брат Валерия Прокилла, о котором см. I, 47.

поход: если же — чего он скорее ожидает — они бросят обоз и будут думать только о своем спасении, то они лишатся не только предметов первой необходимости, но и своего престижа. Что же касается неприятельских всадников, то и сами иаллы не должны сомневаться в том, что никто из них не осмелится показаться наружу из-за рядов прикрывающей их пехоты. Для укрепления их мужества при атаке он будет держать все войско перед лагерем и этим нагонять страх на врагов. *Всадники дружно кричат, что надо обязать себя священной клятвой — не принимать в доле и не пускать к детям, родителям и женам никого, кто два раза не проскачет сквозь неприятельскую колонну.*

67. Предложение это было одобрено, и все принесли эту клятву. На следующий день галльская конница разделена была на три отряда, из которых два стали угрожать римлянам с обоих флангов, а третий задерживал походную колонну с фронта. При известии об этом Цезарь разделил и свою конницу на три отряда и бросил их на врага. Сражение началось на всех пунктах. Колонна остановилась, обоз был принят легионами в середину. Там, где нашим было трудно и их слишком теснили враги, туда Цезарь поворачивал фронт и направлял атаку; это задерживало напор врагов и ободряло наших надеждой на помощь. Наконец, на правом фланге германские всадники овладели гребнем возвышенности и сбили оттуда неприятелей; бежавших они преследовали — и многих при этом перебили — вплоть до реки, где Верцингеториг стоял со своей пехотой. Заметив это, остальные галльские всадники из боязни быть окруженными также пустились бежать. Всюду идет резня. Три знатнейших эдую были взяты в плен и приведены к Цезарю: начальник конницы Кот⁹⁷, который на прошлых выборах был соперником Кон-

⁹⁷ О Коте см. гл. 32.

виктолитава, Каварилл, который после измены Литавикка командовал пехотой, и Эпоредориг⁹⁸, под предводительством которого еще до прихода Цезаря эдуи вели войну с секванами.

68. Когда, таким образом, вся галльская конница была обращена в бегство, то Верцингеториг отвел свое войско, как оно стояло перед лагерем, и двинулся прямо к городу мандубиев — Алесии, приказав немедленно вывезти из лагеря обоз и направить вслед за собой. Цезарь отвел свой обоз на ближайший холм и оставил для его прикрытия два легиона, а сам, пока еще было светло, преследовал неприятеля и, перебив в его арьергарде около трех тысяч человек, на следующий день разбил лагерь под Алесией. Осмотрев местоположение города и пользуясь паникой врагов, которую причинило поражение самой надежной части их армии — конницы, он решил обложить Алесию и потому ободрял солдат не жалеть труда.

69. Самый город Алесия лежал очень высоко на вершине холма, так что его можно было взять, очевидно, только блокадой. Подошва этого холма была омываема с двух; сторон двумя реками. Перед городом тянулась приблизительно на три мили в длину равнина; со всех остальных сторон город был окружен холмами, которые поднимались на небольшом от него расстоянии и были одинаковой с ним вышины. Под стеной на восточном склоне холма все это место густо занимали галльские силы, которые провели для своей защиты ров и ограду в шесть футов вышины. А линия укрепления, которую строили римляне, занимала в окружности одиннадцать миль. В соответственных пунктах на ней был разбит лагерь и устроено двадцать три редута. В этих редутах днем стояли сторожевые посты для предупреждения внезапных вылазок; сильные отряды караулили их и ночью.

⁹⁸ Его надо отличать от Эпоредорига, упомянутого в гл. 39 этой книги.

70. После начала работ завязалось кавалерийское сражение на равнине, которая, как мы выше сказали, простиралась на три мили между холмами. С обеих сторон идет очень упорный бой. Когда нашим стало трудно, Цезарь послал им на помощь германцев и выстроил легионы перед лагерем, чтобы предупредить внезапное нападение неприятельской пехоты. Поддержка легионов увеличила у наших мужество, обращенные в бегство враги затруднили себя своей многочисленностью и сгруппировались в очень узких проходах, оставленных в ограде. Тем ожесточеннее их преследовали германцы вплоть до их укреплений. Идет большая резня. Некоторые, бросив коней, пытаются перейти через ров и перелезть через ограду. Легионам, стоявшим перед валом, Цезарь приказывает несколько продвинуться вперед. Но и те галлы, которые были за укреплениями, приходят в не меньшее замешательство: им вдруг начинает казаться, что их атакуют, и они все кричат: «К оружию!» Некоторые со страха вламываются в город. Тогда Верцингеториг приказывает запереть ворота, чтобы лагерь не остался без защитников. Перебив много врагов и захватив немало лошадей, германцы возвращаются в лагерь.

71. Еще до окончания римлянами своих укреплений Верцингеториг принимает решение отпустить ночью свою конницу. При ее уходе он поручает каждому посетить свою общину и собирать на войну всех способных по возрасту носить оружие. Он ссылается на свои заслуги перед ними и закликает *подумать о его спасении за великие услуги, оказанные им делу общей свободы, не предавать его врагам на мучительную казнь. Но если они не проявят достаточной энергии, то вместе с ним обречены на гибель восемьдесят тысяч человек отборного войска. По сделанному подсчету, у него хватит хлеба с трудом на тридцать дней, но при известной бережливости можно продержаться несколько дольше.* С этими поручениями он отпускает конницу, которая прошла во вторую стражу без всякого шума там, где наша линия укреплений имела перерывы. Весь хлеб он прика-

зывает доставить ему, и за послушание определяет смертную казнь: скот, пригнанный в большом количестве мандубиями, распределяет между своими солдатами по числу голов; а хлеб начинает отмеривать скупно и на короткий срок. Все войска, стоявшие перед городом, он снова вводит в город. Приняв эти меры, он решает ждать галльских подкреплений и планомерно продолжать войну.

72. Узнав об этом от перебежчиков и от пленных, Цезарь устроил свои укрепления следующим образом. Он провел ров в двадцать футов шириной с отвесными стенками, так что ширина его основания равнялась расстоянию между верхними краями; а все прочие укрепления устроил в четырехстах футах позади этого рва. Так как пришлось по необходимости занять очень большое пространство и всю линию укреплений нелегко было заполнить сплошным кольцом солдат, то такая система имела целью помешать неожиданным или ночным массовым неприятельским атакам на укрепления и, с другой стороны, предохранять в течение дня назначенных на работу солдат от неприятельского обстрела. На упомянутом расстоянии он провел два рва в пятнадцать футов ширины и такой же глубины; в средний из них, находившийся на ровной и низменной местности, он провел воду из реки. За ними выстроена была плотина и вал в двенадцать футов вышиной, который был снабжен бруствером и зубцами, причем на местах соединения бруствера с валом выдавались большие рогатки, чтобы затруднять врагам восхождение на вал, а вся линия укреплений была опоясана башнями в восьмидесяти футах одна от другой.

73. Приходилось по необходимости единовременно добывать и лес и хлеб, и строить укрепления при неполном составе войск, часть которых уходила довольно далеко из лагеря. Поэтому галлы нередко пытались нападать на наши укрепления и со всеми своими силами делать вылазки из нескольких городских ворот сразу. Тогда Цезарь счел нужным

прибавить к этим веркам еще и другие, чтобы все укрепление можно было защищать меньшим количеством солдат. С этой целью срубались стволы деревьев или очень прочные сучья, их верхушки очищались и заостривались; затем проводились один за другим рвы в пять футов глубиной. В них устанавливались эти стволы и, чтобы их нельзя было вырвать, снизу они скреплялись, причем сучья выдавались наружу. Они образовали по пять рядов, связанных и сплетенных друг с другом. Кто попадал туда, тот натывался на острия стволов. Их называли «могильными столбами». Перед ними выкапывались косыми рядами в виде пятерки ямы в три фута глубины, постепенно суживавшиеся книзу. В них опускались гладкие стволы толщиной в человеческое бедро, заостренные и обоженные сверху и выдававшиеся над поверхностью не более чем на четыре дюйма. Чтобы придать им полную устойчивость, каждый из них у основания закапывали на один фут землей и утапывали ее; а остальную, верхнюю, часть ямы прикрывали прутьями и хворостом, чтобы скрыть ловушку. Такого рода ям было всюду проведено по пять рядов в трех футах друг от друга. По сходству с цветком их называли «лилиями». Перед ними целиком вкапывались в землю кольца в фут длиной с железными крючками; они были устроены в разных местах на небольшом расстоянии друг от друга. Их называли «стрекалами»⁹⁹.

74. По окончании всех этих работ Цезарь выбрал, насколько позволяла местность, самую ровную полосу и провел на ней совершенно такую же линию укреплений в четырнадцать миль в окружности, но обращенную наружу, именно против ожидаемого извне неприятеля, чтобы он даже в очень большом количестве не был в состоянии окружить со всех сторон его караульные отряды. А чтобы не быть вынужденным выходить в случае надобности из лагеря с опасностью для своего

⁹⁹ О крепостной войне см. приложение § 5.

войска, он приказал всем запастись хлебом и фуражом на тридцать дней.

75. Во время этих происшествий под Алесией галлы назначили съезд князей и постановили на нем не созывать под знамена всех способных носить оружие, как этого желал Верцингеториг, но потребовать от каждой общины определенного контингента бойцов: было опасение, что при такой огромной и смешанной массе невозможно будет поддерживать дисциплину, отличать своих от чужих и наладить продовольствие. Эдуи и их клиенты сегусиавы, амбивареты, бранновикийские аулерки и бланновии должны были поставить тридцать пять тысяч; столько же — арверны с подчиненными их власти элеутетами, кадурками, габалами и веллавиями; секваны, сеноны, битургии, сантоны, рутены и карнуты — по двенадцать тысяч; беллоаки — десять тысяч, столько же — лемовики; по восемь тысяч — пиктоны, туроны, парисии и гельветы; по шесть тысяч — анды, амбианы, медиоматрики, петрокории, нервии и морины; пять тысяч — нитиоброги, столько же — кеноманские аулерки; атребаты — четыре тысячи, велиокасы и аулерки эбуровикийские — по три тысячи, раурики и бои — по две тысячи; все общины, живущие у берегов Океана под общим названием ареморийских, — тридцать тысяч: в их числе были кориосолиты, редоны, амбибарии, калеты, осисмы, венеты, лексовии и венеллы. Из них беллоаки не выставили назначенного им контингента, заявив, что они самостоятельно будут вести войну с римлянами и по своему усмотрению и не желают подчиняться ничьей власти. Впрочем, по просьбе Коммия и во внимание к союзу гостеприимства с ним, они послали вместе с другими две тысячи человек.

76. Этот самый Коммий, как мы выше упоминали¹⁰⁰, оказал Цезарю в качестве верного союзника важные услуги в

¹⁰⁰ См. IV, 21, а также VIII, 23.

Британнии. За это Цезарь освободил его народ от всякой дани, утвердил за ним прежние права и законы и даже подчинил ему моринов. Но так велико было согласие всей Галлии в деле завоевания свободы и восстановления прежней воинской славы, что Коммий и не думал об этих милостях и дружбе, да и вообще все галлы и телом и душой отдавались этой войне. Набрано было около восьми тысяч человек конницы и двухсот пятидесяти тысяч человек пехоты. Им производили смотр и подсчет в стране эдуев и назначили для них командиров. Верховное командование было вручено атребату Коммию, эдуям Виридомару и Эпоредоригу¹⁰¹ и двоюродному брату Верцингеторига арверну Веркассивеллауну. К ним были прикомандированы уполномоченные от общин в качестве военного совета. Все бодро и уверенно направляются к Алесии. Вообще каждый думал, что даже вида такой массы нельзя будет выдержать, особенно при нападении на римлян с двух сторон, когда состоится вылазка из города и извне покажутся такие огромные конные и пешие силы.

77. Между тем уже прошел день, в который осажденные в Алесии ожидали прихода помощи от своих; весь хлеб был съеден и, не зная, что делается у эдуев, они созвали собрание для совещания о том, как найти выход из своего критического положения. При этом было высказано много различных мнений: некоторые рекомендовали сдаться, другие предлагали сделать вылазку, пока еще есть силы. По своей исключительной и бесчеловечной жестокости заслуживает внимания речь Критоignата. Этот высокорожденный и уважаемый арверн сказал: *я ни слова не намерен говорить о предложении тех, которые называют именем капитуляции позорнейшее рабство; по моему мнению, их надо исключить из числа граждан и не допускать на собрания. Я желаю иметь дело только с теми, кото-*

¹⁰¹ Об Эпоредориге и Виридомаре см. гл. 38 сл. этой книги.

рые высказываются за вылазку: в их предложении все вы единогласно признаете следы старой галльской храбрости. Но не храбрость это, а слабохарактерность — не сумеет короткое время вынести продовольственную нужду. Людей, добровольно идущих на смерть, легче найти, чем таких, которые терпеливо выносят лишения. При всем том я одобрил бы это предложение (так высоко ценю я честь), если бы я видел, что в жертву приносится только наша жизнь. Но при нашем решении мы должны подумать о судьбе всей Галлии, которую мы подняли на ноги с тем, чтобы получить от нее помощь. Когда нас восемьдесят тысяч человек будет сразу на одном месте убито, откуда, по вашему мнению, будет мужество у наших близких и кровных родственников, если они вынуждены будут принять решительный бой, можно сказать, на наших трупах? Не лишайте своей помощи тех, которые ради вашего спасения забыли о своей опасности, не ввергайте всей Галлии в гибель и вечное рабство из-за своей глупости, необдуманности и слабохарактерности. Может быть, вы сомневаетесь в их верности и твердости только потому, что они не явились к назначенному сроку? Ну, хорошо! А разве, по вашему мнению, римляне для своего удовольствия изо дня в день изнуряют себя работой над теми дальними укреплениями? Если всякий доступ к друзьям прегражден, если до вас не могут дойти успокоительные вести от них, вот они (римляне) — вам свидетели, что их приход близок: в ужасе перед ним они дни и ночи проводят за работой. Каков же мой совет? Делать то, что делали наши предки в далеко не столь значительной войне с кимбрами и тевтонами: загнанные в свои города и страдая от такой же нужды в съестных припасах, они поддерживали жизнь свою трупами людей, признанных по своему возрасту негодными для войны, но не сдались врагам. Если бы у нас не было такого примера, то я признал бы делом чести создать его во имя свободы и завещать потомкам. Действительно, разве та война была в чем-нибудь похожа на эту? Опустошив Галлию и причинив ей большие

бедствия, кимбры¹⁰² в конце концов ушли из нашей страны и устремились в другие земли: права, законы, поля, свободу — все это они нам оставили. А римляне? К чему стремятся и чего иногда хотят эти подстрекаемые завистью люди, как не того, чтобы завладеть полями и всей территорией и навеки поработить всякий славный и воинственный народ, о котором только они услышат? С какой-нибудь иной целью они никогда не вели войн. А если вы не знаете того, что делается у отдаленных племен, то взгляните на соседнюю Галлию, которая, будучи унижена на степень провинции, получила совсем иные права и законы и, покоряясь римским секирам, страдает под гнетом вечного рабства.

78. Голосованием было решено удалить из города всех негодных для войны по нездоровью или по годам и испытать все средства прежде, чем прибегнуть к мере, рекомендованной Критогатом; однако, если к тому вынудят обстоятельства и запоздает помощь, то лучше уже воспользоваться его советом, чем согласиться на условия сдачи или мира. Мандубии же, принявшие тех в свой город, были изгнаны из него с женами и детьми. Когда они дошли до римских укреплений, то они со слезами стали всячески умолять принять их в качестве рабов, только бы накормить. Но Цезарь расставил на валу караулы и запретил пускать их.

79. Тем временем Коммий и остальные главнокомандующие достигли со всеми своими войсками Алесии, заняли лежавший вне линий наших укреплений холм и расположились не более, чем в одной миле от них. На следующий день они вывели из лагеря конницу и заняли всю ту равнину, которая, как выше было нами указано, тянулась на три мили в длину. Свою пехоту они поставили в некотором отдалении на высотах. Из города Алесии вся долина была видна. При виде этих вспомогательных войск осажденные бегут к ним навстречу, поздравляют друг друга, и все ликуют. Все силы выступают из

¹⁰² См. I, 33 и 40.

города и располагаются перед ним; ближайший ров заваливают фашинником и землей и готовятся к вылазке и ко всем случайностям боя.

80. Цезарь распределил все свое войско на обе линии укреплений, чтобы, в случае надобности, каждый точно знал свой пост и с него не уходил, а коннице он приказал выступить из лагеря и завязать сражение. Из всех лагерей, занимавших в окрестностях самые высокие пункты, открывался вид вниз, и потому все солдаты с напряженным вниманием следили за исходом сражения. Галлы расположили в рядах своей конницы отдельных стрелков и легковооруженных пехотинцев, которые должны были подавать помощь своим при их отступлении и выдерживать атаку нашей конницы. Неожиданными нападениями они многих из наших ранили и заставили выйти из линии боя. Так как галлы были уверены в своем боевом перевесе и видели, как тяжело приходится нашим от их численного превосходства, то и те, которые находились за укреплениями, и те, которые пришли к ним на помощь, поднимали повсюду крик и вой для возбуждения храбрости в своих. Дело шло у всех на виду, ни храбрость, ни трусость не могли укрываться, и потому жажда славы и боязнь позора вызывали в обеих сторонах геройский пыл. С полудня почти вплоть до захода солнца сражение шло с переменным успехом, пока, наконец, германцы в одном пункте не напали сомкнутыми рядами на неприятелей и не опрокинули их. Во время их бегства стрелки были окружены и перебиты. И в прочих пунктах наши преследовали отступавшего неприятеля вплоть до его лагеря и не дали ему времени снова собраться с силами. Тогда те, которые выступили из Алесии, почти совершенно отчаялись в победе и с печалью отступили в город.

81. По прошествии одного дня, в течение которого галлы изготовили много фашинника, лестниц и багров, они выступили бесшумно в полночь из лагеря и приблизились к полевым

укреплениям. Внезапно подняв крик, который для осажденных должен был служить сигналом их наступления, они бросают фашинник, сбивают наших с вала пращами, стрелами и камнями и вообще готовят штурм. В то же время Верцингеториг, услышав их крик, дает своим сигнал трубой к наступлению и выводит их из города. Наши занимают на укреплениях свои посты, которые каждому были назначены в предыдущие дни, и отгоняют галлов фунтовыми пращами, кольями, расставленными по всем шанцам, и свинцовыми пулями. Так как за наступившей темнотой ничего не было видно, то много народа с обеих сторон было переранено. Немало снарядов выпущено было из метательных машин. Там, где нашим было трудно, легаты М. Антоний и Г. Требоний, которым досталась оборона этих пунктов, выводили резервы из ближайших редутов и по мере надобности посылали их на помощь.

82. Пока галлы находились на некотором расстоянии от наших укреплений, им давало известную выгоду множество снарядов; но как только они подошли ближе, то стали наткаться на «стрекала», либо попадали в ямы и ранили себя о крючья, либо им наносились сквозные смертельные раны копьями, пускаемыми с вала и башен. Во всех пунктах они понесли большие потери ранеными, но нигде не прорвали линии наших укреплений, а между тем уже приближался рассвет, и тогда они, из боязни быть окруженными на неприкрытом фланге вылазкой римлян из верхнего лагеря, отступили к своим. Что же касается осажденных, то пока они приносили заготовленные Верцингеторигом материалы для вылазки и первые ряды их засыпали рвы, на все это ушло много времени, и они узнали об отступлении своих прежде, чем успели приблизиться к нашим укреплениям. Таким образом, они ни с чем вернулись в город.

83. Дважды отбитые с большим уроном, галлы совещаются о том, что им делать, привлекают знающих местность лю-

дей, узнают от них о расположении верхнего лагеря и об укреплениях. На северной стороне был холм, который наши, вследствие его обширности, не могли включить в линию своих укреплений: по необходимости пришлось разбить лагерь на месте почти что прямо невыгодном, именно на отлогом спуске холма. Этот лагерь занимали легаты Г. Антистий Регин и Г. Каниний Ребил с двумя легионами. Ознакомившись через разведчиков с местностью, неприятельские вожди отбирают из всего войска шестьдесят тысяч человек, притом из тех племен, которые особенно славились своей храбростью, тайно условливаются между собой относительно деталей дальнейших действий и назначают общий штурм на полдень. Командование этими войсками они поручают арверну Веркасивеллауну, одному из четырех главнокомандующих и родственнику Верцингеторига. Тот, выступив из лагеря в первую стражу, к рассвету прошел почти весь путь, занял скрытую позицию за горой и приказал своим солдатам отдохнуть после ночных трудов. Около полудня он двинулся на вышеупомянутый лагерь; в то же время и его конница стала подходить к полевым укреплениям, а остальные силы начали развертываться перед нашим лагерем.

84. Верцингеториг, увидав своих из крепости Алесии, со своей стороны выступает из города и приказывает захватить фашинник, шесты, подвижные навесы, стенные багры и вообще все заготовленное им для вылазки. Сражение идет во всех пунктах одновременно; повсюду делаются попытки штурма; в наиболее слабые пункты устремляются большими массами. Римские отряды, растянутые по таким огромным укреплениям, с трудом успевают давать отпор во многих местах сразу. Очень устрашает наших крик, раздавшийся в тылу у бойцов, так как для них ясно, что их опасное положение зависит от чужой храбрости: ведь все, что от людей далеко, сильнее действует на их душу.

85. Цезарь, выбрав удобный пункт, видит с него, что где делается: где наших теснят, туда он посылает резервы. Обеим сторонам приходит на мысль, что именно теперь наступил решающий момент их конечной борьбы: для галлов, если они не прорвут укреплений, потеряна всякая надежда на спасение, римлян, если они удержатся, ожидает конец всех их трудов. Особенно тяжело приходится нашим у верхних укреплений, против которых, как мы указали, был послан Веркассивеллаун. Неблагоприятная для римлян отлогость холма оказывает большое влияние на ход сражения. Часть галлов пускает снаряды, часть идет на римлян строем «черепахи»; утомленных сменяют свежие силы. Все галлы бросают землю на укрепления, облегчают себе таким образом подъем и засыпают ловушки, скрытые римлянами в земле. У наших уже нехватает ни оружия, ни сил.

86. Узнав об этом, Цезарь посылает теснимым на помощь Лабиена с шестью когортами и приказывает ему, в случае невозможности держаться, увести когорты с вала и сделать с ними вылазку, но прибегнуть к этой мере только в крайности. А сам обходит остальных, ободряет их не поддаваться изнурению, обращая их внимание на то, что от этого дня и часа зависят все плоды прежних сражений. Осажденные потеряли надежду взять слишком огромные полевые укрепления и пытаются взобраться на крутизны и напасть на бывшие там укрепления; сюда они несут все материалы для штурма. Множеством снарядов они выбивают защитников из башен, засыпают землей и фашиником рвы, рвут баграми вал и брустверы.

87. Цезарь сначала посылает туда молодого Брута с его когортами, а затем с другими когортами Г. Фабия; наконец, так как сражение становилось все более и более ожесточенным, сам ведет на помощь свежие резервы. Восстановив здесь бой и отбив неприятелей, он спешит к тому пункту, куда послал

Лабиэна; берет с собой четыре когорты из ближайшего редута, приказывает части конницы следовать за собой, а другой объехать внешние укрепления и напасть на врагов с тылу. Лабиэн, убедившись в том, что ни плотины, ни рвы не могут выдержать напора неприятельских полчищ, собрал в одно место сорок когорт, которые были выведены из ближайших редутов и случайно на него наткнулись, и сообщил Цезарю через гонцов о своих ближайших намерениях. Цезарь спешит к нему, чтобы принять участие в сражении.

88. О его прибытии узнали по цвету одежды, которую он носил в сражениях, как знак отличия¹⁰³; вместе с тем показались следовавшие за ним по его приказу эскадроны всадников и когорты, так как с высот видно было все происходившее на склонах и в долине. Тогда враги вновь завязывают сражение. Навстречу крику, поднявшемуся с обеих сторон, раздается крик с вала и со всех укреплений. Наши оставили копья и взялись за мечи. Внезапно в тылу у неприятелей показывается римская конница и приближаются еще другие когорты. Враги повертывают тыл, но бегущим перерезывают дорогу всадники. Идет большая резня. Вождь и князь лемовиков — Седулий падает убитым; арверна Веркассивеллауна захватывают живым во время бегства; Цезарю доставляют семьдесят четыре военных знамени; лишь немногие из этой огромной массы спасаются невредимыми в свой лагерь. Те, которые заметили из города избиение и бегство своих, отчаялись в своем спасении и увели свои войска назад от укреплений. При слухе об этом тотчас же начинается всеобщее бегство из галльского лагеря. И если бы наши солдаты не были утомлены частыми передвижениями на помощь и напряженным трудом за целый день, то все неприятельские полчища могли бы

¹⁰³ Военный плащ полководца (paludamentum) был пурпурового цвета.

быть уничтожены. Посланная около полуночи конница нагнала арьергард; много народу было при этом взято в плен и убито; остальные разбегаются по своим общинам.

89. На следующий день Верцингеториг созвал общее собрание и заявил на нем, что *эту войну он начал не ради своих личных выгод, но ради общей свободы; так как необходимо покориться судьбе, то он отдает себя в распоряжение собрания: пусть оно благоволит сделать выбор — или его смертью удовлетворить римлян, или выдать его живым.* По этому поводу отправили к Цезарю послов. Он приказывает им выдать оружие и привести князей. Сам он сел в укреплениях перед лагерем. Туда приводят вождей; Верцингеторига выдают¹⁰⁴, оружие положено. Эдуев и арвернов Цезарь приберег, в расчете снова приобрести через них влияние на их общины; остальных пленных он распределил во всем своем войске по человеку на солдата в качестве военной добычи.

90. По окончании этой войны он отправляется в страну эдуев и снова покоряет их общину. Прибывшие туда послы от арвернов обещают исполнить все его требования. Он приказывает дать большое число заложников. Легионы он отпускает на зимние квартиры. Около двадцати тысяч человек он возвращает эдуям и арвернам. Т. Лабиэна посылает в страну секванов с двумя легионами и конницей; к нему командировывает М. Семпрония Рутила. Легаты Г. Фабий и Л. Минуций Басил получают приказ зимовать у ремов для ограждения их от каких-либо обид со стороны их соседей —

¹⁰⁴ Сдача Верцингеторига рассказывается в других источниках с разными эффектными подробностями. Например, по рассказу Плутарха («Биография Цезаря», гл. 27), Верцингеториг надел на себя лучшее оружие, украсил своего коня, объехал сидевшего Цезаря, затем слез с коня, снял с себя вооружение и молча сел около Цезаря. Он был отвезен в Рим и там посажен в тюрьму; в 46 году до н. э. он был проведен на триумфе и затем казнен.

белловаков. Г. Антистия Регина он посылает к амбиваретам, Т. Секстин — к биту ригам, Г. Каниния Ребила — к рутенам, каждого с одним легионом. Кв. Туллий Цицерон и П. Сульпиций должны были занять зимние квартиры в городах эдуев Кабиллоне и Матисконе для обеспечения подвоза провианта. А сам он решил зимовать в Бибракте. На основании донесения Цезаря об этой победе в Риме назначается двадцатидневное молебствие.

Книга восьмая

А. Гирций

Записки о Галльской войне

Твои постоянные просьбы, Бальб¹⁰⁵, заставили меня, наконец, взяться за очень трудное дело, от которого я изо дня в день отказывался; иначе отказ этот стали бы объяснять не трудностью предмета, но моей ленью. Ввиду отсутствия связи между ранними и последующими сочинениями нашего Цезаря я продолжал его записки («О галльской войне») и довел его последний неоконченный труд о событиях, начиная с похода в Александрию, не до конца междоусобной распри, которого мы не видим, но до конца жизни Цезаря. О, если бы мои читатели могли знать, как неохотно взялся я за эту работу! Тогда им легче было бы избавить меня от обвинения в глупости и притязательности, именно что я сам отвел себе центральное место среди сочинений Цезаря. С каким старанием ни обрабатывали другие писатели свои сочинения, но, по общему признанию, ни одно из них не может сравниться по изяществу формы с этими записками. Они были изданы с целью сообщить будущим историкам достаточные сведения о столь важных деяниях; но они встретили такое единодушное одобрение, что, можно сказать, у историков предвосхищен материал для работы, а не сообщен им. Но этому обстоятельству мы имеем право удивляться более, чем кто-либо другой: все другие знают красоту и обработанность его сочинений, а мы знаем также, с какой легкостью и быстротой он их написал. Но Цезарь был не только весьма искусным и

¹⁰⁵ Л. Корнелий Бальб, родом из Кадикса (Gades), получил римское гражданство при посредстве Помпея; он был также другом Цезаря и Цицерона (см. речь последнего в защиту гражданских прав Бальба).

изящным стилистом: он обладал также истинным умением излагать свои замыслы. Что касается меня, то мне даже не удалось принять участия в александрийской и африканской войнах; хотя войны эти я отчасти знаю из рассказов самого Цезаря, но, конечно, мы иначе слушаем то, что непосредственно пленяет нас новизной и изумительностью передаваемых событий, чем то, о чем мы должны будем говорить как свидетели. Но, впрочем, запасаясь всевозможными оговорками во избежание сравнения меня с Цезарем, я, несомненно, тем самым навлекая на себя указанное обвинение в притязательности, именно, что я как будто бы думаю, что кто-либо действительно признает возможным сравнивать меня с Цезарем. Прощай!

* * *

1. Так как Цезарь покорил всю Галлию и, начиная с прошлого лета, все время без перерыва провел в военных действиях, то он хотел дать своим солдатам отдых на зимних квартирах от их напряженных трудов. Но стали приходить известия, что многие общины единовременно задумывают возобновить войну и составляют тайные заговоры. В качестве правдоподобной причины этого обстоятельства указывали на общераспространенное среди галлов убеждение, что какая бы боевая масса ни была сосредоточена в одном месте, она не может дать должный отпор римлянам; но если несколько общин откроют военные действия в различных пунктах одновременно, то армия римского народа не будет иметь ни времени, ни сил энергично воевать во всех пунктах и всюду поспевать со своей помощью; но только ни одно племя не должно отказываться от этой неприятной участи, если благодаря такому выигрышу времени остальным удастся отвоевать себе свободу.

2. Чтобы не дать этим мечтаниям галлов укрепиться, Цезарь назначил комендантом своего зимнего лагеря квестора

М. Антония, а сам в сопровождении конного отряда отправился накануне январских Календ из города Бибракте к 13-му легиону, стоявшему, по его распоряжению, на эдуйской границе в области битуригов, и присоединил к нему зимовавший по соседству 11-й легион. Оставив по две когорты (от каждого легиона) для охраны обоза, он двинулся с остальным войском в богатейшую область битуригов, так как при обширности их земель и многочисленности городов зимовавший у них легион не мог бы удержать их от приготовлений к войне и от заговоров.

3. Благодаря внезапному появлению Цезаря произошло то, что и должно было произойти с врагами, не успевшими приготовиться и жившими разбросанно: поселяне, которые жили без всяких опасений, были застигнуты нашей конницей врасплох прежде, чем они могли спастись бегством в города. А именно Цезарь решительно воспретил предавать пламени усадьбы (что обыкновенно служит признаком неприятельского набега) — с той целью, чтобы в случае продвижения в глубь страны не испытывать нужды в фураже и хлебе и чтобы не пугать врагов этими пожарами. Устрашенные потерей многих тысяч пленных, те битуриги, которым удалось спастись от первого нападения римлян, бежали в соседние общины в надежде на частные дружественные связи и на солидарность с ними их единомышленников. Тщетно, ибо Цезарь своими ускоренными маршами повсюду их опередил и не дал ни одной общине времени думать о чужой безопасности более, чем о своей. Этой быстротой он обеспечил за собой верность дружественных племен, а на колебавшихся наводил страх и принуждал их к покорности. Так как битуриги при таких обстоятельствах убедились в том, что милость Цезаря открывает им возврат к его дружбе и что соседние общины, не подвергаясь никакому наказанию, дали заложников и снова были приняты под его покровительство, — то они последовали их примеру.

4. Солдаты Цезаря самоотверженно выносили все лишения в зимние дни от очень трудных походов и невыносимых холодов. В награду за эти лишения и выносливость он обещал, в виде денег от добычи, каждому рядовому по двести сестерциев, а центуриону — по тысяче. Затем он отправил легионы назад на зимние квартиры, а сам вернулся на сороковой день в Бибракте¹⁰⁶. Когда он производил там судебное разбирательство, к нему прислали послов битуриги с просьбой о помощи против карнутов и с жалобой на вторжение последних в их страну. Ввиду этого он пробыл в зимнем лагере не более восемнадцати дней и вывел с зимних квартир на Араре 14-й и 6-й легионы, которые, как указано было в предыдущей книге, были там размещены для обеспечения продовольственного дела. С этими двумя легионами он и выступил для преследования карнутов.

5. Когда молва о приближении нашего войска дошла до врагов, то карнуты, наученные чужими несчастьями, оставили села и города, где они жили в наскоро построенных для защиты от зимы маленьких и бедных помещениях (значительной части своих городов сии после недавнего своего поражения лишились) и рассеялись по разным направлениям. Так как именно теперь наступила самая лютая погода и Цезарь не желал, чтобы его солдаты страдали от нее, то он разбил свой зимний лагерь в городе карнутов Кенабе и поместил солдат частью в домах галлов, а частью в бараках, которые были построены солдатами и покрыты спешно собранной соломой. Всадников же и пехотинцев из вспомогательных отрядов он послал во все стороны, куда только, по его сведениям, устремлялись враги. И недаром, ибо большей частью наши возвращались с богатой добычей. Суровая зима и страх перед постоянными опасностями сломили карнутов:

¹⁰⁶ См. VII, 90.

лишенные крова, они нигде не осмеливались задерживаться на более или менее долгое время, а в жестокие морозы даже в лесах не находили себе достаточной защиты. Поэтому, потеряв много народа, они рассеялись и разбежались по соседним общинам.

6. Цезарь считал достаточным в это суровое время года разгонять собиравшиеся отряды неприятелей, чтобы помешать возникновению новой войны, и, насколько можно было рассчитывать, был уверен в том, что к началу лета дело не дойдет до большой войны. Поэтому он оставил два своих легиона под командой Г. Требония на зимних квартирах в Кенабе, а сам выступил в поход против белловаков. А именно часто отправляемые ремами послы извещали его о том, что белловаки¹⁰⁷, превосходившие военной славой всех галлов и бельгов, вместе с соседними племенами под предводительством белловака Коррея и атребата Коммия собирают войска и стягивают их в одно место, чтобы всей массой обрушиться на страну подчиненных ремам суессионов. Считая делом не только своей чести, но и своей безопасности оградить заслуженных перед римским государством союзников от всякого рода бедствий, Цезарь снова вызвал с зимних квартир 11-й легион, а к Г. Фабию послал письмо с приказом провести в область суессионов свои ДЕЭ легиона и взял у Т. Лабиена один из двух его легионов. И вот, в то время как сам он был непрерывно занят, тяжесть этих отдельных экспедиций он распределил между легионами по очереди, насколько это позволяло положение зимних лагерей и его оперативный план.

7. Собрав все эти силы, он выступил против белловаков и, разбив лагерь в их стране, послал по всем направлениям эскадроны всадников для захвата пленных, от которых можно было бы узнать о намерениях врагов. Всадники исполнили

¹⁰⁷ См. VII, 59.

поручение и сообщили, что лишь немногих они нашли в домах, да и эти последние отнюдь не оставались там для обработки полей (ибо повсюду было произведено повальное выселение), но были отправлены сюда назад для разведок. На свои расспросы о том, где находятся главные силы белловаков и каковы их планы, Цезарь получил ответ, что белловаки, способные носить оружие, собрались в одно место, а с ними также амбианы, аулерки, калеты, велиокассы и атребаты; для лагеря они выбрали возвышенность в лесу, окруженную болотами, а весь обоз направили в более отдаленные леса. Войной руководят несколько князей, но масса слушается главным образом Коррея, который известен как заклятый враг римского народа. Несколько дней тому назад из этого лагеря отправился атребат Коммий привести вспомогательные войска от германцев, живущих в ближайшем соседстве и необыкновенно многочисленных. В случае подтверждения слуха, что Цезарь наступает только с тремя легионами, князья и особенно народ белловаков единогласно и с редким единодушием решили дать ему сражение, чтобы потом не быть вынужденными вести решительную борьбу со всем войском при худших и более тяжких условиях. Если же при нем больше сил, то они намерены остаться на избранном ими месте и мешать из засады римлянам добывать фураж, по времени года скудный и разбросанный, а также хлеб и всякий другой провиант.

8. Эти сведения Цезарь получил из нескольких подтверждающих друг друга показаний многих пленных. Признавая, что сообщаемые ему планы врагов разумны и очень далеки от обычной у варваров опрометчивости, он решил всячески позаботиться о том, чтобы внушить врагам презрение к малочисленности его войска и тем вынудить их к сражению. При нем были чрезвычайно храбрые легионы из ветеранов — 7-й, 8-й и 9-й; большие надежды подавала и отборная молодежь 11-го легиона, прослужившая уже восемь лет, но по сравнению с остальными пока еще не приобретшая себе репутации

такой же боевой опытности и храбрости. Поэтому он созвал военный совет и, изложив на нем все поступившие к нему донесения, поднял дух у своих людей. В предположении, что врага можно заманить на сражение кажущимся числом трех легионов, он распределил походные колонны так, чтобы легионы 7-й, 8-й и 9-й шли впереди своего обоза, 11-й легион должен был замыкать всю обозную колонну, впрочем, как это обыкновенно бывает в небольших экспедициях, довольно незначительную: таким образом, врагам должно было броситься в глаза как раз столько боевых сил, сколько они хотели встретить. Построив по этой системе войско приблизительно в виде четырехугольника, Цезарь показывается с ним на глаза врагам скорее, чем они могли этого ожидать.

9. Но когда галлы, о самоуверенных планах которых было сообщено Цезарю, увидели, как легионы, выстроенные точно на поле сражения, приближаются к ним ровным шагом, то они поставили свои войска перед лагерем, не покидая, однако, возвышенности, может быть, из страха перед решительным сражением или же вследствие внезапности наступления, а может быть, и в ожидании того, что наши будут делать. При всем желании дать сражение Цезарь, однако, был изумлен многочисленностью неприятеля и потому стал лагерем против неприятельского лагеря, причем между ними была только не очень широкая долина с довольно отвесными склонами. Этот лагерь он приказал окружить валом в двенадцать футов вышины и на нем устроить соответственно с его высотой небольшой земляной бруствер, далее провести двойной ров в пятнадцать футов ширины с отвесными стенками, поставить на близком расстоянии друг от друга башни в три этажа вышиной и соединить их друг с другом крытыми мостами с небольшими плетеными брустверами из хвороста для защиты их передних сторон. Таким образом, лагерь был защищен от неприятелей двойным рвом и двойным рядом

защитников, из которых один ряд тем смелее и дальше мог пускать метательные снаряды, чем безопаснее было его положение вверху на мостах, а другой, расположенный на самом валу, ближе к неприятелю, был прикрыт мостом от падающих на него снарядов. К воротам лагеря были пристроены двустворчатые двери и приставлены еще более высокие башни.

10. Цель этих укреплений была двоякая. Цезарь надеялся, что размеры его работ покажутся варварам признаком его страха и тем прибавят им уверенности. Он понимал, что ввиду необходимости отправляться за фуражом и за хлебом довольно далеко, его лагерь даже при малочисленной охране может быть защищен своими собственными укреплениями. Тем временем часто происходили стычки, но с обеих сторон обыкновенно выбегало лишь по несколько человек, так как между обоими лагерями было болото. Впрочем, иногда либо галлы и германцы из наших вспомогательных отрядов переходили через это болото и энергично преследовали врагов, либо, в свою очередь, враги тем же путем переправлялись через него и оттесняли наших назад. Но при ежедневных фуражировках случалось то, что неизбежно должно было случаться при добывании фуража из отдаленных, лежавших вразброс дворов, именно что фуражиров, рассеявшихся по мало удобным местам, окружали. Это обстоятельство причиняло нашим небольшие потери лошадьми и рабами, но зато развивало у варваров нелепые фантазии, тем более что Коммий, который, как я указал, отправлялся за помощью к германцам, теперь вернулся с конным отрядом. Хотя численность его не превышала пятисот человек, но прибытие германцев, разумеется, увеличило надменность галлов.

11. Цезарь замечал, что враги уже несколько дней держатся в своем лагере, прикрытом болотом и от природы защищенном; вместе с тем он видел, что штурм этого лагеря

потребовал бы кровопролитного боя, а окружение всего этого места укреплениями возможно было бы при наличии более многочисленного войска. Поэтому он послал письмо к Требонию с приказом как можно скорее вызвать 13-й легион, зимовавший под командой легата Т. Секстия в стране битуригов, и, таким образом, идти с тремя легионами ускоренным маршем на соединение с ним; сам же он разослал для прикрытия фуражировок всадников, вызванных им в большом количестве из племени ремов, лингонов и других, для отражения внезапных неприятельских набегов.

12. Это происходило каждый день. Как обыкновенно и бывает, с течением времени к этому привыкли и потому уменьшили свою бдительность. Тогда беллоаки, узнав ежедневное расположение наших кавалерийских постов, поместили в засаду в лесистой местности отборный отряд пехоты, а на следующий день послали туда же конницу, чтобы сначала заманить наших, а затем окружить и атаковать. Этот несчастный жребий пал на ремов, которые в этот день должны были нести сторожевую службу. А именно, как только они вдруг заметили неприятельских всадников и при своем численном превосходстве презрительно отнеслись к малочисленному неприятелю, они стремительно помчались в погоню и были со всех сторон окружены пехотинцами. Это привело их в замешательство и заставило отступить скорее, чем это обыкновенно бывает в конных сражениях. При этом они потеряли начальника конницы, князя своей общины Вертиска: этот последний по своему преклонному возрасту с трудом мог сидеть на коне, но, соблюдая галльский обычай, не воспользовался ссылкой на свой возраст для отказа от должности начальника конницы, равно как и не пожелал, чтобы сражение происходило без него. Удачное сражение и смерть князя и командира ремов повысили надменность, неприятелей, а наших понесенный ими урон научил ставить

посты после более тщательного обследования местности и соблюдать меру в преследовании отступающего врага.

13. Тем временем в виду обоих лагерей у бродов и переправ через болото постоянно происходили ежедневные стычки. Во время одной из них германцы, которых Цезарь перевел через Рейн, чтобы они пешими сражались в рядах конницы¹⁰⁸, с большой решительностью все до одного перешли через болото; перебили тех немногих неприятелей, которые попытались оказать им сопротивление, и упорно стали преследовать остальную массу. Тогда не только те, которых избивали в рукопашном бою или ранили издали, но и те, которые обыкновенно стояли довольно далеко в резерве, обратились в ужасе в позорное бегство и, часто теряя возвышенные пункты, не переставали бежать, пока не спаслись в свой лагерь, а некоторые от стыда бежали еще дальше за лагерь. Это положение вызвало во всем их войске такое смятение, что трудно было решить, что у них преобладало: надменность при ничтожных успехах или страх при незначительной неудаче.

14. Галлы простояли еще несколько дней в том же лагере. Но когда они узнали о приближении легионов и легата Г. Требония, то вожди белловаков, боясь осады, подобной осаде Алесии¹⁰⁹, выслали из лагеря ночью всех стариков, слабосильных и безоружных и вместе с ними остальной обоз. Но пока они развешивали эту беспорядочную и нестройную колонну (дело в том, что за галлами даже при их движении налегке обыкновенно идет множество повозок), показался уже дневной свет. Тогда они выстроили перед своим лагерем вооруженные силы, чтобы не дать римлянам начать преследование прежде, чем их обоз не отойдет на значительное расстояние. Однако Цезарь, ввиду очень крутого подъема на

¹⁰⁸ См. VII, 65.

¹⁰⁹ См. VII, 69.

холм, не считал нужным нападать ни на сопротивляющихся, ни на отступающих; но все-таки он находил полезным придвинуть свои легионы настолько, чтобы очищение позиции под напором наших солдат не прошло без большой опасности для неприятелей. Он видел, что лагери разделяет трудно проходимое болото и что именно трудность переправы может замедлить быстроту преследования; вместе с тем тот хребет, который тянулся по ту сторону болота почти до самого неприятельского лагеря, был отделен от последнего небольшой долиной. Поэтому он проложил через болото мосты, перевел по ним легионы и быстро дошел до верхней площадки хребта, которая с обоих боков прикрывалась крутым спуском. Построив на ней свои легионы, он дошел до конца этого хребта и поставил войска в боевую линию на таком месте, с которого можно было обстреливать неприятельские колонны из метательных машин.

15. Варвары в твердой надежде на свою позицию не отказывались от сражения в случае, если римляне сделают попытку подняться для штурма на холм; с другой стороны они не решались отводить свои силы отдельными отрядами, чтобы они не пришли поодиночке в расстройство. Поэтому они продолжали стоять в боевом порядке. Поняв причину их упорства, Цезарь приготовил к бою двадцать когорт и приказал остальным разбить на этом месте и укрепить лагерь. По окончании всех этих работ он поставил перед валом все легионы в боевом порядке и распределил всадников по постам с приказом не разнуздывать лошадей. Белловаки увидели, что римляне готовы к преследованию и что им самим на этой позиции нельзя без большой опасности провести ночь и вообще оставаться хотя бы даже некоторое время. Тогда они придумали такой способ отступления. Передавая друг другу, по своему обыкновению, из рук в руки связки соломы и хворосту, имевшихся у них в большом количестве, они сложили

их перед фронтом и при наступлении ночи по данному сигналу одновременно зажгли. Этот сплошной огонь вдруг скрыл у римлян из виду все неприятельские войска, и тогда они немедленно с необыкновенной быстротой убежали.

16. Хотя Цезарь из-за огня не мог заметить отхода врагов, но в предположении, что это было предпринято с целью прикрыть бегство, он продвинул вперед легионы и послал конные эскадроны в погоню. Но сам он стал двигаться медленно из боязни засады, именно того, что, может быть, враги продолжают удерживать ту же позицию и пытаются заманить наших на невыгодное место. Всадники боялись въезжать в дым и в густые волны огня, а если некоторые из них в своем увлечении и попадали туда, то с трудом различали головы своих собственных лошадей и из боязни засады также дали белловакам возможность вполне беспрепятственно отступить. Таким образом, враги, обнаружив в этом бегстве столько же страха, сколько хитрости, без всяких потерь ушли миль на десять вперед и расположились лагерем в весьма защищенной местности. Часто высылая отсюда в засаду конные и пешие отряды, они причиняли римлянам большой урон при их фуражировках.

17. После нескольких подобных нападений Цезарь узнал от одного пленного, что вождь белловаков Коррей выбрал шесть тысяч человек из самых храбрых пехотинцев и тысячу человек из всей конницы для засады в такой местности, куда, по его предположению, ввиду обилия фуража и хлеба, римляне должны были послать отряд фуражиров. Узнав об этом замысле врага, Цезарь вывел большее, чем обыкновенно, число легионов и послал вперед конницу, как это он обычно делал для прикрытия фуражиров. Ее ряды он пополнил легковооруженной пехотой и сам двинулся с легионами со всей возможной быстротой.

18. Враги выбрали для своей засады открытое поле, которое тянулось по всем направлениям не более, чем на тысячу

шагов, и было защищено со всех сторон лесами или же очень трудно проходимой рекой, и всю эту местность оцепили, точно облавой, своими скрытыми отрядами. Наши, зная о замысле врагов, появились там эскадронами в полном вооружении и с боевым воодушевлением, готовые на какое угодно сражение в надежде на поддержку следовавших за ними легионов. Их приближение внушило Коррею мысль, что теперь настал удобный момент для боя; и прежде всего он показался с небольшими отрядами, с которыми и напал на ближайшие к нему эскадроны. Наши мужественно выдержали это нападение, не скопясь в слишком большом количестве в одном месте: это обыкновенно случается в конных сражениях от какого-либо испуга сражающихся, и тогда уже многочисленность людей бывает причиной большого урона.

19. В то же время как наши эскадроны находились в разных местах и для боя выступали по очереди отдельные небольшие группы, задерживая обход с флангов, из лесов делают вылазку все остальные на помощь сражавшемуся Коррею. Начинается в разных пунктах упорное сражение и идет некоторое время без перевеса для той или другой стороны, пока из лесов не вышла в боевом порядке вся пехотная масса, которая и заставила наших всадников отступить; но к ним на помощь скоро подошли легковооруженные пехотинцы, которые, как я указал, были отправлены впереди легионов. Они заняли места среди эскадронов и начали мужественно сражаться. Бой идет некоторое время с одинаковым напряжением; но затем, как это вообще бывает в сражениях, те, которые выдержали первое нападение из засады, одерживают верх уже потому, что не были застигнуты врасплох и не понесли от нападающих никакого урона. Между тем ближе подходят легионы, и одновременно разносится и среди наших и среди врагов весть, что идет сам император с готовыми к бою силами. Эта уверенность в поддержке со стороны когорт заставляет наших

сражаться с особой энергией, очевидно, чтобы в случае замедления не пришлось делить победную славу с легионами. Враги падают духом и стараются спастись бегством по разным направлениям. Но напрасно: ибо те топографические трудности, которыми они хотели поставить в безвыходное положение римлян, теперь опутали их самих. Побежденные, разбитые, потеряв большую часть своих людей, они в паническом страхе бегут частью в леса, частью за реку, но бегущих наши энергично преследуют и уничтожают. Тем временем Коррей, которого никакая беда не могла сломить, не пожелал оставить поле сражения и бежать в лес; не склонило его к сдаче и приглашение со стороны наших, но он продолжал очень храбро сражаться и многих ранил, пока не вынудил озлобленных победителей забросать его копьями.

20. После такого успеха Цезарь имел основание думать, что сломленные этим поражением враги тотчас же по получении известия о нем должны немедленно очистить место, где стоял лагерь, находившийся от этого побоища, по слухам, на расстоянии около восьми миль. Поэтому он решил не терять результатов только что одержанной победы. Хотя перед ним была трудно проходимая река, однако, он по горячим следам переправился через нее с войском и двинулся вперед. Но белловаки и остальные племена, к которым против их ожидания спаслись бегством лишь незначительные остатки их войск и притом израненные и уцелевшие от гибели только благодаря лесам, поняли, что теперь все повернулось против них: Коррей убит, конница и храбрейшая часть пехоты погибла, приближение римлян несомненно. Тогда они вдруг созвали трубой собрание и в один голос заявили, что надо послать к Цезарю послов и заложников.

21. Все одобрили это решение, но атребат Коммий бежал к тем германцами, у которых он взял вспомогательные войска для этой войны. Прочие немедленно отправили к Цезарю

послов с просьбой удовлетвориться таким наказанием врагов, которого он при своем милосердии и человеколюбию, разумеется, никогда бы не наложил на них, если бы он мог наказать их, когда у них были свежие силы и они с ним не сражались. Конное сражение сломило силы белловаков; погибло много тысяч человек из отборной пехоты; едва спаслись бегством вестники об этом побоище. Но все-таки, насколько это возможно при такой катастрофе, белловаки извлекли из этого сражения большую пользу, именно, что убит Коррей, инициатор войны, подстрекатель народа; ведь при его жизни сенат никогда не имел такой силы, какую имела невежественная чернь.

22. В ответ на эти просьбы Цезарь указал послам: в прошлом году в то же самое время белловаки и остальные племена начали войну: они одни из всех с величайшим упорством провели свое предприятие до конца, и даже сдача остальных галлов не могла их образумить. Он хорошо знает, что очень удобно сваливать вину на умерших. Но никто не имеет такого влияния, чтобы против воли князей при противодействии сената и сопротивлении всех порядочных граждан, опираясь только на надежную толпу черни, быть в состоянии вызвать войну и вести ее. Тем не менее он готов удовлетвориться тем наказанием, которое они сами на себя навлекли.

23. В следующую ночь послы возвратились к своим с ответом Цезаря, затем собрали должное число заложников. Спешно прибыли послы и от других племен, которые выжидали, чем кончится дело белловаков. Все они дали заложников и исполнили все требования, кроме только Коммия, которому страх мешал доверить свою жизнь кому бы то ни было. Дело в том, что в прошлом году, когда Цезарь производил суд в Ближней Галлии, Т. Лабиэн узнал, что Коммий соблазняет общины к отпадению и устраивает заговор против Цезаря. Он решил, что немедленное пресечение этой измены отнюдь не было бы вероломством. Так как при этом он

не рассчитывал, что Коммий явится на его зов в римский лагерь, то не желая дальнейшими попытками заставить его насторожиться, он послал к нему Г. Волусена Квадрата с поручением постараться под видом переговоров убить его. Для этой цели он дал отборных и подходящих центурионов. Обе стороны сошлись для переговоров, и Волусен, как было условлено, схватил Коммия за руку. Но центуриону — был ли он смущен непривычной задачей, или ему в этом помешали друзья Коммия — не удалось покончить с ним. Впрочем, первым же ударом меча он нанес Коммию тяжелую рану в голову. С обеих сторон схватились за мечи, однако, с целью не столько сразиться, сколько разойтись; наши были уверены, что Коммий смертельно ранен, а галлы, догадавшись о коварном умысле, боялись большего, чем они видели. После этого Коммий, как говорили, решил никогда не показываться ни одному римлянину на глаза.

24. После полной победы над очень воинственными племенами Цезарь видел, что уже ни одна община не собирается подняться на него войной и лишь отдельные люди выселяются из городов и бегут из деревень для избавления от угрожающего им подчинения римской власти. Поэтому он решил разослать свои войска в разные области. Квестора М. Антония с 12-м легионом он взял к себе, легата Г. Фабия послал с двадцатью пятью когортами в самую отдаленную часть Галлии, где, по его сведениям, некоторые племена стояли под оружием, а те два легиона, которые зимовали в тех местностях под начальством легата Г. Каниния Ребила, он считал недостаточно сильными. Т. Лабиэна он вызвал к себе, а бывший при нем на зимних квартирах 15-й легион послал в Ближнюю Галлию для защиты колоний римских граждан, чтобы с ним не случилось такого же несчастья от нашествия альпийских варваров, как прошлым летом с тергестинцами, которые были застигнуты врасплох их внезапным нападением

и ограблены. А сам он выступил для опустошения и разорения страны Амбиорига: потеряв надежду на то, что этот уstraшенный беглец когда-либо попадется ему в руки, он считал неотложным делом своей чести — до такой степени истребить в его стране жителей, дома и скот, чтобы уцелевшие, если только таковые будут, из ненависти к Амбиоригу за свои великие бедствия лишили его всякой возможности вернуться к себе на родину.

25. Когда посланные во все стороны земли Амбиорига легионы и вспомогательные войска разорили всю страну убийствами, пожарами и грабежом, перебили и взяли в плен много народа, то Цезарь послал Лабизна в землю треверов. Это племя, привыкшее вследствие соседства с Германией изо дня в день воевать с ними, по грубости образа жизни мало отличалось от германцев и повиновалось римской власти только тогда, когда его принуждали к этому военной силой.

26. Тем временем легат Г. Каниний узнал из писем и от гонцов Дуратия (последний всегда оставался неизменно верным римлянам, между тем как часть его племени отпала), что довольно большие неприятельские силы собрались в области пиктонов, и потому поспешил к городу Лемону. При приближении к нему он получил более точные сведения от пленных, что вождь андов Думнак с многотысячным войском запер Дуратия в Лемоне и держит в осаде. Не решаясь рискнуть со своими слабыми легионами на сражение, Каниний разбил лагерь на защищенной позиции. Думнак, узнав о его приближении, обратил все свои силы на римские легионы и приступил к осаде римского лагеря. Он потратил несколько дней на штурм, но, несмотря на тяжелые потери, нигде не мог прорвать укреплений и потому снова обратился к осаде Лемона.

27. В то же время легат Г. Фабий, который успел покорить несколько племен и обеспечил себе их верность взятием за-

ложников, получил письмо от Г. Каниния Ребила о происшествии в стране пиктонов. Это известие заставило его двинуться на помощь Дуратию. Но Думнак, узнав о приближении Фабия, потерял всякую надежду на спасение в случае, если он будет вынужден одновременно выдерживать напор внешнего врага и считаться с опасностью со стороны осажденных горожан. Поэтому он поспешно ушел оттуда со своими войсками, причем считал себя в полной безопасности только в случае переправы своего войска через реку Лигер, а через эту большую реку можно было перейти не иначе как по мосту. Фабий, правда, еще не видал неприятеля и не успел еще соединиться с Канинием, но на основании сообщений людей, знавших эту местность, он счел наиболее вероятным, что враги в страхе скорее всего направятся как раз туда, куда они и направились. Ввиду этого он поспешил со своими войсками к тому же мосту, а коннице приказал двигаться впереди легионов, однако лишь настолько, чтобы возвратиться в тот же лагерь, не утомив лошадей. Всадники, как и было указано, пустились в погоню, напали на колонны Думнака, атаковали на походе обремененных поклажей и, обратив их в паническое бегство, многих перебили и захватили большую добычу. После этого удачного дела они вернулись в лагерь.

28. В следующую ночь Фабий послал вперед всадников с определенным поручением завязать сражение и задерживать все силы противников, пока не подойдет он сам. Для точного выполнения этого приказа начальник конницы Кв. Атий Вар, человек редкой храбрости и ума, ободрил своих людей и, догнав неприятельское войско, расположил одну часть эскадронов на удобных местах, а с другой атаковал врага. Неприятельская конница сражалась необыкновенно храбро в надежде на поддержку идущей за ней пехоты. Развертывается упорное сражение. Наши всадники, презирая побежденных накануне врагов и помня, что за ними идут легионы,

очень храбро сражались даже с пехотой; им стыдно было отступать, и они горели желанием своими собственными силами довести сражение до конца. В свою очередь вчерашний опыт внушил неприятелям уверенность в том, что никаких подкреплений больше не подойдет и что теперь им представился случай уничтожить римскую конницу.

29. В то время как сражение некоторое время шло с величайшим напряжением, Думнак построил свою пехоту так, чтобы она могла в определенной очереди поддерживать конницу. Вдруг появляются густые ряды легионов. При виде их поражены были неприятельские эскадроны, пришли в ужас линии пехоты, произошло полное замешательство в обозе, и все с громким криком пустились бежать врассыпную. А наши всадники, до этого очень храбро сражавшиеся с упорным врагом, в увлечении радостью победы подняли отовсюду громкий крик, окружили отступавших и начали избивать их до тех пор, пока хватило силы у коней для преследования, а у людей для нанесения ударов. Таким образом, было перебито более двенадцати тысяч вооруженных или бросивших от страха оружие и захвачен был весь громадный обоз.

30. В числе бежавших был сенон Драппет, который в самом же начале восстания Галлии собрал отовсюду отчаянных людей, призвал к свободе рабов, привлек к себе изгнанников из всех общин, принял даже разбойников и отрезал римлян от их обоза и от подвоза провианта. Теперь стало известно, что он набрал из бежавших около пяти тысяч человек и с ними обратился против Провинции заодно с кадурком Луктерием, который, как сообщено было в предыдущей книге¹¹⁰, в самом начале галльского восстания был намерен напасть на Провинцию. При этом известии легат Каниний поспешил с двумя легионами в погоню за ними, чтобы избежать позора, что

¹¹⁰ См. VII, 5 и 7.

разбойничьи нападения этой отъявленной шайки могут причинить вред Провинции или хотя бы навести на нее страх.

31. Г. Фабий двинулся с остальным войском против карнутов и прочих племен, силы которых, как он знал, понесли большие потери в его сражении с Думнаком. Он не сомневался в том, что недавнее поражение сделает их более покорными, а если дать им побольше времени, то тот же Думнак может снова подстрекнуть их к восстанию. При покорении этих племен Фабию сопутствовало великое счастье, наградившее его быстрым успехом: карнугы, которые, несмотря на частые репрессии, до сих пор не заикались о мире, теперь дали заложников и покорились; так же и остальные племена, жившие на самом дальнем конце Галлии, у берегов Океана и называвшиеся ареморийскими, немедленно по приходе Фабия и его легионов подчинились, по примеру карнутов, всем его требованиям. Думнак был изгнан из своей страны и, скрываясь в одиночестве, был вынужден искать себе убежища в самых отдаленных местах Галлии.

32. А. Драппет и с ним Луктерий при известии о появлении Каниния и его легионов поняли, что их попытка вступить в Провинцию в то время, как их преследует римское войско, может окончиться их несомненной гибелью и что для них отрезана всякая возможность беспрепятственных скитаний и грабежей. Поэтому они остановились в области кадурков, где когда-то в лучшие времена Луктерий имел большую силу у своих сограждан и всегда пользовался у варваров уважением, как зачинщик всякого рода переворотов. Там он занял своими и Драппетовыми отрядами отлично защищенный от природы город Укселлодун, состоявший прежде под его патронатом, и привлек на свою сторону горожан.

33. Поспешно подошедший туда Г. Каниний заметил, что город со всех сторон защищен очень отвесными скалами и что для тяжеловооруженных солдат подъем на них был бы

труден даже при полном отсутствии защитников. С другой стороны, он видел, что в городе находится большой обоз, который, при попытке тайно увезти его, не мог бы уйти не только от конницы, но даже и от тяжеловооруженной пехоты. Поэтому он разделил свои когорты на три отряда и разбил три лагеря на очень высокой позиции. Отсюда он решил мало-помалу, насколько позволяли его относительно небольшие силы, провести вал кругом всего города.

34. Горожане при виде этих мероприятий вспомнили о несчастной участи Алесии¹¹¹ и стали бояться столь же ужасной осады, причем Луктерий, переживший это бедствие, особенно настаивал на необходимости позаботиться о запасах хлеба. Поэтому они единодушно решили оставить в городе только часть сил, а с остальными выступить налегке для доставки в город хлеба. Это предложение было одобрено, и в ближайшую ночь Драппет и Луктерий, оставив в городе две тысячи вооруженных, вывели из него остальных. Через несколько дней они добыли большое количество хлеба в области кадурков, которые отчасти с большой готовностью помогали им в продовольственном деле, отчасти же не могли им помешать в этом. А иногда они оба по ночам делали набеги на наши редуты. Поэтому Г. Каниний перестал спешить с проведением укреплений вокруг всего города из боязни, что он не будет в состоянии охранять все доведенные до конца работы или же ему пришлось бы поставить в очень многих пунктах слишком слабые караулы.

35. Собрав большой запас провианта, Драппет и Луктерий остановились приблизительно в десяти милях от города, чтобы отсюда мало-помалу подвозить провиант в город. Сами они распределили между собой занятия следующим образом: Драппет остался с частью войска для охраны лагеря, а Лукте-

¹¹¹ См. VII, 69.

рий повел обозных животных в город. Расставив по пути караулы, он начал около десятого часа ночи доставку провианта в город лесными и узкими тропинками. Когда лагерные сторожа услышали этот шум и посланные разведчики сообщили, в чем дело, то Каниний быстро напал с вооруженными когортами из ближайших редутов перед рассветом на провожатых обоза. Последние в ужасе от неожиданной беды разбежались под защиту своих караулов. Но когда наши их увидели, то в еще большем озлоблении против вооруженных они не оставили ни одного из них в живых. Луктерий с немногими людьми спасся оттуда бегством, не возвращаясь, однако, в лагерь.

36. После этого удачного дела Каниний узнал от пленных, что часть неприятельских войск находится под командой Драппета приблизительно в двенадцати милях. Удостоверившись в этом из многих других показаний, он понял, что после поражения одного вождя легко уничтожить остальных внезапным нападением, и считал большим счастьем, что из того побоища никто не спасся в лагерь, чтобы принести Драппету весть об этом несчастий. Не видя в этой попытке никакого риска, он выслал вперед к неприятельскому лагерю всю конницу и необыкновенно проворных германских пехотинцев; а сам разделил один легион на три части для охраны трех лагерей, а другой повел с собой налегке. Подойдя ближе к врагам, он узнал от посланных вперед разведчиков, что их лагерь, как это обыкновенно бывает у варваров, лежит не на высоте, а внизу у берега реки и что германцы и всадники налетели врасплох на не ожидавших того врагов и уже завязали с ними сражение. Тогда он приказал легиону изготавиться и повел его в боевом строю на неприятелей. Таким образом, по сигналу, данному со всех сторон сразу, была занята возвышенность. Тогда германцы и всадники при виде легионных знамен стали сражаться с еще большим ожесточением. Когорты немедленно напали со всех сторон, всех

перебили или взяли в плен, а также захватили большую добычу. В этом сражении попал в плен и сам Драппет.

37. После такой большой удачи, не стоившей почти никаких потерь даже ранеными, Каниний снова обратился к осаде города. Теперь, по уничтожении внешнего врага, страх перед которым до сих пор мешал ему разделить свои силы и окончить кольцо укреплений вокруг города, он приказал всюду приняться за эту работу. Туда же на следующий день прибыл со своими войсками Фабий и взял на себя осаду части города.

38. Между тем Цезарь оставил квестора М. Антония с пятнадцатью когортами в стране белловаков, чтобы лишить бельгов всякой возможности вновь поднять восстание. Сам он посетил остальные общины, требуя большого числа заложников и стараясь успокоить всеобщую тревогу утешениями. Наконец, он прибыл в страну карнутов, которые, как рассказано Цезарем в предыдущей книге¹¹², первые начали войну. Он заметил, что в сознании своей вины они особенно беспокоятся, и, чтобы избавить их общину от страха, потребовал выдачи на казнь Гутруата, который первый начал это преступное дело и подстрекнул народ к войне. Хотя он не доверялся даже своим согражданам, однако все постарались быстро разыскать его и доставить в лагерь. Вопреки своему характеру, Цезарь вынужден был отдать его на казнь сбежавшейся большой толпе солдат, которые именно ему приписывали все военные опасности и потери, так что в конце концов они забили его до смерти и затем обезглавили¹¹³.

39. Здесь Цезарь узнал из частых писем Каниния о судьбе Драппета и Луктерия и о продолжающемся упорстве горожан. Правда, он презирал их малочисленность, но все-таки признавал необходимым подвергнуть их за упорство при-

¹¹² См. VII, 2 и 3.

¹¹³ См. VI, 44.

мерному наказанию, чтобы у всех галлов выбить из головы мысль, что для сопротивления римлянам им нехватило не столько сил, сколько выдержки, и чтобы по их примеру остальные племена не вздумали, в расчете на выгоды своего местоположения, начать борьбу за свое освобождение, — тем более, что все галлы знали, что осталось только одно лето цезаревского наместничества и что если им удастся продержаться только это лето, то никакие дальнейшие опасности им не страшны. Поэтому он оставил там Кв. Калена во главе легионов с приказанием идти за ним следом обычным маршем; а сам со всей конницей поспешил ускоренными переходами к Канинию.

40. Появившись против всеобщего ожидания под Укселлодуном, Цезарь нашел, что город уже со всех сторон отрезан осадными укреплениями и что осада ни при каких условиях не может быть снята. Узнав вместе с тем от перебежчиков, что горожане в изобилии снабжены хлебом, он сделал попытку отрезать неприятелей от воды. Внизу, посреди глубокой долины, окружавшей почти всю гору, на обрывах которой был расположен город Укселлодун, текла река. Отвести ее было невозможно по условиям самой местности; она шла у самой подошвы горы так, что ни в какую сторону нельзя было провести глубоких отводных каналов. Но все-таки для горожан было трудно спускаться к ней по крутизне, и если бы наши стали им в этом препятствовать, то они не могли бы ни подойти к реке без риска быть ранеными или убитыми, ни вновь подняться по крутому склону. Поняв эти их затруднения, Цезарь расставил посты стрелков и пращников, а на некоторых пунктах напротив самого легкого спуска из города установил метательные машины и таким образом старался отрезать горожан от воды.

41. С этого времени вся масса ходивших за водой стала собираться в одно место непосредственно у основания городской

стены, где пробивался могучий источник, именно на той стороне города, которая на протяжении приблизительно трехсот футов не была окружена рекой. Все желали отрезать горожан от этого источника, но только Цезарь нашел к этому средство; он повел против него на гору подвижные галлерей и начал строить плотину, — что, впрочем, потребовало большого труда при постоянной борьбе с неприятелем. Действительно, горожане сбегали сверху, поддерживали без опасностей, для себя перестрелку издали и ранили многих из наших, которые упорно продвигались вперед. Однако это не отпугивало наших солдат: они продолжали придвигать подвижные галлерей («винеи») и упорной работой над плотиной преодолевать естественные затруднения. В то же время они проводят из галлерей подземные ходы к самой артерии источника, — работа, которую можно было производить вполне безопасно и не вызывая у врага никаких подозрений. Выстраивается плотина в шестьдесят футов вышины, и на ней устанавливается башня в десять этажей — не с тем, конечно, чтобы достигнуть высоты городских стен (это было невозможно ни при каких угодно осадных работах), но чтобы она была выше верхней части источника. С этой башни начали обстреливать из метательных машин самый подход к источнику, так что горожане могли только с большой опасностью добывать воду. Таким образом, гибли от жажды не только все животные, мелкие и крупные, но и множество людей.

42. В ужасе от этого бедствия горожане стали наполнять бочки салом, смолой и щепками, зажигали и скатывали их на римские осадные верки, а в то же время отчаянно сражались, чтобы угрозой нападения отвлечь римлян от тушения. В самих верках вдруг вспыхнул большой пожар, ибо весь горючий материал, который скатывался по обрыву, задерживался галлерейми и плотиной, но именно то, что его задерживало, само от него и загоралось. Но хотя наши солдаты и страдали от такой опасной борьбы и от неудобной местности, однако все это они

выносили с величайшим мужеством. Борьба шла на очень высоком пункте на глазах у нашей армии и при громком крике с обеих сторон. И вот, чем более кто был замечен, тем более он подставлял себя под неприятельские выстрелы и огонь, чтобы его храбрость становилась для всех еще очевиднее.

43. Замечая, что многих из наших солдат ранят, Цезарь приказал когортам со всех сторон двинуться вверх по горе к городу и повсюду поднять громкий крик, как бы с намерением взять штурмом самые стены. Это устрасило горожан, и, не зная, что делается в других местах, они отозвали своих бойцов от штурма укреплений и расставили их по стенам. Так как сражение у верхов окончилось, то наши быстро потушили пожар, охвативший работы, и отчасти не дали ему дальнейшего распространения. Тем не менее горожане продолжали упорно сопротивляться, и хотя у них очень много народа погибло от жажды, не оставляли своей решимости, пока, наконец, подземными ходами не были перехвачены и отведены в сторону жилы их источника. Таким образом, этот живой ключ вдруг иссяк и поверг граждан в полное отчаяние, так что они объясняли это событие не изобретательностью людей, но волей богов. Вследствие этого они по необходимости должны были сдаться.

44. Цезарь знал, что его мягкость всем известна, и не имел оснований бояться, что какую-либо слишком суровую его меру будут истолковывать как проявление прирожденной жестокости. Но вместе с тем он не видел конца своему предприятию, если, подобно кадуркам и их союзникам, несколько племен сразу будут поднимать восстания. Поэтому он решил устрасить остальных примерной карой: всем, кто носил оружие, он приказал отрубить руки, но даровал им жизнь, чтобы тем нагляднее было наказание за их преступления. Драппет, который, как я указал¹¹⁴, был взят в плен Канинием, несколько

¹¹⁴ См. гл. 36.

дней воздерживался от пищи и этим покончил с собой, может быть, потому, что был возмущен и озлоблен наложением цепей, а может быть, из страха перед более тяжелой казнью. В то же время Луктерий, который, как я писал¹¹⁵, спасся из сражения бегством, попал в руки арверна Эпаснакта: часто меняя места, он укрывался то у того, то у другого, так как, очевидно, нигде не мог себя чувствовать долгое время в безопасности и хорошо знал, как его должен ненавидеть Цезарь. Арверн Эпаснакт как верный друг римского народа без всяких колебаний доставил его в цепях Цезарю.

45. Между тем Лабизн имел удачное конное сражение в стране треверов и, перебив много треверов и германцев, захватил в свои руки живыми князей, в том числе эдуа Сура, который отличался величайшей храбростью и знатностью рода и единственный из всех эдуев до сих пор не положил оружия.

46. Это известие убедило Цезаря в том, что во всех областях Галлии его дела идут хорошо и что за истекшее лето Галлия вполне побеждена и покорена. Но он сам еще ни разу не был в Аквитании, которая только отчасти была побеждена П. Крассом¹¹⁶, и потому отправился с двумя легионами в эту часть Галлии, чтобы там закончить свою летнюю кампанию. И эту операцию он исполнил с обычной быстротой и удачей. Все аквитанские общины прислали к Цезарю послов и дали ему заложников. После этого сам он с конным отрядом отправился в Нарбон, а армию поручил своим легатам отвести на зимние квартиры: четыре легиона он разместил в Бельгии под командой легатов М. Антония, Г. Требония и П. Ватиния, два легиона были отведены в область эдуев, которые, как ему было известно, пользовались во всей Галлии величайшим авторитетом, два оставлены были в стране туронов на границе

¹¹⁵ См. гл. 35.

¹¹⁶ См. III, 20—27.

карнутов, чтобы держать в повиновении всю ту прилегающую к Океану страну, два остальные должны были стоять в стране лемовиков недалеко от арвернов, чтобы, таким образом, ни одна часть Галлии не оставалась не занятой римским войском. Сам он пробыл несколько дней в Провинции. Там он поспешно объехал все судебные округа, разобрал общественные тяжбы и наградил людей заслуженных: ему было очень легко познакомиться с поведением и настроением жителей во время восстания всей Галлии, с которым он оправился благодаря верности и поддержке Провинции. После этого он вернулся к легионам в Бельгию и провел зиму в Неметокенне.

47. Здесь он узнал, что атребат Коммий имел сражение с римской конницей. Племя атребатов, когда у них занял зимние квартиры Антоний, оказывало нам полное повиновение, но Коммий после вышеупомянутого своего поражения¹¹⁷ при всех волнениях постоянно был к услугам своих сограждан, чтобы у них при всякого рода попытках восстания всегда был налицо зачинщик войны и предводитель. И вот в то время как община держалась по отношению к римлянам смирно, он с своими всадниками жил грабежом, делал небезопасными пути сообщения и часто перехватывал провиант, шедший для римского зимнего лагеря.

48. К Антонию на зимнее время был прикомандирован начальник конницы Г. Волусен Квадрат. Его-то Антоний и послал для преследования неприятельской конницы. У Волусена с его выдающейся храбростью соединялась личная ненависть к Коммию, и тем приятнее для него было исполнение этого приказа. И вот, устраивая засады, он часто нападал на его всадников и давал им удачные сражения. Последний раз, когда бой был особенно ожесточенным, Волусен, из желания

¹¹⁷ См. гл. 23.

поймать самого Коммия, упорно гнался за ним в сопровождении лишь немногих всадников. Тот бросился бежать и довольно далеко завлек Волусена, а затем вдруг, охваченный враждой к нему, стал взывать к своим о защите и помощи, заклиная их не оставлять безнаказанным вероломного нанесения ему ран, повернул коня и опрометью поскакал на Волусена. То же делают все его всадники, и так как наших было немного, то их обращают в бегство и преследуют. Коммий, прищипорив коня, сталкивается с конем Квадрата, изо всех сил пускает в Волусена пику и попадает ему в самое бедро. Как только начальник был ранен, наши без колебания остановились, повернули коней и отбросили врага. А затем многие из неприятелей, пораженные сильной атакой наших, были ранены и отчасти раздавлены в бегстве, отчасти взяты в плен. Их предводитель избежал опасности только благодаря скорости своего коня, а очень тяжело раненного начальника конницы отнесли в лагерь. Утолил ли Коммий свой гнев или же был потрясен большими потерями в своем отряде, во всяком случае он отправил к Антонию послов и, дав заложников, обещался быть там, где ему будет предписано. Он просил только об одном, чтобы принят был во внимание его страх встречи с глазу на глаз с каким бы то ни было римлянином. Антоний признал этот страх и обусловленное им желание основательными, согласился на его просьбу и принял заложников.

* * *

Я знаю, что Цезарь посвящал каждому отдельному году особую книгу своих записок. Но я не нашел этого возможным, так как в следующем году, в консульство Л. Павла и Г. Марцелла, в Галлии не было никаких особенно важных событий. Но чтобы знали, в каких местах находился в то время Цезарь с своим войском, я счел нужным вкратце об этом сообщить и присоединить к этой книге.

49. В то время, когда Цезарь зимовал в Галлии, его единственной целью было сохранять дружественные отношения с общинами, ни в одной из них не возбуждать излишних надежд на восстание и не подавать повода к нему. Менее всего хотел бы он быть поставленным в необходимость вести какие бы то ни было военные действия перед самым своим уходом, чтобы не оставлять за собой при выходе своей армии из Галлии такой войны, которую охотно предприняла бы вся Галлия, почувствовав себя свободной от непосредственной опасности. Поэтому он обращался к общинам в лестных выражениях, их князей осыпал наградами, не налагал никаких тяжелых повинностей и вообще старался смягчить для истощенной столькими несчастливыми сражениями Галлии условия подчинения римской власти. Таким путем он без труда поддерживал в ней спокойствие.

50. Сам он по окончании зимы против обыкновения двинулся самым скорым маршем в Италию, чтобы лично обратиться к муниципиям и колониям¹¹⁸, которым он еще раньше рекомендовал поддержать кандидатуру своего квестора М. Антония, домогавшегося жреческого сана¹¹⁹. Он охотно употреблял свое влияние в пользу своего близкого друга, которого сам незадолго до того послал (в Рим) для домогательства; но особенно он это делал в противовес могущественной кучке олигархов, которые страстно желали провалить

¹¹⁸ Муниципии (*municipia*), итальянские города с местным автономным устройством, в эту эпоху пользовались полными гражданскими правами; но в Цисальпийской Галлии были города, которые имели так называемое латинское право (*ius Latii*, буквально: «право Лациума»); полными правами римского гражданина, в частности правом выбора в римских комициях, в этих городах пользовались только бывшие магистраты. Вот эти города и надо видеть в колониях, о которых говорит Гирций.

¹¹⁹ На 49 год до н. э.

М. Антония и тем сломить влияние Цезаря при его уходе из Галлии. Хотя Цезарь уже на дороге, еще до своего появления в Италии, услышал, что Антоний выбран в авгуры, однако он нашел вполне целесообразным посещение муниципиев и колоний, чтобы поблагодарить их за услугу, которую они оказали Антонию своими многочисленными голосами, и вместе с тем ходатайствовать о поддержке своего собственного консульства на будущий год — тем более, что его противники надменно хвастались тем, что выбраны в консулы Л. Лентул и Г. Марцелл с целью отобрать у Цезаря всякие почести и должности и что вырвано консульство у Сервия Гальбы за то, что он связан был с ним узами личной дружбы и продолжительной совместной службой в качестве его легата, хотя Гальба и по своему влиянию, и по числу избирателей далеко оставлял за собой своих соперников¹²⁰.

51. Прибытие Цезаря было встречено всеми муниципиями и колониями с необыкновенным почетом и любовью. Ведь тогда он впервые возвращался туда после полного окончания войны со всей Галлией. Придумывалось все возможное для украшения ворот, дорог и всех мест, где должен проходить Цезарь. Навстречу ему выходило все население вместе с детьми, повсюду закалялись жертвы, на площадях и перед храмами установлено было множество столов с яствами для богов, точно это было предвкушением радостного и желанного триумфа. Так велики были пышная щедрость людей богатых и восторг народа.

52. Быстро объехав все области Ближней Галлии, Цезарь очень поспешно вернулся к своей армии в Неметокенну, затем вызвал все легионы с зимних квартир к границе тревиров и там произвел смотр всей армии. Т. Лабиэна он поставил во главе Ближней Галлии, чтобы при его содействии еще больше рас-

¹²⁰ Ср. III, 1.

положить население в свою пользу при соискании консульства. А сам он двигался с легионами и менял места лишь постольку, поскольку это сообразовалось с санитарным состоянием армии. На пути он часто слышал, что его враги соблазняют Лабиена, и получал прямые известия о том, что олигархи задумывают путем специального сенатского постановления лишить его части войска. Однако он не дал никакой веры слухам о Лабиене, но не мог и решиться на какое-либо противодействие воле сената, в полном убеждении, что при независимости голосования сенаторов его дело легко пройдет. В самом деле, народный трибун Г. Курион¹²¹, который взял на себя защиту дела Цезаря и его права на почесть, часто заявлял в сенате: *если кого-нибудь беспокоит страх перед вооруженными силами Цезаря, то ведь и владычество Помпея и его силы внушают далеко не малый ужас форуму; в таком случае оба должны разоружиться и распустить свои армии, и тогда республика будет свободной и независимой*. И он не только уверял в этом, но даже пытался провести соответственное голосование сената. Но этому настойчиво воспротивились консулы и друзья Помпея и, затянув прения, не дали состояться постановлению.

¹²¹ По свидетельству историка Веллея Патеркула (II, 48), Плутарха («Биография Помпея», гл. 58) и Аппиана («Гражданские войны», II, 26), Курион Младший, «беспутный гений» (*homo ingeniosissime nequam*), блестящий оратор, сначала был яростным противником Цезаря, но, получив от него громадную взятку, перешел на его сторону, искусно маскируясь на первых порах беспартийным борцом за республику: так, когда враги Цезаря требовали, чтобы Цезарь распустил свое войско перед возвращением в Рим, Курион настаивал на том же и по отношению к Помпею. При разрыве Цезаря с сенатом Курион вместе с народными трибунами Кв. Кассием и М. Антонием бежал к Цезарю. Получив от него наместничество в Сицилии и Африке, он погиб в сражении с нумидийским царем Юбой, сторонником Помпея, и все его войско было уничтожено (Цезарь, Гражданская война, I, 30; II, 23—43).

53. Это было важное свидетельство относительно воли всего сената, и оно согласовалось с более ранним фактом. А именно в прошлом году Марцелл в своих нападках на официальное положение Цезаря, вопреки закону Помпея и Красса¹²², внес в сенат досрочный доклад о цезаревских провинциях; после прений Марцелла, всячески желавший возвыситься за счет Цезаря, приступил к голосованию, но сенат большинством голосов отверг его доклад. Однако это не сломило врагов Цезаря, но только побудило их заручиться еще более сильными связями, чтобы принудить сенат к полному одобрению их собственных решений.

54. Затем состоялось постановление сената о том, что Гн. Помпей и Г. Цезарь должны дать по одному легиону для войны с парфянами. Этим самым явно отнимались два легиона у него одного. Ибо Гн. Помпей дал как бы от себя лично 1-й легион, который набран был в цезаревской провинции и им самим до этого был уступлен Цезарю¹²³. Однако Цезарь, хотя намерения его противников не вызывали в нем уже никаких сомнений, вернул этот легион Помпею, а от себя отправил согласно с постановлением сената 15-й легион, стоявший до сих пор в Ближней Галлии. На его место он перевел в Италию 13-й легион для охраны тех укрепленных пунктов, из которых уходил 15-й легион. Сам он следующим образом распределил армию по зимним квартирам: Г. Требоний должен был стоять с четырьмя легионами в Бельгии, а Г. Фабий со столькими же двинуться в область эдуев. Цезарь думал обеспечить спокойствие Галлии тем, что его войска будут держать в повиновении бельгов как самых храб-

¹²² Собственно это был закон Требония (в 55 году до н. э.), поддержанный Крассом и Помпеем, о продолжении проконсульства Цезаря на пять лет.

¹²³ Ср. VI, 1.

рых среди галльских племен и эдуев, самых авторитетных. Сам он отправился в Италию.

55. Прибыв туда, он узнал, что два отосланных им легиона, которые по постановлению сената должны двинуться на войну с парфянами, переданы, по распоряжению консула Г. Марцелла, Гн. Помпею и удерживаются в Италии. Хотя теперь уже ни для кого не оставалось сомнения относительно того, что предпринимается против Цезаря, однако Цезарь твердо решил выносить все, пока будет оставаться хоть малейшая надежда разрешить спор на почве закона, а не путем войны.

Г. Юлий Цезарь

Гражданская война (Bellum civile)

Книга первая

1. Когда письмо Цезаря¹ было вручено² консулам,³ то лишь с трудом и благодаря величайшей настойчивости народных трибунов⁴ удалось добиться от них прочтения его в сенате; однако добиться, чтобы на основании этого письма был сделан доклад сенату, они не могли. Консулы делают общий доклад о положении государства⁵. Консул Л. Лентул обещает деятельную помощь сенату и государству, *если сенаторы пожелают высказывать свои мнения смело и мужественно; если же они будут считаться с Цезарем и искать его расположения, как они это делали в прежние времена, то он будет заботиться только о своих интересах и не станет соотноситься с волей сената: он также сумеет найти путь к расположению и дружбе Цезаря*⁶. В том же смысле высказывается и Сципион⁷:

¹ В этом «полном угрозы и резком» письме (Cicer. ad fam. 11., XVI, 11, 2) Цезарь перечислял свои заслуги и соглашался распустить свое войско, если и Помпей сделает то же; в противном случае он недвусмысленно заявлял о своей готовности постоять за себя и за республику (Аппиан. Гражданские войны, II, 32).

² Консулами 49 года до н. э. были Л. Корнелий Лентул Крус и Г. Клавдий Марцелл.

³ Письмо было передано Курионом.

⁴ М. Антония и Кв. Кассия Лонгина.

⁵ Сенат мог принимать решения только на основании доклада (relatio) председательствующего консула. В данном случае консулы ограничились докладом об общем положении государства и не допустили голосования на основании содержания письма Цезаря.

⁶ Ходили слухи (Cicer. ad Attic., VIII, 9 и 11), что Цезарь намере-

Помпей готов помочь государству, если сенат пойдет за ним; но если сенат будет медлить и действовать слишком мягко, то, хотя бы впоследствии сенат и пожелал обратиться к нему с просьбой о помощи, все мольбы будут напрасными.

2. Эта речь Сципиона — ввиду того, что сенат заседал в городе и Помпея там не было⁸, — казалась исходившей из уст самого Помпея. Кое-кто попробовал было сделать более умеренные предложения. Так поступил прежде всего М. Марцелл⁹, высказывавшийся сначала в том смысле, что об этом деле уместно докладывать сенату только тогда, когда будет произведен по всей Италии набор и будут сформированы армии, чтобы таким образом сенат, обеспеченный этой охраной, имел смелость принимать самостоятельные решения согласно со своими убеждениями; далее М. Калидий¹⁰, предлагавший, чтобы Помпей отправился в свои провинции для устранения всякого повода к войне, и утверждавший, что Цезарь, у которого отняли два легиона¹¹, боится того, что Помпей, по всей видимости, желает употребить их против него и потому держит их в окрестностях Рима; к предложению Калидия присоединился с кое-какими оговорками М. Руф¹². На всех на них напал с резкими порицаниями кон-

вался склонить на свою сторону консула Лентула за крупное вознаграждение.

⁷ Отец Корнелии, последней жены Помпея.

⁸ Как проконсул Помпей не мог вступить в Рим (*intra pomerium*), не сложив с себя власти.

⁹ Консул 51 года до н. э.

¹⁰ Известный оратор (Cicero. Brutus, § 274), цезарианец.

¹¹ См. В. G., VIII, 54.

¹² М. Целий Руф, известный оратор, первоначально сторонник Цицерона и Помпея. В начале гражданской войны перешел на сторону Цезаря, но, недовольный своим положением, восстал против него (III, 20—22).

сул Л. Лентул. Лентул заявил, что предложения Калидия он вообще не поставит на голосование. Марцелл, уstraшенный этой бранью, отказался от своего предложения. И, таким образом, под влиянием окриков консула, страха перед стоявшим вблизи войском и угроз друзей Помпея, большинство против воли и по принуждению присоединяется к предложению Сципиона, которое гласило: *Цезарь должен к известному сроку распустить свою армию; в противном случае придется признать, что он замышляет государственный переворот*. Народные трибуны М. Антоний и Кв. Кассий заявляют протест¹³. О протесте трибунов делается спешный доклад. Выступают с суровыми предложениями против них; и чем более оскорбительными и жестокими были эти речи, тем более находили они одобрения со стороны врагов Цезаря.

3. После заседания сената, окончившегося к вечеру, Помпей вызывает к себе всех его членов. Он хвалит людей решительных и предлагает им сохранить свое мужество и на будущее время, а малодушных порицает и подбадривает. Вызывают отовсюду много ветеранов из прежних Помпеевых армий, обещая им награды и повышения в ранге, приглашают также многих из тех двух легионов, которые были переданы Помпею Цезарем. Город наполняется солдатами, комиции — военными трибунами, центурионами, добровольцами-ветеранами. Все друзья консулов, сторонники Помпея и старых врагов Цезаря созываются в сенат; крики и многолюдство

¹³ В случае «интерцессии» трибунов против постановления сената возможны были три выхода: 1) постановление признавалось недействительным; 2) с трибунами договаривались относительно условий, на которых они могли бы взять свою интерцессию назад; 3) магистратам давались чрезвычайные полномочия для проведения сенатского постановления, несмотря на интерцессию. Так было и здесь; но чрезвычайное постановление сената состоялось только 7 января (см. гл. 5).

устрашают слабых, укрепляют колеблющихся, а большинство лишают возможности высказаться независимо. Цензор Л. Писсон¹⁴, а также претор Л. Росций¹⁵ обещают отправиться к Цезарю и известить его об этом; на исполнение этого дела они просят шесть дней сроку. Некоторые предлагают даже отправить к Цезарю послов для объявления ему воли сената.

4. Все эти предложения встречают отпор: одерживают верх направленные против них речи консула, Сципиона и Катона. Катону не дает покоя его старая вражда к Цезарю и обида за провал на консульских выборах¹⁶. Лентула волнует его громадные долги, надежды на получение войска и провинций и на щедрые подарки за исходатайствование царских титулов; он хвастается в кругу своих друзей, что будет вторым Суллой и к нему перейдет верховная власть¹⁷. Сципион также питает надежды на провинции и войска, которые он рассчитывал поделить с Помпеем в качестве родственника; к этому присоединяется страх перед судебными процессами, тщеславное самохвальство и основанные на взаимной лести связи с могущественными людьми, которые тогда имели очень большое влияние на дела государственные и судебные. Сам Помпей, подстрекаемый врагами Цезаря и не желавший терпеть наряду с собою какого-либо равносильного соперника¹⁸, совершенно порвал дружественные отношения с Цезарем и снова сблизился с теми, кто раньше были их общими врагами и большую часть которых он сам навязал Цезарю,

¹⁴ Тесть Помпея.

¹⁵ Бывший легат Помпея (В. Г., V, 24).

¹⁶ Катон безуспешно добивался консульства на 51 год.

¹⁷ Точно так же П. Корнелий Лентул, участник в заговоре Катилины, верил, что ему суждена вслед за Цинной и Суллой царская власть (Cicero in Cat., 9, Sallust. Catil., 47).

¹⁸ Так характеризовали Помпея и его сторонники, даже превозносящий его похвалами Лукан (Pbarsal., I, 125).

пока был с ним в родстве¹⁹. Кроме того, он тяготился злословием по поводу упомянутых двух легионов, удержанных им вместо посылки в Азию и Сирию для усиления своего собственного могущества и единовластия, и потому очень желал, чтобы дело дошло до войны.

5. По указанным причинам все решения принимаются спешно и беспорядочно. При этом ни близким к Цезарю людям не дают времени известить его, ни народным трибунам — возможности выхлопотать себе личную безопасность и удержать за собой то последнее право протеста, которое оставил за ними даже Л. Сулла²⁰; но уже на седьмой день они вынуждены помышлять о своем опасении, между тем как самые мятежные народные трибуны прежних времен могли со страхом думать об этом только на восьмой месяц своей деятельности²¹. Прибегают к тому крайнему и чрезвычайному постановлению сената²², к которому до сих пор дерзость сенаторов обращалась раньше только тогда, когда Рим, можно сказать, был объят пламенем и все представлялось безнадежно погибшим, а именно: *консулы, преторы, народные трибуны и стоящие с проконсульской властью под городом должны заботиться о том, чтобы государство не понесло какого-либо ущерба*. Эти постановления сената записываются в седьмой день до

¹⁹ То есть пока Помпей был женат на дочери Цезаря — Юлии (59—54 гг. до н. э.).

²⁰ Трибунат был сильно урезан в правах аристократической конституцией Суллы.

²¹ Рукописный текст в данном месте испорчен. Перевод дан по изданию Мойзеля. «На восьмом месяце» значило бы — вслед за выбором новых трибунов, в состав которых не вошли бы «мятежные» трибуны. Выборы производились летом, и со времени вступления в должность прежних трибунов (в декабре) прошло бы около семи месяцев.

²² Ср. гл. 7 и Sallust. Cat., 29.

январских Ид. Таким образом, в первые пять дней, в которые мог заседать сенат²³, со времени вступления в консульство Лентула, за исключением двух коммунальных дней, принимаются очень важные и очень суровые решения о власти Цезаря и о таких высоких сановниках, как народные трибуны. Народные трибуны тотчас же спасаются бегством из города и направляются к Цезарю. Последний в это время находился в Равенне и ожидал ответа на свои весьма умеренные требования в надежде на то, что люди каким-нибудь образом станут справедливыми и покончат дело миром.

6. В ближайшие дни сенат заседает вне города²⁴. Помпей повторяет заявления, уже сделанные через Сципиона, хвалит доблесть и твердость сената, сообщает о своих силах: у него наготове девять легионов, кроме того, ему доподлинно известно, что Цезаревы солдаты не сочувствуют своему полководцу Цезарю и их нельзя убедить защищать его или хотя бы даже идти за ним. Об остальных делах делается доклад сенату: по всей Италии должен быть произведен набор; Фауста Суллу надо послать с властью претора в Мавретанию²⁵; Помпею дать денег из государственного казначейства. Предложено было также даровать царю Юбе титул союзника и друга римского народа. Марцелл заявляет, что он в настоящий момент этого предложения не допустит. Против посылки Фауста протестует народный трибун Филипп. По остальным делам постановления сената записываются. Провинции определяются частным людям²⁶, две консульских, остальные преторские. Сципиону

²³ Комиции и заседания сената не могли происходить в тот же день.

²⁴ То есть *extra pomerium*, чтобы принять Помпея.

²⁵ Л. Фауст Сулла, сын диктатора, зять Помпея. Предполагалось, что он должен склонить на сторону Помпея мавретанских царей Богуда и Бокха, сочувствовавших Цезарю.

²⁶ До 52 года (закон Помпея о пятилетнем промежутке между отправлением городской и провинциальной магистратуры, в течение

досталась Сирия. Л. Домицию — Галлия. По частному соглашению помпеянской партии, Филиппа и Котту обходят и не допускают до жеребьевки²⁷. В остальные провинции посылают бывших преторов, не дожидаясь, чтобы, по примеру прежних лет, было внесено предложение об утверждении их власти в народное собрание²⁸; назначенные надевают одежду полководца²⁹, приносят обеты и немедленно выступают из города. Консулы отправляются из Рима, чего до сих пор никогда не бывало³⁰, частные лица появляются с ликторами в городе и на Капитолии³¹, вопреки всем историческим прецедентам. По всей Италии производят набор, требуют оружие, взыскивают с муниципиев деньги, берут их из храмов, одним словом, попирается всякое право: божеское и человеческое.

7. Узнав об этом, Цезарь произносит речь перед военной сходкой. В ней он упоминает о преследованиях, которым он всегда подвергался со стороны врагов; жалуется на то, что *они соблазнили и сбили Помпея, внушив ему недоброжелательство и зависть к его славе, тогда как сам он всегда сочувствовал Помпею и*

которого бывший городской магистрат действительно был частным лицом) магистраты отправлялись в провинцию, немедленно по отпращивании должности в Риме, без перерыва в *imperium*.

²⁷ До этого времени перед получением провинций кандидаты либо метали жребий (*sortitio*), либо решали дело взаимным соглашением (*comparatio*).

²⁸ Это было необходимо для утверждения в должности провинциального магистрата частных лиц, не имевших «*imperium*».

²⁹ Так называемый *paludamentum* (пурпуровый плащ).

³⁰ Текст в данном месте неисправен. Утверждение Цезаря преувеличено, так как, повидимому, только со времен Суллы консулы перестали покидать Рим.

³¹ Под частными лицами (*privati*) разумеются упомянутые выше во фразе *provinciae privatis decernuntur*. Пребывание их в Риме с ликторами, без особого постановления народного собрания, противоречило историческим традициям.

помогал ему в достижении почестей и высокого положения³². Он огорчен также небывалым нововведением в государственном строе — применением вооруженной силы для опорочения и даже совершенного устранения права трибунской интерцессии. Сулла, всячески ограничивший трибунскую власть, оставил, однако, право протеста неприкосновенным; Помпей, который с виду восстановил утраченные полномочия³³, отнял у трибунов даже то, что они имели раньше. Каждый раз, как сенат особым постановлением возлагал на магистратов заботу о том, чтобы государство не понесло какого-либо ущерба (а этой формулой и этим постановлением римский народ призывался к оружию), это делалось в случае внесения пагубных законопроектов, революционных попыток трибунов, восстания народа и захвата храмов и возвышенных мест; подобные деяния в прежние времена искуплены, например, гибелью Сатурнино³⁴ и Гракхов³⁵. Но теперь ничего подобного не происходило, не было даже и в помышлении. В конце речи он убеждал, просил солдат защитить от врагов доброе имя и честь полководца, под предводительством которого они в течение девяти 15 лет с величайшим успехом боролись за родину, выиграли очень много сражений и покорили всю Галлию и Германию³⁶. Солдаты бывшего при нем 13-го легиона (он успел его вызвать в

³² Цезарь поддерживал законопроекты Габиния и Манилия (67 и 66 годов до н. э.) о назначении Помпея с расширенными полномочиями (*imperium maius*) для борьбы с пиратами и с Митридатом; в свое консульство он поддержал Помпея заключением первого триумвирата и подтверждением его распоряжений в Азии, а также законом о наделении земель его ветеранов. При содействии того же Цезаря Помпей был выбран во второй раз в консулы в 55 году до н. э. и получил с 54 года проконсульство в Испаниях на пять лет.

³³ В 70 году до н. э.

³⁴ В 100 году до н. э.

³⁵ В 133 и 121 годах до н. э.

³⁶ Явное преувеличение относительно Германии.

самом начале смуты, а остальные еще не подошли) единодушным криком заявили, что они готовы защищать своего полководца и народных трибунов от обид.

8. Познакомившись с настроением солдат, он двинулся с этим легионом в Армин и там встретился с бежавшими к нему народными трибунами³⁷; остальные легионы он вызвал с зимних квартир и приказал следовать за собой. Сюда прибыл молодой Л. Цезарь, отец которого был легатом Цезаря. По окончании беседы о деле, которое было непосредственной целью его поездки, он сообщил, что имеет, кроме того, частное поручение от Помпея: *Помпей желает оправдаться перед Цезарем, чтобы меры, принятые им в интересах государства, Цезарь не рассматривал как свое личное оскорбление. Благо государства он всегда ставил выше личных отношений. Цезарь также по своему высокому положению должен в государственных интересах отказаться от своих партийных симпатий и не слишком далеко заходить в гневе на своих противников: иначе, надеясь вредить им, он будет вредить государству.* Он прибавил и кое-что еще в этом роде в извинение Помпея. В общем то же самое и почти в тех же выражениях сообщил и претор Росций, ссылаясь на то, что так перед ним высказывался Помпей.

9. Все это, повидимому, нисколько не способствовало смягчению взаимных обид. Так как, однако, Цезарь нашел людей, подходящих для передачи его пожеланий Помпею, то он просил их обоих, раз они довели до его сведения поручение Помпея, потрудиться сообщить и Помпею его ответ: может быть, таким образом им удастся с малыми усилиями устранить серьезные недоразумения и избавить всю Италию от страха. *Он всегда ставил на первом плане свою честь и ценил ее выше жизни; он был огорчен тем, что его враги оскорбительнейшим образом вырывают у него из рук милость римского народа и,*

³⁷ См. гл. 2.

насильственно сократив его проконсульскую власть на целых шесть месяцев, тащат его назад в Рим³⁸, тогда как народ повелел на ближайших выборах считаться с его кандидатурой заочно. И все-таки, в интересах государства, он отнесся к этому умалению своей чести спокойно. Когда он послал сенату письмо с предложением, чтобы все распустили свои армии, то даже и этого он не добился. По всей Италии производится набор; Помпей удерживает два легиона, уведенные у него под предлогом войны с парфянами; все гражданство находится под оружием. К чему же все это клонится, как не к тому, чтобы погубить его? Тем не менее он готов пойти на все уступки и все претерпеть ради государства. Пусть Помпей отправляется в свои провинции, пусть они оба распустият свои войска, пусть вся Италия положит оружие, пусть гражданство будет избавлено от страха, а сенату и римскому народу пусть будет предоставлена независимость выборов и все управление государством. Но для того, чтобы облегчить возможность этого соглашения, обставить его определенными условиями и скрепить клятвой, Помпей или должен приехать к нему сам, или согласиться на его приезд; путем личных переговоров все недоразумения будут улажены.

10. С этим поручением Росций и Л. Цезарь прибыли в Капую и там застали консулов и Помпея; Росций сообщил требования Цезаря. Те обсудили их и через них же послали Цезарю письменный ответ. Существенное содержание его было таково: Цезарь должен вернуться в Галлию, оставить Аримин и распустить свое войско; если он это сделает, то и Помпей отправится в Испанию. А тем временем, пока не будет дана

³⁸ В силу специального народного постановления в 52 году Цезарь, домогаясь консульства на 48 год, мог бы удержать свою власть (*imperiū*) до конца 49 года, теперь же он должен был вернуться в Рим на шесть месяцев раньше со сложением с себя власти к ближайшим выборам, которые со времен Суллы происходили обыкновенно в июле.

гарантия, что Цезарь действительно исполнит свои обещания, Помпей и консулы не приостановят набора.

11. Было большой несправедливостью со стороны Помпея требовать, чтобы Цезарь оставил Аримин и вернулся в свою провинцию, а самому удерживать и провинции, и чужие легионы; желать роспуска армии Цезаря, а самому производить набор; обещать отправиться в провинцию и при этом не определять срока отъезда. Конечно, этим Помпей желал производить впечатление человека, совсем не имеющего на своей совести лжи, хотя бы он не уехал даже по окончании цезаревского консульства. Наконец, Помпей не указывал времени для переговоров и не обещал приехать, что уже сильно подрывало надежду на мирный исход дела. Поэтому Цезарь послал из Аримина М. Антония с пятью когортами в Арреций, а сам с двумя когортами остановился в Аримине и там организовал производство набора. Города Писавр, Фан и Анкона были заняты, по его приказу, каждый одной когортой.

12. Тем временем он получил известие, что претор Терм стоит с пятью когортами в Игувии и укрепляет город, но что все игувинцы безусловно на стороне Цезаря. Тогда он послал туда Куриона с тремя когортами, которые были у него в Писавре и Аримине. Не доверяя настроению муниципия, Терм, при известии о приближении Куриона, вывел когорты из города и бежал. Солдаты на пути оставили его и возвратились по домам. Курион, при полном сочувствии всего населения, занял Игувий. Узнав обо всем этом и вполне полагаясь на настроение муниципиев, Цезарь вывел когорты 13-го легиона из занятых городов и отправился в Ауксим. Этот город занимал тремя когортами Аттий Вар, который разослал оттуда сенаторов по всей Пиценской области для производства в ней набора.

13. Когда декурионы³⁹ Ауксима узнали о приходе Цезаря, то они собрались в большом количестве к Аттию Вару и указали ему, что *дело это не подлежит их суждению; но ни сами они, ни остальные их сограждане не могут помириться с тем, чтобы перед таким заслуженным и покрытым воинской славой полководцем, как Г. Цезарь, были заперты ворота их города. Поэтому пусть Вар подумает о будущем и об опасности, которой он подвергается.* Встревоженный их речью, Вар вывел из города поставленный им гарнизон и бежал. Несколько Цезаревых солдат из первой когорты догнали его и принудили остановиться. Когда завязалось сражение, Вар был покинут своими собственными солдатами; значительная часть из них разошлась по домам, остальные явились к Цезарю, и вместе с ними был приведен схваченный центурион первого ранга, Л. Пупий, который до этого занимал ту же самую должность в войске Гн. Помпея. Цезарь похвалил Аттиевых солдат, Пупия отпустил, а жителей Ауксима поблагодарил и обещал помнить об их заслуге.

14. В Риме при известии об этих происшествиях на всех вдруг напал такой ужас, что когда консул Лентул пошел открывать казначейство, чтобы на основании постановления сената достать для Помпея деньги, то он тут же, не успев открыть тайной казны, бежал из города; действительно, приходили ложные вести, что Цезарь каждую минуту может подойти и что его конные разъезды уже находятся под Римом. За Лентулом последовали другой консул Марцелл и большинство магистратов. Гн. Помпей, оставивший Рим накануне этого дня, был на пути к легионам, полученным от Цезаря, которые он разместил на зимние квартиры в Апулии. Набор в окрестностях Рима был приостановлен; ни одна местность по сю сторону Капуи не представлялась безопасной. Только уже в

³⁹ Члены муниципального сената.

Капуе бежавшие ободрились и собрались с духом. Здесь они решили произвести набор колонистов, выведенных в Капую по Юлиеву закону⁴⁰; Лентул приказал даже вывести на форум гладиаторов, которых Цезарь держал там в фехтовальной школе; обнадежив их обещанием свободы, он дал им лошадей и приказал следовать за собой; но так как эту меру все единодушно порицали, то он распределил их по домам римских граждан кампанского округа для надзора⁴¹.

15. По выступлении из Ауксима, Цезарь быстро прошел всю Пиценскую область. Все префектуры этого района приняли его с большой готовностью и снабдили его войско всем необходимым. Даже из Цингула, города, который основал и построил на собственные средства Лабийэн⁴², пришли к нему послы и с великой радостью обещали исполнить все его требования. Он приказал дать солдат, которых они и послали. Тем временем Цезаря догнал 12-й легион. С этими двумя легионами он отправился в Аскул Пиценский⁴³. Этот город занимал десятью когортами Лентул Спинтер⁴⁴. При известии о прибытии Цезаря он бежал из города и пытался увести с со-

⁴⁰ Имеется в виду аграрный закон, проведенный Цезарем в год его консульства в пользу ветеранов Помпея. Впрочем, они неохотно шли под знамена Помпея (Cicer. ad Attic., VII, 14, 2).

⁴¹ 41 Вербовка гладиаторов была бы неприятна римским рабовладельцам по свежим воспоминаниям о восстании Спартака (73—71 годы до н. э.).

⁴² Бывший политический единомышленник и самый видный легиат Цезаря в Галльскую войну, перешедший теперь на сторону Помпея Цингул был основан на средства, приобретенные Лабийэном в Галлии.

⁴³ Помпей был сам родом из Пицена и пользовался там большим влиянием.

⁴⁴ Лентул Спинтер, консул 57 года до н. э., сторонник Помпея. В свое консульство он содействовал возвращению Цицерона из изгнания.

бой когорты, но значительная часть солдат покинула его. На дороге, в сопровождении немногих оставшихся при нем людей, он встретил Вибуллия Руфа, которого Помпей послал в Пиценскую область, чтобы поддержать в населении верность долгу. Тот, узнав теперь о событиях в Пицене, принял от Спинтера солдат, а самого его отпустил. Также и из соседних местностей он стянул к себе по возможности все когорты, образовавшиеся от Помпеевых наборов: в том числе он принял бежавшего из Камерина Луцилия Гирра с шестью когортами, которым был занят Камерин; таким образом, он довел свой отряд до тринадцати когорт. С ними он прибыл ускоренным маршем в Корфиний к Домицию Агенобарбу и сообщил ему о приближении Цезаря с двумя легионами. Сам Домиций своими средствами успел собрать около двадцати когорт из Альбы, из области марсов, пелигнов и соседних местностей.

16. Заняв Фирм и выгнав оттуда Лентула, Цезарь приказал разыскать солдат, ушедших от Лентула, а также организовать набор. Сам он пробыл там только один день по продовольственным делам и затем поспешил в Корфиний. Когда он туда прибыл, пять когорт, высланных Домицием вперед из города, ломали на реке мост, находившийся от города приблизительно в трех милях. В сражении, завязавшемся с передовым отрядом Цезаря, Домициевы солдаты были быстро отброшены от моста и отступили в город. Цезарь переправил свои легионы, остановился у города и под стенами его разбил лагерь.

17. Тогда Домиций послал к Помпею в Апулию людей, знающих местность, которым обещал большую награду. Они должны были доставить его письмо и убедительно просить Помпея о помощи: *две армии, и притом в ущелье, легко могут отрезать Цезаря и помешать ему запастись провиантом; иначе же Домиций с тридцатью с лишком когортами и с большим числом сенаторов и римских всадников подвергнется большой опасности.* Тем временем Домиций ободрил своих солдат,

расположил по стенам метательные орудия и назначил каждому свое место по обороне города; на военной сходке он обещал солдатам земельные участки из своих собственных владений по четыре югера на человека, а центурионам и добровольцам-ветеранам пропорционально больше⁴⁵.

18. Между тем Цезарь получил известие, что жители города Сульмона, лежащего в семи милях от Корфиния, очень хотят исполнить его желания, но их удерживают от этого сенатор Кв. Лукреций и Аттий Пелипн, которые занимали этот город гарнизоном в семь когорт. Он послал туда М. Антония с пятью когортами 13-го легиона. Как только сульмонцы увидели наши знамена, они открыли ворота и все до одного — и горожане, и солдаты — вышли с приветствиями навстречу Антонию. Лукреций и Аттий спустились со стены. Аттий был приведен к Антонию и просил отправить его к Цезарю. Антоний с когортами и Аттием в тот же день возвратился назад. Цезарь включил эти когорты в состав своего войска, а Аттия отпустил невредимым. Цезарь в первые же дни начал укреплять лагерь большими сооружениями, свозить из соседних муниципиев хлеб и поджидать остальные силы. Через три дня к нему пришел 8-й легион, двадцать две когорты нового набора в Галлии и около трехсот всадников от царя Норика. С их прибытием он разбил второй лагерь у другой стороны города и назначил его комендантом Куриона. В следующие за тем дни он начал окружать город со всех сторон валом и редутами. Около времени окончания большей части этих сооружений посланные к Помпею возвратились от него.

19. Прочитав письмо от него, Домиций утаил его содержание и на военном совете заявил, что Помпей скоро придет на помощь; поэтому он советовал не падать духом и готовить все необходимое для обороны города. Но наедине он вел тай-

⁴⁵ Обыкновенно центурионы и добровольцы-ветераны (evocati) получали вдвое больше рядовых солдат.

ные беседы с немногими своими друзьями и сообщая с ними вырабатывал план бегства. Однако выражение лица Домиция не согласовалось с его речью, и во всем поведении его было больше суетливости и робости, чем в предыдущие дни; далее, он против обыкновения слишком часто совещался тайком с своими приближенными и избегал всяких сходов и собраний. Таким образом, истину нельзя было дольше скрывать и утаивать. Дело в том, что Помпей прислал ему такой ответ: *он не склонен к решительному и опасному шагу, а кроме того, Домиций не по его совету и не по его воле утвердился в Корфинии; поэтому, если представится какая-либо возможность, пусть Домиций сам идет к нему со всеми своими силами.* Но этому мешала блокада и обложение города осадными верками.

20. Когда замысел Домиция стал всем известен, солдаты, находившиеся в Корфинии, устроили подвечер сходку и при посредстве военных трибунов, центурионов и заслуженных людей своего звания так определили свое положение: *их осаждает Цезарь, окопные работы и укрепления им почти окончены; их же полководец, Домиций, полное доверие к которому заставило их остаться, намерен бросить всех на произвол судьбы и бежать; теперь они сами должны думать о своем спасении.* Сперва им стали противиться марсы, занимавшие наиболее укрепленную часть города, и раздор так разгорелся, что уже собирались вступить в рукопашную и решить дело оружием; но немного спустя обе стороны обменялись посредниками, и марсы только теперь узнали то, чего не знали раньше, именно о намерении Домиция бежать. Тогда все они сообщая вывели Домиция к себе на сходку, окружили его и заключили под стражу, а к Цезарю отправили послов из своей среды с заявлением, что они готовы открыть ворота, исполнить все его приказание и выдать ему Домиция живым.

21. Ввиду таких известий, для Цезаря, конечно, было очень важно как можно скорее овладеть городом и перевести его гарнизон к себе в лагерь, чтобы его настроение не изменилось

от подкупа, агитации или ложных вестей, ибо на войне часто незначительные обстоятельства приводят к большим переменам. С другой стороны, он опасался, как бы солдаты, вступив в город ночью, не вздумали его разграбить. Поэтому он похвалил посланных к нему из города и отпустил их назад, приказав наблюдать за воротами и стенами. Со своей стороны, он поставил солдат на возводимых им укреплениях не на определенном расстоянии друг от друга, как это делалось в предыдущие дни, но в виде непрерывной цепи караулов и постов, так чтобы они имели связь друг с другом и заполняли все укрепления; военные же трибуны и начальники конницы должны были нести патрульную службу и не только остерегаться вылазок, но и следить за тайным выходом даже отдельных людей. Но и помимо его распоряжения никто решительно не проявил такой небрежности или вялости, чтобы заснуть в эту ночь: все напряженно выжидали, чем кончится все дело, и их мысли и чувства были направлены на самые разнообразные вопросы: что случится с корфинийцами, что с Домицием, что с Лентулом, что с остальными, какой кого ждет конец.

22. Около четвертой стражи Лентул Спинтер стал со стены переговариваться с нашими караулами и постами, говоря: *он желал бы, если это возможно, повидаться с Цезарем*. Ему это разрешили и выпустили его из города, но Домициевы солдаты все время не отходили от него, пока его не привели к самому Цезарю. Он стал ходатайствовать перед Цезарем о помиловании и усердно просил пощадить его. При этом он упомянул о своей прежней дружбе с Цезарем и перечислил все полученные им милости, а они были очень большими: при поддержке Цезаря он пришел в коллегия понтификов, получил немедленно после отправления должности претора провинцию Испанию, Цезарь же помог ему и в достижении консульства. Цезарь перебил его: *не для злодейств он выступил из Провинции, но с тем, чтобы защититься от издевательств*

врагов, чтобы восстановить народных трибунов, безбожно изгнанных из среды гражданства, в их сане, чтобы освободить и себя и народ римский от гнета шайки олигархов. Ободренный его речью, Лентул попросил позволения вернуться в город: милость, которую он получит для себя, несомненно утешит и обнадёжит всех остальных, из коих некоторые находятся в таком ужасе, что помышляют наложить на себя руки. Получив позволение, он удалился.

23. На рассвете Цезарь приказал привести к себе всех сенаторов, senatorских детей, военных трибунов и римских всадников. Их было пятьдесят человек: из senatorского сословия Л. Домиций, П. Лентул Спинтер, Л. Цецилий Руф, квестор Секст Квинтилий Вар, Л. Рубий, кроме того, сын Домиция с несколькими молодыми людьми и большое количество римских всадников и декурионов, которых Домиций вызвал из муниципиев. Всех их, когда они были приведены к нему, он постарался оградить от брани и оскорблений со стороны солдат и обратился к ним лишь с немногими словами. Он жаловался, что некоторые из них дурно отблагодарили его за великие благодеяния. Однако отпустил всех их невредимыми. Шесть миллионов сестерциев, которые Домиций привез и отдал на хранение в городское казначейство⁴⁶, Цезарь приказал корфинийским кваттуорвирам⁴⁷ принести к себе и возвратил назад, чтобы видели, что он столь же бережно обращается с деньгами, как с человеческой жизнью, хотя хорошо было известно, что это были деньги из государственного казначейства и даны они были Помпеем на жалованье солдатам. Солдаты Домиция должны были присягнуть Цезарю, и он в тот же день снялся с лагеря и совершил обычный

⁴⁶ Помпеянцы, однако, жаловались, что Домицию эти деньги не были возвращены (Cicer. ad Attic., VIII, 14, 3).

⁴⁷ Высшие муниципальные власти.

дневной переход. В общем он пробыл под Корфинием всего семь дней. Через область марруцинов, френтанов и ларинатов он достиг Апулии.

24. Помпей, узнав о происшествиях под Корфинием, отправился из Луцерии в Канусий, а оттуда в Брундисий, где должны были собраться войска нового набора. Кроме того, он вооружил рабов и пастухов и дал им лошадей; из них сформировался конный отряд около трехсот человек. Претор Л. Манлий бежал из Альбы с шестью когортами, претор Рутилий Руф из Таррацины — с тремя. Когда эти когорты заметили издали конницу Цезаря под командой Вибия Курия, то оставили своих преторов и перешли со знаменами к Курию. И на других дорогах некоторые когорты натывались либо на пехоту, либо на конницу Цезаря. На пути был захвачен и доставлен к Цезарю начальник инженерных войск Гн. Помпея, Н. Магий из Кремоны. Цезарь отослал его обратно к Помпею со следующим заявлением: *так как до сих пор не было возможности вступить в переговоры и сам Цезарь намерен идти в Брундисий, то для государства и для общего блага было бы важно, чтобы это свидание его с Помпеем состоялось; переговоры на далеком расстоянии через посредников, конечно, не могут привести к таким результатам, к каким приведет личное обсуждение всех отдельных спорных пунктов.*

25. После этого он прибыл в Брундисий с шестью легионами, из которых три состояли из ветеранов, а остальные образовались из новых наборов и были укомплектованы во время похода (Домициевы когорты он тут же из Корфиния послал в Сицилию). Он узнал, что консулы со значительной частью войска отправились в Диррахий, а Помпей остался в Брундисии с двадцатью когортами. Однако нельзя было точно установить, остался ли он там с целью овладеть Брундиси-ем, чтобы, таким образом, из двух конечных пунктов и гаваней Италии и Греции господствовать над всем Адриати-

ческим морем и вести войну в двух странах, или же его задерживал недостаток судов. Боясь, что Помпей не пожелает отказаться от Италии, Цезарь решил помешать ему выйти из брундисийской гавани и вообще не давать ему свободно ею пользоваться. Для этого предприняты были такие работы: в самом узком месте входа в гавань Цезарь приказал сваливать с обеих сторон берега материал для плотины, так как в этих местах море было мелко. Ввиду того, что при дальнейшем продвижении плотина, вследствие большей глубины, не могла держаться, он продолжил ее с обеих сторон двойными плотами в тридцать квадратных футов. Каждый из них был укреплен со всех четырех углов четырьмя якорями, чтобы их не качало волнами. К укрепленному таким образом плоту он прибавлял другой того же размера. Они были покрыты землей и щебнем, чтобы нетрудно было переходить на них с плотины для отражения неприятеля. С фронта и с боков они были защищены фашинами и щитками, а на каждом четвертом плоту были поставлены двухэтажные башни, чтобы удобнее было защищать все сооружение от нападений неприятельских кораблей и от огня.

26. В противовес этим работам Помпей оснащал большие грузовые корабли, захваченные им в брундисийской гавани. На них он выстраивал трехэтажные башни, которые вооружал большим количеством тяжелых орудий и всякого рода метательных снарядов и направлял на верки Цезаря, чтобы пробивать цепь плотов и расстраивать сооружения. Таким образом, ежедневно с обеих сторон сражались пращами, стрелами и прочими метательными дальнобойными снарядами. Но, несмотря на все эти приготовления, Цезарь все еще не считал возможным отказываться от мирных переговоров. Хотя он удивлялся тому, что Магий, которого он отправил с поручением к Помпею, не возвращается к нему с ответом и хотя этими повторными попытками парализовались его

планы и энергичные решения, тем не менее он полагал необходимым во что бы то ни стало держаться своего принципа. Поэтому он послал для переговоров к Скрибонию Либону легата Каниния Ребила⁴⁸, его близкого друга, и поручил ему уговорить Либона выступить посредником в деле мира. Но главным требованием Цезаря было личное свидание с Помпеем. Он высказывал свою полную уверенность в том, что *если это свидание состоится, то им легко будет прийти к мирному соглашению, приемлемому для них обоих, и тогда, если по инициативе Либона и при его содействии будут прекращены военные действия, то на его долю выпадет большая честь и слава*. Либон тотчас же после разговора с Канинием отправился к Помпею. Немного спустя он сообщил Канинию ответ Помпея: *консулов нет налицо, а без них нельзя вести переговоры о соглашении*. Таким образом, Цезарь должен был признать, что пора, наконец, отказаться от этих слишком частых и напрасных попыток и думать только о войне.

27. Когда, после девятидневной работы, у Цезаря уже было готово около половины осадных сооружений, вернулись в Брундисий посланные назад консулами из Диррахия суда, которые перевезли туда первую половину войска. Помпей — потому ли, что на него произвели впечатление осадные работы Цезаря, или потому, что он с самого начала решил оставить Италию, — с приходом кораблей стал готовиться к отъезду. На тот случай, если бы при атаке Цезаря его солдаты ворвались в город как раз во время отправления, Помпей приказал заложить ворота, застроить улицы и площади, перерыть улицы поперечными рвами и натывать в них заостренные колья и стволы. Эти рвы были потом заполнены фашинами и землей. Подходы и обе улицы, которые вели к гавани вне городской стены, были перегорожены громадными заострен-

⁴⁸ Легат Цезаря в Галлии (В. G., VII, 83 и пр.).

ными бревнами, вбитыми в землю. После всех этих приготовлений он приказал солдатам без шума сесть на корабли, а готовых к бою добровольцев-ветеранов со стрелками и пращниками поставил небольшими группами в разных местах на стене и на башнях и распорядился отозвать их с постов по условленному сигналу после посадки всех других солдат на корабли; с этой целью он оставил для них на удобном месте быстроходные гребные суда.

28. Брундисийцы, возмущенные притеснениями со стороны Помпеевых солдат и оскорбительным обращением самого Помпея, сочувствовали делу Цезаря. И вот, когда суетливая беготня озабоченных солдат убедила их в приготовлении Помпея к отъезду, они все стали сигнализировать Цезарю из домов. Узнав этим путем, в чем дело, Цезарь приказал солдатам вооружиться и держать наготове лестницы, чтобы не упустить случая к нападению. Перед наступлением ночи Помпей снялся с якоря. Стоявшая на стене стража была отозвана оттуда условленным сигналом и поспешила знакомыми путями к кораблям. Цезаревы солдаты приставили лестницы и взойшли на стены, но брундисийцы предупредили их насчет скрытых рвов и частокола. Тогда они остановились, и брундисийцы провели их обходными путями до гавани. Здесь они при помощи челноков и лодок остановили и затем захватили два корабля с Помпеевыми солдатами, застрявшие у Цезаревых плотин.

29. Хотя Цезарь считал самым целесообразным средством для окончания войны собрать флот и преследовать Помпея за морем, прежде чем он упрочит свое положение заморской помощью, однако, он боялся, что это может надолго задержать его, так как Помпей собрал к себе все корабли и этим совершенно отрезал возможность немедленного преследования. Кроме того, для этой цели пришлось бы ожидать кораблей из довольно отдаленных местностей Галлии, Пизены и [Сицилийского] пролива. А в данное время года это,

очевидно, было делом довольно затруднительным. Помпей же тем временем в его отсутствие формировал бы сильные отряды из своих ветеранов, закреплял бы за собой расположение обеих испанских провинций, одна из которых и без того была ему очень обязана, набирал бы вспомогательные войска и конницу и старался бы склонить на свою сторону Галлию и Италию. Все это для Цезаря было очень нежелательно.

30. Итак, Цезарь оставил план немедленного преследования Помпея и решил отправиться в Испанию; дуумвиры⁴⁹ всех муниципиев получили от него приказ собрать корабли и доставить их в Брундисий. Легата Валерия он послал с одним легионом в Сардинию, а пропретора Куриона с тремя легионами в Сицилию; ему же он приказал по занятии Сицилии немедленно переправиться с войском в Африку. Сардинией управлял М. Котта, Сицилией — М. Катон, Африку должен был получить по жребью Туберон. Как только каралитанцы узнали, что к ним посылают Валерия, они еще до его отъезда из Италии сами выгнали из города Котту. Последний в ужасе — так как он видел, что вся провинция единодушно настроена в пользу Цезаря, — бежал из Сардинии в Африку. Катон чинил в Сицилии старые военные корабли и приказывал общинам поставить новые. Все это он делал с большим усердием. В Аукании и Бруттии он производил через своих легатов набор римских граждан, а с общин Сицилии требовал определенных контингентов конницы и пехоты. Когда почти все эти задачи были выполнены, он узнал о приближении Куриона и стал жаловаться на сходке, что *он брошен на произвол судьбы и предан Помпеем, который при полной неподготовленности взял на себя ненужную войну, а на запрос Катона и других сенаторов с уверенностью заявил, что вполне к ней готов*. После этих жалоб на сходке Катон бежал из провинции.

⁴⁹ Высшие муниципальные власти.

31. Получив оставленные наместниками Сардинию и Сицилию, Валерий и Курион прибыли туда со своими войсками. Туберон по прибытии в Африку нашел эту провинцию во власти Аттия Вара. Последний после упомянутой потери своих когорт под Ауксимом поспешно бежал прямо в Африку. Пользуясь тем, что там не было власти, он самовольно захватил провинцию, произвел набор и сформировал таким образом два легиона. При его знании людей и местности и вообще знакомстве с провинцией ему нетрудно было осуществить эту попытку, так как несколько лет тому назад он получил эту же провинцию вслед за исполнением должности претора. Когда Туберон подходил со своей эскадрой к Утике, Вар не пустил его ни в город, ни в гавань и не позволил даже высадить на сушу его заболевшего сына, но принудил сняться с якоря и удалиться отсюда.

32. По окончании всех этих операций Цезарь отвел своих солдат в ближайшие муниципии, чтобы дать им на время отдых от работ, а сам отправился в Рим. Созвав заседание сената, он перечислил все оскорбления, нанесенные ему врагами. Он сослался на то, что он *отнюдь не стремился к какой-либо незаконной почести, но выждал установленный законом срок для консульства и довольствовался тем, что предоставлено всем гражданам. Предложение принять во внимание на ближайших выборах его заочную кандидатуру было внесено всеми десятью трибунами в консульство самого Помпея*⁵⁰. Против него возражали только его враги, но особенно ожесточенно боролся Катон, старавшийся по своей старой привычке аннулировать целые дневные заседания своими затяжными речами. Если Помпей не одобрял этого предложения, то зачем он позволил вносить его, а если одобрял, то почему воспрепятствовал Цезарю воспользоваться милостью народа? Далее Цезарь выставял на вид свою уступчивость, именно то, что он сам от себя заявил требование о

⁵⁰ В 52 году.

ропуске армий, нанося таким образом ущерб своему собственному положению и сану. С другой стороны, он ссылался на упрямство врагов, которые отклоняют от себя то, чего требуют от других, и предпочитают всеобщий переворот отказу от военной власти и войск. Затем он подчеркивал *несправедливое отнятие у него легионов, жестокое и высокомерное ограничение прав народных трибунов; упоминал о мирных предложениях, которые он делал, о переговорах, которых он просил и в которых ему отказывали. Ввиду этого он настоятельно предлагал сенаторам взять на себя заботу о государстве и управлять им сообща с Цезарем. Но если они из страха будут уклоняться от этого, то он, не станет им надоедать и самолично будет управлять государством. Следует отправить к Помпею послов относительно соглашения; при этом он не боится недавнего заявления Помпея в сенате, что тем, к кому отправляют послов, придают значение, а со стороны посылающих — это признак страха. Это заявление свидетельствует о мелочности и слабости характера. Но сам он желает быть выше других своей справедливостью и гуманностью так же, как прежде старался превосходить их своими воинскими подвигами.*

33. Сенат одобрил предложение отправить послов, но не находилось людей, которых можно было бы послать; каждый — главным образом из страха — отказывался за себя лично от должности посла. Ибо Помпей при отъезде из Рима сказал в сенате, что он будет ставить на одну доску тех, кто останется в Риме, с теми, кто окажется в лагере Цезаря. Так прошло целых три дня в этих рассуждениях и извинениях. Враги Цезаря даже подбили народного трибуна Л. Метелла расстраивать это дело и противодействовать вообще всем предположениям Цезаря⁵¹. Поняв его умысел и понапрасну

⁵¹ Между прочим, этот трибун хотел помешать Цезарю овладеть государственным казначейством. Цезарь готов был убить его. Пренебрежением к трибуну он оставил дурное впечатление в Риме.

потеряв несколько дней, Цезарь не пожелал еще тратить время, но оставил Рим, не исполнив намеченных планов, и направился в Дальнюю Галлию.

34. Здесь он узнал, что Вибуллий Руф⁵², которого он несколько дней тому назад взял в плен в Корфинии и отпустил, послан Помпеем в Испанию; что Домиций отправился для занятия Массилии с семью гребными судами, которые он набрал в Италии и в Косанской области у частных лиц, посадив на них своих рабов, вольноотпущенников и арендаторов, что уже отправлены из Рима на родину послами знатные молодые массилийцы, которых Помпей при своем отъезде из Рима уговаривал не забывать из-за недавних услуг Цезаря о тех благодеяниях, которые он сам раньше оказывал их городу. В результате этих наставлений массилийцы немедленно заперли перед Цезарем ворота, вызвали к себе альбиков (варваров, которые издавна находились под их покровительством и жили на горах над Массилией), свезли хлеб из соседних местностей и крепостей в город, устроили в городе оружейные мастерские и начали ремонтировать стены, ворота и флот.

35. Цезарь вызвал к себе из Массилии коллегию «пятнадцати первых⁵³» и указал им, что Массилии не следует брать в свои руки военную инициативу, они должны скорее последовать авторитетному примеру всей Италии, чем повиноваться воле одного человека. Привел он и другие доводы, которые, по его мнению, способны были образумить их. Послы сообщили у себя дома содержание его речи и вернулись с следующим ответом, основанным на постановлении их сената: *они видят, что римский народ разделился на две партии.*

⁵² См. гл. 15.

⁵³ Массилийский сенат состоял из шестисот членов; пятнадцать из них образовывали комитет под названием *primi*. Троим из этих последних принадлежала исполнительная власть.

Не подлежит их суду и не соответствует их силам решение вопроса о том, какая из двух сторон стоит за более правое дело. Главы этих партий — Гн. Помпей и Г. Цезарь — патроны их общины: из них один от лица государства уступил им земли вольков, аремориков и гельвиев, другой подчинил им побежденных на войне саллиев и этим увеличил их доходы. Поэтому на одинаковые их благодеяния они должны ответить и одинаковым отношением к ним, не помогать одной стороне против другой и не принимать их ни в городе, ни в гавани.

36. Во время этих переговоров Домиций прибыл со своими кораблями в Массилию, где его приняли и назначили комендантом города с предоставлением ему высшего руководства войной. По его приказу массилийцы разослали свой флот по разным направлениям, захватили, где можно, грузовые корабли и отвели их в гавань. Те суда, у которых не хватало гвоздей, леса и снастей, употреблены были на оснастку и починку других; хлеб, сколько его нашлось, свезен был для общественного употребления; остальные товары и провиант они также приберегли на случай осады города. Цезарь был возмущен такими враждебными мерами и привел к Массилии три легиона. Для осады города он решил подвести башни и крытые навесы и построить в Арелате двенадцать кораблей. Через тридцать дней с того дня, как начали рубить лес, они были построены, вооружены и приведены в Массилию; командиром над ними он назначил Д. Брута, а легата Требония⁵⁴ оставил для осады Массилии.

37. Среди этих приготовлений и распоряжений Цезарь послал вперед своего легата Г. Фабия⁵⁵ в Испанию с тремя легионами, расквартированными на зимние стоянки в Нарбоне и его окрестностях, и приказал быстро захватить Пиреней-

⁵⁴ Легаты Цезаря в Галльскую войну, будущие убийцы Цезаря.

⁵⁵ Легат Цезаря в Галльскую войну.

ский хребет, который в то время занимал легат Л. Афраний своим отрядом. Остальные легионы, зимовавшие на далеком от него расстоянии, должны были подвигаться за ним следом. Фабий, как ему было приказано, поспешил сбить отряд Афрания с хребта и ускоренным маршем направился против главных сил Афрания.

38. С прибытием в Испанию Л. Вибуллия Руфа, который, как указано, был отправлен туда Помпеем, Помпеевы легаты, Афраний, Петрей и Варрон, из которых один занимал с тремя легионами Ближнюю Испанию, другой с двумя легионами Дальнюю от Кастулонского хребта до Аны, третий с таким же количеством легионов — область веттонов от Аны и Луситанию, распределили между собой свои обязанности следующим образом: Петрей со всеми своими силами должен был двинуться из Луситании через область веттонов к Афранию, а Варрон со своими легионами прикрывать всю Дальнюю Испанию. После этого соглашения они потребовали конницы и вспомогательных войск — Петрей от всей Луситании, Афраний от Кельтиберии, кантабров и всех варваров, живших по соседству с Океаном. Получив эти подкрепления, Петрей быстро прошел через область веттонов, соединился с Афранием, и они решили сообща вести войну под Илердой вследствие удобства местности.

39. Как было выше указано, у Афрания было три легиона, а у Петрея два; кроме того, когорт из Ближней Провинции, вооруженных короткими щитами, и из Дальней Испании, вооруженных малыми щитами, — всего около восьмидесяти, — и сверх того конницы из обеих провинций до пяти тысяч человек. Цезарь же заранее послал в Испанию шесть легионов, пеших вспомогательных войск пять тысяч человек, конницы три тысячи — эти силы были при нем во все предыдущие войны — и столько же из той части Галлии, которую он сам покорил, причем он вызвал поименно самых знатных и

храбрых людей из всех общин; к ним он присоединил бравых молодцов из аквитанов и горцев, живущих на границе провинции Галлии. Он слышал, что Помпей идет через Мавретанию с легионами в Испанию и скоро будет на месте. Вместе с тем Цезарь занял денег у военных трибунов и центурионов и распределил их между своими солдатами. Этим он вдвойне выиграл; займом он привязал к себе центурионов, а щедростью купил расположение солдат.

40. Фабий⁵⁶ стал посылать к соседним общинам письма и гонцов, чтобы познакомиться с их настроением. На реке Сикорисе он успел построить два моста на расстоянии четырех миль друг от друга. По этим мостам он посылал своих людей за фуражом, так как все запасы по эту сторону реки были использованы им в течение предыдущих дней. Почти то же самое и по той же причине делали вожди Помпеева войска, и вследствие этого дело часто доходило до конных стычек. Раз, по ежедневному обыкновению, вышли сюда для прикрытия фуражиров два Фабиевых легиона и по ближайшему мосту уже перешли через реку, причем за ними шел обоз и вся конница. Вдруг от сильных ветров и разлива реки мост обрушился, и оставшаяся масса оказалась отрезанной. Петрей и Афраний догадались об этом по дереву и хворосту, которые несла река. Тогда Афраний быстро перевел по своему мосту, который был соединен и с городом и с лагерем, четыре легиона и всю конницу и пошел навстречу двум Фабиевым легионам. При известии о его приближении командир легиона Л. Планк был вынужден необходимостью занять возвышенность и, чтобы не быть окруженным конницей, выстроил свои силы на два фронта, друг другу противоположных. Благодаря этому он мог выдержать сильную атаку легионов и конницы, несмотря на численное превосходство неприятеля. Во время завязавшегося конного сражения, обе стороны за-

⁵⁶ Также легат Цезаря в Галльскую войну.

метили издали знамена двух легионов, которые Фабий послал дальним мостом на помощь нашим, предположив то, что и случилось в действительности, именно что вожди противников воспользуются счастливым случаем для внезапного нападения на наших. Приход этих легионов прервал сражение, и оба вождя увели свои легионы обратно в лагерь.

41. Через два дня после этого Цезарь с девятью сотнями всадников, которых он оставил при себе для своей личной охраны, прибыл в лагерь. Разрушенный бурей мост был уже почти восстановлен: Цезарь приказал окончить работу еще ночью. Познакомившись с характером местности, он оставил для прикрытия моста и лагеря шесть когорт, а также весь обоз; а сам двинулся к Илерде со всеми силами, построив их в три линии, остановился перед самым лагерем Афрания, пробыл там некоторое время под оружием и предложил сражение на удобном месте. Тогда Афраний вывел свои войска и поставил их посредине холма перед лагерем. Но сражение не состоялось из-за Афрания. Когда Цезарь в этом убедился, то он решил разбить лагерь приблизительно в четырехстах шагах от подошвы горы; а чтобы во время производства работ внезапные атаки неприятелей не устрашали солдат и не мешали им работать, он запретил укреплять его валом, который по своей высоте, естественно, был уже издали заметен, но приказал ограничиться только проведением спереди, против неприятелей, рва в пятнадцать футов шириной. Первая и вторая линии оставались под оружием в своем первоначальном расположении, а скрытая за ними третья работала над проведением рва. Таким образом, вся эта работа была окончена прежде, чем Афраний мог заметить, что лагерь укрепляется. Подвечер Цезарь отвел легионы за этот ров, где они и провели ближайшую ночь под оружием.

42. Следующий день он пробыл со всем войском за рвом. Так как материал для плотины приходилось искать далеко, то он пока ограничился продолжением вчерашней работы: а

именно, каждый легион должен был укрепить один бок лагеря и провести ров такой же ширины, как первый; а остальные легионы были выстроены в боевой готовности и в полном вооружении против неприятеля. Афраний и Петрей с целью устрашения и помехи работам вывели свои войска к самой подошве горы и стали беспокоить наших атаками. Несмотря на это, Цезарь не прервал своих работ, вполне полагаясь на свои три легиона и на прикрытие, образуемое рвом. Неприятели задержались недолго и, несколько отойдя от подошвы холма, увели свои войска назад в лагерь. На третий день Цезарь укрепил лагерь валом и приказал перевести к себе обоз и остальные когорты, находившиеся еще в прежнем лагере.

43. Между городом Илердой и ближайшим холмом, который был занят лагерем Петрея и Афрания, была равнина шагов в триста шириною: приблизительно на середине ее находился довольно высокий холм. Если бы Цезарю удалось захватить и укрепить его, то он, несомненно, мог бы отрезать противника от города, моста и от всего провианта, свезенного ими в город. В надежде на это он вывел из лагеря три легиона и, выстроив их на удобном месте, приказал антесигнанам⁵⁷ одного из них бегом занять этот холм. Афраний понял намерение Цезаря и немедленно послал более кратким путем когорты, стоявшие на карауле перед лагерем, для захвата того же пункта. Завязалось сражение, и так как афранианцы достигли холма раньше, то наши были отброшены и, вследствие подхода к неприятелю резервов, вынуждены были повернуть тыл и отступить к подходившим легионам.

44. У неприятельских солдат был особый способ сражения: сначала они набегали с большою стремительностью, смело занимали позицию, не слишком держа при этом

⁵⁷ Упомянутые только в *Bellum Civile* антесигнаны были солдатами первого ряда когорты (а может быть, и первых двух рядов), которые при атаке выдвигались перед знаменами (Мойзель).

строй, сражались небольшими группами и рассыпным строем; если же их теснили, то они не считали позором подаваться назад и оставлять занятое место. Они привыкли к своего рода варварскому способу сражения от постоянных войн с луситанами и другими варварами, так как на солдат вообще оказывают большое влияние нравы тех стран, где они долго стоят. Во всяком случае, этот способ смутил наших непривычных к тому солдат: когда неприятели выбегали поодиночке, им казалось, что их обходят на незащищенном фланге; а сами они считали своим долгом держать строй, не покидать знамен и без уважительной причины не уходить с занятой позиции. Поэтому, когда антесигнаны были расстроены, то легион, стоявший на том фланге, не удержал позиции и отступил на ближайший холм.

45. Так как это неожиданное и необычное отступление привело в полное замешательство почти весь фронт, то Цезарь, ободрив солдат, повел на помощь 9-й легион, остановил неприятеля, надменно и энергично, преследовавшего наших, и вынудил его, с своей стороны, повернуть тыл, отступить к городу Илерде и стать под его стенами. Но в пылу сражения солдаты 9-го легиона, увлеченные желанием загладить понесенный урон, опрометчиво погнались за далеко убегавшим неприятелем, зашли на неудобное место и подошли к самой горе, на которой лежал город. Когда они хотели отсюда отступить, то враги с более высокого места начали их теснить. Место это было с двух сторон отвесным и настолько узким, что на нем могли помещаться лишь три выстроившихся когорты; таким образом, ни с боков не могли подойти к ним подкрепления, ни конница не в состоянии была помочь им, когда им становилось трудно. А со стороны города шла покатость с легким уклоном, длиной около четырехсот шагов. Здесь и приходилось отступать нашим, неосторожно попадавшим сюда в пылу увлечения; сражение шло на месте,

которое было неудобно и своей узостью и тем, что наши стояли у самой подошвы горы, так что все метательные снаряды попадали в них без промаху. Однако благодаря своей храбрости и выносливости они стойко держались, не смущаясь никакими ранениями. Но у врагов силы все увеличивались, и Афраний часто посылал из лагеря через город свежие когорты на смену уставшим. Цезарь также был вынужден отправлять на то же место в подкрепление свежие когорты и уставших выводить из боя назад в лагерь.

46. Такое сражение длилось пять часов подряд, и неприятель очень теснил наших благодаря своему численному превосходству. Наконец, они, издержав все снаряды, обнажили мечи, бросились в гору в атаку на когорты, убили нескольких человек, а остальных принудили повернуть тыл. Только тогда, когда неприятельские когорты были прижаты к стенам и отчасти, в страхе, загнаны в город, для наших было облегчено отступление. Со своей стороны, наша конница, хотя она и стояла внизу в долине, с большою храбростью пробилась с обоих боков на гору и, разъезжая между двумя фронтами, сделала для них отступление более удобным и безопасным. Так, с переменным успехом, шло это сражение. Наших в первой схватке пало около семидесяти человек, в том числе центурион 1-го гастата 14-го легиона, Кв. Фульгиний, который достиг этого ранга из низших чинов за свою выдающуюся храбрость; раненых было больше четырехсот. Из афранианцев убиты были центурион первого ранга, Т. Цецилий, четыре других центуриона и более двухсот солдат.

47. Что касается суждений об этом дне, то каждая сторона приписывала себе верх. Афранианцы — хотя по общему признанию они были слабее — ссылаясь на то, что они довольно долго держались в рукопашном бою, выдержали нашу атаку, с самого начала заняла выгодную позицию, именно холм, из-за которого завязалось сражение, а в первой

же стычке заставили наших повернуть тыл; наши же вступили в бой на невыгодной позиции с более многочисленными врагами, выдержали пятичасовое сражение, с обнаженными мечами взосли на гору, заставили врагов повернуть тыл на более высокой позиции и загнали их в город. Тот холм, из-за которого завязалось сражение, неприятели укрепили сильными сооружениями и поставили там прикрытие.

48. Через два дня после этого приключилась и еще одна внезапная неприятность: поднялась такая буря, что, по общему мнению, никогда в той местности не было такого большого наводнения. Со всех гор обрушился растаявший снег, реки даже в самых высоких местах вышли из берегов, и оба моста, построенные Фабием, были снесены в один день. Это обстоятельство создало для Цезаревого войска большие затруднения. А именно: его лагерь, как было выше указано, находился между двумя реками — Сикорисом и Цингой, расстояние между которыми достигало тридцати миль. Ни одной из них теперь нельзя было перейти, и по необходимости пришлось ограничиваться этим узким местом. Те общины, которые примкнули к Цезарю, не могли подвозить хлеба; зашедшие слишком далеко фуражиры были оторваны реками и не могли вернуться; наконец, и главный транспорт со съестными припасами, который шел из Италии и Галлии, не мог достигнуть лагеря. А время года было самое неблагоприятное: запасного хлеба уже не было, а новый еще не совсем поспел; соседние общины были истощены, так как Афраний свез почти весь хлеб в Илерду еще до прихода Цезаря, а что оставалось, то Цезарь издержал в предыдущие дни; скот, мясом которого можно было бы на первое время облегчить голод, соседние общины угнали из-за войны в отдаленные места. Того же, кто далеко заходил за фуражом или за хлебом, преследовали легковооруженные; луситаны и знакомые с местностью солдаты из Ближней Испании с малыми щитами; им нетрудно было переправляться через

реку вплавь, так как, по распространенному там обычаю, они выступают в поход не иначе, как с мехами.

49. Наоборот, войско Афрания было богато всевозможным провиантом. Много хлеба Афраний успел запасти и свезти еще раньше, много свозилось со всей провинции, под рукой был также большой запас фуража. Все это вполне безопасно доставлялось по мосту у Илерды из заречных местностей, не пострадавших от войны, к которым Цезарь вообще не имел доступа.

50. Упомянутый разлив продержался несколько дней. Цезарь сделал попытку восстановить мосты: но ни высота воды в реке не допускала этого, ни расположенные по берегу неприятельские когорты не давали кончить работу. Они без труда могли мешать ей как по самому характеру берегов реки и вследствие ее разлива, так и потому, что они обстреливали со всей береговой полосы одно, и притом узкое, место. Наоборот, нашим трудно было работать на очень быстрой реке, не попадая при этом под метательные снаряды.

51. Афраний получил известие, что большой обоз с провиантом, державший путь к Цезарю, остановился у реки. Это были стрелки из области рутенов и всадники из Галлии с большим количеством повозок и, по галльскому обыкновению, с большим багажом. Там было, кроме того, около шести тысяч всякого рода людей, включая рабов и детей, но не было никакого определенного порядка, никакого определенного руководства: каждый поступал по-своему, и все совершали путь без страха, с той же вольностью, с какой они путешествовали в прежние времена. Среди них было также много молодых людей из знатных семейств, детей сенаторов и всадников, были посольства от отдельных общин, были даже послы Цезаря. Всех их задерживал разлив реки. Для внезапного нападения на них Афраний выступил ночью со всей конницей и тремя легионами и, послав перед собой конницу,

напал на них врасплох. Однако галльские всадники быстро изготовились и приняли бой. Пока можно было сражаться одинаковым оружием, они, несмотря на свою малочисленность, выдерживали натиски большого числа врагов; но как только начали приближаться знамена легионов, они, потеряв несколько человек, двинулись наближающие горы. Задержка, вызванная этим сражением, оказалась для наших спасительной: они выиграли время для отступления на высоты. В этот день мы потеряли около двухсот стрелков, несколько всадников, небольшое число погонщиков и некоторую часть обоза.

52. В довершение всего, поднялись цены на хлеб. Это повышение цен, как почти всегда бывает, было тягостно не только вследствие нужды в данный момент, но и вследствие страха за будущее. Цена дошла уже до пятидесяти денариев за модий⁵⁸: недостаток питания успел ослабить силы солдат, а между тем лишения со дня на день увеличивались. Таким образом, в несколько дней произошла огромная перемена в общем положении: наши должны были бороться с нуждой в предметах первой необходимости, тогда как у врагов всего было вдоволь, и они теперь были, повидимому, сильнее наших. Поэтому Цезарь потребовал от примкнувших к нему общин поставки мелкого скота, так как хлеба у них самих было мало; кроме того, он рассылал своих погонщиков по более отдаленным общинам и сам всеми возможными средствами старался смягчить эту нужду.

53. Петрей и Афраний со своими друзьями подробно и с большими преувеличениями сообщали об этом в Рим. Многие присочиняли и городские слухи, так что война казалась почти оконченной. Когда эти письма и вести приходили в Рим, то все спешили в дом Афрания с торжественными поздравлениями. Многие отправлялись из Италии к Гн. Помпею — отчасти, чтобы первыми принести это известие,

⁵⁸ Нормальная цена модия (8³/₄ литра) — около ³/₄ — 1 денария.

отчасти, чтобы не возбуждать подозрений, что они сначала выжидали исхода войны и явились к нему позднее всех других.

54. При таком бедственном положении, когда все дороги были отрезаны пехотой и конницей Афрания и нельзя было закончить постройку мостов, Цезарь приказал своим солдатам строить корабли такого типа, какому его научил опыт, приобретенный в прежние годы в Британии⁵⁹. Киль и ребра делались из легкого дерева, а остальной корпус корабля плели из прутьев и покрывали кожей. Когда они были готовы, он привез их ночью на повозках, связанных парами, на двадцать миль от лагеря, переправил на них через реку солдат, внезапно захватил холм, лежавший у самой реки, и быстро укрепил его прежде, чем противники могли это заметить. Потом он переправил на другой берег легион и начал с двух сторон наводить мост, который через два дня был готов. Таким образом, и транспорт с провиантом, и люди, отправившиеся за хлебом, безопасно достигли его лагеря, и подвоз хлеба был теперь налажен.

55. Еще в тот же день он перевел через реку значительную часть всадников. Напав на фуражиров, которые этого не ожидали и беззаботно рассеялись по окрестностям, они захватили много вьючных животных и людей, а когда на помощь посланы были когорты с малыми щитами, они умело разделились на два отряда: один должен был стеречь добычу, а другой сопротивляться неприятельским атакам и отбивать их. Таким образом, одну из когорт, которая неосторожно выбежала вперед за линию фронта, они отрезали от других, окружили и уничтожили, после чего, сами благополучно и с большой добычей вернулись по тому же мосту в лагерь.

56. Во время этих происшествий под Илердой массивнейцы изготовили, по совету Л. Домиция, семнадцать военных

⁵⁹ В 55—54 годах до н. э.

кораблей, в том числе одиннадцать палубных. К ним они прибавили суда меньшего размера, чтобы самой своей численностью устроить наш флот. На них было посажено большое число стрелков и вышеупомянутых⁶⁰ альбиков, которых поощряли наградами и обещаниями. Домиций выговорил себе особые корабли и посадил на них арендаторов, которых привел с собой. Эта отлично снаряженная эскадра с большой уверенностью выступила против наших судов, находившихся под командой Д. Брута и стоявших у острова против Массилии.

57. Числом кораблей Брут значительно уступал противнику; но Цезарь назначил на этот флот отборных храбрецов из всех легионов, антесигнанов и центурионов, которые сами выговорили себе это назначение. Они изготовили abordажные крюки и багры и запаслись большим количеством копий, дротиков с ремнями и прочего метательного оружия. Заметив приближение врагов, они вывели свои корабли и вступили в бой с массилийцами. Сражались с обеих сторон очень храбро и ожесточенно: суровые горцы-альбики, опытные в употреблении оружия, немногим уступали в храбрости нашим; притом они только что расстались с массилийцами и помнили их недавние обещания. Равным образом и пастухи Домиция в надежде на обещанную им свободу старались отличиться на глазах у своего господина.

58. Сами массилийцы, уверенные в быстротходности своих судов и опытности кормчих, издевались над нашими, уклоняясь от их атак; насколько можно было развернуться на просторе, они растягивали свою линию и старались либо окружать наших, либо нападать с несколькими кораблями на один, либо, наконец, проходя мимо него, по возможности ломать у него весла. Но когда неизбежно было сближение,

⁶⁰ См. гл 34.

а опытность и хитрые маневры кормчих были бесполезными, то они прибегали к храбрости горцев. У наших не было таких опытных гребцов и искусных кормчих, так как они поспешно были взяты с грузовых судов и еще не успели усвоить себе даже названия снастей; кроме того, большой помехой была медленность и тяжесть кораблей: они были сделаны из сырого леса и не обладали полезными качествами быстроходных судов. Поэтому, при первой возможности сражаться на близком расстоянии, наши хладнокровно выставляли один корабль против двух: они накидывали тогда крюки, зацепляли оба корабля и сражались на обе стороны, а затем переходили на суда неприятелей. Таким образом они перебили большое количество альбиков и пастухов, часть неприятельских кораблей пустили ко дну, некоторые захватили в плен вместе с экипажем, остальные загнали в гавань. В этот день кораблей массилийцев и Домиция было взято шесть, погибло — девять.

59. Об этом сражении Цезарю дали знать в Илерду. Вместе с тем с постройкой моста быстро изменилось и его собственное положение. Устрашенные храбростью его конницы, неприятели разъезжали не так свободно и дерзко; иногда они не решались отходить далеко от своего лагеря и, чтобы иметь возможность быстро вернуться, собирали фураж на более ограниченном пространстве; иногда делали большой крюк, чтобы не столкнуться с нашими караулами и пикетами; или же, если несли какие-либо потери и даже просто замечали нашу конницу, бросали по дороге груз и бежали. Наконец, они стали пропускать по нескольку дней и даже, вопреки всяким обычаям, выходить за фуражом ночью.

60. Между тем оскийцы и зависевшие от них калагурританцы отправили к Цезарю послов с обещанием исполнить все его требования. За ними последовали тарраконцы, якетаны и аусетаны, а несколько дней спустя также иллурагвонцы,

жившие у реки Ибера. Всех их он просил снабжать его хлебом. Они обещали это и доставили хлеб на выючных животных, которых согнали отовсюду из окрестностей. Перешла к нему, при известии о решении своего племени, даже ил-лурагвонская когорта: она оставила свой пост и явилась к Цезарю со знаменами. Все сразу сильно изменилось. Постройка моста, переход на сторону Цезаря пяти больших общин, урегулирование снабжения продовольствием, прекращение слухов о тех пяти легионах, которые будто бы должны были прийти на помощь [Афранию] через Мавретанию⁶¹, — все это привело к тому, что еще несколько, притом более отдаленных, племен отпало от Афрания и примкнуло к Цезарю.

61. Все это очень беспокоило противников. В свою очередь Цезарь, чтобы не приходилось отправлять по мосту конницу каждый раз с большим обходом, нашел удобное место и начал проводить несколько рвов шириною в тридцать футов с целью несколько отвести в сторону Сикорис и образовать на этой реке брод. Когда эта работа была почти окончена, Афрания и Петрея охватило сильное беспокойство, как бы их вообще не отрезали от хлеба и фуража, так как Цезарь располагал очень мощной конницей. Поэтому они решили оставить эту местность и перенести военные действия в Кельтиберию. В пользу этого решения говорило, между прочим, то, что из тамошних общин те, которые в прошлую войну стояли на Стороне Сертория⁶², даже заочно боялись имени и власти Помпея как побежденные им; с другой стороны, те, которые, в противоположность им, оставались в дружбе с Помпеем, любили его за его большие милости; имя же

⁶¹ См. гл. 39.

⁶² В 80—72 годах до н. э. Серторий — непримиримый марианец, укрепившийся в Испании и счастливо воевавший с видными римскими полководцами, пока не был убит в 72 году Перперной, что облегчило Помпею окончание этой опасной войны.

Цезаря было у варваров недостаточно известно. Здесь они ожидали подхода больших конных и пехотных подкреплений и рассчитывали, ввиду удобства местности, затянуть войну до зимы. И вот прежде всего они приказали разыскать по всей реке Иберу корабли и привести их в Октогесу. Это был город, лежавший у Ибера и отстоявший от их лагеря на тридцать миль. Они распорядились навести в этом месте реки понтонный мост, переправили два легиона через Сикорис и разбили укрепленный лагерь с валом вышиною в двенадцать футов.

62. Об этом плане Цезарю сообщили разведчики. Напряженную и не прерывавшуюся ни днем, ни ночью работу по отводу реки Цезарь настолько подвинул вперед, что всадники, — правда, с большим трудом и усилиями, — могли уже решиться на переправу, но пехотинцы стояли по плечи и по шею в воде, и их переправе, помимо глубины реки, мешала быстрота ее течения. Как бы то ни было, почти одновременно приходили известия о том, что мост через Ибер достраивается и переправа через Сикорис в брод становится возможной.

63. Теперь у неприятелей стало больше оснований ускорить свое отступление. Они оставили в Илерде в качестве гарнизона только две вспомогательные когорты, а с главными силами перешли через Сикорис и соединились с двумя легионами, которые были переправлены в предыдущие дни. Цезарю не оставалось ничего другого, как беспокоить своей конницей колонну противников и вредить ей. Дело в том, что для переправы по его собственному мосту нужно было сделать большой крюк, а враги могли бы дойти до Ибера гораздо скорее. Посланные им всадники переправились через реку, и когда Афраний и Петрей двинулись в третью стражу в поход, они внезапно появились у их арьергарда, окружили его большой массой и начали всячески задерживать его движение.

64. На рассвете с высот, примыкавших к лагерю Цезаря, видно было, как сильно теснит наша конница задние ряды

неприятельского арьергарда; иногда он, впрочем, выдерживал атаку и прерывал марш, а иногда и вся неприятельская колонна поворачивалась, шла в контратаку и отгоняла их; но затем они снова возвращались и возобновляли преследование. Во всем лагере солдаты собирались в кучки и жаловались на то, что врага выпускают из рук и что войну тянут дольше, чем нужно; они обращались с усердной просьбой к своим центурионам и военным трибунам сообщить Цезарю, что незачем оберегать их от труда и опасностей: они вполне готовы, у них хватит сил и смелости перейти через реку там, где была переправлена конница. Их пыл и громкие заявления побудили Цезаря сделать, наконец, эту попытку, хотя вообще он опасался бросать войско в глубокую реку. И вот он приказал отобрать из всех центурий наиболее слабых солдат, у которых нехватило бы ни храбрости, ни физической силы. Их он оставил с одним легионом для охраны лагеря; а остальные легионы вывел без поклажи, поставил в реке вверх и вниз по течению большое количество вьючных животных и таким образом переправил войско. Немногих солдат унесло течением, так что их должна была подхватывать и поддерживать конница; однако, никто не погиб. После благополучной переправы Цезарь выстроил войско и двинулся тремя колоннами. При этом пыл солдат был так велик, что, несмотря на крюк в шесть миль и большую задержку у речного брода, они к девятому часу дня нагнали неприятелей, которые вышли еще в третью стражу.

65. Как только Афраний и Петрей издали заметили движение нашего войска, они, в ужасе от этой неожиданности, остановились на высоком месте и выстроили свои силы. Цезарь дал солдатам отдохнуть на равнине, чтобы не бросать их в бой усталыми; при попытках же противника продолжать путь он каждый раз преследовал и задерживал его. Неприятели по необходимости должны были разбить лагерь раньше, чем предполагали. Уже близки были горы, и в пяти

милях за ними шли трудные и узкие дороги. В область этих гор им и хотелось вступить, чтобы уйти от Цезаревой конницы и захватом ущелья получить возможность задерживать движение его пехоты, а самым тем временем, без страха и без риска, переправить свои войска через Ибер. Эту попытку им нужно было сделать и выполнить во что бы то ни стало; но утомление от продолжавшегося целый день сражения и трудного похода заставило их отложить ее до следующего дня. Цезарь также разбил свой лагерь на ближайшем холме.

66. Около полуночи люди, которые ушли слишком далеко от лагеря за водой, были захвачены нашими всадниками. Через них Цезарь узнал, что неприятели начали без шума выводить свои войска из лагеря. Тогда он приказал дать сигнал к выступлению и, по военному обычаю, клич «к упаковке». Те, услышав этот клич и боясь, что им придется вступить в бой отягченными поклажей или что их может задержать в ущелье наша конница, приостановили выступление и задержали войска в лагере. На следующий день Петрей тайно отправился с несколькими всадниками на рекогносцировку местности. Цезарь также послал из своего лагеря Л. Децидия Саксу с немногими людьми для осмотра местности. Оба они возвратились с одинаковыми сообщениями: ближайшие пять миль пути продолжается еще равнина, а затем идет местность неровная и гористая; кто первый займет это ущелье, тот без всякого труда может задержать неприятеля.

67. Петрей и Афраний стали обсуждать на военном совете вопрос о времени выступления. Большая часть высказывалась за ночной марш на том основании, что можно дойти до ущелья прежде, чем Цезарь это заметит. Другие утверждали, что тайно уйти нельзя, и в качестве доказательства ссылались на боевую тревогу, поднятую прошлой ночью в лагере Цезаря. Они говорили, что *ночью разъезжает кругом конница Цезаря и занимает все пункты и дороги; ночных сражений надо избегать*

еще и потому, что в гражданской войне солдаты, раз они утрачены, обыкновенно более поддаются внушению страха, чем думают о своем долге, зато при дневном свете, когда они находятся у всех на глазах, много значит стыд, большую пользу приносит также присутствие военных трибунов и цензурионов. Все это обыкновенно сдерживает и дисциплинирует солдат. Поэтому надо во что бы то ни стало прорваться днем: правда, это, может быть, будет связано с некоторыми потерями, но раз ядро армии будет спасено, то занятие необходимой позиции наверно удастся. Это мнение одержало на военном совете верх, и решено было выступить в поход на рассвете следующего дня.

68. После ознакомления с местностью Цезарь с первым светом вывел все свои войска из лагеря и двинулся далеко в обход, не держась определенного направления. Ибо те пути, которые шли к Иберу и Октогесе, были заняты находившимся напротив лагерем неприятелей. Ему приходилось идти по очень глубоким и трудно проходимым долинам, во многих местах движение задерживалось скалами, так что солдаты по необходимости передавали оружие из рук в руки и значительную часть пути прошли без оружия, поддерживая друг друга. Но никто не отказывался от этих трудностей в убеждении, что всем их трудам придет конец, если удастся отрезать неприятеля от Ибера и от подвоза продовольствия.

69. Сначала Афраниевы солдаты из любопытства с радостью выбегали из лагеря и провожали наших насмешками, что, очевидно, голод заставил нас бежать и возвратиться в Илерду. Действительно, сперва наш путь шел в противоположном направлении от намеченной цели, и казалось, что мы идем совсем в сторону от Ибера. Неприятельские вожди превозносили похвалами свой мудрый план, именно что они остались со всем войском в лагере. В этом ошибочном мнении их очень поддерживало то, что они видели, как мы выступили без вьючных животных и без обоза; а это внушало им уверенность, что мы дольше не можем выносить нужду. Но когда они

заметили, что наша колонна мало-помалу повертывает направо, и обратили внимание на то, что первые ряды ее уже выходят за линию их лагеря, то даже самые ленивые и медлительные люди стали высказываться за немедленное выступление навстречу врагу. Раздался клич «к оружию», и все войско, оставив несколько когорт для охраны лагеря, поспешило прямым путем к Иберу.

70. Теперь все зависело исключительно от быстроты, именно от того, кто первый займет ущелье и горы. Армию Цезаря замедляли трудности дорог, а войско Афрания задерживала преследовавшая его по пятам наша конница. Но во всяком случае афранианцы поставили себя в очень тяжелое положение; если бы даже они и достигли первыми гор, к которым стремились, то они только сами избавились бы от гибели, спасти же обоз всей армии и оставленные в лагере когорты у них не было никакой возможности: раз они оказались отрезанными армией Цезаря, помочь им нельзя было никоим образом. Цезарь первый достиг цели. Вслед за высокими утесами он попал на равнину и на ней выстроил свое войско против неприятеля. Афраний, аррьергард которого все время теснила наша конница, теперь увидал неприятеля прямо перед собой. Он нашел один холм и на нем остановился. Отсюда он послал испанцев, вооруженных легкими щитами, на очень высокую гору, находившуюся у всех на виду. Ее он приказал захватить бегом, с тем расчетом, чтобы самому поспешить туда же со всеми силами, изменить затем маршрут и по горам дойти до Октогесы. Эти когорты пошли на гору сбоку и были атакованы заметившей их конницей Цезаря. Ни одной минуты они не могли выдержать ее натиска: наши окружили их и перебили всех на глазах обеих армий.

71. Это был подходящий момент для удачного сражения. Цезарь сам понимал, что войско в ужасе от большой потери, понесенной у всех на глазах, и не в состоянии сопротивляться, тем более, что оно со всех сторон окружено нашей конни-

цей и вынуждено сражаться на ровном и открытом месте. И этого все от него требовали. Легаты, центурионы и военные трибуны — все поспешили к нему и убеждали дать без колебаний сражение: все войско пылает желанием боя; наоборот, афранианцы дали много доказательств своего страха: они не пришли на помощь своим, не сходят с своего холма, с трудом выдерживают натиск нашей конницы, снесли знамена в одно место, сбились в кучу, не держат строя и не стоят у знамен. Но если Цезарь боится неудобств этой местности, то все равно в другом пункте непременно представится удобный случай для сражения, так как Афраний неизбежно должен уйти отсюда: пробыть без воды он не может.

72. Но Цезарь стал надеяться достигнуть своей цели без сражения и без потерь, раз ему удалось отрезать противников от продовольствия: зачем ему хотя бы и в счастливом бою терять кого-либо из своих? Зачем проливать кровь своих заслуженных солдат? Зачем, наконец, испытывать счастье? Ведь задача полководца — побеждать столько же умом, сколько мечом. Жалел он и своих сограждан, которых пришлось убивать; а он предпочитал одержать победу так, чтобы они остались невредимыми. С этими соображениями Цезаря большинство не соглашалось; солдаты открыто говорили друг другу, что раз упускают случай одержать такую большую победу, то они не станут сражаться даже тогда, когда Цезарь от них этого потребует. Но Цезарь остался при своем решении. Он отошел в сторону от своей позиции, чтобы уменьшить у противников страх. Петрей и Афраний воспользовались этим случаем и возвратились в свой лагерь. Цезарь поставил в горах сильные посты, совершенно отрезал все пути к Иберу и укрепил свой лагерь в ближайшем соседстве с лагерем неприятеля.

73. На следующий день вожди противников, смущенные тем, что им пришлось отказаться от всякой надежды на продовольствие и на доступ к Иберу, начали совещаться относительно дальнейшего образа действий. Перед ними были две

возможности — вернуться в Илерду или же идти к Тарракону. Во время этого совещания им дали знать, что отправившихся за водой теснит наша конница. Тогда они немедленно расставили для охраны частые конные посты и союзные отряды, поместив между ними также несколько легионных когорт, и начали вести вал от лагеря к водопою, чтобы за этим укреплением можно было ходить за водой без страха и без прикрытий. Эту работу Петрей и Афраний разделили между собою и для ее выполнения сами отправились довольно далеко от лагеря.

74. С их уходом солдаты получили полную возможность завязать разговоры с людьми Цезаря. Они вышли толпами из лагеря и стали разыскивать и вызывать своих знакомых и земляков в войске Цезаря. Прежде всего они сообщали поблагодарили всех нас за то, что вчера при их великом страхе мы их пощадили: только нам они обязаны жизнью. Затем они спрашивали, держит ли свое слово полководец и правильно ли будет с их стороны довериться ему, жалели, что не сделали этого с самого начала, но подняли оружие против людей родных и единокровных. Увлеченные этой беседой, они теперь уже выражали желание получить от полководца определенную гарантию, что он сохранит жизнь Афранию и Петрею: иначе их будут считать преступниками и предателями своих. В случае утвердительного ответа они готовы были сейчас же перейти к Цезарю со своими знаменами и отправили к нему послами для переговоров о мире центурионов первых рангов. Тем временем некоторые из афранианцев привели к себе в лагерь своих друзей для угощения, а другие были уведены к нам, так что теперь два лагеря казались соединенными в один. Даже многие из военных трибунов и центурионов явились к Цезарю засвидетельствовать свое почтение. Их примеру последовали испанские князья, которых Афраний вызвал к себе и держал в качестве заложников. Они стали разыскивать своих знакомых и гостеприимцев, чтобы, по их рекомендации, получить до-

ступ к Цезарю. Даже молодой сын Афрания просил Цезаря при посредстве его легата Сульпиция помиловать его и его родителя. Все были радостно настроены и поздравляли друг друга — одни с избавлением от великой опасности, другие — с крупным и бескровным успехом. Цезарь, по общему признанию, пожинал теперь великие плоды своей вчерашней мягкости, и его образ действий встречал со всех сторон полное одобрение.

75. При известии об этом Афраний немедленно оставил начатые работы и возвратился в лагерь с видимой решимостью отнестись спокойно и хладнокровно ко всему, что пошлет судьба. Но Петрей не изменил себе⁶³: он вооружил всех своих слуг, взял с собой, кроме них, преторскую когорту⁶⁴ из вооруженных легкими щитами, а также несколько варварских всадников, которых он обыкновенно держал при себе в качестве привилегированной личной охраны⁶⁵, и неожиданно для всех прискакал к валу. Тут он прекратил солдатские разговоры, отогнал наших от своего лагеря, а кого захватил, тех приказал убить. Остальные в страхе перед внезапной опасностью сплотились, обернули левую руку плащом, обнажили мечи, отбивались таким образом от легковооруженных и всадников в надежде на близость лагеря и, наконец, отступили к нему. Здесь их приняли под свою защиту те когорты, которые стояли на карауле у ворот.

76. После этого Петрей со слезами обходит манипулы, лично обращается к солдатам и закликает их не предавать неприятелям на гибель ни его, ни своего отсутствующего полководца Помпея. Войско быстро собралось к преторской

⁶³ Столь же энергичен был Петрей в свое время в сражении с Каталиной (Sail. Cat., 59 и след.).

⁶⁴ Лейб-гвардия полководца.

⁶⁵ *Milites beneficiarii* избавлялись от обычной солдатской службы и состояли при полководце для особых услуг.

ставке. Петрей требует от всех присяги, что они не покинут и не предадут армии и вождей и не будут принимать сепаратных решений. Первым присягает он сам, затем приводит к присяге Афрания, за ним следуют военные трибуны и центурионы; наконец, тут же приносят присягу солдаты, выстроенные по центуриям. Предводители издают приказ, в силу которого приютившие Цезаревых солдат должны были привести их к ставке; приведенные были публично казнены. Но большую часть своих гостей солдаты спрятали и ночью выпустили через вал. Таким образом, устрашающие меры вождей, жестокая казнь и новая торжественная присяга уничтожили надежду на немедленную сдачу, произвели поворот в умах солдат и восстановили прежнее военное положение.

77. Цезарь приказал тщательно разыскать и отпустить тех неприятельских солдат, которые во время переговоров пришли в его лагерь. Но из военных трибунов и центурионов некоторые добровольно остались у него. Впоследствии он держал их в большом почете, центурионы были восстановлены в своих прежних рангах, а римские всадники в должности военных трибунов⁶⁶.

78. Неприятелям была затруднена фуражировка, с трудом доставали они и воду. Легионеры их имели некоторый запас хлеба, так как им было приказано захватить с собой из Илерды провианта на семь дней, но у легковооруженных и у вспомогательных войск его совсем не было: у них нехватало денег на его покупку, да и сами они были физически непривычны носить поклажу. Поэтому они ежедневно в большом количестве перебегали к Цезарю. Столь бедственно было положение неприятелей. Из двух планов, между которыми у них был выбор⁶⁷,

⁶⁶ Военные трибуны большей частью происходили из римских всадников и имели всаднический ранг.

⁶⁷ См. гл. 73.

более простым представлялось возвращение в Илерду, так как там они оставили немного провианта; вместе с тем они были уверены, что там они сообразят, что делать дальше. Но Тарракон был слишком далеко: на этом длинном пути, естественно, могло бы случиться немало разных неожиданностей. Они приняли первый план и выступили из лагеря. Цезарь послал вперед конницу беспокоить и задерживать их аррьергард и сам пошел следом за ней с легионами. Тут же начались непрекращавшиеся ни на один момент стычки задних рядов аррьергарда с нашей конницей.

79. Эти сражения были такого рода. Неприятельский аррьергард замыкало несколько когорт в полной боевой готовности; на ровных местах они останавливались в большом количестве для отпора коннице. При подъеме на гору наилучшей защитой была сама местность, так как те, которые заходили вперед, защищали сверху поднимающихся вслед за ними; но на равнине или при спуске передние части колонны не могли подавать помощь отстававшим задним, так как наша конница стреляла сверху прямо им в тыл, и тогда положение становилось весьма опасным. При приближении к таким местам не оставалось ничего другого как отдавать приказ легионам остановиться и сильной контратакой отбрасывать конницу, а затем всем до одного бегом спускаться в долину и, пройдя ее таким способом, снова останавливаться на ближайших возвышениях. Их собственная, хотя и очень многочисленная, конница не оказывала им ровно никакой поддержки; наоборот, она была так напугана предыдущими сражениями, что легионам пришлось дать ей место в середине и самим же ее защищать. И никто на походе не мог выходить из рядов, не попадая в руки нашей коннице.

80. При таких сражениях им удавалось подвигаться вперед лишь медленно и понемногу и часто приходилось останавливаться, чтобы подать помощь своим. Так тогда и было. Пройдя

путь в четыре мили, во время которого их непрерывно и необыкновенно сильно беспокоила наша конница, они заняли высокую гору и там разбили лагерь, но укрепили только ту его сторону, которая обращена была против неприятеля. При этом они не стали снимать поклажу с вьючных животных. И вот, как только они обратили внимание на то, что Цезарь также разбил лагерь, раскинул палатки и отправил конницу в разные стороны за фуражом, они вдруг бросились около шестого часа того же дня из своего лагеря и, в надежде, что мы за отъездом нашей конницы замедлим с преследованием, выступили в поход. Заметив их движение, Цезарь немедленно вывел свои легионы и пошел по пятам за неприятелями. Для охраны обоза им было оставлено несколько когорт, которые должны были в десятом часу двинуться следом за ним. Фуражиры и конница были спешно отозваны назад, причем конница тут же вернулась к своей повседневной походной службе. Начались жаркие стычки с аррьергардом, так что тот едва не обратился в бегство, и много солдат, даже несколько центурионов, было при этом убито. Пехота Цезаря также уже надвигалась и угрожала врагу всей своей массой.

81. Теперь у врагов не оставалось никакой возможности ни найти подходящее место для лагеря, ни двигаться вперед. По необходимости они остановились и разбили лагерь на совершенно неудобном месте и далеко от воды. Но, по выше указанным причинам, Цезарь не стал их беспокоить⁶⁸. Однако он не позволил своим людям ставить на этот день палаток, чтобы все они были вполне готовы к преследованию, на тот случай, если враги попытаются прорваться, все равно, ночью или днем. Неприятели заметили невыгодное положение своего лагеря; в течение всей ночи они выносили вперед свои укрепления и заменяли один лагерь другим. То же самое они делали и на следующий день и работали с раннего утра до

⁶⁸ См. гл. 72.

вечера. Но насколько они преуспели в этой работе и выдвинули лагерь, настолько же удалились от воды, так что одно зло пришлось исправлять другим. В следующую ночь уже никто не выходил из лагеря за водой; а на следующий день они оставили в лагере охрану и двинулись за водой всем войском. Вместо того чтобы давать решительное сражение, Цезарь предпочитал довести их этими страданиями до полного истощения и тем вынудить к неизбежной сдаче. Но все-таки он сделал попытку окружить их со всех сторон валом и рвом, чтобы как можно больше затруднить их внезапные вылазки, на которые, по его мнению, они по необходимости должны были пойти. По недостатку фуража, а также с тем, чтобы обеспечить себе свободу движения, они распорядились убить всех выючных животных.

82. На эти работы и соображения пошло два дня. На третий день часть работ Цезаря уже подвинулась вперед. Чтобы помешать их окончанию, неприятели дали около девятого часа боевой сигнал, вывели легионы и выстроили их у самого своего лагеря. Цезарь отозвал свои легионы с работы, приказал собраться всей коннице и также построил все свои силы в боевую линию: предположение, что вопреки доброму мнению о нем солдат и своей общепризнанной славе он боится боя, могло бы очень повредить ему. Но те же самые, уже известные нам основания удерживали его от решительного сражения, и теперь еще более, чем прежде, так как ввиду краткости расстояния между фронтами даже обращение противников в бегство лишь немного содействовало конечной победе. Ведь лагеря отстояли друг от друга не более чем на двести футов. Две трети этого пространства занимали оба фронта, и только одна треть оставалась свободной для атак и для боя. В случае сражений даже совершенно разбитая сторона, вследствие близости лагеря, нашла бы в нем убежище. Поэтому Цезарь решил давать отпор атакам неприятеля, но самому не вовлекать его в бой.

83. Афраний образовал из пяти легионов две боевых линии, а третью, в качестве резерва, занимали вспомогательные когорты. Фронт Цезаря также состоял из трех линий, но в первой линии было по четыре когорты из его пяти легионов, за ними следовали, в качестве резерва, по три, а затем снова также по три когорты из соответствующих легионов; стрелки и пращники стояли в центре, конница прикрывала фланги. Такое построение, повидимому, соответствовало тем целям, которых твердо держались обе стороны: Цезарь не хотел сражаться иначе, как по необходимости, Афраний желал помешать окончанию осадных работ Цезаря. Выжидание затянулось надолго, и оба войска простояли до захода солнца друг против друга, а затем вернулись в свои лагеря. На следующий день Цезарь приступил к окончанию начатых укреплений, а противники стали нащупывать брод на реке Сикорисе, в надежде на возможность переправы. Заметив это, Цезарь переправил через реку легковооруженных германцев и часть конницы и расставил по берегам ее частые посты.

84. Наконец, неприятели, чувствуя стеснение во всем, продержав обозных животных уже четвертый день без корма, оставаясь без воды, дров и хлеба, обратились с просьбой об открытии переговоров, и притом по возможности в таком месте, которое было бы недоступно для солдат. В этом Цезарь им отказал и согласился только на публичные переговоры, если они их пожелают. Они дали в заложники сына Афрания и явились на указанное Цезарем место. Перед лицом обеих армий Афраний сказал: *ни на них, ни на солдат не следует гневаться за то, что они пожелали соблюсти верность присяге, данной ими своему главнокомандующему Гн. Помпею. Но они уже достаточно исполнили свой долг и довольно испытали мучений, перенеся нужду во всем: точно диких зверей их загнали в ловушки: их не пускают к воде, им не дают свободы движения; тело отказывается уже выносить страдания, душа — бесславие. Поэтому они признают себя побежденными и усердно просят —*

если у Цезаря есть для них какая-либо жалость — не считать необходимым прибегать к крайне суровой каре для них. Все это было сказано в высшей степени смиренно и покорно.

85. На это Цезарь ответил: Афранию менее, чем кому-либо другому, прилично жаловаться на судьбу и вызывать к состраданию. Ведь все остальные исполнили свой долг: исполнил его он, Цезарь, не пожелавший даже при выгодных условиях, в удобном месте в удобное время дать сражение, чтобы можно было вполне беспрепятственно приступить к заключению мира; исполнило его войско, так как оно пощадило и защищало тех, которые уже были в его руках, несмотря на оскорбления, которым оно подверглось, и на убийство своих товарищей. Наконец, исполнили свой долг и солдаты армии Афрания, которые по собственному почину завязали мирные переговоры, причем сочли нужным позаботиться о спасении всех остальных. Так люди всех классов постарались проявить милосердие, но сами вожди и слышать не хотели о мире; они не уважали ни права переговоров, ни права перемирия и людей неопытных и соблазнившихся беседой бесчеловечно казнили. И вот теперь с ними случилось то, что большей частью случается с людьми, слишком упрямыми и высокомерными: они прибегают и страстно стремятся к тому, что не так давно презирали. Но, впрочем, ни теперь в их унижении, ни вообще при каком-либо удобном случае он не склонен требовать того, что увеличило бы его силы, он желает только, чтобы были распущены те войска, которые его враги в течение уже многих лет содержали против него. Ведь не для иной же цели были отправлены в Испанию шесть легионов, а 7-й набран там, изготовлено столько больших эскадр и посланы вожди, искусные в военном деле. Все эти меры принимались отнюдь не для замирения Испании, отнюдь не для потребностей Провинции, которая вследствие долгого мира не нуждалась ни в какой военной поддержке. Но все это уже давно готовится только против него: против него учреждается новая форма верховной власти, и, таким образом, одно и то же лицо, находясь под Римом, заведует римскими делами, и оно же заочно

в течение стольких лет распоряжается двумя очень воинственными провинциями⁶⁹, против него изменяют коренные права магистратуры и посылают в провинцию не тех⁷⁰, которые только что отправляли должность претора или консула (как это до сих пор всегда делалось), но любимцев олигархии, выбранных с ее одобрения; против него — не признают действительной ссылку на старость и вызывают для командования армиями людей, отличившихся в прежних войнах; ему одному не разрешается того, что до сих пор предоставлялось всем полководцам, именно ему отказывают в праве после успешной войны возвращаться домой с почетом, или по крайней мере без позора, и уже дома распускать свое войско. Но все это он переносил терпеливо и будет переносить; да и теперь он не добивается того, чтобы отобрать у них войско и присвоить его себе, хотя это для него было бы и нетрудно; он желает только, чтобы у противника не было оружия, которое они могли бы употребить против него. Поэтому, как уже сказано, они должны оставить провинции и распустить войско. Вот его единственное и непреложное условие мира.

86. Солдатам это было в высшей степени приятно, как это можно было заметить по проявлениям их чувств: и действительно, вместо заслуженного наказания, которого они до известной степени имели основание ожидать для себя, они получили даже награду в виде отставки. Когда поднят был спорный вопрос о ее месте и времени, то они все до одного криками и жестами давали понять с вала, на котором они стояли, что желают немедленного роспуска: *какие бы гаран-*

⁶⁹ Имеется в виду особое положение Помпея; будучи проконсулом обеих Испаний, он управлял ими через посредство своих легатов, а сам оставался в окрестностях Рима и следил за ходом политической жизни. В 52 году, в год убийства Клодия Милоном, Помпей был избран «консулом без коллеги» и соединял, вопреки всем прецедентам, эту должность с проконсульской.

⁷⁰ См. гл. 6.

тии им ни давали, не может это дело быть верным, если отложить его на другое время. После краткого обсуждения этого вопроса в том и в другом смысле в конце концов согласились на том, что имеющих жительство в Испании или чем-либо там владеющих отпустить немедленно, а остальных — у реки Вара. С своей стороны, Цезарь поручился в том, что никто из них не пострадает и никого не будут против воли принуждать к переходу в нашу армию.

87. С этого времени до прихода к реке Вару Цезарь обещал снабжать их хлебом. Кроме того, он пожелал возратить им все потерянное ими на войне, поскольку оно окажется в руках его солдат: своим солдатам он выплатил за эти вещи деньги по справедливой оценке. Вообще по всем тяжбам, которые после этого возникали у неприятельских солдат, они по доброй воле обращались за посредничеством к Цезарю. Когда легионы готовы были взбунтоваться и потребовали жалования, которому, по мнению Петрея и Афрания, не пришел еще срок, то они изъявили желание, чтобы это дело было расследовано Цезарем, и его приговором остались довольны обе стороны. Именно за эти два дня было распущено около трети войска (остальные две трети он поместил в середину своей армии); при этом два его легиона должны были идти впереди афранийцев, а остальные следовать сзади и располагаться лагерем в недалеком друг от друга расстоянии. Это дело он возложил на своего легата — Кв. Фуфия Калена. Согласно с этим распоряжением, шли из Испании до реки Вара, и там была распущена остальная часть войска Афрания.

Книга вторая

1. Так шли дела в Испании. Тем временем Г. Требоний, который был оставлен для осады Массилии⁷¹, начал с двух сторон подводить к городу плотину, подвижные галереи и башни. Одна из башен находилась в ближайшем соседстве с гаванью и с верфями, а другая была у ворот, через которые входили в город со стороны Галлии и Испании (в той части морского берега, которая прилегает к устью Родана). Дело в том, что Массилия почти с трех сторон омывается морем и только четвертая доступна с суши. Но и в этой полосе та ее часть, которая доходит до кремля, защищена от природы глубокой ложиной, и потому ее осада была бы продолжительной и трудной. Для производства осадных работ Г. Требоний выписал из всей провинции большое количество вьючных животных и рабочих и приказал доставить хворосту и лесу. Это позволило ему выстроить плотину в восемьдесят футов высотой.

2. Но в городе был издавна такой большой запас военных материалов и такие крупные метательные машины, что никакие галереи, покрытые прутьями, не могли выдерживать действия снарядов. Двенадцатифутовые колья с острыми наконечниками, выпускаемые из балист самого крупного калибра, не только пробивали целых четыре слоя фашины, но и вонзались в землю. Поэтому галереи прикрывались связанными в ряд футовыми бревнами, соединенными друг с другом, и по ним проносили и передавали из рук в руки строительный материал. Впереди шла «черепаха» в шестьдесят футов для выравнивания почвы. Она также была сделана из очень массивных бревен и прикрыта всем тем, что могло защищать ее от огня и камней. Но большие размеры осадных

⁷¹ См. I, 36.

работ, высота стены и башен и множество метательных орудий замедляли все дело осады. Кроме того, альбики часто делали вылазки из города и пытались поджечь плотину и башбашни. Впрочем, наши солдаты без труда парализовали эти попытки и, со своей стороны, причиняя большие потери делавшим вылазки, отбрасывали их в город.

3. Между тем Гн. Помпей послал на помощь Л. Домицию⁷² и массилийцам Л. Насидия с эскадрой в шестнадцать кораблей, часть которых была обита медной броней. Он шел Сицилийским проливом совершенно незаметно для Куриона⁷³, пристал к Мессане, воспользовался тем, что знатные граждане и сенат этого города были охвачены ужасом и бежали, и увел из тамошней верфи один корабль. Включив его в свою эскадру, он направился к Массилии и тайно выслал вперед быстроходную лодку, чтобы известить Домиция и массилийцев о своем приближении. При этом он настойчиво уговаривал их дать с помощью доставленных им подкреплений новое сражение флоту Брута.

4. Массилийцы со времени своей вышеупомянутой неудачи⁷⁴ вывели из верфи старые корабли приблизительно в таком же количестве, как и прежде, и успели их починить и с большой тщательностью снарядить, тем более что у них не было недостатка в гребцах и кормчих. В эту эскадру они включили также рыбацьи лодки, покрыв их палубой для защиты гребцов от снарядов, и вооружили их стрелками и метательными машинами. К снаряженному таким образом флоту старики, женщины и девушки обратились со слезными мольбами помочь в последний час родному городу. Под их впечатлением экипаж сел на корабли с неменьшим воодушевлением и

⁷² См. I, 34 и 36.

⁷³ См. I, 30.

⁷⁴ См. I, 58.

уверенностью, чем в предыдущем сражении. Ведь таков уже свойственный всем недостаток нашей человеческой природы, что вещи неожиданные и неизвестные внушают слишком большую самоуверенность или же слишком большой страх. Так случилось и тогда. Действительно, прибытие А. Насидия возбудило в гражданах большие надежды и рвение. При первом же благоприятном ветре они вышли из гавани и прибыли в Тавроэнт (укрепленный пункт у массилийцев) на соединение с Насидием. Там они привели свой флот в боевую готовность, ободрили друг друга к бою и сообща наметили план военных действий. Правое крыло было отведено массилийцам, левое — Насидию.

5. Туда же поспешил и Брут. Его эскадра также увеличилась, так как к судам, построенным по распоряжению Цезаря в Арелате⁷⁵, прибавилось шесть кораблей, захваченных у массилийцев. За этот промежуток он починил их и вполне снарядил. Ободрив своих солдат и напомнив им, что они победили несломленного врага и теперь должны показать свое презрение к побежденному, он выступил против массилийцев, полный воодушевления и надежды на успех. Из лагеря Г. Требония и со всех возвышенных мест легко было обозревать весь город. Было видно, как вся оставшаяся в городе молодежь, а также все пожилые люди с женами и детьми протягивали к небу руки из общественных мест, со сторожевых пунктов и со стены или шли к храмам бессмертных богов и, распростершись перед их изображениями, молили о победе. Все без исключения понимали, что от успеха этого дня зависит вся их судьба. Ведь на суда сели знатнейшая молодежь и самые почтенные граждане всех возрастов, которых вызвали поименно и умоляли в случае поражения отказаться от каких бы то ни было дальнейших попыток,

⁷⁵ См. I, 36.

а в случае победы быть уверенными, что город будет спасен или домашними силами, или, может быть, также помощью извне.

6. В завязавшемся сражении массилийцы проявили величайшую храбрость: они помнили о напутственных наставлениях, полученных ими от своих близких, и сражались в убеждении, что у них уже не будет случая для подобной попытки и что те из них, кого постигнет в бою смерть, лишь немного раньше разделят судьбу остальных граждан, которых при взятии города ждет та же участь. Когда наши корабли стали мало-помалу разворачиваться, то неприятели извлекли пользу из ловкости своих кормчих и подвижности своих судов: а когда наши при удобном случае накидывали на неприятельский корабль железные багры и зацепляли его, то оказавшийся в бедственном положении корабль немедленно получал со всех сторон помощь. Если дело доходило до рукопашного боя, то от массилийцев не отставали и их союзники альбики, которые лишь немногим уступали нашим в храбрости. Вместе с тем снаряды, во множестве выпускаемые издали с судов меньшего размера, ранили многих из наших людей, которые этого не предвидели и не могли от них защититься. Две неприятельских триремы заметили корабль Д. Брута, который особенно легко было узнать по его особому флагу, и бросились на него с двух сторон. Но подготовленный к этой атаке Брут сделал быстрое движение и увернулся от столкновения. Неприятельские корабли с разбега так сильно столкнулись друг с другом, что оба очень тяжело пострадали, а один, у которого обломился нос, совсем потерял боеспособность. Тогда те корабли из эскадры Брута, которые находились поблизости, воспользовались их аварией, атаковали их и быстро пустили оба их ко дну.

7. Корабли же Насидия оказались бесполезными и скоро вышли из линии боя: ведь у людей их экипажа не было перед

глазами родного города, не слышали они напутствий со стороны близких родных, и ничто не понуждало их рисковать жизнью. Поэтому в составе этих кораблей совсем не было потерь. Зато из масилийского флота пять кораблей было пущено ко дну, четыре захвачено, один спасся бегством вместе с эскадрой Насидия; все они устремились в Ближнюю Испанию. Один из уцелевших кораблей был послан вперед в Массилию сообщить эту весть. При его приближении к городу навстречу ему высыпало за получением вестей все население, и когда узнали о поражении, то всеми овладела глубокая печаль, и город сразу принял такой вид, как будто бы его взяли с бою враги. Тем временем масилийцы стали готовиться к обороне города.

8. Легионеры, работавшие на правой стороне шанцевых укреплений, заключили из частых вылазок врага, что для обороны может быть весьма полезной постройка по соседству со стеной кирпичной башни, которая служила бы для них и фортом и убежищем при отступлении. Сначала они сделали ее — только на случай внезапных нападений — низкой и маленькой. Сюда они отступали, отсюда и отбивались, если на них нападали врасплох более или менее крупные силы; отсюда, наконец, они выбегали для отражения и преследования неприятеля. Она тянулась в каждую сторону на тридцать футов, а ее стены были в пять футов толщиной. Но после этого — ведь опыт в соединении с человеческой изобретательностью во всем учитель — оказалось, что очень полезно было бы построить башню выше. Это было сделано следующим образом.

9. Когда башня была выведена до дощатого наката первого этажа, они вставили балки в ее стены так, что даже концы балок были прикрыты стеной кладкой, и, таким образом, наружу не выступало ничего такого, к чему бы мог пристать неприятельский огонь. Поверх этого наката они повели стен-

ную кирпичную кладку на такую высоту, на какую позволяла крыша щитка и подвижных навесов; сверху этой кладки они положили накрест две балки, почти, доходившие до наружных стен, с тем чтобы на них держался тот накат, который должен был служить крышей башни; а поверх этих двух балок были положены под прямым углом и связаны досками поперечные балки. Эти поперечные балки были несколько длиннее стен и немного выдавались наружу так, чтобы на них можно было повесить цыновки, которые должны были во время выведения стен под накатом задерживать и отражать неприятельские снаряды. Этот верхний накат был покрыт кирпичом и глиной, чтобы обезвреживать неприятельский огонь, а поверх кирпича и глины были постланы матрацы, чтобы снаряды из метательных машин не пробивали дерева, а камни из катапульта не расшатывали кирпичной кладки. Указанные цыновки, которых было три, были сделаны из якорных канатов и были такой же длины, как стены, а шириной в четыре фута; они были укреплены вокруг башни и повешены снаружи с трех сторон, обращенных к неприятелю, на выступавших концах поперечных балок. Опыт, приобретенный в других местах, убедил строителей в том, что только такого рода канатные цыновки непроницаемы ни для обычных снарядов, ни для снарядов, выпускаемых из осадных машин. Как только готовая часть башни была покрыта и защищена от всяких неприятельских снарядов, они убрали щитки на другие работы, а крышу башни как самостоятельную часть сооружения начали поднимать с первого яруса воротами вверх — настолько, насколько позволяли спущенные цыновки. Под их прикрытием и защитой они продолжали выводить кирпичные стены и снова посредством ворота поднимали крышу и освобождали себе место для дальнейшей стройки. Как только подходило время класть второй накат, они так же, как сначала, вделывали балки в наружные

кирпичные стены и отсюда снова поднимали воротами крышу вместе с цыновками. Таким образом, вполне свободно, без кровопролития и без опасности они выстроили шесть ярусов и в подходящих местах оставили шесть отверстий для метания снарядов.

10. Как только они получили уверенность, что эта башня может защитить все соседние верки, они начали строить подвижной навес длиной в шестьдесят футов из балок в два фута толщиной, чтобы продвигать его от своей кирпичной башни к неприятельской башне и к стене. Он был устроен следующим образом. Прежде всего были положены на земле две балки одинаковой длины на расстоянии четырех футов друг от друга и в них были вставлены столбы вышиной в пять футов. Эти столбы были соединены друг с другом не очень крупными стропилами, на которых должны были лежать балки, образующие крышу подвижного навеса. Эти балки были в два фута толщиной и были прибиты скобами и гвоздями. На самом краю крыши и на балках были прикреплены бруски в четыре пальца в квадрате, чтобы поддерживать кирпичи, которые должны были покрывать крышу. Когда таким образом была сделана покатая крыша, идущая рядами в соответствии с положением балок на стропилах, подвижной навес был покрыт кирпичами и глиной для защиты от огня с неприятельской стены. Кирпичи же покрыли кожей, чтобы неприятели не могли пускать из труб воду и размывать их. В свою очередь кожа была покрыта матрацами для защиты от огня и камней. Все это сооружение, прикрытое галлереями, было построено рядом с самой башней; и вдруг, когда враги ничего подобного не подозревали, наши придвинули его на катках, употребляющихся при спуске кораблей, к неприятельской башне, так что оно подошло вплотную к ее каменной стене.

11. Устрашенные этой непредвиденной бедой, горожане подвинули рычагами самые крупные каменные глыбы и ска-

тили их со стены прямо на навес. Прочность дерева выдержала их удар, и все камни скатились с отлогой крыши. Когда массилийцы заметили это, они придумали другое средство: набили бочки смолой и дегтем, зажгли их и сбросили со стены на навес. Но и они, катясь по крыше, соскользнули в сторону, и тогда их немедленно оттолкнули вниз от сооружения шестами и вилами. Тем временем наши солдаты под прикрытием навеса вышибли ломами нижние камни неприятельской башни, на которых лежал фундамент, самый же навес они защищали из кирпичной башни стрельбой из метательных машин, которой и выбили неприятелей со стены и из башен и таким образом парализовали оборону стены. Так как из ближайшей башни было вышиблено уже много камней, то часть этой башни сразу обрушилась, а другая грозила упасть следом за ней. Тогда неприятели, боясь разграбления города, все до одного безоружные, с повязками на голове высыпали из ворот и стали с мольбой протягивать руки к легатам и войску.

12. При этом неожиданном зрелище все военные действия приостановились, причем солдаты оставили бой и из любопытства поспешили сюда, чтобы послушать и узнать, в чем дело. Как только неприятели дошли до легатов и войска, они все до одного бросились на колени и просили подождать прихода Цезаря: *теперь они видят, что город их взят, что осадные работы доведены до конца и их собственная башня уже подкопана; поэтому они отказываются от обороны; конечно, они могут быть без малейшего промедления тут же уничтожены, если по приходе Цезаря не будут исполнять его приказаний и следовать за каждым его мановением. Они указывали также, что если башня совсем обрушится, то солдат нельзя будет удержать, и в надежде на добычу они вторгнутся в город и разрушат его.* Все это и многое другое в том же роде массилийцы, как люди образованные, излагали очень трогательно и со слезами.

13. Эти просьбы побудили легатов вывести солдат из осадных укреплений, прекратить штурм и только оставить стражу

при укреплениях. Состраданием было создано своего рода перемирие, и теперь обе стороны стали ждать прибытия Цезаря. Ни с неприятельской стены, ни с нашей стороны не летали больше снаряды; все ослабили заботу и бдительность, как будто бы дело было кончено. Надо сказать, что Цезарь в письме к Требонию настоятельно приказывал не допускать взятия города штурмом: иначе солдаты в своем озлоблении на измену массилийцев и на презрение, которое те к ним показывали, а также на продолжительность осадных работ могли бы перебить все взрослое мужское население города. Они уже не раз грозили это сделать, и теперь стоило большого труда удерживать их от вторжения в город. Вообще они были очень недовольны тем, что дело стало за Требонием, который, как им казалось, и помешал им овладеть городом.

14. Но неприятели начали вероломно искать удобного момента, чтобы коварно обмануть нас. Прошло несколько дней. Наши ослабили свою энергию и бдительность. И вот в полдень, когда одни ушли из лагеря, а другие после долгого труда легли спать на самом месте работы, отложив в сторону и спрятав в чехлы оружие, массилийцы внезапно сделали вылазку из ворот и, так как подул сильный ветер в благоприятном для них направлении, подожгли верки. Ветер так раздул огонь, что единовременно загорелись и плотина, и щитки, и башня, и метательные машины, и все это погибло в пламени прежде, чем можно было заметить, как вообще возник пожар. Растерявшись от этого неожиданного несчастья, наши стали хватать первое попавшееся оружие; другие бросились из лагеря и атаковали неприятелей, но преследованию бегущих мешали стрелы и снаряды, летевшие со стены. Неприятели отступили к самой своей стене и здесь беспрепятственно подожгли подвижной навес и кирпичную башню. Таким образом, сооружение, потребовавшее многих месяцев и большого труда, было в одно мгновение уничтожено вероломством неприятелей и силой бури. Ту же попытку они повто-

рили и на следующий день. При такой же буре с еще большею самоуверенностью они сделали вылазку, бросились на другую башню и плотину и закидали их головнями. Но насколько наши перед этим ослабили свою энергию, настолько же теперь, наученные горьким опытом вчерашнего дня, они позаботились приготовить все необходимое для обороны. Таким образом, многих неприятелей они перебили, остальные же были отброшены в город, не достигнув своей щели.

15. Требоний принял все меры к тому, чтобы восстановить потерянное. Солдаты приступили к делу с удвоенным рвением. Они видели, что все их напряженные труды и сложные работы ни к чему не привели, и вместе с тем очень огорчились тем, что преступным нарушением перемирия их доблесть осуждена на насмешки. Так как, однако, все деревья в Массилийской области были повсеместно вырублены и свежены и вообще больше неоткуда было достать лесу для плотины, то они стали строить плотину нового, до сих пор не виданного типа — на двух кирпичных стенах в шесть футов толщиной и с накатом на этих стенах. Эта плотина была такой же ширины, как и прежняя деревянная. Где промежуток между стенами был слишком широк или накатные балки непрочными, они подставляли столбы и клали для подпорки поперечные балки, а верхний накат устилали фашинами, которые в свою очередь покрывались глиной. Таким образом, солдаты были прикрыты этим накатом, справа и слева стенами, а спереди щитком и потому могли безопасно проносить необходимый для работы материал. Дело быстро пошло вперед; урон, нанесенный долговременной работе, был скоро исправлен благодаря ловкости и доблести солдат. В нужных местах в стене были оставлены ворота для вылазок.

16. Теперь неприятели увидали, что немногих дней напряженного труда оказалось достаточно для восстановления верков, которое, по их ожиданиям, было на долгое время

невозможно; следовательно, «для них уже стали бесполезными вероломство и вылазки, и вообще не осталось ни одного пункта, где бы они могли повредить солдатам стрельбой, а веркам — огнем. Они убедились и в том, что таким же образом можно даже весь город — там, где он доступен с суши, — окружить отовсюду стеной и башнями, и в том, что им нельзя будет держаться на своих укреплениях, так как каменная плотина пристроена нашими солдатами к городской стене почти до самого ее верха, и, следовательно, сражаться пришлось бы только ручным оружием, так как метательные машины, на которые они возлагали большие надежды, при незначительности расстояния, для них пропадали; а при одинаковой обстановке боя со стены и башен, как они ясно видели, они не могли равняться с нашими солдатами в доблести. Поэтому они вернулись к мысли о сдаче на прежних условиях.

17. В Дальней Испании М. Варрон сначала, при известии о событиях в Италии, стал сомневаться в счастье Помпея и весьма дружественно отзываться о Цезаре: *Помпей привлек его на свою сторону назначением на должность легата и тем связал его присягой на верность, но что и с Цезарем он состоит в не менее близких отношениях. Ему небезызвестны обязанности легата, занимающего должность по доверию. Но он знает также, как слабы его собственные силы и как дружественно настроена к Цезарю вся провинция*⁷⁶. Так высказывался он публично по всякому поводу и сохранял полный нейтралитет по отношению к обеим враждующим сторонам. Но с того времени, как он узнал, что Цезарь задерживается у Массилии, что войска Петрея соединились с армией Афрания, что большие вспомогательные силы уже собрались и не менее значительные с уверенностью ожидают, что вся Ближняя Провинция со-

⁷⁶ В свое время Цезарь был в ней пропретором и заручился полезными связями.

чувствует Помпею; когда он, наконец, услышал о позднейших событиях, именно о затруднительном положении Цезаря под Илердой из-за недостатка съестных припасов, — о чем ему очень подробно и с преувеличениями сообщил Афраний, — то и сам он стал колебаться по мере колебания счастья.

18. Он произвел набор по всей провинции, пополнил им оба своих легиона и прибавил к ним еще около тридцати вспомогательных когорт. Далее он собрал большое количество провианта для отправки масилийцам, а также Афранию и Петрею. Десять военных кораблей он приказал построить гадитанцам и еще много судов он распорядился построить в Гиспалисе. Деньги и все ценные вещи из святилища Геркулеса были переведены им в город Гады; для охраны он послал туда из провинции шесть когорт и назначил комендантом этого города римского всадника Г. Галлония, друга Домиция, приехавшего туда по поручению последнего, для приема наследства; в дом Галлония было также перевезено все оружие, частное и общественное. Сам Варрон произносил на собраниях враждебные речи против Цезаря. Он часто заявлял с трибунала, что *Цезарь терпит поражения и что большое количество солдат перебежало от него к Афранию*; обо всем этом он имеет верные сведения из надежных источников. Подобными сообщениями он запугал римских граждан, живших в провинции, а заставил их обещать ему для государственных нужд восемнадцать миллионов сестерциев, двадцать тысяч фунтов серебра и сто двадцать тысяч модиев пшеницы. На те общины, которые он считал сочувствующими Цезарю, он налагал более тяжелые повинности, отправлял, туда гарнизоны и предавал суду частных лиц за противогосударственные замечания и речи; их имущество конфисковалось. Всей провинции было им приказано принести присягу на верность ему и Помпею. Узнав о событиях в Ближней Испании, он стал готовиться к войне. План его военных действий состоял в том, чтобы отправиться с двумя легионами в Гады и там

сосредоточить суда и весь провиант; ибо он знал, что вся провинция сочувствует делу Цезаря. Путем сосредоточения провианта и кораблей на этом острове, по его мнению, было нетрудно затянуть войну⁷⁷. Многие неотложные дела отзывали Цезаря в Италию. Но он все-таки решил войну в Испании довести повсеместно до конца, так как знал, что Помпей сделал для этой страны много добра и потому у него в ближней провинции немало влиятельных клиентов.

19. Поэтому он послал в Дальнюю Испанию два легиона под командой народного трибуна Кв. Кассия, а сам раньше его двинулся ускоренным маршем с шестью сотнями всадников и предупредил население эдиктом о том, к какому сроку должны явиться к нему в Кордубу власти и старейшины всех общин. Этот эдикт был обнародован по всей провинции, и ни одна община не преминула послать к этому времени в Кордубу часть своего сената, ни один сколько-нибудь известный римский всадник не замедлил явиться туда к сроку. Вместе с тем корпорация римских граждан в Кордубе по собственному почину заперла перед Варроном ворота, заняла башни и стену караулами и стражей и удержала у себя для охраны города случайно прибывшие туда две так называемые колониальные когорты. В те же дни жители города Кармона, самого сильного во всей провинции, сами выгнали гарнизон из трех когорт, посланный в их городскую крепость Варроном, и заперли ворота.

20. Но это уже заставило Варрона поторопиться как можно скорее дойти с легионами до Гад, чтобы не быть отрезанными от сухопутных дорог и от переправы: до такой степени решительным оказывалось сочувствие всей провинции к Цезарю. Когда он прошел уже довольно значительную часть своего пути, ему доставлено было письмо из Гад с сообщением, что при известии об эдикте Цезаря гадиганские власти немед-

⁷⁷ Город Gades (Кадикс) лежал на острове.

ленно стоворились с трибунами стоявших там когорт⁷⁸ об изгнании Галлония из города и об удержании самого города и острова для Цезаря; согласно с этим решением, они предложили Галлонию добровольно оставить Гады, пока это можно сделать еще безопасно; в противном случае они сами за себя постоят; и эта угроза заставила Галлония покинуть Гады. Когда об этом стало известно, один из двух легионов, так называемый «Туземный», унес из лагеря знамена в присутствии и на глазах самого Варрона, вернулся в Гиспалис и там расположился на форуме, не позволяя себе никаких бесчинств. Такое его поведение так понравилось корпорации римских граждан, что они наперерыв стали приглашать солдат к себе в гости. Устрашенный этим, Варрон переменял свой маршрут и поспешил дать знать в Италику о своем намерении прибыть туда. Но его гонцы сообщили ему, что ворота перед ним закрыты. Теперь все пути перед ним были отрезаны, и он послал к Цезарю письмо, что готов передать свой легион кому он прикажет. Тот приказал передать его посланному для этой цели Сексту Цезарю⁷⁹. После передачи легиона Варрон прибыл в Кордубу к Цезарю. Там он представил ему официальный отчет по административным расходам вместе с оправдательными документами и передал ему бывшие у него на руках деньги, а также сообщил, где и сколько у него было провианта и кораблей.

21. На народном собрании в Кордубе Цезарь благодарит всех по очереди: римских граждан за то, что они постарались удержать в своих руках город, испанцев за изгнание гарнизонов, гадитанцев⁸⁰ за то, что они сокрушили попытки противников и

⁷⁸ С когортами было несколько военных трибунов; начальниками отдельных когорт трибуны, однако, не были.

⁷⁹ Друг и родственник Цезаря. (См. Bell. Alex., 66).

⁸⁰ Гадитанцы выделены здесь в особую группу, так как еще со времени второй Пунической войны они занимали привилегированное положение.

постояли за свою свободу, прибывших туда для гарнизонной службы военных трибунов и центурионов за деятельную и мужественную поддержку, оказанную ими решению горожан. Деньги, обещанные римскими гражданами Варрону для государственных нужд, он с них сложил; равным образом он восстановил имущество тем, которые, по его расследованию, были лишены его за свои смелые речи. Некоторым общинам он определил награды от имени государства и от себя лично, остальным многое обещал в будущем. После двухдневного пребывания в Кордубе он отправился в Гады и там приказал вернуть в храм Геркулеса деньги и ценные вещи, препровожденные из него в частный дом. Во главе провинции он поставил Кв. Кассия⁸¹ и дал ему четыре легиона, а сам на тех кораблях, которые построил Варрон и по приказу Варрона гадитанцы, через несколько дней прибыл в Тарракон. Там в ожидании Цезаря собрались посольства почти от всей Ближней Провинции. Точно так же отличив от имени государства и от себя некоторые общины, он оставил Тарракон и прибыл сухим путем в Нарбон и затем в Массилию. Здесь он узнал, что в Риме проведен закон о диктатуре и что именно его назначил диктатором претор М. Лепид⁸².

22. Массилийцы были изнурены всевозможными страданиями, доведены до крайней нужды в съестных припасах, два раза побеждены в морском бою, часто терпели поражения при своих вылазках; кроме того, они тяжело страдали от заразы, возникшей вследствие долгой блокады и перемены пищи (все они питались залежавшимся просом и испортившимся ячменем, которые были давно ими заготовлены и ссыпаны в

⁸¹ Бывший народный трибун, сторонник Цезаря. См. I, 2.

⁸² Акт не конституционный: диктатора мог назначить (*dicere*) только один из консулов по специальному сенатскому постановлению; в данном же случае за отсутствием консулов, претор Лепид провел в народном собрании особый закон о назначении диктатора.

общественные магазины для подобного рода случаев). Башня их была сбита, значительная часть стены расшатана, на помощь других провинций или Помпеевых войск не было никакой надежды, так как они знали, что все это попало в руки Цезаря. Поэтому они решили сдаться ему без обмана. За несколько дней до сдачи о настроении массилийцев узнал Л. Домиций. Он добыл себе три корабля, из которых два предоставил своим друзьям, а на один сел сам, воспользовался бурной погодой и покинул Массилию. Его заметили корабли, несшие по приказу Брута ежедневную караульную службу у гавани, и, снявшись с якоря, бросились за ним в погоню. Но корабль Домиция быстрым ходом пошел вперед и безостановочно продолжал бежать, пока, наконец, при поддержке бури, не скрылся из виду. Два остальных корабля в страхе перед атакой наших судов вернулись в гавань. Массилийцы, согласно с приказом Цезаря, вывезли из города оружие и метательные машины, вывели из гавани и из верфи корабли и выдали деньги из городского казначейства. По исполнении условий сдачи Цезарь пощадил город не столько за заслуги перед ним его населения, сколько во внимание к его имени и древнему происхождению. Там он оставил в качестве гарнизона два легиона, остальные послал в Италию, а сам отправился в Рим.

23. Около того же времени Г. Курион отправился из Сицилии⁸³ в Африку, но взял с собой только два легиона из четырех, полученных от Цезаря, и пятьсот всадников, так как еще с самого начала он недооценивал боевых сил П. Аттия Вара. Употребив на переправу два дня и три ночи, он пристал к тому месту, которое называется Анквилларией. Оно находится в двадцати двух милях от Клупеи и представляет собою довольно удобную летнюю стоянку, замыкаемую двумя высокими мысами. Его подстерегал у Клупеи Л. Цезарь-сын⁸⁴ с десятью

⁸³ См. I. 30.

⁸⁴ См. I, 8.

линейными кораблями, которые после войны с пиратами были вытаснены на сушу и теперь, по распоряжению П. Аттия⁸⁵, отремонтированы для этой войны. Но из боязни численного превосходства на стороне противника, Л. Цезарь оставил открытое море, пристал с палубной триремой к ближайшему берегу и, бросив ее на берегу, бежал сухим путем в Адрумет. Этот город занимал одним легионом Г. Консидий Лонг⁸⁶. Остальные корабли Л. Цезаря после его бегства направились также в Адрумет. За ним погнался квестор Марций Рут с двенадцатью кораблями, которые Курион взял с собой из Сицилии для охраны грузовых судов. Но, заметив на берегу брошенное судно, он взял его на буксир и вернулся с своей эскадрой к Г. Куриону.

24. Курион послал вперед Марция с кораблями в Утику, туда же двинулся и сам с войском и после двухдневного марша достиг реки Баграды. Там он оставил с легионами легата Г. Каниния Ребила, а сам пошел с конницей, чтобы отыскать «Корнелиев лагерь⁸⁷», который считался очень удобным местом для лагеря. Это отвесный горный хребет, вдающийся в море, с обеих сторон очень крутой и трудно доступный, но со стороны Утики более или менее покатый. По прямому расстоянию от него до Утики не более трех миль; но на этом пути есть источник, через который море довольно глубоко врывается в сушу, вследствие чего эта местность на широком пространстве болотиста. Чтобы избежать на пути к городу этого места, надо сделать крюк в шесть миль.

25. При осмотре этой местности Курион заметил, что лагерь Вара примыкает к городской стене у так называемых

⁸⁵ См. I, 31.

⁸⁶ Пропретор Африки с 50 года.

⁸⁷ Здесь когда-то был лагерь Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего, победителя Ганнибала.

«Ворот Бела⁸⁸» и очень укреплен от природы, так как с одной стороны его прикрывал сам город Утика, а с другой — находящийся перед городом театр, огромные субструкции которого оставляли только трудный и узкий подход к городу. Вместе с тем он обратил внимание на то, что по переполненным улицам со всех сторон несли всякого рода пожитки и гнали скот, так как в страхе от неожиданной тревоги все уходило из деревень в город. Он послал сюда конницу, чтобы отбить этот транспорт себе в добычу. Но в то же самое время для охраны транспорта Вар послал из города шестьсот нумидийских всадников и четыреста пехотинцев, которые несколько дней тому назад были отправлены царем Юбой в Утику с целью помощи. Еще по своему отцу Юба был связан узами гостеприимства с Помпеем⁸⁹, а с Курионом у него была вражда, так как последний в качестве народного трибуна обнародовал законопроект о включении царства Юбы в состав Римского государства. Завязалась конная стычка, но нумидийцы не могли выдержать уже первого натиска нашей конницы и потеряли около ста двадцати человек убитыми: остальные отступили в лагерь к городу. Когда тем временем прибыли военные корабли, Курион приказал объявить грузовым судам, стоявшим под Утикой в количестве около двухсот, что всякого, кто не переведет немедленно своего корабля к «Корнелиеву лагерю», он будет считать врагом; после этого объявления все тотчас снялись с якоря, оставили Утику и перешли на указанное место. Благодаря этому войско получило в изобилии всякого рода припасы.

26. После этого Курион возвратился в лагерь у Баграды, где все войско громко провозгласило его императором, а на следующий день двинулся к Утике и там разбил лагерь. Еще

⁸⁸ По имени главного финикийского бога Бела.

⁸⁹ Еще в 81 году Помпей возвел на нумидийский трон Гиэмпсала II, отца Юбы.

до окончания лагерных работ всадники со сторожевого поста дали знать, что к Утике подходят большие вспомогательные отряды, пешие и конные, посланные царем; в тот же момент были замечены облака пыли, и вслед за тем показался уже авангард Юбы. Под впечатлением этой неожиданности Курион послал вперед конницу, чтобы принять на себя первый натиск врага и задержать его, а сам быстро отозвал легионы от работ и построил их в боевую линию. Конница завязала сражение и еще прежде, чем легионы могли вполне развернуться и занять позицию, обратила в бегство все войска царя, которые не были готовы к бою и пришли в замешательство, так как двигались, не держа строя и без всяких предосторожностей: при этом почти вся неприятельская конница, быстро отступившая по берегу к городу, уцелела, но пехота понесла большие потери убитыми.

27. В следующую ночь два центуриона, родом марсы, перебежали с двадцатью двумя солдатами своих центурий из лагеря Куриона к Аттию Вару. Высказали ли они Вару свое действительное убеждение или же просто говорили ему в угоду (ведь чего мы хотим, тому охотно верим, и что думаем, то предполагаем и у других), — во всяком случае, они уверили его в том, что все войско настроено против Куриона и прежде всего надо поближе подойти к его войску и дать ему возможность высказаться в беседе. Это предложение побудило Вара на следующий же день рано утром вывести свои легионы из лагеря. То же сделал и Курион, и оба они выстроили свои войска, будучи отделены друг от друга небольшой долиной.

28. В армии Вара находился Секст Квинтилий Вар, который, как мы выше указали⁹⁰, был с ним в Корфикии. Когда Цезарь отпустил его там на волю, он отправился в Африку. Но туда же были переправлены Курионом как раз те легио-

⁹⁰ См. I, 23.

ны, которые Цезарь взял себе у своих противников; лишь несколько центурионов было новых, но центурии и манипулы остались те же. Это дало Квинтилию повод заговорить с солдатами. И вот он стал обходить фронт Куриона и заклинять солдат не забывать о своей первой присяге, принесенной ими перед Домицием и перед ним, его квестором, не поднимать оружия против тех, которые разделяли одинаковую с ними участь и одинаково страдали во время осады; наконец, не сражаться за тех, которые оскорбительно называют их перебежчиками. В заключение он намекнул на подарки, которых они должны ждать от его щедрости в случае, если примкнут к нему и к Аттию. Однако войско Куриона отнеслось к этой речи совершенно безразлично, и оба вождя увели свои войска назад.

29. Тем не менее в лагере Куриона распространился большой страх, который от всякого рода разговоров быстро увеличился. Каждый создавал себе свое особое мнение о положении дела и от страха преувеличивал то, что слышал от соседа. И по мере того как эти возникшие из одного источника сомнения распространялись и передавались от одного к другому, являлась мысль, что таких источников много⁹¹...

30. Ввиду этого Курион созвал военный совет и открыл совещания об общем положении дела. Некоторые высказывались за то, что надо во всяком случае решиться на смелую попытку штурма лагеря Вара, так как при подобном настроении солдат бездействие особенно пагубно: *в конце концов лучше в доблестном бою испытать военное счастье, чем быть покинутыми и преданными и от своих же сограждан потерпеть самую мучительную кару*. Другие полагали, что следует в третью стражу отступить в «Корнелиев лагерь», чтобы выиграть время, пока солдаты не образумятся. А если бы случилось

⁹¹ Конец этой главы безнадежно испорчен.

несчастье, то при большом количестве судов можно было бы легко и безопасно вернуться в Сицилию.

31. Курион не одобрял ни того, ни другого предложения: насколько в одном из них мало мужества, настолько в другом его слишком много: одни думают о позорном бегстве, а другие считают необходимым дать сражение даже на невыгодной позиции. В самом деле, на чем основана наша уверенность, что мы в состоянии взять штурмом лагерь, очень укрепленный и человеческим искусством и природой? А между тем, что выигрываем мы, если мы с крупными потерями оставим штурм лагеря? Точно не известно, что военное счастье создает полководцам расположение войска, а неудача — ненависть! С другой стороны, к каким иным последствиям может привести перемена лагеря, как не к позорному бегству, всеобщему отчаянию и полному охлаждению войска? Несомненно, мы должны избегать того, чтобы люди порядочные подозревали, что мы им мало доверяем, и чтобы люди злонамеренные знали, что мы их боимся, так как у одних наш страх увеличивает своеволие, а у других их подозрения уменьшают рвение и преданность. Но если бы даже, продолжал он, было для нас вполне доказано то, что говорят об охлаждении войска и что, по моему глубокому убеждению, или совершенно ложно, или по крайней мере преувеличено, то и в этом случае для нас гораздо лучше игнорировать и скрывать это, чем самим подтверждать. Может быть, следует прикрывать слабые стороны нашего войска так же, как и раны на теле, чтобы не увеличивать надежды у противников? А между тем сторонники этого предложения прибавляют даже, что следует выступить в полночь, — надо полагать, для того, чтобы увеличить своеволие у людей, питающих преступные замыслы! Ведь подобные замыслы сдерживаются или чувством чести или страхом, а для того и другого ночь менее всего благоприятна. Ввиду всего этого я не настолько смел, чтобы высказываться за безнадежный штурм лагеря, но и не настолько труслив, чтобы совсем терять надежду. Но я полагаю, что надо

предварительно все испробовать, и тогда, по моему глубокому убеждению, я уже составлю себе определенное суждение о положении дела, причем по существу мы с вами сойдемся.

32. Распустив совет, он созвал солдатскую сходку. Прежде всего он сослался на то, какое расположение солдаты проявили к Цезарю у Корфиния⁹²: им и поданному ими примеру Цезарь обязан переходом на его сторону значительной части Италии. За вами, сказал он, и за вашим решением последовали все муниципии, один вслед за другим. Не без причины Цезарь отзывался о вас с величайшим сочувствием, равно как и его противники придали большое значение вашему поведению. Ведь Помпей оставил Италию не вследствие какого-либо поражения, но потому, что именно ваш образ действий предрешил его удаление. В свою очередь Цезарь доверил вашей охране меня, своего ближайшего друга, и провинции Сицилию и Африку, без которых он не может прокормить Рим и Италию. Но некоторые уговаривают вас отпасть от нас. Это понятно: что может быть белее желательным для них, как не то, чтобы одновременно и нас погубить и вас вовлечь в безбожное преступление? И что может быть оскорбительнее для вас, чем предположение этих озлобленных людей, что вы способны предать тех, которые признают себя всем обязанным вам, и подчиниться тем, которые вам приписывают свою гибель? Или вы не слыхали о подвигах Цезаря в Испании? О том, что разбиты две армии, побеждены два полководца, заняты две провинции? И все это совершено в сорок дней с тех пор, как Цезарь показался перед своими противниками! Или, может быть, те, которые не могли дать отпора, пока были в силах, способны дать его теперь, когда они сломлены? А вы, примкнувшие к Цезарю, пока победа была еще неясна, — теперь, когда судьба войны определилась, может быть, последуете за побежденными, вместо того чтобы получить должную награду за свои услуги? Но ведь

⁹² См. I. 20.

они говорят, что вы их покинули и предали, и ссылаются на вашу первую присягу. Вы ли, однако, покинули Домиция или Домиций вас? Разве не бросил он вас на произвол судьбы в то время, когда вы были готовы умереть за него? Разве не тайком от вас он искал себе спасения в бегстве? Не он ли вас предал и не Цезарь ли великодушно помиловал? А что касается присяги, то как мог обязывать ею вас тот, кто, бросив фасы⁹³ и сложив с себя звание полководца, стал частным человеком и, как военнопленный, сам попал под чужую власть? Создается более чем оригинальная форма обязательства, заставляющая нарушить ту присягу, которая теперь вас связывает, и считаться с той, которая аннулирована сдачей полководца и потерей им гражданских прав! Но, может быть, Цезаря вы одобряете, а мной недовольны? Я, конечно, не имею в виду хвалиться своими заслугами перед вами: они пока не так еще значительны, как я сам этого желаю и как вы ожидали бы. Но ведь вообще солдаты требуют наград за свои труды сообразно с исходом войны. Каков он будет теперь, в этом и у вас самих нет сомнений. Но и мне незачем умалчивать о своей бдительности и, насколько до сих пор шло об этом дело, о своем военном счастье. Или, может быть, вы недовольны тем, что я перевез все войско живым и невредимым, не потеряв ни единого корабля? Что я сокрушил неприятельский флот одним натиском, едва успев сюда прибыть? Что в течение двух дней я дважды одержал победу в конных сражениях? Что я увел из гавани и из рук противников двести нагруженных судов и тем поставил врага в невозможность добывать себе провиант ни сухим, ни морским путем? Отвергайте же такое счастье и таких вождей, дорожите корфинийским позором, бегством из Италии и капитуляцией обеих Испаний — всем тем, что предрешает исход нашей войны в Африке! Я сам желал называться только солдатом Цезаря, а вы при-

⁹³ Фасы — связки прутьев у ликторов — отличительный знак imperium'a.

ветствовали меня титулом императора. Если вы в этом раскаиваетесь, то я возвращаю вам вашу милость, а вы верните мне мое имя, чтобы не казалось, что вы дали мне это почетное звание для издевательств надо мной!

33. Речь эта произвела на солдат такое глубокое впечатление, что они часто прерывали его слова, и видно было, что для них очень оскорбительно подозрение в неверности. Когда он уходил со сходимки, то все до одного стали уговаривать его без колебания дать сражение и испытать на деле их верность и храбрость. Когда, таким образом, у всех изменились мысли и настроение, то, с согласия всего своего военного совета, Курион решил при первой же возможности дать генеральное сражение. Уже на следующий день он снова вывел свое войско и построил его на той позиции, которую оно занимало в предыдущие дни. Но и Вар не замедлил вывести свое войско, чтобы не пропустить случая агитировать среди солдат Куриона или дать сражение на выгодной позиции.

34. Между двумя войсками, как было выше указано⁹⁴, была долина, не очень большая, но с трудным и крутым подъемом. Каждая сторона выжидала, не сделает ли войско противника попытки перейти ее, и рассчитывала в таком случае сразиться на выгодной для себя позиции. Вместе с тем было видно, как с левого фланга П. Аттия вся конница и в перемежку с ней много легковооруженных начали спускаться в долину. Против них Курион выслал свою конницу и две когорты марруцинов. Неприятельские всадники не выдержали даже первого их натиска и во весь опор поскакали назад к своим; а покинутых ими легковооруженных, которые вместе с ними сильно выдвинулись вперед, наши всюду окружали и избивали. Все войско Вара, обращенное в эту сторону фронтом, видело избиение и бегство своих. Тогда легат Цезаря, Ребил, которого

⁹⁴ См. гл. 27.

Курион взял с собой из Сицилии ввиду его большой опытности в военном деле, сказал: *ты видишь, Курион, что враг в полной панике: что ж ты медлишь воспользоваться благоприятным моментом?* Тот сказал солдатам только, чтобы они твердо помнили свое вчерашнее обещание, приказал им следовать за собой и пошел большим шагом впереди войска. Но долина представляла столько затруднений, что на подъеме передние ряды солдат могли взбираться не иначе, как при поддержке задних. Впрочем, солдаты Аттия были уже настолько охвачены страхом и мыслью о бегстве и избиении своих, что и не помышляли о сопротивлении, но всем им стало казаться, что их окружает конница. Поэтому, не дожидаясь выстрелов и приближения наших, весь фронт Вара повернул тыл и отступил в лагерь.

35. Во время этого бегства некто Фабий, родом пелигн, младший центурион из армии Куриона, первый догнал колонну бегущих. Он стал разыскивать Вара, громко называя его по имени, точно был одним из его солдат, и хотел на что-то обратить его внимание и поговорить с ним. Тот обернулся на частые оклики, остановился и спросил, кто он и что ему нужно. Тогда Фабий размахнулся мечом на его незащищенное плечо и чуть было его не убил; того спас только щит, который он поднял для предупреждения удара. Фабия окружили ближайшие к Вару солдаты и убили. Густые толпы бегущих в полном замешательстве бросились к лагерным воротам и сами загородили себе вход, вследствие чего на этом месте больше народу погибло в давке, чем в сражении и во время бегства. Враги даже едва не были выбиты из собственного лагеря, и некоторые из них тут же, не останавливаясь, устремились в город. Но уже самый характер местности и укрепления лагеря мешали нападению; вдобавок вышедшие в бой солдаты Куриона не имели с собой соответственных приспособлений для штурма лагеря. Поэтому Курион

отвел войско назад в лагерь, не потеряв из своих никого, кроме Фабия, тогда как у противника было около шестисот человек убито и около тысячи ранено. Эти последние, а также многие, притворявшиеся ранеными, после отхода Куриона ушли в страхе из лагеря и укрылись в городе. Когда Вар заметил это и узнал о панике, охватившей его войско, он оставил в лагере для виду трубача и несколько палаток и в третью стражу без шума перевел войско в город.

36. На следующий день Курион начал осаждать Утику и со всех сторон окружать ее валом. Городское население вследствие долгого мира отвыкло от войны; коренные жители Утики очень сочувствовали Цезарю за некоторые полученные от него льготы; корпорация римских всадников состояла из разнородных элементов; паника, вызванная недавними сражениями, была очень велика. Поэтому все классы населения начали уже открыто говорить о капитуляции и вести с П. Аттием переговоры о том, чтобы он не вздумал со свойственным ему упорством рисковать их судьбой. Но во время этих переговоров прибыли гонцы, посланные вперед царем Юбой, и сообщили, что он приближается во главе большого войска: надо только принять меры к охране и обороне города. Это известие подняло дух у перепуганного населения.

37. Такие же известия получил и Курион, но некоторое время он им не верил; так велика была его уверенность в собственном счастье. Кроме того, уже приходили в Африку устные и письменные сообщения об успехах Цезаря в Испании. Все это очень подняло у Куриона дух, и он был убежден, что царь ничего не решится предпринять против него. Но как только он узнал из верных источников, что силы Юбы находятся от Утики на расстоянии менее двадцати пяти миль, он оставил укрепления и вернулся в «Корнелиев лагерь». Он стал собирать сюда провиант, укреплять лагерь, свозить строевой лес и тотчас же отправил в Сицилию

приказ о присылке двух других легионов и остальной части конницы. И по характеру местности, и по укреплениям, и по близости моря, и по обилию воды и соли, огромные запасы которой были уже свезены сюда из ближайших соляных копей, лагерь был очень приспособлен для затяжной войны. Не могло быть недостатка ни в строевом лесе при множестве деревьев, ни в хлебе при чрезвычайном плодородии полей. Поэтому, с одобрения военного совета, Курион намеревался дожидаться прибытия остальных сил и затянуть войну.

38. После того как этот план был всеми принят и одобрен, Курион узнал от каких-то перебежчиков из города, что царь Юба отозван домой и остался в своем царстве из-за войны с соседями и из-за споров с лептитанцами; только своего префекта Сабурру он послал с небольшим войском, которое теперь и приближается к Утике. Опрометчиво доверившись подобному источнику, Курион изменил свои план и решился рискнуть на сражение. Этому решению очень содействовала молодость, смелость, успех за последнее время и вера в победу. Под впечатлением всего этого он послал с наступлением ночи всю конницу против неприятельского лагеря у реки Баграды. Комендантом этого лагеря был действительно Сабурра, о котором было известно по слухам и раньше, но следом за ним шел со всеми силами сам царь и стоял в шести милях от Сабурры. Посланная конница проделала в течение ночи весь свой путь и напала на врагов совершенно врасплох. Ибо нумидийцы, как это вообще делают варвары, расположились в разных местах, не держась какого-либо порядка. Их рассеянные группы подверглись в глубоком сне нападению, и многие из них были перебиты, многие в ужасе убежали. После этого конница вернулась к Куриону и привела к нему пленных.

39. Курион выступил в четвертую стражу со всеми силами, оставив для охраны лагеря только пять когорт. Пройдя шесть

милль, он встретил конницу и узнал о происшедшем. Он спросил у пленных, кто комендант лагеря у Баграды, те ответили, что Сабурра. Желая окончить свой марш, он пренебрег другими вопросами, но, обернувшись к ближайшим частям, сказал: *вы видите, солдаты, что слова пленных сходятся с известиями перебежчиков! Царя здесь нет, и им посланы такие малые силы, что они не могли устоять против немногих всадников. Спешите же к добыче, спешите к славе, чтобы нам теперь же начать думать о том, как вас наградить и отблагодарить.* Успех всадников был, действительно, велик, особенно если сравнить их небольшое число с множеством нумидийцев. Но обо всем этом они рассказывали с большими преувеличениями, как вообще люди любят хвалиться своими заслугами. Кроме того, они выставляли напоказ много трофеев, выводили пленных — пеших и конных, так что всякая потеря времени казалась теперь задержкой победы. Таким образом, надеждам Куриона соответствовало воодушевление солдат. Он приказал коннице следовать за собой и ускорил свой марш, чтобы как можно скорее напасть на неприятеля, пока еще он находится в панике, вызванной бегством. Но так как всадники были изнурены продолжавшейся всю ночь экспедицией, то они не могли поспевать за ним и то здесь, то там отставали. Однако же это обстоятельство не ослабляло надежд Куриона.

40. Юба, получив известие от Сабурры о ночном сражении, послал ему в подкрепление две тысячи испанских и галльских всадников, которых он держал при себе для своей личной охраны, и наиболее надежную часть пехоты, а сам не спеша двинулся вслед за ними с остальными силами и шестьюдесятью слонами. Заклучая из предварительной послышки конницы, что теперь должен подойти сам Курион, Сабурра выстроил свои конные и пешие силы и приказал им, в притворном страхе, понемногу, шаг за шагом, отступать: когда нужно, будет дан сигнал к сражению и, смотря по ходу

дела, последуют дальнейшие распоряжения. Курион, у которого к прежним надеждам прибавились теперь еще новые иллюзии, решил, что враги бегут, и повел свое войско с высот на равнину.

41. После того как он прошел вперед довольно далеко отсюда и его войско было уже изнурено утомительным переходом, он остановился в двенадцати милях от исходного пункта. Сабурра дал своим сигнал, поставил их в боевую линию и начал обходить ряды и ободрять людей; но пехота у него была вдали, только для виду, а в бой была брошена конница. Курион также не остался праздным и ободрил своих людей советом возлагать все надежды только на храбрость? Впрочем, и у самих солдат, как ни были они утомлены, и у всадников, при всем их изнурении и малочисленности, не было недостатка в боевом пыле и храбрости. Но всадников было только двести человек, а остальные задерживались по дороге. Куда бы всадники ни направляли своих атак, они, правда, принуждали врагов отходить с позиции, но не могли далеко преследовать бегущих и пускать во всю рысь своих коней. Напротив, неприятельская конница начала с обоих флангов обходить нашу боевую линию и топтать наших людей в тылу. Когда отдельные когорты выбегали из боевой линии, то не утомленные еще и подвижные нумидийцы уклонялись от нашей атаки, а когда наши пытались вернуться назад в строй, они их окружали и отрезывали от главных сил. Таким образом, было одинаково опасным как оставаться на месте и держать строй, так и выбегать, чтобы рискнуть сразиться. Численность врагов от присылки царем подкреплений то и дело увеличивалась, а наши от усталости выбивались из сил; к тому же и раненые не могли выйти из линии и нельзя было унести их в безопасное место, так как весь фронт был плотно окружен неприятельской конницей. Они отчаялись в своем спасении и делали то, что вообще делают люди

в последнюю минуту жизни: либо плакались на свою смерть, либо поручали своих родителей заботам тех своих товарищей, которых судьба, может быть, спасет от гибели. Вообще все было полно страха и печали.

42. Как только Курион увидел, что при всеобщей панике не слушают ни его ободрений, ни его просьб, он ухватился в крайности за последнюю надежду и приказал двинуться всем со знаменами для занятия ближайших холмов. Но они были уже заняты конницей, которую успел послать туда Сабурра. Вот теперь наши дошли уже до полного отчаяния. Часть из них попыталась бежать и была перебита конницей, другая часть, хоть ее никто не трогал, бросилась на землю. Префект конницы Гн. Домиций, подъехав с немногими всадниками к Куриону, уговаривал его спастись бегством и спешить в лагерь, обещая при этом не покидать его. Но Курион твердо заявил, что после потери армии, вверенной ему Цезарем, он не вернется к нему на глаза, и погиб в бою с оружием в руках. Только очень немного всадников спаслось из этого сражения; но те, которые, как было указано, задержались у аррьергарда, чтобы дать отдохнуть лошадям, — еще издали заметили бегство всего войска, и все без потерь вернулись в лагерь. Пехотинцы же были перебиты все до одного.

43. При известии об этом квестор Марций Руф, которого Курион оставил в лагере, стал уговаривать своих людей не падать духом. Те усердно просили отвезти их на кораблях назад в Сицилию. Он обещал это и отдал приказ капитанам кораблей с наступлением вечера причалить к берегу все лодки. Но всеобщая паника была так велика, что одни говорили о приближении войск Юбы, другие, — что наступает с легионами Вар и будто бы видна пыль от движения его войска (ничего подобного в действительности не было), третьи предполагали, что скоро налетит неприятельский флот. При этом общем ужасе каждый заботился только о себе. Экипаж

военных судов спешил отправляться поскорее. Их бегство увлекало за собой и капитанов грузовых судов, так что лишь несколько челнов стало, согласно приказанию, собираться на работу. Но берег был битком набит людьми, которые так горячо спорили о преимущественном праве взойти на судно, что от множества пассажиров и их тяжести некоторые челноки затонули, остальные же из страха перед той же участью медлили подойти ближе.

44. В конце концов лишь немного солдат, главным образом отцы семейств, которым помогали или знакомства или сострадание, или те, которым удалось доплыть до судов, — были приняты на борт и благополучно вернулись в Сицилию. Остальные отправились к Вару ночью парламентарями своих центурионов и сдались ему. Когда на следующий день Юба заметил перед городом солдат этих когорт, то он объявил их своей добычей; значительную часть из них он приказал казнить и только немногих отобрал и отправил к себе в царство. Хотя Вар и жаловался, что царь нарушает слово, которое он дал капитулировавшим, однако, не решился противодействовать. Сам Юба въехал верхом в город в сопровождении многих сенаторов, в числе которых были Сервий Сульпиций и Лициний Дамасипп; в нескольких словах он повелительно распорядился о том, что должно быть сделано в Угике, и через несколько дней вернулся со всем войском в свое царство.

Книга третья

1. В комициях, которыми руководил Цезарь в качестве диктатора, были выбраны в консулы Г. Юлий Цезарь⁹⁵ и П. Сервий. Это был именно тот год⁹⁶, в который он по закону имел право сделаться консулом. По окончании выборов Цезарь обратил внимание на то, что во всей Италии упал кредит и прекратилась уплата долгов. Ввиду этого он распорядился о назначении третейских судей, которые должны были производить оценку земельных владений и движимого имущества по довоенной стоимости и сообразно с ней удовлетворять кредиторов. Эту меру он счел наиболее целесообразной в видах устранения или по крайней мере уменьшения страха перед отменой прежних долговых обязательств, который почти всегда является последствием внешних и внутренних войн, а также для защиты доброго имени должников. Равным образом, согласно с законопроектами, вносимыми в народное собрание преторами и народными трибунами, он восстановил в правах несколько человек, осужденных в подкупе избирателей по закону Помпея в те времена, когда Помпей занимал своими легионами Рим⁹⁷. Процессы того времени заканчивались в один

⁹⁵ Из глав 11, 12 и 31 видно, насколько важно было для Цезаря избрание в консулы.

⁹⁶ 48-й год. Для вторичного занятия должности консула требовался десятилетний промежуток между первым и вторым консульством. Первое консульство Цезаря падает на 59 год и оканчивается к 1 января 58 года.

⁹⁷ Выбранный в 52 году (см. прим. к VII книге Галльской войны) в консулы «без коллеги» и с диктаторскими полномочиями, Помпей провел новые законы «о насилии» (*de vi*), то есть против покушений на государственный переворот и «о подкупе избирателей» (*de ambitu*). Судопроизводство по делам о нарушении этих законов отступало от обычных норм. Так, допрос свидетелей происходил перед прением сторон (обычно он был после прений). При нем

день, причем показания свидетелей заслушивались одними судьями, приговор произносился другими. Эти лица в самом же начале гражданской войны предложили ему, если он пожелает, свои услуги на войне. Он оценил это их предложение так же высоко, как если бы уже на деле воспользовался их услугами. А именно он держался того мнения, что они должны быть восстановлены в своих правах скорее приговором народа, чем личной милостью диктатора, так как он не хотел проявить неблагодарность к тем, которых следовало поблагодарить, и, с другой стороны, самовольно присваивать себе право помилования, принадлежащее народу.

2. Этим распоряжениям, а также латинским фериям⁹⁸ и производству всех выборов он посвятил одиннадцать дней,

присутствовал весь состав присяжных. Затем жеребьевкой отбирались из них восемьдесят один человек, которые слушали прения сторон (обвинитель имел право говорить два часа, подсудимый — три); перед голосованием, которое должно было состояться в тот же день, происходил отвод присяжных сторонами (по пятнадцать человек каждой стороной), так что к голосованию приступал пятьдесят один присяжный (подробности об этом судопроизводстве и вообще о перипетиях бурного 52 года см. во введении (*argumentum*) Аскония Педианского к его комментарию к речи Цицерона в защиту Милона). В довершение всего, Помпей ввел в Рим войско, и эти суммарные суды происходили под его давлением, на что, между прочим, жалуется Цицерон в начале своей речи за Милона. Осужденные в процессах 52 года находили свое осуждение незаконным. Восстановить их в правах могло народное собрание (комиции) на основании предложенного ему законопроекта (*lex de restituendo*). Чтобы не злоупотреблять своей диктаторской властью и дать восстановлению более прочную и популярную форму, Цезарь проводит его через преторов и народных трибунов, обращающихся в комиции с законопроектами о восстановлении прав отдельных лиц.

⁹⁸ Это был старый праздник в честь Юпитера Латинского (*Iuppiter Latiaris*), который консулы справляли по вступлении в должность на Албанской горе вместе с послами от латинских общин.

затем сложил с себя диктатуру и, выступив из Рима, прибыл в Брундисий, куда еще раньше приказал собраться одиннадцати легионам и всей коннице. Но там он нашел лишь такое число кораблей, на котором с трудом можно было перевезти пятнадцать тысяч легионеров и шесть тысяч всадников. Этого одного Цезарю нехватало для скорейшего окончания войны. Да и эти силы были посажены далеко не в полном составе, так как многие от стольких войн Галлии сделались неспособными к службе, далее немало жертв потребовал длинный путь из Испании; наконец, суровая осень в Апулии и в окрестностях Брундисия после пребывания в здоровых местностях Галлии и Испании вредно отозвалась на санитарном состоянии всей армии.

3. Помпей имел в своем распоряжении целый год для собирания боевых сил; за это время и сам он не вел войны, и неприятели его не беспокоили. Он собрал много кораблей из Азии, с Кикладских островов, с Коркиры, из Афин, с Понта, из Вифинии, Сирии, Киликии, Финикии и Египта и распорядился построить большой флот также и во всех других местах. Кроме того, он наложил контрибуцию на Азию, Сирию, на всех царей, династов и тетрархов⁹⁹ и на ахейские республики¹⁰⁰, много денег он заставил уплатить так же римские корпораций в принадлежащих ему провинциях¹⁰¹.

4. Что касается легионов, то девять были образованы им из римских граждан, пять он перевез с собой из Италии,

⁹⁹ Династы и тетрархи — второстепенные азиатские князья, за которыми Рим оставил известную самостоятельность.

¹⁰⁰ Хотя римляне в 146 году до н. э. овладели Грецией и подчинили ее под именем Ахайи македонскому наместнику, но многим городам было оставлено самоуправление.

¹⁰¹ Цезарь подчеркивает варварский состав Помпеева войска, чего не одобряли даже некоторые помпеевцы (Cicero. ad. Attic., VIII, 11, § 12).

один легион был из Киликии (он состоял из ветеранов и назван был «легионом близнецов», так как был образован из двух легионов), один с Крита и из Македонии (это были ветераны, отпущенные прежними полководцами и оставшиеся жить в этих провинциях); два происходили из Азии, где они были набраны по распоряжению консула Лентула¹⁰². Кроме того, Помпей распределил по этим легионам в виде пополнения большое количество людей из Фессалии, Беотии, Ахайи и Эпира и включил в них также солдат Антония¹⁰³. Сверх указанных легионов он ожидал еще два легиона из Сирии под командой Сципиона¹⁰⁴. Далее у него было три тысячи стрелков с Крита, из Лакедемона, с Понта, из Сирии и других общин, две когорты пращников по шестьсот человек и семь тысяч всадников. Из них шестьсот галлов привел Дейотар¹⁰⁵, пятьсот — Ариобарзан из Каппадокии, почти столько же дал Котис из Фракии, приславший с ними сына своего Садалу; из Македонии было двести всадников под начальством очень храброго вождя Расциполиса. Пять сотен галлов и германцев были из александрийского отряда Габиния¹⁰⁶:

¹⁰² То есть, когда Лентул был консулом, за год до этого.

¹⁰³ Гай Антоний (брат Марка) был заперт помпеянцем Октавием на иллирийском острове Курикте и был вынужден сдаться с пятнадцатью когортами (рассказ об этом не сохранился в рукописях «Гражданской войны» — см. конец 8 гл.). Эти когорты Помпей зачислил в свою армию.

¹⁰⁴ Сципион после своего консульства получил провинцию Сирию (I, 6) и там образовал два легиона преимущественно из остатков армии Красса, разбитой парфянами в 53 году.

¹⁰⁵ Дейотар был тетрархом восточной части Галатии в Малой Азии. Галатия — область переселившихся в Малую Азию кельтов (Galli или Gallograeci).

¹⁰⁶ А. Габиний, проконсул Сирии с 57 года, восстановил в 55 году на египетском престоле Птолемея Аулета и оставил в Александрии часть своего войска для защиты царя и его наследников.

они были оставлены А. Габинием там у царя Птолемея в качестве гарнизона, и теперь их доставил вместе со всей эскадрой Гн. Помпей-сын¹⁰⁷; восемьсот человек были набраны из его собственных рабов и пастухов; триста дали Таркондарий Кастор и Домнилай из Галлогреции (из них один прибыл сам, другой прислал сына); двести было прислано из Сирии коммагенским правителем Антиохом, получившим от Помпея большую награду; большая часть из них была гиппотоксотами, то есть конными стрелками. К ним он присоединил дарданов и бессов, которые были отчасти наемниками, отчасти набраны по его приказу или вследствие его личных связей, а также македонян, фессалийцев и граждан других племен и общин. Таким образом получилось вышеуказанное число.

5. Громадное количество хлеба он собрал из Фессалии, Азии, Египта, Крита, Кирен и других местностей. Он решил перезимовать в Диррахии, Аполлонии и во всех приморских городах, чтобы не давать Цезарю переправляться через море, и с этой целью распределил свой флот по всему морскому побережью. Египетскими кораблями командовал Помпей-сын, азиатскими — Д. Лелий и Г. Триарий, сирийскими — Г. Кассий, родосскими — Г. Марцелл с Г. Копонием, либурнским и ахейским флотом — Скрибоний Либон и М. Октавий. А высшее руководство всем морским делом было предоставлено М. Бибулу; он же был и главнокомандующим всего флота.

6. По прибытии в Брундисий Цезарь, созвав солдат на сходку, убеждал их: *ввиду приближения конца их трудов и опасностей, они должны со спокойным сердцем оставить в Италии своих рабов и поклажу и сами сесть налегке, чтобы, таким образом, на кораблях очистилось место для большего количества солдат. Все свои надежды они должны возлагать на победу и на его щедрость.* Все единодушно закричали, что его дело только

¹⁰⁷ Старший сын Помпея.

приказывать: все, что он ни прикажет, они исполнят с охотой. Тогда он снялся с якоря на второй день до январских Нон, причем, как указано было выше, на корабли было посажено семь легионов. На следующий день он достиг берега и нашел тихую стоянку между Керавнийскими скалами и другими опасными местами. Здесь, без всяких повреждений в кораблях, он высадил своих солдат у того места, которое называется Палесте. Но гаваней он вообще остерегался в предположении, что они заняты противником.

7. В Орике находились Лукреций Веспимон и Минуций Руф с восемнадцатью азиатскими кораблями, которыми они командовали по распоряжению Децима Лелия, а в Коркире стоял М. Бибул со ста десятью кораблями. Но первые не были уверены в своих силах и не решались выйти из гавани, хотя Цезарь взял с собою для прикрытия всего двенадцать военных кораблей, из которых только четыре было палубных. Что же касается Бибула, то он не успел прийти во время, так как его корабли не были готовы к выходу в море и гребцы находились в разных местах: действительно, Цезарь показался у материка раньше, чем мог дойти даже слух о его приближении.

8. Высадив солдат, Цезарь в ту же ночь отправил корабли назад в Брундисий для перевоза остальных легионов и конницы. Это дело он возложил на легата Фуфия Калена, поручив ему по возможности ускорить перевозку легионов. Но так как корабли эти слишком поздно отчалили от берега и пропустили ночной ветер, то на обратном пути с ними случилось несчастье. А именно Бибул, получив в Коркире известие о прибытии Цезаря, надеялся встретиться в море хоть с некоторой частью его грузовых судов, но теперь наткнулся на пустые, которых попало ему в руки около тридцати. Весь свой гнев и раздражение на собственный же недосмотр он излил на эти суда: он все их поджег и заодно сжег и матросов и владельцев кораблей в надежде, что это жестокое наказа-

ние будет устрашающим примером для других. После этой операции он занял флотом — по всем направлениям — все стоянки и берега от Сасонской до Куриксской гавани и организовал с большой тщательностью сторожевую службу, причем сам лично, несмотря на очень суровую зиму, проводил время на кораблях и не пренебрегал никаким трудом и служебным делом, — все это для того только, чтобы не пропустить к Цезарю ожидаемых им подкреплений¹⁰⁸...

9. По уходе либурнских кораблей из Иллирии М. Октавий с бывшими при нем кораблями прибыл в Салоны. Там он поднял далматов и прочих варваров и склонил их город Иссу к отпадению от Цезаря. Но корпорации римских граждан в Салонах ему не удалось привлечь к себе ни обещаниями, ни ссылкой на опасности, им угрожающие, и потому он решил осаждать город (а город этот был защищен естественными условиями и, главным образом, холмом). Однако римские граждане скоро построили для своей защиты деревянные башни и, так как по своей малочисленности они были слишком слабы для оказания сопротивления и истощены частыми поражениями, то они обратились к крайнему средству: они дали свободу всем взрослым рабам, обрезали волосы у всех женщин и сделали из них веревки для метательных машин. Узнав об этом их решении, Октавий окружил город пятью лагерями и начал единовременно теснить горожан блокадой и штурмом. Те были готовы на всякие лишения, но очень страдали от недостатка продовольствия. Они отправили к Цезарю послов с просьбой помочь им в этом, а все другие лишения, сколько могли, выносили сами. Когда, наконец, осаждающие стали от продолжительности осады много небрежнее, осажденные улучили удобный момент в полуденную пору, когда те ушли. Тогда они расставили на стене

¹⁰⁸ Текст обрывается. Повидимому, здесь был рассказ о неудаче Г. Антония.

детей и женщин, чтобы не было заметно каких-либо отклонений от повседневного распорядка, а сами, вместе с недавно освобожденными рабами, организовались в ударный отряд и ворвались в ближайший лагерь Октавия. Взяв его с бою, они продолжали свою атаку и напали на все остальные лагеря подряд. Таким образом, они выбили помпеянцев из всех лагерей, многих перебили, а остальных, в том числе и самого Октавия, заставили бежать на корабли. (Таков был конец осады.) Так как уже приближалась зима, то Октавий, в виду столь значительного поражения, отчаялся в возможности взять город с бою и удалился в Диррахий к Помпею.

10. Мы говорили¹⁰⁹, что префект Помпея, Л. Вибуллий Руф, дважды попадал во власть Цезаря и оба раза был отпущен им на свободу, раз под Корфинием, второй раз в Испании. Именно вследствие проявленной к нему милости Цезарь признал его подходящим лицом для сообщения Помпею его поручения, зная притом, что он пользуется у Помпея влиянием. Содержание этого поручения было таково: *оба они должны, наконец, отказаться от своего упорства, положить оружие и больше не испытывать военного счастья. Они уже понесли довольно большие потери, которые могли бы послужить им уроком и предостеречь их от дальнейших ударов судьбы. Помпей изгнан из Италии, потерял Сицилию, Сардинию, обе Испании и военную силу в Италии и Испании в сто тридцать когорт римских граждан; Цезарь огорчен смертью Куриона, гибелью африканской армии¹¹⁰ и капитуляцией Антония и его солдат под Куриктотой. Поэтому им пора пощадить и себя и государство, так как они сами своими несчастиями достаточно показали, в какой степени военные успехи зависят от случайности. Теперь единственный по удобству момент для мирных переговоров, пока они оба еще уверены в себе и*

¹⁰⁹ См. I, 34, 38.

¹¹⁰ II, 42, след.

представляются равными друг другу; но если судьба даст одному из них хоть небольшой перевес, то считающий себя более сильным не захочет и слушать об условиях мира, и тот, кто будет уверен в получении всего, не удовольствуется половиной. А так как до сих пор они не могли сговориться относительно мирных условий, то теперь они должны добиваться их в Риме у сената и народа. Это важно для государства и должно быть принято ими самими. Если оба они теперь на военной сходке поклянутся, что в ближайшие три дня распустят войска, положат оружие и откажутся от всех ресурсов, на которые они теперь опираются, то по необходимости оба они должны будут удовлетвориться приговором народа и сената (чтобы облегчить Помпею принятие этого предложения, он готов распустить все свои сухопутные силы и стоящие в городах гарнизоны)¹¹¹.

11. Получив это поручение, Вибуллий счел не менее важным известить Помпея о внезапном приходе Цезаря и, таким образом, дать ему возможность принять соответственные меры, чем завести с ним речь о самом поручении. Поэтому он не прерывал пути ни днем, ни ночью и всюду менял для скорости лошадей, чтобы только поскорее сообщить Помпею о приходе Цезаря. Помпей был в то время в Кандавии на пути из Македонии в Аполлонию и Диррахий, где были его зимние квартиры. Обеспокоенный этим неожиданным известием, он ускорил свой отъезд в Аполлонию, чтобы не дать Цезарю захватить приморские города. Но последний, после высадки солдат, в тот же день двинулся к Орику. Там был, по назначению Помпея, комендантом Л. Торкват, располагавший гарнизоном из парфинов. Как только прибыл Цезарь, Торкват попытался запереть ворота и защищать город. Но когда он приказал грекам (парфинам) взойти на стены и взяться за

¹¹¹ Это последнее замечание (*haec quo facilius Pompeio*), как противоречащее непосредственно предшествующему и неисправное по внешней форме, Мойзель считает не принадлежащим Цезарю.

оружие, они отказались сражаться с высшим магистратом римского народа. В свою очередь и горожане готовы были по собственному почину принять Цезаря. Тогда Торкват, потеряв надежду на какую бы то ни было помощь, открыл ворота, сдался сам и сдал город Цезарю, которым и был помилован.

12. После занятия Орика Цезарь, не теряя времени, отправился в Аполлонию. Услыхав о его прибытии, тамошний комендант Л. Стаберий начал свозить в кремль воду, укреплять его и требовать от аполлонийцев заложников. Но они заявили, что заложников не дадут, ворот перед консулом не запрут и вообще не позволят себе принять решение, несогласное с единодушным приговором всей Италии и римского народа. Ввиду такого их настроения Стаберий тайно бежал из Аполлонии. Аполлонийцы отправили к Цезарю послов и приняли его в город. Их примеру последовали биллидцы и амантийцы и граждане прочих приморских городов и весь Эпир вообще: отправив к Цезарю послов, они обещали исполнять все его приказания.

13. При известии о происшествиях в Орике и Аполлонии Помпей начал бояться за Диррахий и, чтобы во-время поспеть туда, двигался и днем и ночью. В это же время стал распространяться слух о приближении Цезаря, и так как Помпей спешил и не прерывал своего марша ни днем, ни ночью, то на его войско напал такой страх, что почти все солдаты из Эпира и соседних местностей стали оставлять знамена, многие начали бросать оружие, и вообще этот марш стал походить на бегство. Но когда Помпей остановился близ Диррахия и приказал разбить лагерь, то ввиду продолжавшейся в его войске паники первым выступил Лабиэн и поклялся не покидать Помпея, но разделить с ним всякую участь, какую только пошлет судьба. Такую же клятву принесли и остальные легаты; за ними последовали военные трибуны и центурионы и, наконец, все войско. Так как путь к Диррахии был раньше занят Помпеем, то Цезарь не считал

более нужным спешить и расположился лагерем у реки Апса в области Аполлонии, чтобы защитить заслуженные перед ним общины; там он решил ждать прибытия из Италии легионов и зимовать в палатках. То же самое сделал и Помпей: он разбил лагерь за рекой Апсом и стянул туда свою армию и вспомогательные отряды.

14. Кален посадил в Брундисии, согласно предписанию Цезаря¹¹², легионы и конницу на все бывшие в его распоряжении корабли и снялся с якоря. Но вскоре после отвала от гавани он получил от Цезаря письмо с извещением, что все гавани берега заняты флотом противника. Тогда он немедленно возвратился в гавань и туда же отозвал всю эскадру. Но один из кораблей продолжал свой курс вопреки приказу Калена, так как не имел на борту солдат и управлялся частным лицом. Его отнесло к Орику, и он был взят Бибулом. Последний приказал казнить всех поголовно — и рабов и свободных, не исключая даже несовершеннолетних. Таким образом, спасение целой армии было делом одного момента и исключительного случая.

15. Бибул, как выше было указано¹¹³, стоял со своим флотом у Орика. Он не давал Цезарю доступа к морю и к гаваням, но зато сам был совершенно отрезан от суши, потому что Цезарь расставил, повсюду караульные отряды и, таким образом, держал в своих руках все побережье, не давая противнику возможности добывать дрова и воду и даже приставать к берегу. Положение было очень затруднительно, и Бибул так страдал от недостатка предметов первой необходимости, что принужден был подвозить из Коркиры не только провиант, но также дрова и воду. Один раз случилось даже, что из-за очень бурной погоды помпеянцы вынуждены были собирать утреннюю росу с кож, которыми были

¹¹² Ср. гл. 8.

¹¹³ Ср. гл. 8 и 14.

покрыты корабли. Но все эти затруднения они выносили терпеливо и спокойно, не считая возможным обнажать берега и покидать гавани. И вот когда Либон соединился с Бибулом, то они, ввиду указанного тяжелого положения, начали с кораблей разговоры с легатами М. Ацилием и Стацием Мурком, из которых один командовал караулами на стенах города, а другой береговыми отрядами. Бибул и Либон просили дать им возможность переговорить с самим Цезарем об очень важных делах. К этому они кое-что прибавили, чтобы придать вес своей просьбе и вызвать предположение, что они действительно намерены вести мирные переговоры. А покамест они просили перемирия и получили его. Их предложение казалось очень важным, и легатам было известно, что Цезарь очень желает мира. К тому же полагали, что некоторый успех был достигнут миссией Вибуллия.

16. В то время Цезарь отправился с одним легионом для присоединения к себе более отдаленных городов и для облегчения доставки провианта, в котором он испытывал нужду. Он находился у города Бутрота, лежащего против Коркиры. Получив здесь письмо от Ацилия и Мурка о ходатайстве Либона и Бибула, он оставил легион и возвратился в Орик. Там оба они были вызваны для переговоров. Явился Либон и извинился за Бибула, говоря: *последний был очень вспыльчив и, кроме того, питал личную вражду к Цезарю еще со времен их эдилитета и претуры. Именно поэтому, говорил Либон, Бибул и уклонился от переговоров, чтобы своей вспыльчивостью не испортить дела, которое сулит важные перспективы и очень большую пользу*¹¹⁴. Лично он, Либон, очень желает, как и всегда желал, за-

¹¹⁴ Бибул был конкурентом Цезаря и по эдилитету, и по претуре, и по консульству; во время последнего он всячески старался противодействовать Цезарю, но безуспешно. Интересно, что Цезарь о консульстве Бибула не упоминает, хотя оно-то и было главной причиной его раздражения.

ключения мира и прекращения военных действий, но на подобные переговоры он совсем не уполномочен, так как, по решению государственного совета, верховное руководство войной и всеми важнейшими делами было возложено на Помпея. Однако, когда они узнают требования Цезаря, то они сообщают их Помпею, и тогда, по их настоятельной просьбе, он уже сам поведет дальнейшие переговоры. А покамест, до получения ответа от Помпея, они просят продолжить перемирие с тем, чтобы при этом ни одна сторона ничего не предпринимала против другой. В заключение он кое-что сказал о существовании дела, а также о своих боевых силах и о военных ресурсах.

17. Цезарь уже тогда не считал нужным отвечать на эти последние рассуждения. Да и теперь мы не видим достаточных оснований для их сообщения. Цезарь требовал свободного проезда его посольства к Помпею; Либон и Бибул должны в этом поручиться или же сами препроводить это посольство к Помпею. Что же касается перемирия, то военное положение обеих сторон таково, что они своим флотом задерживают подход его кораблей и подкреплений, а он отрезывает их от воды и от суши. Если они хотят для себя в этом пункте облегчения, то пусть ослабят охрану моря; если же они за него держатся, то и он будет удерживать за собой сушу. Тем не менее переговоры о соглашении возможны и помимо этих уступок: одно другому не мешает. Либон отказывался брать на себя ответственность за послов Цезаря и гарантировать их безопасность, ссылаясь на то, что это зависит исключительно от усмотрения Помпея; он, однако, настаивал на перемирии и всеми силами старался его провести. Цезарь понял, что Либон завел эти переговоры только с целью улучшить свое опасное и стесненное положение: ни видов на мир, ни каких-либо реальных предложений при этом не было. Поэтому он снова обратил свое внимание на дальнейшее ведение войны.

18. Бибул, который много дней подряд не имел возможности сойти на сушу, тяжело заболел от холода и от напряженных

трудов. Так как на море нельзя было лечиться, и при всем том он не хотел покидать своего поста, то он не мог оправиться от болезни. После его смерти верховное командование над флотом не перешло к какому-либо одному лицу, но каждый отдельный командир распоряжался своей эскадрой, как хотел. Когда улеглась тревога, вызванная неожиданным появлением Цезаря, Вибуллий решил при первом же подходящем случае, в присутствии Либона, Л. Лукция и Феофана, с которыми Помпей имел обыкновение советоваться о важнейших делах, начать речь о поручении Цезаря. Но Помпей прервал его с первых же слов и не дал говорить дальше: *зачем мне жизнь, сказал он, зачем мне гражданские права, если дело будет иметь такой вид, что я ими обязан милости Цезаря? Подобного предположения никоим образом нельзя будет устранить, когда начнут думать, что меня по окончании войны возвратили в Италию, из которой я сам выехал.* Об этом Цезарь узнал от таких людей, которые присутствовали при беседе. Тем не менее, Цезарь не прекращал своих попыток; но только он стал добиваться мирных переговоров другим путем.

19. Между лагерями Помпея и Цезаря была только река Апис, и солдаты часто вступали друг с другом в разговоры, во время которых, по взаимному соглашению, прекращалась перестрелка. И вот Цезарь послал своего легата П. Ватиния к самому берегу реки, чтобы заговорить о самых существенных условиях мира и громко спросить, *позволительно ли римским гражданам посылать к своим согражданам послов, что сам Помпей дозволил даже беглым рабам в Пиренеях и морским разбойникам*¹¹⁵? *А ведь теперь они добиваются того, чтобы граждане не вступали в бой с гражданами.* И многое другое прибавил он то-

¹¹⁵ Это были остатки побежденного Серториева войска, которым Помпей отвел в 72 году город Конвены (Convenae или Lugudunum Convenarum) в Аквитании. Разбойники — побежденные Помпеем киликийские пираты.

ном просителя, как это и было естественно в деле, касающемся его собственного и общего спасения; его в молчании выслушали солдаты обеих сторон. Ему ответили, что А. Варрон обещает выйти на следующий день для переговоров и сообщая с ним обсудить, каким образом послы могли бы безопасно пройти к ним и изложить свои пожелания; для этой цели сообщая было назначено определенное время. Когда на следующий день послы там сошлись, то из обоих лагерей явилось большое множество народа: все напряженно ожидали, чем кончатся переговоры и казались чрезвычайно миролюбиво настроенными. Тогда из неприятельских рядов вышел Т. Лабиэн и начал очень высокомерно говорить о мире и спорить с Ватинием. Во время этого разговора вдруг со всех сторон полетели копья. Ватиний, которого прикрыли щитами солдаты, спасся, но многие были ранены, в том числе Корнелий Бальб, Л. Плоций, М. Тибуций, несколько центурионов и солдат. Тогда Лабиэн воскликнул: *Так перестаньте же говорить о примирении; никакого мира у нас быть не может, пока нам не доставят головы Цезаря!*

20. Около того же времени претор М. Целий Руф¹¹⁶ взял на себя дело должников. С первых же дней вступления в должность он поставил свое судейское кресло рядом с креслом городского претора Г. Требония и обещал свою помощь всем, кто будет апеллировать на приговоры третейских судей касательно оценки имущества и уплаты долгов в духе распоряжений, сделанных Цезарем лично во время его пребывания в Риме. Но распоряжения эти были вполне справедливы, и Требоний проявлял большую гуманность, придерживаясь убеждения, что в эти времена следует производить суда милостиво и умеренно. Поэтому не находилось

¹¹⁶ Целий, был, между прочим, недоволен тем, что наиболее важная, так называемая городская, претура досталась не ему.

никого, кто хотел бы положить начало подобным апелляциям. В самом деле, оправдываться бедностью, жаловаться на свой личный и общественный крах и ссылаться на затруднения с аукционом, — на это не требуется большой смелости; но что за дерзость и что за бесстыдство — признавать себя должником и в то же время стремиться сохранить за собою свое имущество в неприкосновенном виде! Вот почему и не находилось охотников заявлять подобные требования, и Целий оказался суровее тех самых людей, чьих интересов это касалось. Так он начал свою деятельность. Не желая, чтобы его первые шаги в этом неблагоприятном деле были неудачными, он обнародовал законопроект об уплате долгов без процентов в течение шестилетнего срока.

21. Но он встретил противодействие со стороны консула Сервилия и остальных магистратов, благодаря чему успех его агитации был ниже его ожиданий. Тогда для возбуждения страсти он взял назад свой первый законопроект и опубликовал два других: о сложении с квартиронанимателей годовой платы и об отмене долговых обязательств. В связи с этим он организовал нападение толпы на Требония и после кровопролитной схватки прогнал его с трибунала. Консул Сервилий доложил об этом сенату, и сенат высказался за устранение Целия от должности. На основании этого декрета консул исключил Целия из сената и при его попытке говорить с роstr удалил с форума. Тот, с досады на этот позор, официально заявил, будто бы он отправляется к Цезарю, но в действительности тайно послал гонцов к Милону¹¹⁷, который был осужден на изгнание за убийство Клодия, и вызвал его в Италию. Так как у Милона со времени его больших гладиаторских игр оставались еще гладиаторы, то Целий заключил

¹¹⁷ Бывший единомышленник Целия, Милон, был осужден в 52 году по Помпееву закону за убийство Клодия.

с ним союз и послал его вперед в Турийскую область, чтобы вызвать восстание пастухов. А когда сам Целий прибыл в Капилин и в то же время в Капуе были арестованы его военные знамена и оружие, а в Неаполе был замечен отряд гладиаторов, имевший целью предать город, — то, по обнаружении своих замыслов, он не был допущен в Капую и, боясь опасности (так как корпорация римских граждан взялась за оружие и постановила считать его врагом государства), отказался от этого намерения и переменял маршрут.

22. Тем временем Милон разослал по муниципиям письменное сообщение о том, что он действует от имени и по поручению Помпея, согласно его приказу, переданному через Вибуллия. Он пытался, прежде всего, агитировать среди тех, которые, по его мнению, были обременены долгами. Но не имея у них никакого успеха, он открыл несколько смиренных домов, в которых содержались рабы, и начал осаждать город Косу в Турийской области. Но туда был послан с легионом претор Кв. Педий¹¹⁸... Милон был убит камнем, пущенным со стены. Целий, отправлявшийся будто бы к Цезарю, прибыл в Турийскую область. Там он стал подстрекать к возмущению некоторых жителей этого муниципия и пытался подкупить галльских и испанских всадников Цезаря, которые были назначены в этот город на гарнизонную службу, но был последними убит. Таким образом, эти широкие планы, которые за недосугом законных властей вызвали немалое волнение в Италии, были быстро и легко ликвидированы.

23. Либон оставил Орик и направился со своей эскадрой, состоявшей из пятидесяти судов, в Брундисий. Здесь он занял остров, лежавший против Брундисийской гавани, так как считал более выгодным держать в своих руках один пункт, через который неизбежно должны были выходить наши, чем блокировать все морское побережье и все гавани. Внезапным

¹¹⁸ Пропуск в рукописях.

нападением он захватил несколько кораблей и сжег их, а один, нагруженный хлебом, увел с собой. Этим он нагнал большой страх на наших и, высадив ночью солдат и стрелков, выбил конный гарнизон. Пользуясь удобством местности, он действовал так успешно, что мог отправить Помпею письмо с предложением распорядиться, если угодно, вытащить остальные корабли на берег и починить их, так как он надеется отрезать Цезаря от подкреплений с помощью одной только своей эскадры.

24. В то время в Брундисии находился Антоний. Уверенный в храбрости своих солдат, он покрыл около шестидесяти лодок фашинами и щитками со своих военных кораблей, посадил на них отборных солдат, расставил их по разным местам побережья и приказал двум триремам, которые он распорядился построить в Брундисии, подойти к выходу из гавани под видом упражнения гребцов. Когда Либон увидал, что они слишком смело вышли вперед, то, в надежде перехватить их, отправил против них пять квадрирем. Когда последние приблизились к нашим судам, то они, как им было приказано, начали спасаться бегством в гавань. Неприятеля в пылу увлечения слишком неосторожно погнались за ними. И вот со всех сторон вдруг по данному сигналу на неприятелей налетели лодки Антония и с первого же натиска захватили одну из квадрирем вместе с гребцами и солдатами, а остальные принудили к постыдному бегству. К этому поражению присоединилось и другое несчастье, а именно расставленные Антонием по морскому берегу всадники не давали неприятелям брать воду. Эта крайность и позор заставили Либона уйти из Брундисия и снять осаду.

25. Уже прошло много месяцев, и зима приходила почти к концу, а из Брундисия все еще не прибывали корабли с легионами. Цезарю казалось, что упущено немало благоприятных моментов для переправы: часто дули такие постоянные ветры, которыми, по его мнению, непременно нужно было бы воспользоваться. И чем более проходило времени, тем

бдительнее наблюдали за ними командиры неприятельских эскадр и тем больше у них было уверенности в том, что они помешают переправе. Да и Помпей в своих письмах часто делал им выговоры: *так как они с самого начала не задержали переправы Цезаря, то пусть они поставят преграду хоть остальным его войскам.* И вот, по мере того, как с каждым днем ветры ослабевали, они ожидали наступления такой погоды, которая будет еще более неблагоприятна для переправы. Все это очень беспокоило Цезаря, и он послал своим весьма строгий приказ — не теряя времени, выйти в море, как только подует благоприятный ветер, и держать курс к берегам аполлонийцев или лабеатов — на случай, не удастся ли там быстро пристать. В этих местах всего реже бывали неприятельские сторожевые суда, так как они не осмеливались выходить в море слишком далеко от гаваней.

26. Под руководством М. Антония и Фуфия Калена наши смело и мужественно снялись при южном ветре с якоря. Этого убедительно просили сами солдаты, заявлявшие, что для Цезаря они на все готовы. На следующий день наша эскадра проходила уже мимо Аполлонии. Когда ее увидели с материка, то командир стоявшего в Диррахии родосского флота Г. Копоний вывел свои суда из гавани и при ослабевшем ветре уже приблизился к нашим. Но тот же южный ветер усилился, и наши от этого снова выиграли. При всем том Копоний не желал отказаться от своей попытки. В надежде на энергию и настойчивость своих моряков, он стал преследовать наших, и несмотря на то, что они уже прошли мимо Диррахия при очень сильном ветре. Хотя судьба была милостива к нашим, они все-таки опасались неприятельского нападения в случае, если ветер ослабеет. Поэтому, достигнув гавани, называвшейся Нимфеем, в трех милях по ту сторону Лисса, они ввели в нее свои корабли. Эта гавань была защищена от юго-западного ветра, но открыта для южного. Вообще

им казалось, что опасность от бури меньше, чем опасность от неприятельского флота. Как только они туда вошли, по необыкновенно счастливой случайности южный ветер, который перед этим дул два дня подряд, перешел в юго-западный.

27. На этом примере можно было видеть, как неожиданно изменилась судьба; те, которые недавно опасались за себя, укрылись в безопаснейшей гавани, а те, которые были так страшны для нашего флота, теперь вынуждены были бояться за свою собственную безопасность. Итак, с переменой положения погода спасла наших и погубила родосский флот: все его шестнадцать палубных кораблей наскочили на скалы и были разбиты: многочисленные гребцы и экипаж частью разбились о скалы, частью были сняты с них нашими солдатами. Цезарь всех их помиловал и отпустил на родину.

28. Два наших корабля шли медленнее других. Их застигла ночь, и они не знали, до какого пункта дошли остальные суда. Сами они остановились на якоре против Лисса. Комендант Лисса Отаций Красс хотел взять их с бою и выслал против них много людей и судов малого размера. Вместе с тем он начал с ними переговоры о сдаче, обещая сдавшимся сохранить жизнь. На борту одного корабля было двести двадцать солдат из легиона новобранцев, на борту другого несколько менее двухсот из легиона ветеранов. Тут обнаружилось, какую выгоду дает присутствие духа. Новобранцы, уstraшенные множеством судов и изнуренные качкой и морской болезнью, поверили клятве Отация, что им не будет никакого вреда, и сдались. Но когда их доставили к нему, то, вопреки священной клятве, все они на его глазах были без всякой пощады казнены. Наоборот; солдаты из легиона ветеранов, хотя также пострадали от бури и от проникшей в трюм воды, решили не изменять своему прежнему мужеству. Они затянули переговоры о притворной сдаче вплоть до наступления ночи и затем заставили кормчего направить корабль к берегу. Там они нашли удобное место, где и провели остаток ночи. На рассвете Ота-

цилий послал против них конный отряд, стороживший тот участок морского берега, в числе около четырехсот человек, вместе с другими солдатами из городского гарнизона. Ветераны стали защищаться, убили значительное количество неприятелей и благополучно добрались до наших.

29. Тогда корпорация римских всадников в городе Лиссе, который Цезарь еще раньше передал им и позаботился об его укреплении, приняла Антония и снабдила его всем необходимым. Отацилий, боясь за себя, бежал из города и направился к Помпею. Войско Антония состояло из трех легионов ветеранов, одного легиона из новобранцев и восьмисот человек конницы. После высадки он отослал часть кораблей назад в Италию для перевозки остальных солдат и конницы, а особого рода галльские корабли, так называемые понтоны, оставил в Лиссе, чтобы дать Цезарю некоторую возможность преследовать Помпея, если последний, в предположении, что в Италии нет вооруженных сил, вздумает переправить туда свою армию. По той же причине Антоний спешно послал к Цезарю гонцов с извещением о том, где он высадился с войском и сколько человек перевез.

30. Цезарь и Помпей узнали об этом почти одновременно. Они сами видели, как прошли мимо Аполлонии и Диррахия корабли, держа курс вдоль тамошних берегов, но куда их отнесло, они в первые дни не знали. Когда теперь пришли известия, они приняли противоположные решения. Цезарь желал как можно скорее соединиться с Антонием, а Помпей — преградить путь идущему на соединение противнику и, по возможности, напасть на него врасплох из засады. Оба они в тот же день вывели свои войска из постоянных лагерей на реке Апсе — Помпей тайно и ночью, Цезарь явно и днем. Но Цезарю пришлось сделать большой крюк вверх по течению реки, чтобы найти место для перехода ее в брод; а у Помпея, которому не нужно было переходить реки, путь был свободный, и он поспешил форсированным маршем против

Антония. Как только он узнал о приближении последнего, он нашел удобное место и расположил на нем свои войска, но не выпускал их из лагеря и запрещал зажигать огни, чтобы скрыть свой собственный приход. Однако Антоний немедленно узнал о нем через греков. Поэтому он послал гонца к Цезарю и один день продержался в лагере: на следующий день к нему пришел Цезарь. При известии о его приходе Помпей, чтобы не быть отрезанным двумя армиями, оставил эту позицию. Он двинулся со всеми силами к Аспарагию в области Диррахия и там на удобном месте разбил лагерь.

31. Около этого времени Сципион за некоторые поражения, понесенные им у Амана, провозгласил себя императором¹¹⁹. В этом звании он потребовал больших денежных взносов с городов и тиранов, а также взыскивал с откупщиков своей провинции следуемые с них за предыдущие два года денежные суммы и у них же взял вперед арендную плату за следующий год, а всей провинции приказал поставить конницу. Когда они собрались к нему, то он вывел свои легионы и конницу из Сирии, и, таким образом, оставил у себя в ближайшем тылу неприятелями парфян, которые незадолго до того убили в сражении императора М. Красса¹²⁰ и держали в осаде М. Бибула¹²¹. Провинция была этим очень обеспокоена и боялась войны с парфянами; и среди солдат слышались голоса, что если их поведут против неприятелей, то они пойдут, но на согражданина и консула не поднимут оружия. Тогда Сципион вывел оттуда свои легионы в Пергам и другие богатейшие города на зимние квартиры, щедро одарил солдат и, чтобы закрепить за собою их расположение, отдал им эти города на разграбление.

¹¹⁹ Явная насмешка, так как обыкновенно этот титул получали победоносные полководцы от солдат.

¹²⁰ В 53 году.

¹²¹ Бибул был проконсулом Сирии с середины 51 до середины 50 года.

32. Тем временем со всей провинции без всякой пощады взыскивались наложенные взносы. Для удовлетворения корыстолюбия придумывались и многие другие налоги применительно к различным классам населения. Налагали подушную подать на рабов и свободных, устанавливали пошлыны с колонн и дверей, требовали провианта, солдат, оружия, гребцов, метательных машин, повозок; вообще, стоило только подвести что-нибудь под какую-либо рубрику, и этого было уже достаточно для взыскания денег. Не только в города, но почти что во все села и небольшие укрепленные пункты назначались свои особые коменданты, и чем больше грубости и жестокости они проявляли, тем выше их ценили как людей и граждан. Вся провинция была полна ликторов и командиров, битком набита комиссарами и сборщиками, которые, помимо взыскания наложенных денег, заботились и о собственном барыше. Чтобы прикрыть свои гнусные деяния благовидными именами, они любили говорить, что они изгнаны из дома и отечества и потому нуждаются в предметах первой необходимости. Сверх всего этого чрезвычайно возрос процент, как это обыкновенно бывает во время войн при поголовных налогах; при таких обстоятельствах на отсрочку платежа смотрели как на подарок. Поэтому задолженность провинции за эти два года очень увеличилась. И тем не менее требовались даже и с римских граждан определенные денежные суммы, которые, впрочем, взымались не с отдельных лиц, но с корпораций и городов, причем это прикрывалось заявлением, что деньги берутся по постановлению сената только займы. Откупщики, как это было и в Сирии, должны были заимообразно уплатить аренду за год вперед.

33. Кроме того, Сципион отдал было приказ взять из Эфесского святилища его старинные сокровища. Но когда в назначенный для этого день он собирался идти в святилище в сопровождении нескольких лиц сенаторского звания, специально для этого приглашенных, ему вручили письмо от

Помпея, что Цезарь переправился с легионами через море; поэтому он должен оставить другие дела и спешить со своей армией на соединение с Помпеем. По получении этого письма Сципион отпустил приглашенных сенаторов, стал готовиться к походу в Македонию и через несколько дней выступил. Только это спасло эфесские сокровища.

34. После соединения с Антонием Цезарь вывел из Орика легион, поставленный там для охраны морского побережья. Он считал необходимым привлечь на свою сторону тамошние провинции и с этой целью углубиться в страну. Когда к нему явились послы из Фессалии и Этолии с обещанием, что эти племена, в случае присылки гарнизонов, будут исполнять все его требования, он послал в Фессалию Л. Кассия Лонгина с легионом новобранцев (который назывался 27-м) и с двумя сотнями конницы, а в Этолию — Г. Кальвисия Сабина с пятью когортами и небольшим отрядом всадников. Их обоих он особенно убеждал позаботиться, ввиду близости этих местностей, о заготовке провианта. Гн. Домиций Кальвин должен был отправиться с двумя легионами, 11-м и 12-м, в Македонию, так как посол от той ее части, которая называлась Свободной, Менедем — самый влиятельный местный деятель — заявлял об исключительном расположении своих земляков к Цезарю.

35. Кальвисий был тут же по приходе очень радушно принят всеми этолийцами. Он выбил из Калидона и Навпакта гарнизоны противников и овладел всей Этолией. Кассий прибыл с легионом в Фессалию. Здесь он нашел различное настроение в городах, так как население разделилось на две партии: издавна влиятельный Гегесарет стоял за дело Помпея, а очень знатный молодой человек Петрей усиленно поддерживал Цезаря как своими личными средствами, так и средствами своих приверженцев.

36. В то же самое время Домиций прибыл в Македонию. Когда к нему немедленно стали собираться в большом коли-

честве посольства от общин, он получил известие о приближении Сципиона с его легионами. Оно вызывало повсюду разные предположения и разговоры, так как в делах неожиданных молва обыкновенно преувеличивает события. Сципион нигде не задержался в Македонии и очень стремительно двигался против Домиция; но, приблизившись к нему на расстояние двадцати миль, вдруг повернул в Фессалию против Кассия Лонгина. Он сделал это так быстро, что одновременно приходили известия о том, что он приближается, и о том, что он уже здесь. Для того, чтобы беспрепятственно продолжать поход, он оставил М. Фавония у реки Алиакмона, отделяющей Македонию от Фессалии, с восемью когортами для прикрытия обоза легионов и приказал построить там укрепление. В то же время на лагерь Кассия налетела конница царя Котиса, обыкновенно стоявшая в разных местах на фессалийской границе. Известие о приближении Сципиона и появление всадников, которых Кассий принял за Сципионовых, устрало его: он повернул к горам, опоясывающим Фессалию, и отсюда пошел по направлению к Амбракии. Сципион же, который спешил догнать его, настигло письмо от М. Фавония, что приближается Домиций со своими легионами, и он, Фавоний, без поддержки Сципиона не в состоянии удержать вверенного ему укрепления. По получении этого письма, Сципион изменил свой план и маршрут: он отказался от преследования Кассия и поспешил на помощь Фавонию. Не прерывая похода ни днем, ни ночью, он пришел к нему столь своевременно, что в один и тот же момент заметили пыль от войска Домиция и увидели передовые отряды Сципиона. Таким образом, Кассия спасла энергия Домиция, а Фавония — быстрота Сципиона.

37. Сципион пробыл два дня в постоянном лагере у реки Алиакмона, отделявшей его от лагеря Домиция, перевел на третий день на рассвете свое войско в брод, разбил лагерь и

на следующий день рано утром выстроил солдат перед лагерьем. Тогда и Домиций без колебаний решил вывести свои легионы на бой. Но так как между обоими лагерями была равнина шириной приблизительно в две мили, то Домиций придвинул свою боевую линию к лагерю Сципиона. Тот упорно стоял перед своим валом. И все-таки стоило большого труда сдержать солдат Домиция: дело не дошло до сражения главным образом потому, что протекавший у самого лагеря Сципиона ручей с крутыми берегами задерживал наше движение вперед. Когда Сципион заметил у наших большое воодушевление и боевой пыл, то он стал бояться, что на следующий день ему придется против воли принять сражение или же после больших ожиданий, возбужденных его приходом, бесславно стоять в лагере. Таким образом, он столь же позорно кончил, как опрометчиво зашел вперед: ночью, не дав даже сигнала «к сбору», он обратно перешел через реку, вернулся туда же, откуда вышел, и там разбил у реки лагерь на высокой от природы позиции. Через несколько дней он устроил ночью конную засаду в том месте, куда наши в предыдущие дни обыкновенно ходили за фуражом. Когда начальник конницы Домиция, Кв. Вар, по обыкновению, явился туда, те вдруг выскочили из засады. Но наши храбро выдержали их натиск, все заняли свои места и с своей стороны всей массой атаковали неприятелей, около восьмидесяти человек убили, остальных обратили в бегство, а затем вернулись в лагерь, потеряв только двух человек.

38. После этой стычки Домиций, в надежде заманить Сципиона на сражение, сделал вид, что вследствие крайней нужды в продовольствии он снимается с лагеря. Дав обычный клич «к сбору», он прошел три мили и расположил все свое войско и конницу на удобном и скрытом месте. Сципион был готов преследовать его и отправил вперед значительную часть конницы, чтобы поточнее разведать маршрут Домниция.

Когда она продвинулась вперед и первые эскадроны дошли до места засады, то ржание лошадей внушило им подозрение, и они начали отступать к своим; те, которые за ними следовали, заметили их отступление и остановились. Наши поняли, что засада открыта: не желая понапрасну дожидаться остальных, они отрезали два попавшиеся им эскадрона. Из них только очень немногие спаслись бегством к своим — в том числе и начальник конницы, М. Опимий; а все остальные всадники из этих эскадронов были перебиты или взяты в плен и приведены к Домицию.

39. Цезарь, как выше было указано¹²², вывел из приморских пунктов гарнизоны и только в Орике оставил три когорты для защиты города; они же должны были охранять те военные суда, которые он провел из Италии. Тем и другим заведывал его легат Ацилий Канин. Ацилий отвел корабли во внутреннюю гавань за городом и привязал их к берегу, а при входе в гавань спереди затопил грузовое судно и с ним соединил второе; на последнем против входа в гавань он соорудил башню, поместил в нее большое количество солдат и поручил им ее защиту на случай неожиданных нападений.

40. При известии об этом, командир египетского флота Гн. Помпей-сын появился у Орика и с напряжением всех сил вытаскил воротами и канатами затопленное судно. Другое же судно, которое Ацилий поставил для обороны, он атаковал несколькими своими кораблями, на которых воздвиг башни такой же высоты. Он занимал в сражении более высокую позицию, уставших бойцов все время заменял свежими и — с разных пунктов, также и с суши, — производил атаки на городские стены при помощи лестниц и кораблей, с тем, чтобы разъединить силы противников. После таких усилий, благодаря массе выпущенных снарядов, он победил наших и,

¹²² См. гл. 34.

выбив защитников, которые все сошли на лодки и спаслись бегством, взял это судно с бою. В то же время, на другой стороне, он занял находившуюся против него естественную плотину¹²³, которая образовала из города почти полуостров, и провел по ней на катках при помощи рычагов четыре биремы во внутреннюю гавань. Напав, таким образом, с двух сторон на военные суда, которые были пустыми привязаны к берегу, он четыре из них увел с собою, а остальные сжег. По исполнении этой операции он оставил здесь Д. Лелия, которого вызвал из азиатского флота. Последний начал задерживать провиант, шедший из Биллиды и Аманции в город. Сам Помпей отправился в Лисс, напал там на оставленные М. Антонием в гавани тридцать грузовых кораблей и все их сжег. Но когда он попытался взять Лисс, то встретил там сопротивление со стороны римских граждан, тамошней корпорации и солдат, оставленных Цезарем в качестве гарнизона, так что после трехдневной осады, которая стоила ему нескольких солдат, принужден был безрезультатно удалиться оттуда.

41. Когда Цезарь узнал, что Помпей стоит у Аспарагия, то он двинулся туда же со всем своим войском, по пути завоевал город парфинов, в котором Помпей имел гарнизон, и на третий день дошел до Помпея. Он разбил свой лагерь рядом с Помпеевым, на следующий день вывел и построил все свое войско для решительного сражения. Но, заметив, что Помпей не двигается со своей выгодной позиции, он отвел войско назад в лагерь и принял другое решение. На следующий день он выступил со всеми своими силами, делая большой крюк по трудному и узкому пути, к Диррахию, в надежде или загнать туда Помпея, или же, наоборот, отрезать его от этого города, в который тот свез весь свой провиант и все военные запасы. Так и случилось. А именно, Помпей сначала не знал

¹²³ См. план Орика.

его намерений. Видя, что Цезарь выступил в противоположном направлении, он решил, что недостаток провианта вынудил его к отступлению; но затем он получил точные известия от разведчиков и снялся на следующий день с лагеря, надеясь кратчайшим путем опередить Цезаря. Но Цезарь именно это и предполагал. Ободрив своих солдат терпеливо выдержать предстоящий трудный поход, он только на короткое время прервал ночью свой марш и утром достиг Диррахия как раз тогда, когда издали уже был виден авангард Помпея. Там Цезарь немедленно разбил лагерь.

42. Помпей был отрезан от Диррахия, и так как ему не удалось осуществить свое первоначальное намерение, то он принял другой план: он разбил укрепленный лагерь на высоком месте, по имени Петра, где корабли могут без особого труда приставать к берегу и находить защиту от некоторых ветров. Там он приказал сосредоточить часть военного флота и свезти хлеб и прочие запасы из Азии и из всех других занимаемых им местностей. Цезарь понял, что война затянется; вместе с тем он потерял надежду на подвоз из Италии, так как все берега тщательно охранялись помпеянцами, а его собственные эскадры, построенные им зимой в Сицилии, Галлии и Италии, все еще не приходили. Поэтому он послал легатов Кв. Тиллия и Л. Канулея в Эпир для продовольственных заготовок; а так как эти местности были довольно далеко, то он устроил в определенных пунктах хлебные магазины и распределил между соседними общинами поставку хлебных подвод. Равным образом он приказал реквизировать все хлебные запасы в Лиссе, у парфинов и во всех, укрепленных пунктах. Но их было очень мало, — с одной стороны, потому, что сама местность здесь сурова и гориста и население питается большей частью привозным хлебом, а с другой стороны, потому, что Помпей предвидел это и в предыдущие дни отдал область парфинов своему войску на разграбление: все их

дома были обысканы и обобраны, и весь забранный хлеб был доставлен к нему его конницей.

43. Ввиду этого Цезарь принял решение применительно к свойствам самой местности. Вокруг лагеря Помпея было очень много высоких и крутых холмов. Цезарь прежде всего занял их военной силой и построил на них редут. Затем, смотря по природным условиям каждого отдельного пункта, он соединил эти редуты укреплениями, которыми стал замыкать Помпея, преследуя при этом тройкую цель: во-первых, так как у него было слишком мало продовольствия, а Помпей был силен конницей, то надо было с наименьшим риском обеспечить подвоз хлеба и провианта для войска; во-вторых, важно было отрезать Помпея от фуража и сделать его конницу совершенно бесполезной; в третьих, большой авторитет, которым Помпей, очевидно, пользовался у иноземных народов, был бы ослаблен, если бы по всему свету распространилась молва, что Помпей осажден Цезарем и не решается на сражение.

44. Помпей не желал оставлять моря и Диррахия, так как он сосредоточил там все военные припасы, оборонительное и наступательное оружие и метательные машины, а также подвозил там на кораблях хлеб для войска. Но вместе с тем он не был в состоянии помешать фортификационным работам Цезаря иначе, как решившись на генеральное сражение; а его-то он в данный момент и не находил возможным. Для него оставался единственный способ ведения войны: захватывать как можно больше холмов, занимать военными отрядами местность на возможно большем протяжении и как можно больше разъединять силы Цезаря. Так он и делал. Он построил двадцать четыре редута на пространстве в пятнадцать миль в окружности и здесь добывал себе фураж; в пределах его укреплений было много засеянных полей, и на первое время он кормил на них свой вьючный скот. И подобно тому как

наши посредством проведение непрерывных укреплений принимали меры к тому, чтобы помпеянцы не сделали где-нибудь вылазки и не напали бы на нас с тылу, — так и те в своем внутреннем кольце строили такие же непрерывные укрепления, чтобы наши не могли куда-либо проникнуть и обойти их с тылу. Но их работы шли успешнее наших, так как у них было больше солдат и их внутренние укрепления были меньшего размера, чем это было необходимо для укреплений Цезаря. Помпей, вообще говоря, не желал употреблять все свои боевые силы для противодействия работам Цезаря и избегал генерального сражения. Но при удобном случае он высылал стрелков и пращников, которых у него было очень много. Многие из наших солдат были ранены, и неприятельских стрел стали так бояться, что почти все солдаты начали делать себе из войлока, из тряпок или из кож рубашки и фуфайки для защиты от стрел.

45. Обе стороны употребляли много усилий на занятия командных пунктов: Цезарь хотел как можно теснее сомкнуть кольцо вокруг Помпея, а Помпей стремился захватить кругом побольше холмов на возможно большем пространстве, и из-за этого часто происходили сражения. Между прочим, когда 9-й легион Цезаря занял одну высоту и стал ее укреплять, Помпей занял другой холм против этой высоты и начал мешать нашим в их работах. Так как к нашей высоте можно было с одной ее стороны подойти по ровному месту, Помпей прежде всего расставил вокруг этого места стрелков и пращников, а затем выслал большое количество легковооруженных, пододвинул метательные орудия и стал таким образом мешать нашим фортификационным работам. Нам нелегко было и отбиваться, и работать в одно и то же время. Ввиду того, что нас со всех сторон метко обстреливали, Цезарь приказал отступить и очистить холм. Отступление шло по крутому склону. Тем яростнее наседали помпеянцы и не давали

нашим отходить, так как им казалось, что мы очищаем позицию из страха. Говорят, что Помпей хвастливо предлагал окружающим признать его никуда не годным полководцем, если Цезаревский легион осуществит без огромных потерь отступление с необдуманно занятого им пункта.

46. Беспокоясь за благополучное отступление своих, Цезарь приказал снести к краю холма фашины и сложить их против неприятеля; под их прикрытием солдаты должны были провести позади поперечный ров небольшой ширины, чтобы таким образом сделать это место по возможности со всех сторон трудно доступным. А в удобных местах он расставил пращников, которые должны были прикрывать наше отступление. Теперь он отдал приказ отвести легион назад. Поэтому помпеянцы надменнее и смелее стали теснить наших и наседать на них, а фашины, выставленные в качестве защиты, они сбросили в ров, чтобы облегчить себе переход через него. Когда Цезарь заметил это, то он стал опасаться, как бы этот отвод не показался поражением и бегством с позиции и не увеличил потерь. Поэтому он приказал командиру легиона Антонию приблизительно на середине пути ободрить солдат, дать сигнал трубой и атаковать неприятелей. Солдаты 9-го легиона вдруг стали дружно метать копья, бросились снизу бегом вверх по холму в контратаку, бурно погнались помпеянцев и заставили их повернуть тыл, причем отступление последних затруднялось лежавшими на земле фашинами, кольями, на которые они натыкались, и рвами. Наши же вполне могли удовлетвориться отступлением без больших потерь и вполне благополучно вернулись к себе в лагерь, перебив много неприятелей и потеряв всего пять человек. Затем они заняли по сю сторону от этого места еще несколько ближайших холмов и dokonчили свои фортификационные работы.

47. Это был новый и необычайный способ ведения войны как по очень большому количеству редутов, по огромному

протяжению, по сложности фортификационных работ, по системе блокады, так и во всех других отношениях. В самом деле, всякий, кто пытается блокировать другого, обыкновенно замыкает неприятеля в кольцо тогда, когда последний приведен в расстройство, ослаблен или побежден в сражении либо деморализован какой-нибудь другой неудачей, между тем как осаждающий располагает превосходными конными и пешими силами. При этом цель блокады обыкновенно сводится к тому, чтобы отрезать неприятеля от подвоза провизанта. Но в данном случае Цезарь блокировал с менее многочисленным войском неослабленную и свежую армию, имевшую всякие припасы в изобилии: к ней каждый день отовсюду приходило много судов с продовольствием, и какой бы ветер ни дул, он всегда в каком-нибудь одном направлении был благоприятен для плавания. Между тем сам Цезарь находился в очень затруднительном положении, так как весь хлеб повсеместно в округе был съеден. Но все таки его солдаты выносили нужду с поразительным терпением они вспоминали, как в такой же степени страдали в прошлом году в Испании¹²⁴ и, однако, благодаря своему напряженному труду и выносливости благополучно окончили эту тяжелую войну; они помнили, что терпели большую нужду под Алесией¹²⁵ и еще бóльшую под Авариком¹²⁶ и в конце концов одержали победу над могущественнейшими народами. Они не отказывались ни от даваемого им в пищу ячменя, ни от стручковых плодов и очень ценили мелкий скот, который в изобилии получали из Эпира.

48. Они нашли даже особый корень, называвшийся «хара», который с примесью молока очень облегчал их голод.

¹²⁴ См. I, 48 и 52.

¹²⁵ См. B. G., VII, 68.

¹²⁶ См B. G., VII, 17.

Этого корня у них было очень много, и они делали из него подобие хлеба. Когда в разговорах помпеянцы попрекали наших голодом, то они забрасывали их хлебцами из этого корня, чтобы понизить их гордые надежды.

49. Уже начинал поспевать хлеб, и самая надежда облегчала нужду, так как у всех была уверенность, что скоро его будет много. Часто приходилось слышать на караулах и в разговорах заявления солдат, что они лучше будут питаться древесной корой, чем выпустят из рук Помпея. Им даже приятно было узнавать от перебежчиков, что помпеянцы кормят еще кое-как лошадей, в то время как остальной обозный скот у них уже погиб и что люди болеют от тесноты занимаемого ими места, от зловония, издаваемого множеством трупов, и от непривычки к ежедневной трудной работе, но что особенно тяжело им от недостатка воды. Действительно, Цезарь либо отвел все реки и ручьи, впадающие в море, либо запрудил их большими плотинами; так как местность была гориста и долины очень узки, то для запруды вбивались в дно сваи, и на них насыпалась земля, так что вода делалась стоячей. Таким образом, помпеянцы по необходимости должны были искать мест низких и болотистых и, вдобавок к другим ежедневным работам, вынуждены были рыть колодцы. Но эти источники были очень далеко от некоторых из их редутов и в жаркую погоду быстро высыхали. Наоборот, Цезарево войско пользовалось отличным здоровьем и было очень богато водой, а также всякого рода съестными припасами, кроме хлеба. Вообще видно было, как со дня на день становилось лучше, и с созреванием хлебов увеличивалась надежда.

50. При этом оригинальном характере войны обе стороны изобретали и новые способы ее ведения. Когда помпеянцы замечали по сторожевым огням, что наши когорты ночью стоят на карауле у укреплений, то они бесшумно нападали, все зараз пускали стрелы в массу и затем поспешно возвра-

щались к своим. Наученные этим опытом, наши придумали против этого такое средство, что зажигали огни в одном месте... [а караулили в другом]¹²⁷...

51. Между тем П. Сулла¹²⁸, которого Цезарь при своем уходе назначил комендантом лагеря, по получении об этом известия пришел на помощь когорте со своими двумя легионами; с его приходом помпеянцы были без труда отражены. Они не вынесли ни вида, ни атаки наших и, как только первые из них были сбиты, остальные обратились в бегство и очистили позицию. Но когда наши погнались за ними, Сулла отозвал их назад, чтобы они в погоне не зашли далеко. Большинство думает, что если бы Сулла захотел энергичнее преследовать неприятеля, то война могла бы быть в этот день окончена. Однако его образ действий, по нашему мнению, не заслуживает порицания: одна роль принадлежит легату, другая — полководцу; один должен во всем держаться предписания, другой — принимать самостоятельные решения сообразно с общим положением дела. Сулла, оставленный Цезарем в лагере, счел достаточным выручить своих и не пожелал дать генерального сражения (что могло бы принять и дурной оборот); иначе стали бы говорить, что он присвоил себе права главнокомандующего. Во всяком случае, его операция причинила помпеянам много затруднений при отступлении: зайдя вперед с неудобного места, они остановились

¹²⁷ Здесь текст обрывается. Пропуск заключал в себе рассказ о неудачном нападении Цезаря на Диррахий и об атаке Помпея, воспользовавшегося удалением Цезаря, на один его редут, который защищала одна когорта 6-го легиона, выдержавшая эту атаку в течение нескольких часов, пока не пришел к ней на помощь Сулла с двумя легионами (начало гл. 51).

¹²⁸ П. Корнелий Сулла (см. речь Цицерона в его защиту), племянник диктатора, давно отделился от Помпея и сенатской партии. В сражении при Фарсале он командовал правым крылом (гл. 89).

на самом верху и должны были бояться, в случае отступления по крутому скату, что наши станут преследовать их сверху; к тому же оставалось мало времени до захода солнца, так как в надежде покончить дело они продолжали сражаться до ночи. Вследствие этого Помпей по необходимости должен был принять случайное решение, сообразно с данным моментом, и занял всего один холм, который лишь настолько был удален от нашего редута, что в него не могли попадать снаряды метательных орудий. На этой позиции он остановился, укрепил ее и здесь держал все войско.

52. Кроме того, в одно и то же время происходили сражения в двух разных местах, так как Помпей, чтобы разъединить силы Цезаря и отрезать их от подкреплений из ближайших редутов, атаковал несколько редутов сразу. В одном пункте Волкаций Тулл выдержал с тремя когортами атаку целого легиона и даже выбил его с позиции; в другом германцы, вышедшие из наших укреплений, перебили много неприятелей и благополучно вернулись к своим.

53. В шести сражениях, происшедших в один день (три было под Диррахием, три около укреплений), как оказалось при общем подсчете, помпейяцев пало две тысячи человек, из них много центурионов и добровольцев-ветеранов (в том числе — Валерий Флакк, сын Луция, бывшего претора Азии); неприятельских знамен было доставлено шесть. Наши потери во всех сражениях не превышали двадцати человек. Но на том же редуте все солдаты без исключения были ранены и четыре центуриона из 8-й когорты потеряли зрение. Когда солдаты хотели представить Цезарю доказательства своих трудов и опасностей, то, по их подсчету, в редут попало около тридцати тысяч стрел, причем в доставленном Цезарю щите центуриона Сцевы оказалось сто двадцать дыр. Последнего Цезарь за заслуги перед ним и перед государством наградил двумя тысячами [сестерциев] и объявил, что пере-

водит его из 8-го ранга в 1-й (ибо было установлено, что редут обязан своим спасением главным образом ему); когорта же получила в награду двойное жалованье, хлеб, одежду, продовольственные пайки и военные отличия.

54. Помпей прибавил за ночь большие новые укрепления, в следующие за тем дни воздвиг башни и, когда верки достигли высоты пятнадцати футов, прикрыл соответствующую сторону лагеря подвижными навесами. По прошествии пяти дней он воспользовался второй темной ночью, загородил лагерные ворота для затруднения входа в них рогатками, вывел в начале третьей стражи в полной тишине войско и вернулся в свои прежние укрепления.

55. Заняв Этолию, Акарнанию и Амфилохию при посредстве упомянутых выше Кассия Лонгина и Кальвисия Сабина, Цезарь считал нужным сделать попытку и относительно Ахайи и с этой целью несколько продвинуться вперед. Поэтому он послал туда Кв. (Фуфия) Калена и прикомандировал к нему Сабина и Кассия с их когортами. Узнав об их приходе, Рутилий Луп, который, по поручению Помпея, управлял Ахайей, решил своевременно укрепить Истмиский перешеек, чтобы не допустить Фуфия в Ахайю. Кален занял, по соглашению с населением, Дельфы, Фивы и Орхомен, а некоторые другие города взял с бою; остальные общины он старался склонить на сторону Цезаря отправлением к ним посольств. В этом главным образом и заключалась деятельность Фуфия.

56. Все следующие дни подряд Цезарь выводил войско в боевом строю на равнину, на случай, если Помпей пожелает решительного сражения. С этой целью он придвигал легионы почти к самому лагерю Помпея, его первая линия была лишь настолько удалена от его вала, чтобы в нее не попадали снаряды летательных орудий. Но Помпей, для сохранения своей славы и репутации, ставил свое войско перед лагерем так,

чтобы третья линия примыкала к самому валу и чтобы все войско вообще находилось под прикрытием снарядов, пускаемых с вала.

57. Во время этих происшествий в Ахайе и под Диррахием стало известно, что Сципион прибыл в Македонию. Цезарь, не забывая своего прежнего правила, послал к нему их общего друга А. Клодия, которого он с самого же начала, по рекомендации Сципиона, принял в круг своих ближайших друзей. Ему он дал письмо и устное поручение следующего содержания: *он, Цезарь, сделал все, чтобы добиться мира, но до сих пор ничего не достиг. В этом, по его мнению, виноваты выбранные им самим посредники, которые побоялись сообщить Помпею эти поручения в неудобное время. Но Сципион настолько влиятелен, что не только может откровенно высказывать свое мнение, но может в значительной степени воздействовать на Помпея и направить его на истинный путь; он со своим войском не зависит от Помпея и, помимо своего авторитета, имеет также реальную силу для его обуздания. Если он это сделает, то все будут обязаны ему одному спокойствием Италии, миром в провинциях и спасением государства.* Вот это поручение и передал Сципиону Клодий. В первые дни его, как казалось, охотно выслушивали, но потом он не был допущен к переговорам: за это Сципиона порицал Фавоний, как мы узнали впоследствии, по окончании войны. Таким образом, Клодий возвратился к Цезарю ни с чем.

58. Чтобы вернее задержать конницу Помпея под Диррахием и отрезать ее от фуража, Цезарь обнес сильными укреплениями два узких подступа, о которых мы говорили, и построил здесь два редута. Помпей, заметив безуспешность действий своей конницы, через несколько дней снова перевез ее на кораблях к себе за укрепления. Недостаток фуража был так велик, что лошадей кормили листьями с деревьев и молодыми размолотыми тростниковыми корнями. Хлеб, кото-

рый рос на полях за укреплениями, был уже съеден; пришлось по необходимости подвозить фураж дальним морским путем из Коркиры и из Акарнании; а так как его было очень мало, то надо было примешивать к нему ячмень; таким способом еще кое-как поддерживали конницу. Но после того как повсюду не только был снят ячмень и кормовые травы, но не стало хватать даже и листьев с деревьев, то, ввиду истощения лошадей, Помпей решился сделать вылазку.

59. В числе всадников Цезаря было два брата аллоброга, Роукилл и Эг, сыновья Адбукилла, который много лет был главой своей общины. Это были чрезвычайно храбрые люди, которые своей храбростью оказали Цезарю немало отличных услуг во все войны с галлами. За это он поручил им на родине виднейшие должности, провел их выбор вне очереди в местный сенат, дал им земли в Галлии, отнятые у врагов, дарил большие денежные суммы и вообще сделал их из людей бедных богатыми. За свою храбрость они были в почете не только у Цезаря, но и очень ценились в армии. Но, опираясь на дружбу Цезаря и кичась нелепым варварским высокомерием, они презирали своих соотечественников, утаивали жалование всадников и всю добычу тайно присваивали себе. Возмущенные этим, все их всадники обратились сообща к Цезарю с открытой жалобой на такую несправедливость и, между прочим, прибавили, что те показывают ложное число всадников, чтобы присвоить жалование себе.

60. Цезарь считал настоящий момент неподходящим для взыскания и, многое прощая им за их храбрость, оставил все это дело без последствий: но только наедине побранил их за то, что они наживаются на счет всадников, и посоветовал вполне положиться на его дружбу и по тому, что он уже сделал для них, рассчитывать на дальнейшие милости. Но все-таки это дело навлекло на них всеобщую ненависть и презрение, и они это поняли. Отчасти их убеждали в этом упреки

людей посторонних, отчасти приговор земляков, отчасти заговорила их собственная совесть. Из стыда, а также, может быть, в убеждении, что их наказание не отменено, но лишь отсрочено, они решили изменить нам и попытаться искать нового счастья и новых друзей. Переговорив с некоторыми своими клиентами, которых они решились посвятить в этот преступный замысел, они сначала попытались убить начальника конницы Г. Волусена (как это стало известным впоследствии, по окончании войны), чтобы их побег к Помпею сопровождался сколько-нибудь важной услугой. Но когда эта попытка оказалась слишком трудно исполнимой и к ней не представилось случая, то они заняли как можно более денег, как бы для удовлетворения своих земляков и для возмещения похищенного, скупили множество лошадей и перешли к Помпею вместе с участниками своего замысла.

61. Так как они были знатного рода, богато одеты и вооружены, явились с большой свитой и большим количеством лошадей; так как, далее, они имели репутацию людей храбрых и были в почете у Цезаря, да и самый переход их был неожиданным и необычным, то Помпей повел их по всем своим укреплениям и с хвастовством их показал. Действительно, до того времени никто ни из солдат, ни из всадников не переходил от Цезаря к Помпею, между тем как от Помпея к Цезарю перебегали почти ежедневно, а солдаты набранные в Эпире, Этолии и в местностях, занимаемых Цезарем, делали это массами. Аллоброги знали все лагерные дела, например, недочеты в укреплениях или упущения, указанные знатоками военного дела; они заметили также, в какое время что делается, на каком расстоянии друг от друга находятся важнейшие пункты, в какой степени обеспечена караульная служба в зависимости от личности и добросовестности заведующих ею. И вот все это они выдали Помпею.

62. Помпей, как было указано, еще раньше решил сделать вылазку. Теперь, по получении этих сведений, он приказал

солдатам сделать плетенные из прутьев нашьлемники и свозить материал для засыпания рвов. Когда все это было готово, он погрузил ночью на лодки и весельные суда большое количество легковооруженных и стрелков вместе с указанными материалами и вывел в полночь из главного лагеря и отдельных редутов шестьдесят когорт, направляя их против той части укреплений, которая доходила до моря и была самой удаленной от главного лагеря Цезаря. Туда же он послал суда, нагруженные, как указано, материалом для насыпи и легковооруженными солдатами, а также корабли, стоявшие у Диррахия, со специальными приказами. У тех укреплений стоял, по распоряжению Цезаря, квестор Лентул Марцеллин с 9-м легионом; а так как он был нездоров, то Цезарь прислал ему в помощники Фульвия Постума.

63. Там был против неприятеля ров в пятнадцать футов и вал вышиной в десять футов с насыпью такой же ширины. В шестистах шагах был другой вал, несколько ниже первого, обращенный в противоположную сторону: из опасения, что наших могут окружить с моря, Цезарь построил там в предыдущие дни двойной вал, чтобы можно было дать отпор в случае нападения с двух сторон. Но сложность работ и непрерывный труд за все эти дни не позволяли своевременно окончить эти укрепления, которые занимали в окружности семнадцать миль. Поэтому Цезарь не успел довести до конца поперечный вал, обращенный против моря, который должен был соединять эти укрепления. Это стало известно Помпею по донесению перебежчиков-аллоброгов и причинило нам большое несчастье. В самом деле, как только две когорты 9-го легиона подошли к морю для несения караульной службы, вдруг на рассвете Помпеевы солдаты, объехав их с моря, стали бросать в них копья и засыпать рвы; одновременно с этим легионеры приставили лестницы и стали устрашать защитников стрельбой из метательных машин и всякого рода

снарядами; наконец, кругом повсюду рассыпалось множество стрелков. А от камней, единственного оружия наших солдат, неприятелей защищали плетеные нашламники. Таким образом наших всячески теснили, и они с трудом держались. В это время враги заметили указанный выше недочет укрепления и, высадившись с кораблей, атаковали наших с тылу между обоими валами, там, где верки были недокончены, выбили их из обоих укреплений и принудили к бегству.

64. При известии об этом внезапном нападении Марцеллин выслал из лагеря на помощь теснимым свои когорты; но они, заметив бегущих, не могли ободрить их своим приходом, да и сами не выдержали неприятельской атаки. Вообще все дальнейшие подкрепления заражались страхом бегущих и только увеличивали замешательство и опасность: самое многолюдство затрудняло отступление. Когда в этом сражении был тяжело ранен и уже терял силы орлоносец, то заметив наших всадников, он закричал им: *я много лет, пока был жив, добросовестно охранял его; с той же верностью теперь, перед смертью, возвращаю его Цезарю. Заклинаю вас, не допустите воинского бесславия, которого до сих пор не случалось в войске Цезаря! Доставьте Цезарю его целым!* Эта случайность спасла орла, между тем как все центурионы 1-й когорты, кроме первого центуриона принципов, были перебиты.

65. Помпеянцы уже приближались, избивая наших, к лагерю Марцеллина, что навело немалый страх и на остальные наши когорты. Но в это же время было видно, как Антоний, занимавший самый близкий к укреплениям пункт и получивший известие об этой атаке, стал спускаться с двенадцатью когортами в долину. Его подход остановил помпеянцев и ободрил наших, так что они после большой паники снова оправились. Немного погодя, появился здесь и Цезарь с несколькими когортами, которые он взял из редуты: по установившемуся за последнее время обыкновению, ему сиг-

нализировали дымом от редута к редуту. Он узнал о понесенном уроне и обратил внимание на то, что Помпей прорвал его укрепления и разбивает лагерь вдоль морского берега с целью беспрепятственно добывать фураж и поддерживать связь со своими кораблями. Ввиду этого, Цезарь оставил свой прежний план, осуществить который ему не удалось, и приказал укрепляться рядом с Помпеем.

66. По окончании этих работ лазутчики Цезаря заметили что, неприятель ведет несколько когорт — с виду целый легион — за лесом в старый лагерь. Положение этого лагеря было таково. В предыдущие дни там разбил свой лагерь 9-й легион Цезаря, который бросился в атаку на помпеянцев и, как выше было указано¹²⁹, начал отовсюду окружать их укреплениями. Лагерь этот примыкал к какому-то лесу и отстоял от моря не более, чем на триста шагов. Затем Цезарь по некоторым причинам изменил свой план и перенес лагерь несколько дальше этого места. Через несколько дней оставленный лагерь занял Помпей; а так как он имел в виду поместить в нем несколько легионов, то, сохранив за собой внутренний вал, он провел еще более обширные укрепления снаружи. Таким образом, этот малый лагерь, будучи заключен в большой, образовал нечто вроде форта или даже крепости. Также и с левого угла вплоть до реки было проведено укрепление протяжением до четырехсот шагов, чтобы солдаты без помехи и без опасности могли ходить за водой. Но и Помпей изменил свой план по некоторым причинам, о которых нет надобности упоминать, и снова оставил этот лагерь. Таким образом, лагерь этот простоял несколько дней пустым, и все его укрепления были целы.

67. Лазутчики сообщили Цезарю, что туда пришел легион со всеми знаменами. Это сообщение было подтверждено наблюдениями, сделанными с некоторых высоколежащих

¹²⁹ См. гл. 45—46.

редутов. Место это находилось приблизительно в пятистах шагах от нового лагеря Помпея. Цезарь, надеясь уничтожить этот легион и очень желая вознаградить себя за урон, понесенный в тот день, оставил у шанцевых работ две когорты, которые должны были делать вид, что работают над укреплением. Сам же он вывел против легиона Помпея и его малого лагеря остальные тридцать три когорты в двойной линии; среди этих когорт был и 9-й легион, потерявший много центурионов и уменьшившийся в численном воинском составе. Для этой цели он двинулся как можно незаметнее в противоположном направлении. И сначала он не ошибся в своих предположениях: он пришел раньше, чем Помпей мог заметить, и, несмотря на сильные лагерные укрепления, быстро атаковал помпеянцев на левом фланге, на котором находился сам, выбив их с вала. Перед воротами лагеря была колючая изгородь. Здесь на короткое время завязалось сражение, причем наши пытались прорваться через ворота, а те защищали их. Особенно храброе сопротивление оказал здесь Т. Пулион, благодаря которому, как мы указывали¹³⁰, было предано войско Г. Антония. Но храбрость наших одержала верх: они уничтожили изгородь, ворвались сначала в главный лагерь, а затем в находящуюся внутри его крепость, куда укрылся разбитый легион, и там перебили несколько сопротивлявшихся.

68. Но судьба, столь могущественная в человеческих делах, особенно же на войне, часто производит громадные перемены благодаря незначительным случайностям. Так было и тогда. Когорты цезаревского правого фланга по незнакомству с местностью и в поисках ворот дошли до того укрепления, которое, как мы выше указали¹³¹, шло от лагеря к реке, и приняли его за укрепления самого лагеря. Заметив, что оно соединяется с

¹³⁰ См. прим. 9 (к III, 4).

¹³¹ См. гл. 66.

рекой, они разрушили шанцы и, за отсутствием защитников прорвались через них. За ними последовала вся наша конница.

69. Между тем Помпей, узнав об этом и воспользовавшись значительным выигрышем времени, увел пять легионов с работы на помощь своим. Его конница стала приближаться к нашей, и в то же самое время наши солдаты, занимавшие лагерь, увидали его пехоту в боевом строю. Тогда все вдруг переменилось. Помпеев легион, ободренный надеждой на скорую помощь, стал делать попытки сопротивления у задних ворот и даже со своей стороны атаковать наших. Конница Цезаря, которая все еще поднималась вверх узким путем по насыпям, стала бояться за свое отступление и первая обратилась в бегство. Правое крыло, не имевшее связи с левым, при виде замешательства конницы стало отступать, чтобы не быть застигнутым в пределах укреплений, через бреши разрушенного вала. При этом многие из солдат, чтобы не попасть в давку, бросались в ров с десятифутовой высоты вала, давя первых, остальные по их трупам искали себе спасения и выхода. На левом же крыле солдаты видели с вала, что Помпей подходит, а наши бегут. Так как враг был и спереди, и сзади, то из боязни быть отрезанными на узком пространстве они также начали отступать тем же путем, каким пришли, заботясь только о своем собственном спасении. Всюду было такое смятение, ужас и бегство, что хотя Цезарь собственноручно выхватывал знамена у бегущих и приказывал им остановиться, тем не менее одни пускали на волю своих коней и бежали вместе с толпой, другие от страха бросали даже знамена, и вообще никто не слушался его приказа.

70. В этом ужасном положении, когда все войско могло бы быть уничтожено, нас спасло то, что Помпей из боязни осады (незадолго до того он видел, как бежали его солдаты из лагеря, и, надо полагать, теперь был изумлен таким неожиданным счастьем) некоторое время не решался приближаться к

укреплениям. Его конница также медлила с преследованием вследствие узости прохода, который, вдобавок, был занят нашими солдатами. Таким образом, в обоих случаях ничтожные обстоятельства приобрели громадное значение. Действительно, укрепления, проведенные от лагеря к реке, отняли у Цезаря победу, которая после захвата лагеря Помпея была почти несомненной; но они же замедлили быстроту преследования и тем спасли нас от гибели.

71. В этих двух сражениях Цезарь потерял за один день девятьсот шестьдесят солдат и двести человек из конницы (в числе их были Тутикан Галл, сын сенатора, известные римские всадники Г. Флегинат из Плаценции, А. Граний из Путеол, М. Сакративир из Капуи), военных трибунов и центурионов тридцать два человека. Но значительная часть из них погибла без боя, будучи задавлена во рву, в укреплениях, у реки бежавшими в панике товарищами. Погибли также тридцать два военных знамени. Помпей после этого сражения был провозглашен императором. Этот титул он удержал за собой и позволял приветствовать себя им впоследствии, но в своих письмах он обыкновенно не приписывал его, равно как и не украшал своих фасцев лавром¹³². Но Лабиэн добился от Помпея, чтобы ему предоставлены были пленные. Всех он приказал вывести (повидимому демонстративно, чтобы, в качестве перебежчика, заслужить больше доверия), стал называть их соратниками, расспрашивать в очень оскорбительных выражениях, имеют ли ветераны привычку бегать, и после этого казнил их на виду у всего войска.

72. Эти события до такой степени увеличили самоуверенность и гордость помпеянцев, что они перестали помышлять о дальнейших военных планах, но уже теперь считали себя по-

¹³² Так как победа была одержана над согражданами, то Помпею неудобно было официально пользоваться полученным за нее титулом императора.

бедителями. Они не думали о том, что действительными причинами нашего поражения были малочисленность солдат, неудобство позиции, узость места от поспешного занятия лагеря, страх перед неприятелем, угрожавшим с двух сторон — внутри и снаружи укреплений, — наконец, разъединение войска на две несвязанные группы, которые не могли подать друг Другу помощи. Они не принимали в соображение еще и того, что в сущности энергичного столкновения сторон и правильного сражения не было, но наши собственные солдаты своей многочисленностью причинили себе в давке гораздо больше вреда, чем нанес его неприятель. Наконец, они забывали об обычных на войне случайностях, о том, как часто самые ничтожные обстоятельства — будут ли это ложные предположения, или внезапный страх, или случайный порыв суеверия — причиняют огромный урон, как часто целые армии страдают от ошибки полководца или по вине трибуна. Но точно их победе помогла их доблесть, точно невозможны были никакие дальнейшие перемены положения, они прославляли по всему свету — и устно и письменно — победу, одержанную ими в этот день.

73. Итак, все прежние замыслы Цезаря потерпели крушение, и он решил изменить весь план войны. Поэтому он вывел войска из всех укрепленных пунктов, снял осаду, стянул свои военные силы в одно место и обратился на военной сходке с ободрительной речью к солдатам, в которой советовал им: *не слишком огорчаться происшедшим, не поддаваться вследствие этого панике от одного проигранного сражения, при этом не очень важного, и противопоставлять ему многие выигранные*¹³³. *Надо благодарить судьбу за то, что они завоевали Италию без особых потерь, покорили обе Испании с их очень воинственным населением и весьма искусными и опытными полководцами и подчинили своей власти соседние хлебные провинции. Наконец, они должны*

¹³³ См. В. G., VII, 44—53.

вспомнить, как счастливо все они были переправлены сюда сквозь неприятельские флоты невредимыми, в то время когда врагами были заняты не только гавани, но и берега. Если не во всем бывает удача, то на помощь судьбе должна приходить личная энергия. В понесенном поражении можно обвинять кого угодно, только не его самого. Он дал сражение на выгодной позиции, овладел неприятельским лагерем, выбил оттуда противников и победил их в бою. Но либо их собственное замешательство, либо какая-нибудь ошибка, либо, может быть, даже сама судьба вырвала у них из рук уже одержанную победу. Во всяком случае, все они должны постараться возместить своей храбростью понесенные потери; тогда это поражение пойдет им на пользу, как это было под Герговией, и те, которые пред этим боялись сражаться, пусть сами добровольно пойдут в бой.

74. После этой речи он заклеил позором нескольких знаменосцев и удалил их с должностей. Все войско было так огорчено этим поражением и проникнуто таким желанием загладить бесславие, что никто не дожидался приказов трибуна или центуриона, но каждый сам налагал на себя в виде наказания самые тяжелые работы, и все горели жаждой боя; даже некоторые лица высших рангов полагали из стратегических видов, что следует остаться на этой позиции и рискнуть дать сражение. Но Цезарь не вполне доверял уstraшенным солдатам и предпочитал дать им время оправиться. Притом после оставления укреплений он очень опасался за правильный подвоз продовольствия.

75. Поэтому, не теряя времени, он позаботился только о раненых и больных и без шума выслал вперед в начале ночи весь обоз из лагеря в Аполлонию, запретив останавливаться на отдых до прибытия к месту назначения. Для охраны его был послан один легион. Устроив эти дела, он задержал два легиона в лагере, а остальные вывел в четвертую стражу разными воротами и послал тем же путем вперед. Немного времени спустя он приказал — для соблюдения воинского

обычая и для того, чтобы его уход стал известным как можно позднее — дать клич «к сбору», а сам тотчас выступил и, нагнав свой аррьергард, быстро скрылся с горизонта. Но и Помпей, узнав о его замыслах, не замедлил с погоней. Он попытался, если удастся, врасплох атаковать и уstrasить противника во время похода и с этой целью вывел свое войско из лагеря, а конницу послал вперед для задерживанья аррьергарда. Однако ему не удалось догнать Цезаря, так как последний двигался без обоза и потому далеко ушел вперед. Но когда дошли до реки Генуса с ее трудными для переправы берегами, то конница догнала, наконец, аррьергард и стала его задерживать. Против нее Цезарь выставил свою конницу с прибавлением четырехсот антесигнанов без поклажи. Они действовали так удачно, что в завязавшемся конном сражении обратили всех в бегство, многих перебили и сами вполне благополучно вернулись к своей колонне.

76. Сделав в этот день обычный переход и переправив свое войско через реку Генус, Цезарь занял свой прежний лагерь против Аспарагия. Всех солдат он задержал за лагерным валом, а коннице, высланной будто бы за фуражом, приказал немедленно вернуться в лагерь задними воротами. И Помпей после дневного перехода также занял свой прежний лагерь у Аспарагия. Так как укрепления были еще целы, то у его солдат не было работы. Поэтому одни из них ушли довольно далеко за дровами и за фуражом, другие соблазнились близостью прежнего лагеря, чтобы сходить туда за поклажей и за багажом, значительная часть которого была там оставлена вследствие внезапного выступления. При уходе из лагеря они складывали свое оружие в палатках. Как Цезарь и предвидел, им трудно было преследовать, и потому около полудня он дал сигнал к выступлению, вывел войско и, сделав в этот день двойной переход, прошел от этого пункта на восемь миль вперед, чего Помпей за уходом солдат сделать не мог.

77. На следующий день Цезарь снова выслал вперед в начале ночи обоз и в четвертую стражу выступил сам, чтобы, в случае если его вынудят к сражению, его войско без поклажи было более готово к принятию этого неожиданного удара. То же делал он и в последующие дни. Хотя ему приходилось преодолевать весьма трудные дороги и очень глубокие реки, но благодаря подобной тактике он не понес крупных потерь. Дело в том, что Помпей весь первый день вынужден был задержаться в лагере; поэтому в следующие дни он потратил много усилий для форсированного продвижения, с целью во что бы то ни стало догнать опередившего его Цезаря. Но эти напрасные усилия только истощили его, на четвертый день он прекратил погоню и решил изменить свой операционный план.

78. Цезарю необходимо было побывать в Аполлонии, чтобы устроить раненых, заплатить войску жалованье, ободрить союзников и оставить в городах гарнизоны. Но на все это он употребил лишь столько времени, сколько позволяли другие спешные дела. Он боялся, как бы Помпей не предупредил его и не напал врасплох на Домиция. Поэтому он поспешил к Домицию со всей возможной быстротой и стремительностью. План всей этой операции был основан на следующих соображениях: если Помпей направится туда же, то его можно будет вынудить к сражению при одинаковых для обеих сторон условиях, так как удаление от моря отрезывало его от запасов, сосредоточенных им в Диррахии, и от подвоза всякого другого провианта; если же Помпей переправится в Италию, то можно будет по соединении с Домицием двинуться на помощь Италии через Иллирию; если, наконец, он попытается осадить Аполлонию и Орик и отрезать Цезаря от всего морского побережья, то можно будет осадить Сципиона и тем неизбежно вынудить Помпея идти на помощь своим. Поэтому Цезарь послал вперед гонцов к

Домицию с письмом и с соответствующими распоряжениями; затем он оставил в Аполлонии гарнизон из трех когорт, в Лиссе из одной, в Орике из трех и, устроив больных и раненых, пошел через Эпир и Афаманию. Но и Помпей, догадываясь о планах Цезаря, считал необходимым поспешить на помощь к Сципиону, в случае, если Цезарь направит свой путь туда; если же он, в ожидании легионов и конницы из Италии, не захочет удаляться от морского побережья и окрестностей Орика, Помпей имел в виду со всеми силами напасть на Домиция.

79. По этим причинам оба они старались действовать с быстротой, чтобы помочь своим, а также не упустить момента для нападения на противника. Но Цезаря отвлекла от прямого пути экспедиция в Аполлонию, а у Помпея был удобный путь через Кандавию в Македонию. К этому присоединилась еще и неожиданная опасность: Домиций, простояв лагерем много дней против Сципиона, ушел оттуда за продовольствием и направился в Гераклию, по соседству с Кандавией, так что, по видимому, сама судьба приносила его в жертву Помпею. Об этом Цезарь до сих пор не знал. Далее, так как Помпей разослал по всем провинциям и городам сильно преувеличенные сообщения о сражении под Диррахием, то всюду усилились слухи о полном поражении и бегстве Цезаря, потерявшего будто бы всю свою армию. Эти слухи делали продвижение Цезаря опасным, и под их влиянием некоторые общины изменили ему. В довершение всего гонцы, разосланные по разным направлениям Цезарем к Домицию и Домицием к Цезарю, никак не могли достигнуть места назначения. Но по дороге разведчики Домиция были замечены аллоброгами из свиты Роукилла и, Эга, которые, как было указано, перебежали к Помпею¹³⁴. По старому знакомству со времен галльских

¹³⁴ См. гл. 59—60.

походов, а может быть, и из хвастовства, галлы подробно рассказали им обо всем случившемся, а также об отступлении Цезаря и приближении Помпея. Получив от разведчиков эти сведения, Домиций, который еле-еле на четыре часа ходьбы опередил Помпея, благодаря врагам избежал опасности и соединился с Цезарем у Эгиния близ Фессалийской границы.

80. Соединившись с Домицием, Цезарь достиг Гомф, первого фессалийского города по дороге из Эпира. Эта община несколько месяцев тому назад по собственному почину прислала к Цезарю послав с предложением пользоваться всеми ее средствами и просила у него гарнизона. Но туда уж успели проникнуть упомянутые сильно преувеличенные слухи о сражении под Диррахием. Поэтому начальник воинских сил Фессалии, Андросфен, предпочитая разделять с Помпеем победу, вместо того чтобы быть товарищем Цезаря по несчастью, согнал из деревень в город все свободное и рабское население, запер ворота и отправил к Сципиону и Помпею гонцов с просьбой о помощи: *он уверен в городских укреплениях, если ему быстро помогут, но долгой осады он выдержать не может.* Сципион, узнав об отходе обоих войск от Диррахия, привел свои легионы в Ларису; но Помпей еще не приближался к Фессалии. Цезарь приказал разбить лагерь и приготовить для спешного штурма лестницы, подвижные навесы и фашины. Когда все это было готово, он в ободрительной речи к солдатам указал, насколько выгодно для облегчения своей крайней нужды захватить этот переполненный припасами и богатый город и этим нагнать страх на остальные общины; но все это должно быть сделано быстро, прежде чем придет выручка. Таким образом, при исключительном рвении солдат, он еще в день своего прихода приступил к штурму города с его очень высокими стенами после девятого часа и взял его с бою до захода солнца. Отдав его на разграбление солдатам, он тотчас же снялся оттуда с лагеря и так быстро достиг Метрополя, что опередил гонцов и молву о взятии Гомф.

81. Жители Метрополя сначала под влиянием слухов приняли то же решение, заперли ворота и расставили по стенам вооруженных людей; но потом, узнав о падении Гомф от пленных, которых Цезарь распорядился вывести к их стенам, открыли ворота. Так как Цезарь принял все меры к тому, чтобы город остался совершенно невредимым, то, сравнивая судьбу Метрополя с судьбой Гомф, ни одна из фессалийских общин, кроме Ларисы, которая была занята большими военными силами Сципиона, не решилась отказать ему в повиновении и в исполнении всех его требований. Цезарь нашел на полях, где уже почти поспел хлеб, удобное место, решил ожидать подхода Помпея и здесь сосредоточить всю войну.

82. Помпей прибыл через несколько дней в Фессалию и, обратившись с речью к соединенному войску, поблагодарил своих солдат, а солдат Сципиона обнадежил предложением принять участие в добыче и наградах, так как победа уже обеспечена. Затем он соединил все легионы в одном общем лагере, поделился со Сципионом званием главнокомандующего и приказал играть у него его собственный сигнал и разбить для него особую ставку. Когда, таким образом, от соединения двух больших армий боевые силы Помпея увеличились, то у всех окрепли прежние фантазии, и надежда на победу настолько поднялась, что всякая потеря времени казалась только задержкой возвращения в Италию. Когда Помпей делал что-нибудь не спеша и более или менее осмотрительно, то говорили, что это можно было сделать в один день, но что Помпей тешится верховной властью и с бывшими консулами и преторами обращается, как с рабами. Они уже открыто стали спорить друг с другом о претурах и жречествах и распределять консульства по годам. Другие требовали себе домов и имущества приверженцев Цезаря, бывших в его лагере. На военном совете у них даже возник спор о том, следует ли на ближайших преторских комициях

считаться с заочной кандидатурой Луцилия Гирра¹³⁵ потому, что сам Помпей послал его к парфянам. При этом родственники Гирра заклинали Помпея сдержать свое слово, данное ему при его огзде: иначе Гирр оказался бы жертвой своего доверия к авторитету Помпея. Но другие не соглашались на предпочтение одного всем, так как ведь труды и опасности для всех одинаковы.

83. В ежедневных спорах относительно жречества Цезаря¹³⁶ Домиций¹³⁷, Сципион и Спинтер Лентул¹³⁸ уже доходили до тягчайших словесных оскорблений, причем Лентул хвастался преимуществом, которое дает ему возраст, Домиций хвалился популярностью и авторитетным положением в Риме, а Сципион полагался на свое родство с Помпеем. Мало того, Акуций Руф привлек к суду перед Помпеем Л. Афрания¹³⁹ по обвинению в том, что он предал в Испании войско. А Л. Домиций заявлял на военном совете, что, по его мнению, следует по окончании войны дать тем сенаторам, которые вместе с ними участвовали в войне, по три судебных таблички для произнесения приговора об отдельных лицах, которые остались в Риме, или хоть и находились в пределах областей, занятых Помпеем, но не оказывали ему военных услуг. Одна табличка должна была давать полное оправдание, другая — присуждение к смерти, третья — налагать денежный штраф. В конце концов все хлопотали либо о своих почестях, либо о денежных наградах, либо о преследовании

¹³⁵ См. о Гирре I, 15.

¹³⁶ Имеется в виду должность верховного понтифика (*pontifex maximus*), которую Цезарь занимал с 63 года до н. э. Верховный понтифик был, можно сказать, главой римской религии, что открывало ему большое влияние на народ.

¹³⁷ См. о нем I, 6, 15, 22.

¹³⁸ О Лентуле Спинтере см. I, 15, 16, 22, 23.

¹³⁹ См. I, 75.

своих врагов и помышляли не о том, какими способами они могут победить, но о том, какую выгоду они должны извлечь из победы.

84. Уже заготовлен был провиант, солдаты снова оправились после сражений под Диррахием, прошло довольно много времени, чтобы можно было составить себе ясное представление относительно воинского духа у солдат, и Цезарь счел нужным испытать, каковы намерения Помпея и склонен ли он принять сражение. Поэтому он вывел войско из лагеря и построил его в боевую линию, сначала на удобной позиции и подальше от лагеря Помпея; но в следующие за тем дни он продвигался более или менее вдаль от своего лагеря и приближал свой фронт к холмам, занятым Помпеем. От этого его войско становилось со дня на день увереннее. Но что касается конницы, то так как числом она далеко уступала неприятельской, Цезарь держался относительно ее своего прежнего правила, о котором мы говорили, выше¹⁴⁰: он приказывал сражаться в рядах конницы молодым антесигнанам без поклажи, со специальным вооружением, облегчавшим быстроту их действий. От ежедневного упражнения они приобрели опытность и в такого рода сражениях. В результате одна тысяча всадников осмеливалась даже на открытой местности, в случае надобности, выдерживать атаку семи тысяч помпеянцев, не очень страшась их численного превосходства. И действительно, в те дни Цезарь дал даже удачное конное сражение, в котором вместе с другими был убит один из упомянутых двух аллоброгов¹⁴¹, перебежавших к Помпею.

85. Помпей, лагерь которого был на холме, выстраивал свое войско у самого его подножия и, как казалось, каждый раз выжидал, не подойдет ли Цезарь поближе на невыгодную для него позицию. Цезарь видел, что Помпея никоим

¹⁴⁰ См. гл. 75.

¹⁴¹ См. гл. 59.

образом нельзя заманить на сражение; поэтому он признал самой удобной для себя тактикой сняться с лагеря и постоянно быть в походе: он рассчитывал облегчить себе частой переменой лагеря и движением по многим местностям добывание провианта, а также во время самого похода улучшить какой-нибудь удобный момент для сражения и, наконец, утомить ежедневными передвижениями войско Помпея, непривычное к тяжелому труду. Это решение было уже принято, был дан сигнал к выступлению и сложены были палатки, как вдруг бросилось в глаза, что, вопреки повседневной привычке, боевая линия Помпея успела за это время: продвигнуться вперед довольно далеко от своего вала. Таким образом, показалось, что возможно дать сражение на довольно удобной позиции. Когда походные колонны были уже в воротах лагеря, Цезарь сказал своим солдатам: *Надо нам в настоящее время отложить поход и думать о сражении, которого мы всегда очень хотели. Будем всей душой готовы к бою: позже нелегко нам будет найти удобный случай.* И он тотчас же вывел свои войска в боевой готовности.

86. Помпей, как это стало известно впоследствии, также решил, по настоянию всех своих, дать сражение. И действительно, он на совете в предыдущие дни сказал даже, что армия Цезаря будет разбита еще прежде, чем войска сблизятся. Когда большая часть была этим удивлена, то он прибавил: *Я знаю, что я обещаю нечто почти невероятное; но познакомьтесь с моим планом, чтобы затем с большей уверенностью выйти на сражение. Я убедил наших всадников (и они обещали мне это сделать) напасть при сближении обоих войск на правый, незащищенный, фланг Цезаря и атакой в тыл привести в замешательство и разбить его войско прежде, чем нами будет выпущен хоть один снаряд против неприятеля. Таким образом, мы окончим войну, не подвергая наши легионы опасности и почти без кровопролития. А это нетрудно, так как мы очень сильны конницей.* Вместе с тем он просил всех быть готовыми к следующему дню: так как те-

перь, наконец, пришел давно желанный момент для сражения, то они должны оправдать высокое мнение, которого был о них он сам и все остальные.

87. Его сменил Лабиден. После презрительного отзыва о боевых силах Цезаря и величайших похвал плану Помпея он сказал: *Не думай, Помпей, что перед тобой то самое войско, которое победило Галлию и Германию. Я участвовал во всех сражениях и не стану наугад говорить о том, чего не знаю. От того войска осталась только малая часть: многие погибли (что было неизбежно при множестве сражений), многих унесли поварные болезни в Италии, многие разошлись по домам, многие остались на материке. Или, может быть, вы не слыхали, что в Брундисии были образованы целые когорты из тех, которые там остались под предлогом болезни? Те войска, которые вы видите, вновь организованы из последних наборов в Ближней Галлии, и большинство солдат происходит из транспаданских колоний. Вдобавок, самые сильные их части погибли в двух сражениях под Диррахием. С этими словами Лабиден поклялся вернуться в лагерь не иначе, как победителем, и других ободрил к тому же. Помпей похвалил его за это и поклялся в том же; из всех остальных также не оказалось никого, кто колебался бы поклясться. Все это происходило на заседании совета, по окончании которого все разошлись с большими надеждами и ликованием; они уже мысленно предвосхищали победу, полагая, что о таком важном деле такой опытный полководец ничего не стал бы утверждать попусту.*

88. Когда Цезарь приблизился к лагерю Помпея, то он заметил, что войско у того было построено следующим образом. На левом фланге были два легиона, переданные Цезарем в начале их раздора на основании сенатского постановления; из них один назывался 1-м, другой 3-м. В этом месте стоял сам Помпей. Центр занимал Сципион с сирийскими легионами. Киликийский легион, соединенный с испанскими когортами, которые, как мы указали, были переправлены

Афранием, был помещен на правом фланге. Эти легионы Помпей считал самыми надежными во всей своей армии. Остальные он поставил между центром и флангами, доведя число когорт до ста десяти. Всего было сорок пять тысяч человек, не считая около двух тысяч добровольцев-ветеранов, собравшихся к нему из числа «льготных»¹⁴² солдат его прежних армий. Их он распределил по всему фронту. Остальные семь когорт частью должны были охранять лагерь, частью были распределены по ближайшим редутам. Правый фланг его был прикрыт каким-то ручьем с крутыми берегами. По этой причине он поставил всю конницу и всех стрелков и пращников на левом фланге.

89. Цезарь, согласно со своим прежним распорядком, поместил 10-й легион на правом фланге, а 9-й на левом, хотя от сражений под Диррахием он сильно поредел. К нему он присоединил 8-й, так что из двух легионов образовался как бы один, и приказал им поддерживать друг друга. На его фронте стояло восемьдесят когорт, в общем двадцать тысяч человек; семь когорт он оставил для охраны лагеря. На левом фланге он поручил командование Антонию, на правом — П. Сулле, в центре — Г. Домицию, а сам стал против Помпея. Вместе с тем, заметив указанную выше диспозицию неприятельских войск и боясь, как бы его правое крыло не было обойдено многочисленной конницей, он поспешно взял из третьей линии по одной когорте от легиона и образовал из них четвертую линию, которую выставил против конницы. Он дал им специальные указания и предупредил, что сегодняшняя победа зависит исключительно от храбрости этих когорт. Вместе с тем он запретил третьей линии идти в атаку помимо его специального приказа: в подходящей момент он даст сигнал знаменем.

¹⁴² См. I, 75.

90. Когда он, по воинскому обычаю, ободрял свое войско к сражению и ссылаясь на постоянное проявление своего расположения к нему, он особенно подчеркнул следующее: солдаты сами могут быть свидетелями, как усердно он добивался мира, какие переговоры он вел через Ватиния¹⁴³, какие — через А. Клодия¹⁴⁴ со Сципионом, как в сношениях с Либоном¹⁴⁵ под Ориком он настаивал на отправлении послов к Помпею. Он никогда не хотел бесполезно проливать кровь солдат и лишать Римское государство одного из обоих войск. После этой речи, по настойчивой просьбе солдат, горевших желанием боя, он дал сигнал трубой.

91. В войске Цезаря был доброволец-ветеран — Г. Крастин, который в прошлом году был у него первым центурионом 10-го легиона, человек исключительной храбрости. Когда был дан сигнал, он воскликнул: *Следуйте за мной, мои бывшие товарищи по манипулу, и послужите вашему императору, как всегда служили. Остается только одно это сражение; после него он вернет себе свое положение, а мы — свою свободу.* Вместе с тем, смотря на Цезаря, он сказал: *Я постараюсь сегодня, император, заслужить твою благодарность — живой или мертвый.* С этими словами он первый бросился вперед с правого фланга, и за ним последовало около ста двадцати отборных добровольцев.

92. Между обоими войсками было ровно столько места, сколько необходимо было для взаимной атаки. Но Помпей отдал приказ ждать атаки со стороны Цезаря, не двигаясь с места, и дать его фронту растянуться. Говорили, что такой совет дал ему Г. Триарий¹⁴⁶, указавший, что первый бурный натиск неприятельской пехоты должен будет сломиться, фронт растянется, и только тогда его солдаты должны будут в

¹⁴³ См. гл. 19.

¹⁴⁴ См. гл. 57.

¹⁴⁵ См. гл. 17.

¹⁴⁶ См. гл. 5.

сомкнутых рядах напасть на разрозненные неприятельские части. При этом он надеялся, что неприятельские копья будут причинять меньше вреда, если солдаты останутся в строю, чем если сами пойдут навстречу неприятельским залпам; а вместе с тем солдаты Цезаря от двойного пробега изнурятся до полного изнеможения. Но, по нашему мнению, Помпей поступил без всяких разумных оснований: ведь у всех людей существует как бы врожденная возбудимость и живость, которая еще более воспламеняется от желания сразиться. Этот инстинкт полководцы должны не подавлять, но повышать. Недаром издавна установился обычай, по которому со всех сторон раздаются сигналы и все до одного поднимают крик: предполагается, что это устрашает врагов и возбуждает своих.

93. Во всяком случае, когда наши солдаты, по данному сигналу, бросились с поднятыми копьями и заметили, что помпеянцы не трогаются с места, то благодаря приобретенной в прежних сражениях опытности они задержали свой разбег и остановились приблизительно на середине, чтобы не достигнуть неприятеля в изнуренном состоянии; после небольшой передышки они снова побежали, пустили копья и, как им было приказано Цезарем, обнажили мечи. Но и за помпеянцами дело не стало: они приняли на себя пущенные копья, выдержали атаку, удержались в своих рядах, со своей стороны, пустили в ход копья и схватились за мечи. В то же время всадники с левого Помпеева фланга, как им было приказано, поскакали все до одного; вместе с ними высыпала и вся масса стрелков и пращников. Наша конница не выдержала их атаки и несколько подалась; тем энергичнее стала насаждать конница Помпея и, развертываясь в эскадроны, начала обходить наш фронт с незащищенного фланга. Как только Цезарь это заметил, он дал сигнал когортам образованной им четвертой линии. Те быстро бросились вперед сомкнутыми рядами и так бурно атаковали Помпеевых всадников, что из них никто

не устоял; все они повернули и не только очистили это место, но и немедленно в поспешном бегстве устремились на очень высокие горы. С их удалением все стрелки и пращники остались беззащитными, и так как им нечем было обороняться, то они были перебиты. Не прерывая атаки, когорты обошли левое крыло и напали на помпеянцев с тылу, встречая, впрочем, с их стороны упорное и стойкое сопротивление.

94. В то же время Цезарь приказал третьей линии, которая до сих пор спокойно стояла на месте, броситься вперед. Таким образом, уставших сменили здесь свежие и неослабленные силы, в то время как другие нападали с тылу. Этой двойной атаки помпеянцы не могли уже выдержать и все без исключения обратились в бегство. Следовательно, Цезарь не ошибся, что начало победы, как и сам он заявлял при ободрении солдат, должно пойти от тех когорт, которые он поставил в четвертой линии против неприятельской конницы. Действительно, они первые разбили неприятельскую конницу, они же перебили стрелков и пращников, обошли с левого фланга Помпеев фронт и первые были причиной бегства неприятеля¹⁴⁷. Но как только Помпей увидел, что его конница разбита и та часть войска, на которую он особенно полагался, терроризована, то, не надеясь на остальных, он оставил фронт, немедленно поскакал к лагерю и тем центурионам, которые стояли на карауле у преторских ворот¹⁴⁸, громко сказал, чтобы слышно было солдатам: *Охраняйте лагерь и стойко защищайте его на случай, если положение ухудшится. Я обойду остальные ворота и буду ободрять лагерную охрану.* С этими словами он удалился в свою ставку. У него не было

¹⁴⁷ Середину этой главы (neque Caesarem fefellit) некоторые авторитетные толкователи признают не принадлежащей Цезарю ни по содержанию, ни по форме.

¹⁴⁸ То есть у передних ворот лагеря.

больше никаких надежд на успех своего дела, и он только выжидал исхода сражения.

95. Загнав бегущих помпеянцев в их окопы, Цезарь решил не давать уstraшенным врагам оправиться и закричал своим солдатам, что теперь они должны воспользоваться милостью судьбы и атаковать лагерь. Хотя они были изнурены чрезвычайной жарой (сражение затянулось до полудня), но ведь они вообще охотно шли на всякое трудное дело и потому немедленно повиновались его приказу. Лагерь энергично защищали когорты, оставленные для его охраны, но с особенной храбростью — фракийцы и другие вспомогательные отряды из варваров. Бежавшие же с фронта солдаты были так уstraшены и изнурены, что большей частью побросали оружие и военные знамена и думали больше о дальнейшем бегстве, чем о защите лагеря. Но и те, которые стояли на валу, не могли долее вынести множества снарядов; изнемогая от ран, они должны были оставить свой пост; и тогда все под предводительством центурионов и военных трибунов тотчас же побежали на очень высокие горы, примыкавшие к лагерю.

96. В лагере Помпея можно было увидеть выстроенные беседки; на столах стояла масса серебряной посуды; пол в палатках был покрыт свежим дерном, а палатки Л. Лентула и некоторых других были даже обвиты плющом; много было и других указаний на чрезмерную роскошь и уверенность в победе. Ясно было, что люди, стремившиеся к ненужным наслаждениям, нисколько не боялись за судьбу этого дня. И такие люди упрекали в излишестве несчастное и выносливое войско Цезаря, которое всегда страдало от нужды в предметах первой необходимости! Когда наши были уже в лагере, Помпей сел на коня, снял с себя императорские отличия, бросился из лагеря задними воротами и тотчас же рысью поскакал в Ларису. Но и там он не стал задерживаться. Вместе с немногими друзьями, которые в бегстве присоединились к нему, и в сопровождении

тридцати всадников он все с той же быстротой скакал день и ночь к морю. Здесь он сел на корабль с хлебом и, как говорили, часто при этом жаловался на то, что обманулся в своих предположениях: как раз те части, от которых он ожидал победы, обратились в бегство и предали его.

97. Овладев лагерем, Цезарь настойчиво потребовал от своих солдат не слишком увлекаться добычей и не упускать случая довершить победу. Они согласились, и он начал окружать гору со всех сторон валом. Так как на этой горе не было воды, то помпеянцы оставили эту безнадежную позицию и всей массой устремились по горным высотам к Ларисе. Когда Цезарь заметил это, то он разделил свои силы, часть легионов оставил в лагере Помпея, другую отправил назад в свой лагерь, а с собой повел более удобным путем четыре легиона наперерез помпеянам. Пройдя шесть миль, он построил свое войско в боевой порядок. Тогда помпеянцы остановились на одной горе, у подножия которой текла река. Хотя солдаты Цезаря были за весь день изнурены непрерывным трудом и уже приближалась ночь, однако он, ободрив их, отрезал шанцами реку от горы, чтобы не давать помпеянам ходить за водой ночью. Когда эта работа была окончена, помпеянцы отправили послов и начали переговоры о сдаче. Несколько лиц сенаторского сословия, приставших к этому войску, спаслись ночью бегством.

98. На рассвете Цезарь приказал всем засевшим на горе спуститься на равнину и положить оружие. Они беспрекословно исполнили приказание: подняв руки и бросившись на землю, они со слезами умоляли его о пощаде. Он их успокоил, приказал подняться и, чтобы уменьшить их страх, сказал несколько слов о своей кротости, а затем помиловал их всех; при этом он рекомендовал своим солдатам никого из них не обижать и вещей у них не отбирать. Проявив такую заботливость о них, он вызвал к себе другие легионы и отправил те,

которые привел с собою, назад в лагерь для отдыха. Затем он двинулся в поход и еще в тот же день достиг Ларисы.

99. В этом сражении он потерял не более двухсот солдат, но центурионов — этих героев — он лишился около тридцати. Между прочим, был убит в очень храбром бою вышеупомянутый Крастин¹⁴⁹, получивший тяжелый удар мечом в лицо. То, что он сказал перед боем, то и сделал. Цезарь был убежден, что Крастин проявил в этом сражении беспримерную храбрость, и очень высоко ценил его заслугу. Из войска Помпея пало, повидимому, около пятнадцати тысяч человек, а сдалось более двадцати четырех тысяч (ибо даже и те когорты, которые охраняли редуты, сдались Сулле); кроме того, многие спаслись бегством в соседние города. Воинских знамен Цезарю после этого сражения досталось сто восемьдесят, а орлов девять. Л. Домиций, который бежал из лагеря на гору, лишился сил и был убит нашими всадниками.

100. В то же время Д. Лелий¹⁵⁰ подошел с флотом к Брундисию и подобно Либону, о котором мы говорили раньше¹⁵¹, занял лежащий против Брундисийской гавани остров. Коммендант Брундисия Ватиний¹⁵², подобно Антонию, заменил своими палубными и хорошо оснащенными лодками Лелиевы корабли и захватили из них в узком проходе гавани одну зарвавшуюся вперед квинкверему и два судна меньшего размера; равным образом он расставил по берегу всадников, чтобы не подпускать флотских солдат к воде. Но так как время года было уже благоприятнее для рейсов, то Лелий перевозил воду на грузовых кораблях из Коркиры и Диррахия и бесстрашно держался своей цели. Вообще до получения из-

¹⁴⁹ См. гл. 91.

¹⁵⁰ См. гл. 5.

¹⁵¹ См. гл. 23.

¹⁵² См. гл. 19.

вестия о нашем решительном сражении в Фессалии ни позорная потеря кораблей, ни нужда в предметах первой необходимости не могли выгнать его из гавани и с острова.

101. Около того же времени Г. Кассий прибыл с сирийскими, финикийскими и киликийскими эскадрами в Сицилию. Так как флот Цезаря был разделен на два отряда, одним из которых командовал претор П. Сульпиций у Вибона, а другим М. Помпоний у Мессаны, то прежде, чем Помпоний мог узнать о его прибытии, Кассий налетел с своими кораблями и застиг его врасплох, так как у него не было правильной караульной службы и его корабли не стояли в определенном порядке. И вот Кассий, нагрузив грузовые корабли смолой, дегтем, паклей и другими горючими материалами, пустил их при сильном и благоприятном ветре на флот Помпония и сжег все его тридцать пять кораблей, из которых двадцать было палубных. Это вызвало такую панику, что город Мессану с трудом отстояли, хотя в ней стоял гарнизоном целый легион. Большая часть населения была даже уверена, что он был бы потерян, если бы в это время не были получены через всадников береговой обороны вести о победе Цезаря. Вести эти пришли как нельзя более во-время, и город удалось удержать. Кассий отправился оттуда в Вибон против флота Сульпиция. Корабли были там причалены к берегу, и наши были в такой же панике, как и мессанцы. Воспользовавшись благоприятным ветром, Кассий пустил на них грузовые корабли с горючими материалами, и от занявшегося с двух сторон огня сгорело пять кораблей. Когда пожар стал от сильного ветра распространяться все шире и шире, то больные ветераны из прежних легионов, оставленные для охраны кораблей, не вынесли этого позора. По своему почину они взошли на корабли, снялись с якоря и, атаковав флот Кассия, захватили две квинкверемы, на одной из которых был сам Кассий, успевший, впрочем, спастись на

лодке; кроме того, две триремы были ими пущены ко дну. Немного спустя получено было известие о сражении в Фессалии, так что ему теперь поверили сами помпеянцы, которые до сих пор принимали подобные вести за измышления легатов и друзей Цезаря. Тогда Кассий немедленно ушел оттуда со своим флотом.

102. Цезарь решил оставить все дела и преследовать Помпея, куда бы он ни бежал: иначе он мог бы снова набрать другие войска и возобновить войну. Он проходил в день столько, сколько могла его конница, и приказал одному легиону идти следом за собой, но не таким скорым маршем. В Амфиполе был выставлен эдикт от имени Помпея, чтобы все молодые люди этой провинции, греки и римские граждане, явились для принесения присяги. Сделал ли это Помпей с целью устранить у Цезаря всякие подозрения и как можно дольше скрыть свое истинное намерение продолжать бегство, или же он пытался при помощи вновь набранных сил удержать за собой Македонию, предполагая, что никто не будет его теснить, — этого нельзя было решить. Во всяком случае он простоял на якоре только одну ночь, вызвал к себе своих амфипольских друзей и добыл у них денег на необходимые расходы. При известии о приближении Цезаря он ушел оттуда и через несколько дней достиг Митилены. Задержанный там на два дня бурей, он достал еще несколько весельных судов и прибыл в Киликию, а оттуда на Кипр. Там он узнал, что все антиохийцы и римские граждане, занимавшиеся там торговыми операциями, по взаимному соглашению взялись за оружие, с целью не пускать его к себе, и разослали к тем помпеянкам, которые, по слухам, спаслись бегством в соседние города, гонцов с запрещением въезда в Антиохию: *в противном случае они рискуют своей жизнью*. То же самое произошло и на Родосе с консулом прошлого года Л. Лентулом, с консуляром П. Лентулом и некоторыми другими пом-

пеянцами: бежав вслед за Помпеем и прибыв к этому острову, они не были пущены в город и гавань: им послали сказать, чтобы они отсюда удалились, и они против воли должны были сняться с якоря. И уже по всем общинам разносилась молва о приходе Цезаря.

103. При известии об этом Помпей отказался от намерения отправиться в Сирию. Он взял денежные суммы у откупщиков и занял у некоторых частных лиц, погрузил на корабли большое количество меди для военных надобностей, а также вооружил две тысячи человек, которых отчасти набрал из челяди откупщиков, отчасти взял у купцов, руководясь указаниями их господ относительно их пригодности для этой цели. Так прибыл он в Пелусий. Там случайно находился царь Птолемей¹⁵³, еще мальчик. Последний вел с большими силами войну с сестрой своей Клеопатрой, которую он, под влиянием своих родных и друзей, несколько месяцев тому назад лишил царской власти и изгнал из Египта. Лагерь Клеопатры был недалеко от его лагеря. Помпей послал к Птолемею просьбу принять его в Александрии в качестве гостя и друга его отца и оказать ему могущественную поддержку в несчастьи. Но послы Помпея по исполнении своей обязанности завязали слишком откровенные разговоры с царскими солдатами и стали их уговаривать исполнить свой долг перед Помпеем, не презирая его в несчастьи. Среди них было много солдат Помпея, которых получил от него в Сирии Габиний¹⁵⁴ и перевел в Александрию, а по окончании войны оставил на службе у Птолемея, отца юного царя.

104. Об этих разговорах узнали друзья царя, управлявшие по его малолетству царством. Боялись ли они (по крайней мере это они говорили впоследствии), как бы Помпей не

¹⁵³ Птолемей Дионис, сын Птолемея Аулета, десятилетний мальчик.

¹⁵⁴ Ср. гл. 4.

переманил к себе царского войска для захвата Александрии и Египта, или же презирали его из-за его несчастного положения, как вообще в беде люди легко обращаются из друзей во врагов, — во всяком случае, официально они дали посланцам Помпея любезный ответ и предложили ему явиться к царю. Но втайне они задумали иное: они послали начальника царских войск Ахиллу, человека чрезвычайно смелого, и военного трибуна Л. Септимия убить Помпея. Последние дружественно приветствовали его. Кроме того, его сбilo с толку некоторое знакомство с Септимием, который во время войны с пиратами служил у него центурионом. Таким образом, он решился взойти на маленькое судно с немногими спутниками и был убит Ахиллой и Септимием. Точно так же и Л. Лентул был, по приказу царя, схвачен и убит в тюрьме.

105. По прибытии в Азию Цезарь узнал, что Т. Амний пытался взять в Эфесе деньги из храма Дианы и с этой целью вызвал всех сенаторов из провинции, чтобы они были его свидетелями относительно размеров взятой суммы, но приход Цезаря помешал ему в этом, и он бежал. Таким образом, Цезарь дважды спас эфесские сокровища¹⁵⁵...

Точно так же установили, подсчитав дни назад, что в храме Минервы в Элиде в день победы Цезаря статуя богини Победы, стоявшая до сих пор перед статуей Минервы и обращенная к ней лицом, повернулась к дверям и порогу храма. В тот же день в Антиохии и в Сирии два раза раздались такие громкие боевые крики и сигналы, что граждане вооружились и поспешили на стены. То же произошло в Птолемаиде, а в Пергаме, в тайном и уединенном месте храма, которое греки называют *ádyta* и куда могут входить только жрецы, вдруг заиграли тимпаны. Также и в Траллах в храме богини Победы, где Цезарю была посвящена статуя, оказа-

¹⁵⁵ Ср. гл. 33.

лось, что в те дни выросла из-под пола между соединениями камней пальма.

106. Цезарь пробыл в Азии лишь несколько дней. Услышав, что Помпея видели на Кипре, он предположил, что Помпей направляется в Египет по причине близких связей с царствующим домом и разных удобств этой страны. Тогда и сам он прибыл в Александрию с одним легионом, которому приказал следовать за собой из Фессалии, и с другим, который он взял у легата Фуфия Калена¹⁵⁶ и вызвал из Ахайи, с восемью сотнями всадников, с сотней родосских военных кораблей и несколькими азиатскими кораблями. В обоих легионах было около трех тысяч двухсот человек; остальные были больны от ран, полученных в сражении, и изнурены военными тяготами и долгим путем и потому не могли следовать за ним. Но Цезарь так полагался на славу о своих подвигах, что без колебания двинулся в эту экспедицию с недостаточными силами, в расчете, что везде будет в безопасности. В Александрии он узнал о смерти Помпея. Тут же, при выходе с корабля, он вдруг услышал крики солдат, которых царь оставил для охраны города. Оказывается, они бежали толпой на него из-за того, что перед ним понесли фасы. Толпа заявляла, что этим умаляется царское величество. На этот раз шум затих, но все-таки в следующие за тем дни от стечения народной массы часто происходили беспорядки, и многих из его солдат убивали на улицах в разных частях города.

107. Тогда он вызвал еще два легиона из Азии, которые были образованы им из Помпеевых солдат¹⁵⁷. Сам же он вынужден был оставаться из-за сильных пассатных ветров, делавших

¹⁵⁶ Ср. Гл. 55.

¹⁵⁷ Имеются в виду Помпеевы солдаты, сдавшиеся после фарсальского сражения. Ср. Bell. Alex., 9.

отплытие из Александрии очень затруднительным. Между тем он был убежден, что спор между царем и царевной принадлежит решению римского народа и его консула, и тем более касается его должности, что именно в его предыдущее консульство, по постановлению народа и сената, был заключен с Птолемеем-отцом союз. Поэтому он заявил, что по его мнению, царь Птолемей и его сестра Клеопатра должны распустить свои войска и решать свой спор лучше легальным путем перед его трибуналом, чем между собой оружием.

108. Царством управлял по малолетству царя его воспитатель евнух по имени Пофин. Он, прежде всего, начал жаловаться среди своих приверженцев, что царя вызывают на суд для защиты своего дела. Затем, найдя себе нескольких помощников в задуманном деле среди царских друзей, он тайно вызвал войско из Пелусия в Александрию и командующим всеми силами назначил того же Ахиллу, о котором мы выше упоминали. Соблазнив его обещаниями от себя и от имени царя, он дал ему понять — письменно и через гонцов, — чего от него хочет. В завещании царя Птолемея были названы наследниками старший из двух сыновей и старшая из двух дочерей. Об исполнении этой воли Птолемей в том же завещании заклинал римский народ всеми богами и союзами, заключенными с Римом. Один экземпляр его завещания был через его послов доставлен в Рим, для хранения в государственном казначействе (но хранился у Помпея, так как из-за политических смут его нельзя было передать в казначейство); другой с тождественным текстом был оставлен в Александрии и был предъявлен Цезарю запечатанным.

109. Когда это дело разбиралось перед Цезарем и он всячески старался в качестве общего друга и посредника уладить спор между царем и царевной, вдруг сообщили о прибытии в Александрию царского войска и всей конницы. Силы Цезаря отнюдь не были настолько значительными, чтобы на них

можно было положиться в случае сражения вне города. Не оставалось ничего иного, как держаться в подходящих местах внутри города и узнать намерения Ахиллы. Во всяком случае, Цезарь приказал своим солдатам быть под оружием, а царя уговорил отправить наиболее влиятельных из своих приближенных послами к Ахилле и объявить ему свою волю. Посланные им Диоскорид и Серапион, которые перед этим оба были послами в Риме и пользовались большим влиянием у его отца Птолемея, прибыли к Ахилле. Как только они показались ему на глаза, то он, не давая себе труда выслушать их и узнать о цели их прибытия, приказал схватить их и казнить. Один из них был тяжело ранен, но был во-время подобран и унесен своими как убитый, а другой был убит на месте. После этого Цезарь овладел особой царя. Он полагал, что царское имя будет иметь большое значение у его подданных, и желал придать делу такой вид, что война начата не столько по воле царя, сколько по частному почину немногих отдельных людей и притом разбойников.

110. Войска, бывшие под командой Ахиллы, ни по своей численности, ни по личному составу, ни по боевой опытности, по нашему мнению, отнюдь не были ничтожными. У него было под оружием двадцать тысяч человек. Это были прежде всего Габиниевы солдаты¹⁵⁸, которые уже освоились с александрийской вольной жизнью и отвыкли от римского имени и военной дисциплины; они успели здесь жениться и большей частью имели детей. К ним присоединялись люди, набранные из пиратов и разбойников в провинциях Сирии, Киликии и в окрестных местностях. Кроме того, сюда же сошлись осужденные за уголовные преступления и изгнанники (всем нашим беглым рабам был верный приют в Александрии и обеспеченное положение, лишь бы они записывались

¹⁵⁸ Ср. гл. 4 и 103.

в солдаты). И если кого-нибудь из них хотел схватить его прежний господин, то другие солдаты дружно отбивали его: так как все они были в такой же степени виновны, защита кого-либо из своих от насилия была для них делом их личной безопасности. Они привыкли — по своего рода старой военной александрийской традиции — требовать выдачи друзей царя на смерть, грабить достояние богатых, осаждают царский дворец, чтобы вынудить повышение жалованья, одних сгонять с престола, других сажать на него. Все они вследствие многочисленных местных войн уже обжились в Александрии; они снова возвели на престол Птолемея-отца, убили обоих сыновей Бибула и вели войны с самими египтянами. Таково было происхождение их боевой опытности.

111. Полагаясь на эти войска и презирая малочисленность отряда Цезаря, Ахилла занял всю Александрию, кроме той части города, которая была в руках Цезаря и его солдат¹⁵⁹, и уже с самого начала попытался одним натиском ворваться в его дом. Но Цезарь расставил по улицам когорты и выдержал его нападение. В это же время шло сражение и у гавани, и это делало борьбу крайне ожесточенной. Войска были разделены на отряды; приходилось сражаться одновременно на нескольких улицах, и враги своей массой пытались захватить военные корабли. Пятьдесят из них было послано на помощь Помпею, и после сражения в Фессалии они снова вернулись сюда; все это были квадриремы и квинкверемы, отлично снаряженные и готовые для плавания. Кроме них, двадцать судов — все палубные — стояли перед Александрией для охраны города. С их захватом враги надеялись отбить у Цезаря его флот, завладеть гаванью и всем морем и отрезать Цезаря от продовольствия и подкреплений. Поэтому и сражались с упорством, соответствовавшим значению этой

¹⁵⁹ См. план Александрии.

борьбы: для одних от этого зависела скорая победа, для нас — наше спасение. Но Цезарь вышел победителем и сжег все эти корабли вместе с теми, которые находились в доках, так как не мог охранять такого большого района малыми силами. Затем он поспешно высадил своих солдат на Фаросе.

112. Фарос, чудо строительного искусства, — очень высокая башня на острове, от которого она и получила свое имя. Этот остров лежит против Александрии и образует ее гавань. Но прежние цари устроили на море каменную дамбу в девятьсот шагов длиной и таким образом соединили остров с городом узким, похожим на мост путем. На острове находятся дома александрийцев и поселок величиной с город. Те корабли, которые по неосторожности или от бурь меняли свой курс и попадали сюда, делались добычей жителей Фароса, которые грабили их точно пираты. Но против воли тех, кто занимает Фарос, ни один корабль не может войти в гавань вследствие узости прохода. Именно этого и боялся Цезарь; поэтому в то время как враги были заняты сражением, он высадил туда солдат, захватил Фарос и поставил там гарнизон. Таким образом, и провиант, и подкрепления могли безопасно подходить к нему морским путем. Он разослал гонцов по всем ближайшим провинциям и вывел оттуда вспомогательные войска. В остальных частях города сражения оканчивались вничью. Ни одна из сторон не бывала отогнана (этому мешала узость места), и лишь немногие с обеих сторон оставались на поле битвы. Цезарь занял наиболее необходимые места и за ночь укрепил их. В той стороне города была часть царского дворца, где вначале Цезарю отвели помещение. К ней примыкал театр, который образовывал своего рода крепость с свободным доступом к гавани и к царской верфи. Эти укрепления Цезарь в следующие дни усилил так, чтобы они служили ему стеной и не приходилось бы принимать бой против воли. Между тем младшая дочь царя Птолемея, в надежде овладеть вакантным престолом, удалилась

из дворца к Ахилле и вместе с ним стала руководить военными действиями. Но скоро между ними начались споры о первенстве, вследствие чего увеличились подарки солдатам, так как каждый привлекал их на свою сторону не иначе, как ценой больших жертв. В то время как враги были заняты этим, Пофин (воспитатель молодого царя и правитель царства, находившийся в городской части, занятой Цезарем), посылал к Ахилле гонцов и ободрял его продолжать начатое дело и не падать духом. Но эти посредники были выданы и арестованы, и Цезарь приказал казнить Пофина. [Это было началом Александрийской войны].

Александрийская война (Bellum alexandrinum) (неизвестного автора)

Александрийская война

1. Когда вспыхнула Александрийская война, Цезарь вызвал с Родоса, из Сирии и Киликии весь флот, потребовал стрелков с Крита, конницу от набатейского царя Малха¹ и приказал отовсюду доставлять метательные машины, присылать хлеб и подвозить подкрепления. Между тем со дня на день расширялись шанцевые укрепления; все сколько-нибудь ненадежные части города снабжались «черепашками» и подвижными навесами («мускулами»). Через отверстия в домах пробивали тараном другие ближайшие дома и на том пространстве, которое очищалось после обвала или захватывалось вооруженной силой, постепенно выдвигали вперед шанцы. Надо сказать, что в пожарном отношении Александрия достаточно безопасна, так как при постройке домов там не применяют ни деревянных перекрытий, ни вообще дерева: они имеют каменные стены и своды и бетонированную или сделанную из каменных плиток крышу. Главной целью Цезаря было отрезать шанцевыми укреплениями и валом от остальной Александрии ту часть города, которую очень суживало находившееся на южной стороне озеро. Так как город разделяется на две части, то Цезарь стремился к тому, чтобы, во-первых, военные действия были подчинены одному

¹ Царь набатеев (живших в восточной части Синайского полуострова и всегда враждовавших с египтянами) еще от своего предшественника Ареты, вытесненного Помпеем из Палестины в 63 году до н. э., унаследовал злобу на Помпея, почему охотно примкнул к Цезарю.

плану и единому командованию, далее, чтобы можно было помогать тем, которых будут теснить, и посылать им подкрепления из другой части города; но особенно важно было для него запастись водой и фуражом. Последнего у него отчасти было мало, а отчасти совсем не было, а между тем озеро могло доставлять и то, и другое в изобилии.

2. Но и александрийцы действовали без промедления и задержек. Они послали уполномоченных и вербовщиков для набора во все стороны, куда только распространяется область и царство египетское, свезли в город большое количество оружия и метательных машин и сосредоточили в нем бесчисленное множество вооруженных людей. Равным образом в городе были заведены очень большие оружейные мастерские. Кроме того, были вооружены взрослые рабы²; ежедневное пропитание и жалованье давали им их господа — те, которые были побогаче. Расставив повсюду эту массу, александрийцы охраняли, таким образом, укрепления даже в отдаленных частях города, а свободные от другой службы когорты из старых солдат они держали в людных кварталах, чтобы иметь возможность посылать на помощь против неприятеля свежие силы всюду, где шел бой. Все улицы и закоулки были перегорожены валом (он был сделан из квадратных камней и имел в высоту не менее сорока футов), а нижние части города были укреплены высокими башнями в десять этажей. Кроме того, были построены другие подвижные башни во столько же этажей. Их двигали на колесах канатами и лошадьми по прямым улицам всюду, где было нужно.

3. Очень богатый и обильно снабженный город обеспечивал все нужды населения. Сами его жители, люди изобрета-

² Перед этой войной Александрия насчитывала одного только свободного населения около трехсот тысяч человек. Ее громадной армии Цезарь мог противопоставить только три тысячи двести лигионеров и восемьсот всадников (Bell. Civ. III, 106).

тельные и остроумные, воспроизводили все, что видели у нас, с такой ловкостью, что, казалось, именно наши подражали их работе, да многое они и сами изобретали. Таким образом, они не только защищали свои укрепления, но и угрожали нашим. Их главари так говорили на совещаниях и сходках: *римский народ мало-помалу привыкает к мысли захватить это царство в свои руки. Несколько лет тому назад стоял в Египте со своими войсками А. Габиний*³; *туца же спасался бегством Помпей, теперь пришел с войсками Цезарь, и смерть Помпея несколько не помешала Цезарю оставаться у них. Если они его не прогонят, то царство их будет обращено в римскую провинцию.*

4. Тем временем, как выше было указано⁴, возникли раздоры между начальником ветеранов Ахиллой и младшей дочерью царя Птолемея — Арсиноей, причем оба они строили козни друг против друга и каждый стремился присвоить себе верховную власть. С помощью своего воспитателя, евнуха Ганимеда, Арсиноя опередила Ахиллу и приказала убить его. После его смерти она одна, без товарищей и без опеки, держала в своих руках всю власть. Войско было передано Ганимеду. Последний, взяв на себя эту должность, увеличил подарки солдатам, но всем остальным руководил с такой же бдительностью, как Ахилла.

5. Почти вся Александрия подрыта и имеет подземные каналы, которые идут к Нилу и проводят воду в частные дома, где она мало-помалу осаживается и очищается. Ее употребляют домохозяева и их челядь; ибо та вода, которая идет прямо из Нила, до того илиста и мутна, что вызывает много

³ Габиний, проконсул Сирии с 57 года, восстановил в 55 году Птолемея Аулета на египетском престоле и оставил в Египте часть своего войска для защиты царя и его наследников (Bell. Civ., III, 4 и 103).

⁴ См. Bell. Civ., III, 112.

различных болезней. Но тамошний простой народ и вообще все население по необходимости довольствуется ею, так как во всем городе нет ни одного источника. Но эта река находилась в той части города, которая была в руках александрийцев. Это навело Ганимеда на мысль, что римлян можно отрезать от воды; будучи распределены для охраны укреплений по кварталам, они брали воду из каналов и водоемов частных домов.

6. Его план был одобрен, и он теперь приступил к этому трудному и важному делу. Прежде всего он приказал заложить подземные каналы и отгородить все части города, которые занимал сам. Затем по его распоряжению начали энергично выкачивать массу воды из моря вальками и машинами и беспрерывно пускать ее с верхних местностей в ту часть, где был Цезарь. Вследствие этого вода, которую там добывали из ближайших домов, стала солонее обыкновенного, и люди очень изумлялись, почему это случилось. Но они не доверяли самим себе, так как жившие ниже их говорили, что вода, ими употребляемая, сохранила прежнее качество и вкус; поэтому они вообще стали сравнивать ту и другую воду и определять их разницу на вкус. Но через короткое время ближайшая к неприятелю вода стала совсем негодной к употреблению, а вода в нижних местах оказывалась испорченной и более соленой.

7. Когда, таким образом, были устранены все сомнения, то солдатами овладел такой страх, что все стали считать себя стоящими на краю гибели, некоторые упрекали Цезаря за то, что он медлит с приказом садиться на корабли, другие боялись худшего, ввиду того, что приготовлений к бегству нельзя было скрыть от александрийцев, которые так близко от них находились, да и отступление на корабли оказалось совершенно невозможным, когда те стали бы наседать и преследовать их.

В части, занимаемой Цезарем, было много горожан, которых он не выселил из их домов, так как они наружно притво-

рялись верными нам и казались изменившими своим. (Но, по моему мнению, если бы пришлось защищать александрийцев от обвинения в лживости и легкомыслии, то много слов было бы потрачено попусту, стоит только познакомиться с их национальными и природными свойствами, и тогда ни для кого не останется уже сомнения в чрезвычайно большой способности этого народа к предательству)⁵.

8. Цезарь старался уменьшить страх своих людей утешениями и ободрениями: *пресную воду можно добыть, если вырыть колодцы, так как все морские берега имеют от природы пресноводные жилы. Если же египетский берег по своим природным свойствам отличается от всех других, то ведь римляне беспрепятственно владеют морем, а у неприятеля нет флота; следовательно, им нельзя помешать добывать воду морским путем — или слева, из Паретония, или справа, с острова; так как оба эти рейса направляются в разные стороны, то противные, ветры никоим образом не могут одновременно сделать их неосуществимыми. О бегстве нечего и думать не только людям, занимающим первые ранги, но даже и тем, которые помышляют исключительно о спасении своей жизни. Очень трудно выдерживать атаки неприятелей уже теперь, укрываясь за укреплениями; если же оставить эти укрепления, то нельзя будет сравняться с неприятелем ни по численности, ни по позициям. Посадка на корабли трудна и требует много времени, особенно с лодок; александрийцы же очень проворны и хорошо знают местность и дома. Победа только увеличит их гордость, и они ринутся вперед, захватят раньше нас высокие места и дома и, таким образом, помешают нашим бежать на корабли. Поэтому лучше забыть об этом плане и думать только о том, что надо во что бы то ни стало победить.*

⁵ Конец гл. 7 (начиная с *ut mihi defendendi*) некоторые ученые, в том числе новейший комментатор этого трактата, Шнейдер, признают позднейшей прибавкой.

9. Снова подняв такой речью мужество у своих солдат, Цезарь поручил центурионам временно оставить все другие работы, обратить все внимание на рытье колодцев и не прекращать его даже ночью. Все взялись за дело, напрягши свои усилия, и в одну ночь открыли пресную воду в большом количестве. Таким образом, все хлопотливые ухищрения и сложные попытки александрийцев были парализованы кратковременным трудом. Через два дня после этого пристал к берегам Африки, несколько выше Александрии, посаженный на корабли Домицием Кальвином⁶ 37-й легион из сдавшихся Помпеевых солдат, с хлебом, всякого рода оружием и метательными машинами. Эти корабли не могли подойти к гавани из-за восточного ветра, дувшего много дней подряд; но вообще вся местность там очень удобна для стоянки на якоре. Однако, так как экипаж надолго задержался и начал страдать от недостатка воды, то он известил об этом Цезаря, послав к нему быстроходное судно.

10. Желая принять самостоятельное решение, Цезарь сел на корабль и велел всему флоту следовать за собой, но солдат с собой не взял, так как предполагал отплыть на довольно большое расстояние и не хотел оставлять укрепления беззащитными. Когда он достиг так называемого Херсонеса и высадил гребцов на сушу за водой, то некоторые из них в поисках добычи зашли слишком далеко от кораблей и были перехвачены неприятельскими всадниками. Те узнали от них, что Цезарь сам лично пришел с флотом, но солдат у него на борту нет. Это известие внушило им уверенность, что сама судьба дает им очень благоприятный случай отличиться. Поэтому александрийцы посадили на все готовые к плаванию корабли солдат и вышли со своей эскадрой навстречу возвращавшемуся Цезарю. Он не желал сражения в этот день по двум причи-

⁶ О Домиции см. *Bell. Civ.*, III, 34, 36, 37, 38, 78, 89.

нам: во-первых, у него совсем не было на борту солдат, во-вторых, дело было после десятого часа дня, а ночь, очевидно, прибавила бы самоуверенности людям, полагавшимся на свое знание местности; между тем для него оказалось бы недействительным даже крайнее средство — ободрение солдат, так как всякое ободрение, которое не может отличить ни храбрости, ни трусости, не вполне уместно. Поэтому он приказал все корабли, какие только можно было, вытащить на сушу там, куда, по его предположениям, не могли подойти неприятели.

11. На правом фланге у Цезаря был один родосский корабль, находившийся далеко от остальных. Заметив его, враги не удержались и, в числе четырех палубных и нескольких открытых кораблей, стремительно атаковали его. Цезарь принужден был подать ему помощь, чтобы не подвергнуться на глазах неприятелей позорному оскорблению, хотя и признавал, что всякое несчастье, которое может с ним случиться, будет заслуженным. В начавшемся затем сражении родосцы проявили большой пыл: они вообще во всех боях отличались своей опытностью и храбростью, а теперь в особенности не отказывались принять на себя всю тяжесть боя, чтобы устроить разговоры, о том, что урон понесен по их вине. Таким образом, сражение завершилось полным успехом. Одна неприятельская квадрирема была взята в плен, другая потоплена, две лишились всего своего экипажа; кроме того, и на остальных кораблях было перебито множество солдат. И если бы ночь не прервала сражения, то Цезарь овладел бы всем неприятельским флотом. Это поражение навело ужас на неприятелей, и Цезарь со своим победоносным флотом, при слабом противном ветре, отвел на буксире грузовые корабли в Александрию.

12. Александрийцы видели, что их победила не храбрость солдат, но опытность моряков. Поражение это так сокрушило их, что они готовы были отказаться от защиты даже своих домов, и загородились всем бывшим у них строевым лесом,

опасаясь даже нападений нашего десанта на сушу⁷. Но Ганимед на собрании поручился за то, что он не только заменит потерянные корабли новыми, но и вообще увеличит их число; и тогда те же александрийцы с большими надеждами и уверенностью стали поправлять старые корабли и отдались этому делу со всем старанием и увлечением. Хотя они потеряли в гавани и в арсенале более ста десяти кораблей, однако не отказались от мысли о восстановлении своего флота. Они понимали, что при наличии у них сильного флота для Цезаря будет невозможен подвоз подкреплений и провианта. Кроме того, как жители приморского города, они были прирожденными моряками и с детства имели дело с морем. Поэтому они стремились извлечь пользу из этого естественного и местного преимущества, так как видели, каких больших успехов они достигли даже со своими маленькими судами.

Итак, они употребили все свои силы на создание флота.

13. Во всех устьях Нила были расставлены сторожевые суда для взимания портовой пошлины; в секретном царском арсенале имелись старые корабли, которые уже много лет не употреблялись для плавания; их они стали чинить, а сторожевые суда вернули в Александрию. Нехватало весел: снимали крышу с портиков, гимнасиев и общественных зданий, и планки заменяли весла; в одном им помогала природная ловкость, в другом городские запасы. Наконец, они готовились не к дальнему плаванию, но думали только о нуждах настоящего момента и видели, что предстоит бой в самой гавани. Поэтому в несколько дней они построили, вопреки всем ожиданиям, двадцать две quadriremes и пять quinqueremes; к ним они прибавили несколько судов меньшего размера и беспалубных. Устроив в гавани пробную греблю для проверки годности каждого отдельного судна, они посадили на них надежных солдат и вполне приготовились к бою.

⁷ Текст неисправен.

У Цезаря было девять родосских кораблей (послано было ему десять, но один затонул в пути у египетских берегов), понтийских — восемь, киликийских — пять, азиатских — двенадцать. Из них было десять квинкверем и квадрирем, остальные были меньшего размера и большей частью беспалубные. Однако, полагаясь на храбрость своих солдат и зная силы врагов, он стал готовиться к решительному бою.

14. Когда обе стороны прониклись уверенностью в своих силах, Цезарь объехал со своим флотом Фарос и выстроил свои суда против неприятеля: на правом фланге он поместил родосские корабли, на левом понтийские⁸. Между ними был оставлен промежуток в четыреста шагов, который казался достаточным для развертывания кораблей. Остальные корабли стояли за этой первой линией в качестве резерва, причем каждому резервному кораблю было указано, за каким кораблем первой линии должен он следовать и какому приходить на помощь. Александрийцы также без колебания вывели и выстроили свой флот. Во фронте у них было двадцать два корабля, остальные занимали в качестве резерва вторую линию. Кроме того, они взяли с собой большое количество судов меньшего размера и лодок с зажигательными стрелами и горючими материалами — в надежде на то, что уже одно множество их, а также огонь могут устроить наших. Между двумя флотами были отмели с узким проходом, прилегающие к Африке (александрийцы утверждают, что их город наполовину находится в Африке)⁹. Обе стороны долго выжидали, какой из флотов начнет проходить, так как очевидно было, что те,

⁸ Сражение происходило в гавани Эвносте. См. план Александрии.

⁹ Границу между Африкой и Азией древние географы определяли различно: для одних это был Суэцкий перешеек, для других — Нил, третьи находили ее гораздо западнее и причисляли весь Египет к Азии (напр. Саллюстий, «Югуртинская война», 19).

которые войдут, должны будут встретиться с большими затруднениями как при развертывании своего флота, так и при отступлении — в случае, если их постигнет несчастье.

15. Родосскими кораблями командовал Эвфранор, которого по мужеству и храбрости следует сравнить скорее с нашими соотечественниками, чем с греками. Родосцы выбрали его главным командиром своего флота именно за его всем известную опытность в морском деле и мужество. Как только он заметил, что Цезарь колеблется, он сказал ему: *мне кажется, Цезарь, ты боишься, что если ты войдешь в эти отмели с первыми кораблями, то вынужден будешь принять сражение прежде, чем успеешь развернуть остальной флот. Предоставь это дело нам: мы выдержим сражение, и ты в нас не ошибешься, лишь бы только остальные немедленно последовали за нами. Но вот то, что враги так долго хвастаются у нас на глазах, — это для нас очень позорно и обидно.* Цезарь, с своей стороны, воодушевил его и всячески похвалил, а затем дал сигнал к бою. Когда четыре родосских корабля прошли за отмель, то александрийцы окружили их и атаковали. Те выдержали эту атаку и стали развертываться с большим искусством и ловкостью. Специальная подготовка родосских моряков проявила себя самым блестящим образом: при неравном числе боевых сил все-таки ни один корабль не стал боком к неприятелю, ни у одного не были сбиты весла, и при каждой неприятельской атаке, они шли фронтом. Тем временем подошли прочие корабли. Тогда, вследствие узости прохода, уже по необходимости было оставлено искусство, и судьба боя определялась исключительно храбростью сражающихся. А в Александрии все без исключения — как наши, так и горожане — перестали думать о шанцевых работах и о боях друг с другом, но бросились на самые высокие крыши, выискивая везде, откуда открывался вид, удобные пункты, чтобы следить за боем; в молитвах и обетах они просили у бессмертных богов победы для своих соотечественников.

16. Последствия сражения были отнюдь не одинаковы для обеих сторон. Если бы наши оказались разбитыми и побежденными, то им невозможно было бы спастись бегством ни на суше, ни на море; в случае же победы все их дальнейшее будущее было неопределенным. Что же касается александрийцев, то выигрыш морского сражения оставлял за ними все; но и в случае поражения они все-таки могли бы продолжать испытывать счастье. Вместе с тем тяжким и печальным представлялось то, что слишком мало людей ведет бой, от которого зависит судьба всего дела и спасение всех: стоило кому-нибудь оказаться ниже неприятеля духом или доблестью — и тогда подвергались опасности остальные, у которых не было возможности сражаться за себя лично. Эти мысли Цезарь часто развивал в предыдущие дни перед своими солдатами, призывая их бороться с тем большим воодушевлением, что, как они сами видели, им вверено спасение всех. Точно так же и остающиеся, провожая своих товарищей по палатке, друзей и знакомых, заклинали их оправдать их личные ожидания и надежды всех прочих, приговором которых они были признаны достойными идти на этот бой. Поэтому сражались с таким воодушевлением, что приморским жителям и природным морякам не принесло помощи их искусство и ловкость; стороне, превосходившей другую численностью кораблей, не помогло это превосходство, и отборные из такой громадной массы населения храбрецы не могли сравниться в храбрости с нашими. В этом, сражении взята была в плен одна квинкверема и одна бирема с солдатами и гребцами и потоплены три корабля, в то время как наши все остались невредимыми. Остальные суда спаслись бегством к городу вследствие близости расстояния; там их защитили с плотины и с высоких зданий над ней, а нашим не дали подойти ближе.

17. Чтобы подобные случайности больше не повторялись, Цезарь решил приложить все усилия к овладению островом

и примыкающей к нему плотиной. Так как его укрепления в городе были в значительной степени готовы, то он был уверен в возможности единовременной попытки напасть и на остров, и на город. Согласно с этим планом, он посадил на небольшие суда и лодки десять когорт вместе с отборными легковооруженными солдатами и наиболее надежными галатскими всадниками. А на другую часть острова он напал с палубным флотом, имея целью разъединить неприятельские силы; тем, кто первый возьмет остров, он обещал большие награды. Сначала фаросцы выдержали нашу атаку: они единовременно отбивались с крыш и с оружием в руках защищали берега, куда нашим нелегко было подойти вследствие крутизны; наконец, они охраняли узкий проход лодками и военными судами, действуя с быстротой и со знанием дела. Но как только наши, познакомившись с местностью и нащупав брод, твердо стали на берегу, а за ними немедленно последовали другие и энергично атаковали на ровном берегу врага, то все фаросцы обратились в бегство. Оставив охрану гавани, они причалили к берегам и к поселку и бросились с кораблей на сушу для защиты своих домов.

18. Но и за укреплениями они не могли долго продержаться. Правда, их дома, если сравнивать малое с большим, были по своей постройке довольно похожи на александрийские, и их высокие, соединенные друг с другом башни служили оборонительной стеной, тогда как наши не запаслись лестницами, фашинами и другими материалами для штурма. Но страх отнимает у людей ум и сообразительность и ослабляет физические силы, что тогда и случилось. Те самые люди, которые надеялись помериться с неприятелем на ровном и открытом месте, теперь были уstraшены бегством своих и гибелью весьма немногих из них. Они не осмелились держаться в домах на высоте тридцати футов, бросились с плотины в море и проплыли до города расстояние в девять-

сот шагов. Но многие из них были взяты в плен и убиты. Вообще же пленных было шесть тысяч¹⁰.

19. Цезарь разрешил солдатам воспользоваться добычей и приказал разграбить дома. Форт у моста поблизости от Фароса он укрепил и поставил там гарнизон. Бежавшие фаросцы оставили его; другой мост, более крепкий, по соседству с городом, охраняли александрийцы. Но Цезарь на другой день атаковал и его, так как видел, что занятие их обоих воспрепятствует выходу александрийских кораблей и внезапным разбойничьим набегам. Он уже успел выбить метательными орудиями и стрелами с кораблей тех, которые занимали этот пункт военной силой, и отогнал их назад в город, а также высадил на сушу около трех когорт — больше не могло поместиться, вследствие узости места; остальные его силы несли караульную службу на кораблях. После этого он приказал построить на мосту вал против неприятеля, а то место под сводами мостовой арки, где был проход для кораблей, заложить камнями и застроить. Одна из этих работ была уже окончена, так что ни одна лодка не могла пройти, другая работа была начата. Тогда все александрийские силы бросились из города и стали против укреплений моста на более широком месте; в то же время они поставили у плотин те суда, которые обыкновенно высылались для поджога кораблей. Наши сражались с моста и с кораблей перед плотиной.

20. Пока Цезарь был занят этими делами и ободрением солдат, на плотину бросилось с наших военных кораблей большое количество гребцов и флотских солдат. Часть их привлечена была любопытством, другая также желанием сразиться. Сперва они начали бой, чтобы отогнать неприятельские корабли от плотины и, сражаясь камнями и пращами, массой пускаемых снарядов, казалось, много содействовали

¹⁰ Цифра, повидимому, преувеличенная.

нашему успеху. Но после того, как несколько дальше от этого места, на их незащищенном фланге, осмелилось высадиться с кораблей небольшое количество александрийцев¹¹, наши начали спасаться бегством на свои суда так же беспорядочно, как и проникли сюда, — без знамен и не держа строя. Ободренные их бегством, александрийцы стали уже в большем количестве высаживаться со своих судов и, пользуясь замешательством наших, начали еще энергичнее преследовать их. Вместе с тем и те, которые остались на военных кораблях, спешили хватать лестницы и отваливать, чтобы неприятели не овладели кораблями. Наши солдаты, принадлежавшие к тем трем когортам, которые стояли на мосту и в начале плотины, также были уstraшены всем происходящим: сзади себя они слышали крики и видели бегство своих, а с фронта должны были выдерживать массу пускаемых в них снарядов; ввиду этого, боясь быть обойденными с тылу, а с уходом кораблей и вообще отрезанными от отступления, они бросили начатое на мосту укрепление и пустились бежать к кораблям. Часть из них добралась до ближайших кораблей, но те, от множества людей и тяжести, потонули вместе с ними; другая часть пыталась сопротивляться, но не знала, что предпринять, и была перебита александрийцами. Некоторым повезло: они достигли кораблей, готовых к отплытию, и уцелели; немногие, подняв над собой щиты и напрягая все душевные силы, доплыли только до ближайших кораблей¹².

21. Цезарь, насколько мог, старался ободрениями удерживать своих солдат у моста и укреплений, но и сам он находился в такой же опасности; когда же он заметил, что все до

¹¹ Александрийцы выехали далеко к самому Фаросу. Таким образом, они зашли в правый фланг тем Цезаревым солдатам, которые повернули свой фронт к гавани Эвносту. См. план Александрии.

¹² Для защиты от метательных снарядов.

одного отступают, то спасся на свой корабль. Но следом за ним туда же ломилась масса народа, так что не было возможности ни управлять кораблем, ни оттолкнуться. Предполагая то, что и случилось, он бросился с своего корабля и доплыл до судов, стоявших дальше¹³. Отсюда он посылал лодки своим изнемогавшим людям и таким образом спас некоторых. Но собственный его корабль, перегруженный множеством солдат, погиб вместе с людьми. В этом сражении Цезарь потерял около четырехсот легионеров и немного более того флотских солдат и гребцов. Александрийцы поставили на этом месте форт и укрепили его сильными шанцами и метательными машинами, а из моря снова удалили камни и таким образом очистили проход для своих судов.

22. Однако эта неудача не только не смутила солдат, но даже воспламенила и увеличила их мужество и энергию в их атаках на неприятельские верки. В ежедневных сражениях при первом же удобном случае, когда александрийцы бросались в атаку и завязывали рукопашный бой, наши солдаты проявляли величайшую боевую отвагу¹⁴. И обычные ободрения Цезаря не могли поспевать ни за энергией, с которой его люди брались за работу, ни за их страстным желанием боя, так что их чаще приходилось отпугивать и удерживать от наиболее опасных сражений, чем воспламенять к бою.

23. Таким образом, александрийцы видели, что удача придает римлянам силу, а неудачи — мужество. Какой-либо

¹³ О спасении Цезаря источники передают картинные подробности: так, по словам Светония («Божественный Юлий», 64), он проплыл двести футов с поднятой над водой левой рукой, чтобы не замочить таблички (документов), находящейся в ней, а в зубах тащил за собой военный плащ, чтобы не оставить его врагу в качестве трофея. По рассказу Диона Кассия (42, 46) и Флора (2, 13, 59), плащ этот, наоборот, достался александрийцам.

¹⁴ Текст неисправен.

третьей военной комбинации, способной усилить их самих, сколько мы можем предполагать, у них не было. И вот, — то ли по совету царских друзей, находившихся у Цезаря под охраной, то ли согласно со своим прежним замыслом, — они отправили, с одобрения царя, с которым были в тайных сношениях, угодных ему лиц к Цезарю, просивших отпустить царя и позволить ему вернуться к своим и указавших, что все население, которому чрезвычайно надоело временное царствование девочки и жестокая тирания Ганимеда, готово повиноваться всем приказам царя и что если по его воле они должны будут перейти под покровительство Цезаря и заключить с ним дружественный союз, то населению нечего будет бояться, и тем будут устранены препятствия для сдачи.

24. Хотя Цезарь хорошо знал этот лживый народ, который думает одно, а для виду делает другое, однако счел целесообразным согласиться на их просьбу в уверенности, что если они действительно желают того, о чем просят, то отпущенный им царь останется ему верным; если же, — что более соответствовало их характеру, — они хотят иметь в лице царя вождя для ведения войны, то для него будет благовиднее и почетнее вести войну с царем, чем с шайкой пришлых авантюристов и беглых рабов. Поэтому он стал уговаривать царя подумать об отцовском царстве, пощадить свой славный родной город, обезображенный отвратительными пожарами и разрушениями, своих сограждан прежде всего образумить, а затем спасти, доказать свою верность римскому народу и ему, так как сам он, со своей стороны, настолько доверяет царю, что отпускает его к вооруженным врагам римского народа. Тут он взял взрослого мальчика за правую руку и стал с ним прощаться. Но молодой царь, приученный к величайшему лукавству в полном соответствии с характером своего народа, стал, наоборот, со слезами молить Цезаря не отпускать его: *самый трон не так ему мил, как вид Цезаря*. Цезарь

успокоил плакавшего мальчика, слезы которого, однако, подействовали на него самого, и отпустил его к своим с обещанием скорого свидания, если его чувства действительно искренни. Тот, словно его выпустили из клетки на открытую арену, так энергично повел войну против Цезаря, что слезы, которые он обронил при прощании, были, очевидно, слезами радости. Многие легаты, друзья, центурионы и солдаты Цезаря радовались случившемуся, именно тому, что над чрезмерной добротой Цезаря насмеялся лукавый мальчик, словно Цезарь в данном случае действовал только под влиянием доброты, а не из высших практических соображений.

25. Получив теперь вождя, александрийцы стали, однако, замечать, что ни сами они не сделались сильнее, ни римляне слабее; кроме того, к их великому огорчению, солдаты начали издеваться над юностью и слабостью царя. Убеждаясь в безуспешности всех своих действий и ввиду возникающих слухов, что к Цезарю идут сухим путем сильные подкрепления из Сирии и Киликии (о чем, однако, сам Цезарь еще не слышал), они решили перехватить провиант, который шел морем к римлянам. Поэтому, расставив на карауле у Канопы в удобных местах готовые к плаванью суда, они подстерегали наших и их транспорт. Как только об этом дали знать Цезарю, он приказал изготовить и снарядить весь флот, а командование над ним поручил Тиберию Нерону. В этой эскадре были и родосские корабли под командой Эвфранора, без которого не обходилось ни одно морское сражение и ни одно не оканчивалось с малым успехом. Но судьба, которая обыкновенно приберегает для взысканных ее милостями более суровые удары, на этот раз сопутствовала Эвфранору совсем не так, как в прежние времена. А именно, когда корабли дошли до Канопы и оба флота, выстроившись, вступили в бой, Эвфранор, по своему обыкновению, первый завязал сражение, причем протаранил и пустил ко дну неприятельскую

квадрирему. Но когда он погнался слишком далеко за другой, а остальные корабли недостаточно быстро за ним последовали, то его окружили александрийцы. Помощи ему не подал никто — может быть, потому, что ввиду его храбрости и счастья считали его самого достаточно сильным, а может быть, и потому, что боялись за себя. Таким образом, тот, кто один из всех в этом сражении отличился, тот один и погиб со своей победоносной квадриремой.

26. Еще в самом начале Александрийской войны Цезарь послал за подкреплениями в Сирию и Киликию Митридата из Пергама. Последний принадлежал у себя на родине к высшей знати, известен был знанием военного дела и мужеством и в качестве друга Цезаря пользовался его доверием и занимал видное положение. Полная симпатия азиатских общин и личная энергия Митридата позволила ему быстро организовать большие силы, с которыми он и достиг Пелусия сухим путем, соединяющим Египет с Сирией. Этот город был занят сильным гарнизоном Ахиллы, что объясняется важностью местоположения (весь Египет считают как бы запертым на замок против нападений с моря Фаросом, а с суши Пелусием). Но Митридат внезапно окружил город большим войском и, несмотря на упорное сопротивление осажденных, взял его штурмом в первый же день, благодаря многочисленности своего войска, позволявшей заменять раненых и уставших солдат свежими силами а также вследствие упорства и настойчивости, с которой он вел осаду. Оставив там свой гарнизон, он поспешил после этого удачного дела в Александрию на соединение с Цезарем. Все местности, лежавшие на его пути, он покорил и принудил к союзу с Цезарем, опираясь на авторитет, который обыкновенно сопутствует победителю.

27. Не очень далеко от Александрии находится самая известная в той области местность, так называемая Дельта, получившая свое имя от сходной греческой буквы. Именно одна

часть реки Нила пошла двумя путями: постепенно образуя в середине между двумя рукавами все большее и большее пространство, она вливается у берега в море в двух очень далеко отстоящих друг от друга пунктах. Так как царь узнал, что Митридат приближается к этому месту и должен переходить через реку, то он послал против него большие силы, которые, по его убеждению, должны были одолеть и уничтожить Митридата или во всяком случае задержать его. Но хотя он предпочитал полную победу над Митридатом, для него, однако, было уже достаточно отрезать Митридата от Цезаря и остановить его. Те передовые части, которым удалось перейти через реку у Дельты и двинуться навстречу Митридату, завязали сражение, спеша предвосхитить участие в победе у тех, которые следовали за ними. Митридат, благоразумно окруживший свой лагерь, по нашей системе, валом, выдержал их натиск, а когда заметил, что они стали неосторожно и дерзко подходить к его укреплениям, то сделал отовсюду вылазку и уничтожил большое число нападающих. И если бы остальные не нашли себе помощи в знании местности и частично не укрылись на своих транспортных кораблях, то и они были бы совершенно истреблены. Но как только они оправились от этого страха, то, соединившись с теми, которые шли за ними следом, они снова начали осаждать Митридата.

28. Тогда Митридат послал к Цезарю гонца с известием о происшедшем. О том же самом узнал от своих и царь. Таким образом, почти одновременно царь отправился для уничтожения Митридата, а Цезарь на соединение с ним. Царь воспользовался более коротким водным путем по реке Нилу, где у него стоял наготове большой флот. Цезарь, избегая сражения на реке, не захотел воспользоваться этим путем, но проехал кругом по тому морю, которое, как мы выше указали, считается принадлежащим к африканской земле. Все-таки он встретился с боевыми силами царя прежде, чем последний

мог напасть на Митридата, и соединился с Митридатом, который как победитель совершенно не имел потерь. Царь стоял со своим войском на позиции, укрепленной от природы: она лежала высоко над всей окрестной долиной (которая повсюду шла под ней) и была различным образом прикрыта с трех сторон: один бок примыкал к реке Нилу, другой поднимался высоко вверх и образовывал часть лагеря, третий был окружен болотом.

29. Между лагерем и дорогой, которой шел Цезарь, была узкая река с очень высокими берегами¹⁵, впадавшая в Нил и находившаяся от царского лагеря приблизительно в семи милях. Когда царь узнал, что Цезарь идет этим путем, он послал к этой реке всю конницу и отборных пехотинцев в боевой готовности, чтобы помешать Цезарю переправиться через реку и начать с ее берегов бой издали, невыгодный для неприятеля, так как храбрость не могла тогда иметь никакого успеха, а трусость не подвергалась никакой опасности. Наши солдаты и всадники были очень огорчены тем, что им слишком долго приходится вести с александрийцами борьбу, для обеих сторон безрезультатную. И вот часть германских всадников, рассеявшись на поиски брода на реке, переплыла ее там, где берега были ниже; одновременно с ними легионеры срубили большие деревья, длины которых хватало от берега до берега, спустили их в реку, поспешно засыпали и по ним перешли на другой берег. Неприятели до того испугались их атаки, что стали искать спасения в бегстве. Но это было напрасно: лишь немногие из бежавших спаслись к царю, а почти вся остальная масса была перебита.

30. После этого блестящего дела Цезарь решил нагнать страху на александрийцев самой внезапностью своего приближения и тотчас же после победы двинулся против лагеря

¹⁵ Боковой канал.

царя. Но ввиду того, что лагерь был укреплен сильными верками и валом, а также самым местоположением, а вал был занят густыми массами вооруженных людей, Цезарь не захотел немедленно вести на штурм своих утомленных походом и боем солдат и разбил свой лагерь на некотором расстоянии от неприятеля. На следующий день он двинулся со всеми силами в атаку и взял тот форт, который царь укрепил в ближайшем к своему лагерю селении, и с целью удержания этого селения соединил его боковыми шанцами с лагерными верками. Конечно, этого результата нетрудно было бы достигнуть и при меньшем числе солдат, но главной целью Цезаря было воспользоваться вслед за победой паникой александрийцев и немедленно двинуться на штурм царского лагеря. Таким образом, наши солдаты тем же беглым маршем, которым они преследовали бегущих александрийцев от форта до лагеря, подошли к лагерным укреплениям и начали ожесточенный бой издали. Приступить к штурму они могли с двух сторон: там, где, как я указал, был свободный подход к лагерю, и, во-вторых, там, где между лагерем и рекой Нилом был небольшой промежуток. Ту сторону, где подход был наиболее легким, защищали главные, и притом отборные, александрийские силы; равным образом и оборонявшиеся в районе реки Нила с полным успехом отбивались от наших и наносили им большие потери, так как обстреливали нас с двух противоположных сторон — по фронту с лагерного вала, а в тылу со стороны реки, на которой стояло много их кораблей с пращниками и стрелками, бывшими в наших.

31. Цезарь видел, что его солдаты сражались как нельзя более храбро и все-таки дело мало подвигалось вперед вследствие топографических затруднений. Но вот он заметил, что самый высокий пункт лагеря оставлен александрийцами, ибо он представлялся им вполне защищенным от природы, и его защитники быстро сбежали вниз к месту сражения из желания

принять участие в битве, а отчасти из любопытства. Тогда он приказал трем когортам под командой Карфулена, отличавшегося своей храбростью и знанием военного дела, обойти лагерь и атаковать тот высокий пункт. Когда наши солдаты появились там и вступили в ожесточенный бой с немногими защитниками укрепления, то александрийцы, уstraшенные криком и атакой с двух противоположных сторон, стали суетливо бегать по лагерю во всех направлениях. Это замешательство неприятелей до такой степени возбудило боевой пыл у наших, что они со всех сторон пошли в атаку; между тем, передовые отряды уже занимали самый высокий пункт лагеря и, сбега оттуда, перебили множество врагов в лагере. Большая часть александрийцев, опасаясь от них, толпами бросилась вниз с вала в ту часть лагеря, которая примыкала к реке. Передав своей массой в самом рву укрепления первых из спасавшихся, остальные облегчили этим себе бегство. Известно, что царь также бежал из лагеря и спасся на один корабль; но последний затонул вместе с царем от множества людей, старавшихся доплыть до ближайших судов.

32. Воодушевленный этой необыкновенно счастливой и скорой победой, Цезарь с конницей поспешил ближайшим сухим путем в Александрию и победоносно вступил в ту часть города, которую занимали военные силы неприятеля. И он не обманулся в своем предположении, что враги при известии об этой победе перестанут думать о войне. Таким образом, он получил при своем приходе заслуженную награду за свою доблесть и мужество; все городское население положило оружие и оставило укрепления, надело те одежды, в которых молящие обыкновенно просят своих повелителей о милости, вышло навстречу Цезарю со всеми святынями, святостью которых они обыкновенно замаливали гнев и раздражение своих царей, и сдалось. Приняв их на капитуляцию, Цезарь успокоил их словами утешения и прошел через неприятельские

укрепления в свою часть города, встреченный там громкими поздравлениями со стороны своих людей, которые радовались не только благополучному исходу войны и решительного сражения, но и его столь счастливому прибытию.

33. Овладев Египтом и Александрией, Цезарь возвел на царский престол тех, кого назначил в своем завещании Птолемей, заклинавший римский народ не изменять его воли. Так как старший из обоих мальчиков погиб, то Цезарь передал царскую власть младшему и старшей из двух дочерей, Клеопатре, которая сохранила верность ему и всегда оставалась в его ставке, а младшую — Арсиною, от имени которой, как мы указали, долго и с необузданностью деспота управлял царством Ганимед, он решил низложить, чтобы мятежные люди не возбудили снова распрей и раздоров, прежде чем успеет укрепиться власть новых царей. Взяв с собой 6-й легион, состоявший из ветеранов, он оставил в Александрии все прочие, чтобы новые цари укрепили этим свою власть, ибо они не могли обладать ни любовью своих подданных, как верные приверженцы Цезаря, ни упрочившимся авторитетом, как возведенные на трон: несколько дней тому назад. Вместе с тем он считал вполне согласным с достоинством римской власти и с государственной пользой — защищать нашей военной силой царей, сохраняющих верность нам, а в случае их неблагодарности той же военной силой карать их. Покончив со всеми делами и устроив их указанным образом, он отправился сам сухим путем в Сирию.

34. Таковы были события, происшедшие в Египте. Тем временем к Домицию Кальвину, которому Цезарь поручил управление Азией и соседними провинциями¹⁶, прибыл царь

¹⁶ О Домиции Кальвине см. Be11. Civ., III, 34, 36, 37, 38, 78, 89. Имеются в виду Малая Азия до Галатии и Писидийских гор, Вифиния, Пафлагония, Понт и Киликия.

Дейотар¹⁷ с просьбой не давать Фарнаку¹⁸ занимать и опустошать его царство, Малую Армению¹⁹, и царство Ариобарзана²⁰, Каппадокию: *если они не будут избавлены от этого бедствия, они не в состоянии будут исполнить предъявленные к ним требования и уплатить обещанные Цезарю деньги*. Домиций не только находил, что эти деньги необходимы для покрытия военных расходов, но и считал позором для римского народа, для победителя Г. Цезаря и для себя, чтобы царство союзников и друзей его захватывал чужой царь. Поэтому он немедленно послал гонцов к Фарнаку с требованием очистить Армению и Каппадокию и не пользоваться гражданской войной для посягательства на права и величество римского народа. Полагая, что это заявление будет иметь большую силу, если он лично подойдет с войском к этим областям, он отправился к легионам и один из них, 36-й, взял с собой, а два других послал в Египет к Цезарю по его письменному требованию; из последних один не успел во-время придти для участия в Александрийской войне, так как был послан сухим путем через Сирию. К 36-му легиону Гн. Домиций присоединил два легиона от Дейотара, который уже за несколько лет до этого образовал их, вооружив и обучив их по римскому образцу. У него же он взял сто всадников²¹ и столько же у

¹⁷ Бывший сторонник Помпея (Bell. Civ., III, 4) галатский тетрарх Дейотар после поражения его при Фарсале перешел к Цезарю.

¹⁸ Фарнак, сын Митридата Великого, возмутился в 63 году до н. э. против своего отца и довел его до гибели. Недовольный наградой Помпея, он решил во время междоусобных войн расширяться за счет соседей.

¹⁹ Малая Армения была присуждена Дейотару сенатом с царским титулом.

²⁰ Ариобарзан — сторонник Цезаря.

²¹ В рукописях дана слишком малая цифра для конницы (100 чел.).

Ариобарзана. Затем он послал П. Сестия к квестору Г. Плеторию — привести легион, составленный из спешно набранных в Понте солдат, а Кв. Патисия — в Каликию за вспомогательными войсками. Все эти боевые силы скоро собрались по приказу Домиция в Команах²².

35. Тем временем послы принесли от Фарнака следующий ответ: *Каппадокию он очистил, но Армению, на которую он по отцу должен иметь право, занял; однако дело об этом царстве в конце концов следует целиком передать на усмотрение Цезаря, и его решению он готов подчиниться*. Но Домиций видел, что Фарнак очистил Каппадокию не по доброй воле, а по принуждению: ему легче было защищать близкую к своему царству Армению, чем отдаленную Каппадокию, и, кроме того, он думал, что Домиций придет со всеми тремя легионами; но стоило ему услышать, что два из них посланы к Цезарю, как он осмелел и утвердился в Армении. Ввиду этого, Домиций стал настаивать на очищении Армении: *в правовом положении Армении и Каппадокии нет разницы; требование Фарнака, чтобы дело это во всей неприкосновенности отложено было до прихода Цезаря, незаконно: неприкосновенным надо считать то, что остается в том же положении, в каком оно было раньше*. Дав этот ответ, Домиций двинулся с вышеуказанными войсками в Армению и пошел по горам, ибо от Понта у Коман идет вплоть до Малой Армении высокий лесистый хребет, отделяющий Каппадокию от Армении²³. Этот маршрут представлял известные выгоды, так как в местах возвышенных не могло быть никакой внезапной неприятельской атаки, и,

²² Разумеются Команы Понтийские в противоположность нижеупоминаемым Каппадокийским (гл. 66).

²³ Неточно, ибо горная гряда, тянущаяся от Коман до Никополя, лежит значительно севернее границы между Малой Арменией и Каппадокией.

кроме того, лежащая у подножья хребта Каппадокия могла в изобилии поставлять провиант.

36. Тем временем Фарнак отправлял к Домицию одно посольство за другим с ходатайством о мире и с дарами от царя Домицию. Домиций с твердостью отвергал их и отвечал, что для него всегда будет самым священным долгом восстановление престижа римского народа и царства его союзников. После долгого и безостановочного похода он достиг Никополь²⁴ в Малой Армении. Этот город стоит на равнине, но с двух сторон окружен противолежащими высокими горами, довольно далеко от него отстоящими. Приблизительно в семи милях от Никополя Домиций разбил свой лагерь. Так как от лагеря шел к городу трудный и узкий перевал, то Фарнак расположил в засаде отборных пехотинцев и почти всю конницу, а также приказал пустить в это ущелье большое количество скота; здесь же должны были часто показываться поселяне и горожане. Расчет Фарнака был таков: если Домиций будет проходить через это ущелье с дружественными намерениями, тогда он никоим образом не заподозрит засады: он будет видеть на полях скот и людей, точно при приходе друзей; но если он пойдет с враждебными намерениями, точно в неприятельскую страну, тогда его солдаты рассеются на поиски добычи, и их легко будет перебить поодиночке.

37. При всем том Фарнак продолжал непрерывно отправлять послов к Домицию с предложением мира и дружбы в полной уверенности, что именно этим путем особенно легко будет обмануть его. Но как раз, наоборот, надежда на мир оказалась для Домиция основанием не покидать своего лагеря. Тогда Фарнак, потеряв на ближайшее время удобный случай, стал бояться, как бы его засада не сделалась извест-

²⁴ Никополь («город победы») в Малой Армении был основан в 63 году Помпеем в память о победе над Митридатом.

ной, и отозвал своих людей назад в лагерь. Ввиду этого Домиций подошел на следующий день ближе к Никополю и разбил лагерь против самого города. В то время как наши занимались его укреплением, Фарнак выстроил свое войско по своей собственной системе²⁵: его фронт образовал простую прямую линию, а на флангах был подкреплён тремя линиями резервов; точно так же и за центром шли простыми и прямыми рядами три резервных линии с промежутками направо и налево. Выстроив часть войска перед валом, Домиций тем временем окончил начатые лагерные укрепления.

38. В следующую ночь Фарнак перехватил курьеров с письмом Цезаря к Домицию о положении дел в Александрии. Из него он узнал, что Цезарь находится в большой опасности и требует от Домиция скорейшей присылки подкреплений, равно и того, чтобы Домиций сам лично двинулся через Сирию к Александрии. Теперь Фарнак считал победой уже самую возможность выиграть время, ввиду того что Домиций поневоле должен скоро уйти. И вот он провел от города — там, где, по его наблюдениям, для наших всего легче было подойти и дать при наиболее выгодных условиях сражение, — два прямых рва глубиной в четыре фута на совсем небольшом расстоянии друг от друга; они были доведены до того пункта, дальше которого он решил не доводить своей боевой линии. Между этими двумя рвами он всегда выстраивал свою пехоту, а всю конницу ставил на флангах вне рва: она была гораздо многочисленнее нашей и только благодаря этому могла быть полезной.

39. Домиций был более обеспокоен опасностью, грозившей Цезарю, чем своей собственной. Не рассчитывая вполне безопасно уйти в случае, если ему придется самому просить

²⁵ По Стоффелю, войско Фарнака было расположено в таком порядке: .

условий, им же отвергнутых, или же уходить без причины²⁶, он вывел из своего близкого к городу лагеря войско в полном боевом порядке. 36-й легион был у него на правом фланге, понтийский на левом, легионы Дейотара в центре, причем для них была оставлена только небольшая полоса по фронту с очень узкими промежутками. Остальные когорты образовали резерв. Так были построены оба войска к началу сражения.

40. По сигналу, данному обеими сторонами почти одновременно, войска сблизились, и начался ожесточенный бой, проходивший с переменным успехом. Именно 36-й легион, атаковавший стоявшую вне рва царскую конницу, повел бой так удачно, что подошел к самым городским стенам, перешел через ров и напал на врагов с тылу. Но стоявший на другом фланге понтийский легион несколько подался перед неприятелями назад и тем не менее сделал попытку обойти ров и переправиться через него, чтобы напасть на незащищенный неприятельский фланг; однако при самом переходе через ров он был осыпан неприятельскими снарядами и уничтожен. Легионы же Дейотара с трудом выдержали атаку. Таким образом, победившие войска царя обратились своим правым флангом и центром против 36-го легиона. Тем не менее он храбро выдержал атаку победителей и, хотя был окружен большими неприятельскими силами, сражался с редким присутствием духа, после чего отступил, построившись в каре, к подножью гор. Вследствие неудобства местности Фарнак не пожелал преследовать его до этого пункта. Таким образом, понтийский легион почти весь погиб, из солдат Дейотара была перебита значительная часть, и только 36-й легион отступил на высоты, потеряв не более двухсот пятидесяти человек. В этом сражении пало несколько знатных и известных римлян из числа римских всадников. Несмотря на это пора-

²⁶ Шнейдер предлагает *vm. sine causa* читать *infecta re*.

жение, Домиций собрал остатки рассеянного войска и отступил безопасными путями через Каппадокию в Азию.

41. Увлеченный своим успехом и ожидая, что с Цезарем случится то, чего он для него хотел, Фарнак захватил всеми своими войсками Понт. Там он вел себя, как победитель и жестокий тиран, поставивший себе целью укрепить за собой высокое положение своего отца, — только с большею удачею: он взял с бою много городов и разграбил достояние римских и понтийских граждан; тех, кто были привлекательны своей красотой и юностью, он подверг таким наказаниям, которые бедственнее самой смерти. Вообще никто против него не защищался, и он занимал Понт, хвастаясь, что вернул себе отцовское царство.

42. Около этого же времени Цезаря постигло несчастье и в Иллирии. Эта провинция была в предыдущие месяцы занята не только без позора, но и со славой. Хотя она отнюдь не имела запасов для содержания целых армий и была в конец опустошена происходившей по соседству войной и внутренними раздорами, однако, посланный туда летом с двумя легионами и с полномочиями претора квестор Цезаря Кв. Корнифиций своими благоразумными действиями и бдительностью не только занял, но и защитил ее — особенно тем, что всячески избегал каких-либо опрометчивых движений вперед. Именно он завоевал много крепостей, лежащих на высоких местах, выгодное положение которых соблазняло их обитателей спускаться вниз для нападений, и отдал их в добычу своим солдатам. Хотя добыча эта при совершенно безнадежном состоянии провинции была мала, однако она была приятна солдатам особенно потому, что была приобретена их храбростью. Кроме того, когда Октавий, бежавший после сражения при Фарсале²⁷ с большим флотом, направился в этот залив, то

²⁷ См. об Октавии Bell. Civ., III, 5 и 9.

Корнифиций при помощи немногих кораблей ядертинов, которые всегда сохраняли исключительную верность нашему государству, рассеял Октавиевы корабли и овладел ими. С присоединением этих взятых в плен судов к судам союзников он мог отважиться даже на морское сражение. Цезарь, победоносно преследуя на другом конце света Гн. Помпея, услышал, что многие из его противников собрали после поражения остатки своих войск и устремились в Иллирию вследствие ее соседства с Македонией. Тогда он послал к Габинию²⁸ письменный приказ двинуться с недавно набранными легионами новобранцев в Иллирию на соединение с Кв. Корнифицием и защищать эту провинцию от могущих приключиться опасностей, а если ее можно охранять небольшими силами, то привести легионы в Македонию. Цезарь был убежден, что пока жив Помпей, весь этот край снова поднимет войну.

43. Габиний прибыл в Иллирию в трудное время года — зимою. Думал ли он, что провинция довольно богата, приписывал ли многое счастью Цезаря, или полагался на свою собственную доблесть и опытность, благодаря которой он часто выходил невредимым из военных опасностей и в качестве самостоятельного вождя с успехом вел важные операции, — как бы то ни было, провинция, отчасти опустошенная, отчасти неверная, помочь ему не могла, да и сам он не был в состоянии подвозить к себе продовольствие морем, которое было недоступно для него из-за бурь. Таким образом, стесненный большими затруднениями, он вел войну не так, как хотел, но так, как был вынужден. И поневоле ему приходилось в очень суровую погоду завоевывать крепости или города из-за нужды в провианте, причем он часто терпел поражения, а варвары настолько стали презирать его, что принудили его принять бой на походе во время его отступления в приморский город

²⁸ См. о Габинии выше.

Салону, в котором жили очень храбрые и верные римские граждане. Потеряв в этом сражении более двух тысяч солдат, тридцать восемь центурионов и четырех трибунов, Габиний с остальными силами отступил в Салоны и там, изнемогая от всякого рода затруднений и нужды, через несколько месяцев умер от болезни. Его несчастья при жизни и внезапная смерть внушили Октавию большую надежду на овладение провинцией. Но столь могущественная на войне судьба, распорядительность Корнифиция и доблесть Ватиния не дали ему долго наслаждаться счастьем.

44. Ватиния, который в то время был в Брундисии²⁹ и узнал о происшествиях в Иллирии, Корнифиций часто приглашал в своих письмах подать помощь провинции. Вместе с тем Ватиний слышал и о том, что М. Октавий заключил с варварами договоры и во многих местах делает нападения на наши гарнизоны, частью сам со своим флотом с моря, частью на суше, употребляя для этого отряды варваров. Хотя Ватиний был очень болен и его физические силы не были на уровне его воодушевления, однако, силою воли он победил физическую слабость и затруднения, связанные с зимним временем и спешными приготовлениями к военным действиям. Так как у него самого было мало в гавани военных судов, то он послал в Ахайю письмо к Кв. Калену³⁰ с просьбой прислать ему эскадру. Но это дело шло медленнее, чем того требовало опасное положение наших солдат, которые не были в состоянии выдержать нападение Октавия. Тогда Ватиний прикрепил носы к своим довольно многочисленным, но по размеру не совсем подходящим для морского сражения весельным судам. Присоединив их к военным кораблям и тем увеличив свой флот, он посадил на него ветеранов, которые

²⁹ См. о Ватинии Bell. Civ., III, 100.

³⁰ См. о Калене Bell. Civ., III, 56.

во время переправы армии в Грецию были оставлены в большом количестве из всех легионов в Брундисии для лечения, и двинулся в Иллирию. Некоторые города, которые отложились от нас и отдались Октавию, он завоевывал, если же они были упорны в своем решении, то он обходил их, и вообще ничем себя не связывал и нигде не задерживался, но со всей возможной быстротой преследовал самого Октавия. Когда последний осаждал с суши и с моря Эпидавр, где был наш гарнизон, Ватиний своим приходом заставил его снять осаду и выручил наш гарнизон.

45. Когда Октавий узнал, что эскадра Ватиния состоит, в значительной степени, из весельных судов, то, полагаясь на свой флот, он стал у острова Тавриды. В этом направлении крейсировал и преследовавший его Ватиний. Он, впрочем не знал, что Октавий стоит там, но вообще решил продолжать погоню за ним по мере его продвижения вперед. При приближении к Тавриде корабли Ватиния рассеялись от бурной погоды, а также и потому, что не подозревали близости неприятеля. Но вдруг Ватиний заметил, что против него идет корабль с военным экипажем и со спущенными до середины мачты реями. Тогда он немедленно приказал подтянуть паруса, спустить реи и взяться за оружие, затем поднял знамя и этим дал сигнал шедшим непосредственно за ним кораблям делать то же самое. Ватинианцы начали готовиться к бою, будучи застигнуты врасплох, а Октавиевы корабли в полной готовности один за другим стали выходить из гавани. Обе боевые линии выстроились. В эскадре Октавия было больше стройности, в эскадре Ватиния — больше воодушевления.

46. Хотя Ватиний видел, что ни величиной ни числом своих судов он не может помериться с врагом, он предпочел пойти на риск, приняв сражение. Поэтому он первый с своей квинкверемой атаковал квадрирему самого Октавия. Когда тот с большой быстротой и храбростью пошел на веслах про-

тив него, то их корабли так сильно столкнулись нос с носом, что корабль Октавия был зацеплен носом Ватиниева корабля, вонзившимся в его деревянный корпус. С обеих сторон в разных местах завязался ожесточенный бой, но главные атаки направлялись на суда вождей: так как каждый корабль пытался подать помощь своему главнокомандующему, то на очень узком пространстве разыгралось большое рукопашное сражение. И чем больше удавалось сражаться при тесном соприкосновении кораблей, тем больше брали верх солдаты Ватиния: с изумительной храбростью, без всякого колебания они перепрыгивали со своих кораблей на корабли врагов и, далеко превосходя их храбростью в рукопашном бою, сражались очень удачно. Квадрирема самого Октавия была пущена ко дну; кроме того, многие суда были взяты или пробиты носами и потоплены; флотские солдаты Октавия были частью перебиты на кораблях, частью сброшены в море. Сам Октавий спасся на лодку, но так как на нее устремилось в бегстве много народа, то она затонула; он был при этом ранен, но все-таки доплыл до своего капера, который и принял его; а затем, когда ночь положила конец сражению, Октавий бежал на парусах при большой буре. За ним последовало несколько его кораблей, случайно спасшихся от гибели.

47. Ватиний после победы дал сигнал к отступлению и без всяких потерь победоносно вернулся в ту гавань, из которой вышел на сражение флот Октавия. В этом сражении он взял одну квинкверему, две триремы, восемь двухвесельных галер и много Октавиевых гребцов. Употребив там один день на починку своих и взятых в плен судов, он направился на третий день к острову Иссе в уверенности, что туда бежал Октавий. На нем был самый известный в тех местах и притом очень преданный Октавию город Исса. Как только Ватиний прибыл туда, горожане покорно сдались ему, и он узнал, что сам Октавий с небольшим количеством малых судов ушел

при попутном ветре по направлению к Греции, чтобы оттуда направиться в Сицилию, а затем в Африку. Таким образом, за короткое время Ватиний одержал блестящую победу, снова занял провинцию и вернул ее Корнифицию, совсем прогнал из этого залива неприятельский флот и теперь победоносно вернулся в Брундисий, не понеся потерь ни в войске, ни во флоте.

48. За все то время, в течение которого Цезарь осаждал под Диррахием Помпея, счастливо воевал под Палеофарсалом, а в сражениях под Александрией подвергался большой опасности, которую молва еще более преувеличивала, в Испании был пропретором с поручением удержать дальнюю провинцию Кв. Кассий Лонгин³¹. Зависело ли это от его характера вообще или же от того, что он возненавидел эту провинцию еще со времен своей квестуры³², когда был там ранен из-за угла, во всяком случае он только усилил всеобщую ненависть к себе, в которой его убеждало уже его собственное сознание (он, конечно, понимал, что провинция отвечает ему такими же чувствами), а также многие косвенные и прямые доказательства враждебности со стороны таких людей, которые с трудом скрывают свою ненависть. За это дурное отношение к себе провинции Кассий стремился вознаградить себя любовью армии. И вот, как только он собрал ее в одно место, он обещал солдатам по сто сестерциев, и, действительно, немного спустя, когда он завоевал в Луситании город Медобригу и Герминийские горы, куда бежали жители Медобриги, он был провозглашен императором и выдал эти

³¹ О Кв. Кассии см. Bell. Civ. I, 2; II, 21. Его политика в Испании принесла много вреда делу Цезаря, что особенно сказалось на второй Испанской войне, которую он вел с сыновьями Помпея.

³² Кв. Кассий был в Испании квестором Помпея в 54—50 годах до н. э. Перейдя на сторону Цезаря, он проделал с ним поход в Испанию против легатов Помпея (Bell. Civ., 11,21).

деньги солдатам. Но и помимо этого он давал отдельным лицам много больших наград. Хотя эти награды создавали на время красивую иллюзию любви к нему войска, они, с другой стороны, мало-помалу и незаметно ослабляли строгость военной дисциплины.

49. Разместив легионы по зимним квартирам, он отправился для участия в судоговорении в Кордубу. Так как у него были там большие долги³³, то он решил выплатить их путем чрезвычайно тяжкого обложения провинции. Как вообще бывает при щедрых денежных раздачах, раздающий должен изобретать возможно больше денежных источников, чтобы придать блеск своей щедрости. Денежные суммы взыскивались с людей зажиточных, и Кассий не только позволял, но даже принуждал выплачивать их ему лично. Но в число зажиточных включались для виду и бедные, и вообще дом и трибунал императора не упускал и не чуждался ни одного вида корысти — большой и очевидной, самой малой и грязной. Вообще всех без исключения, кто только способен был на какие-либо материальные жертвы, или обязывали являться на суд, или заносили в список подсудимых. Таким образом, к этим жертвам и ущербу имущества присоединялась большая тревога за исход опасного судебного процесса.

50. Так как Лонгин в качестве императора делал то же, что делал раньше в качестве квестора, то в конце концов жители провинции стали снова задумывать покушение на его жизнь. Их ненависть усиливали также некоторые из приближенных Кассия: занимаясь вместе с ним грабежами, они тем не менее ненавидели того, именем которого они совершали преступления, и то, что им удавалось похитить, присваивали себе³⁴,

³³ Шнейдер указывает на порчу текста в словах *in ea*.

³⁴ Эти финансовые операции изложены в дошедшем до нас тексте не совсем ясно.

а то, что ускользало из их рук или в чем им отказывали, приписывали Кассию. Он набирает новый легион, 5-й. И самый набор и новые расходы на этот легион только увеличивают ненависть к Кассию. Составляется конница в три тысячи человек, и ее снаряжение требует больших расходов. Вообще провинция не получает никакой передышки.

51. Тем временем Кассий получил письмо от Цезаря с приказом переправить войско в Африку и идти через Мавретанию к границам Нумидии, так как Юба послал на помощь Гн. Помпею³⁵ большие силы, а предполагалось, что пошлет еще бóльшие. Это письмо привело Кассия в большой восторг, так как ему представлялся чрезвычайно благоприятный случай нажиться в новых провинциях и в богатейшем царстве. Поэтому он сам отправился в Луситанию за легионами и вспомогательными войсками и дал поручение надежным людям заготовить провиант и сто кораблей, наложить и распределить контрибуцию, чтобы по его возвращении не было для него никаких задержек. А возвращение это состоялось гораздо скорее, чем ожидали: у Кассия, особенно если он чего-либо добивался, было сколько угодно энергии и неутомимости.

52. Сосредоточив войско в одном месте и разбив лагерь у Кордубы, он сообщил солдатам на сходке о поручениях, полученных от Цезаря, и обещал им дать после переправы в Мавретанию по сто сестерциев. При этом 5-й легион должен был остаться в Испании. Прямо с этой сходки он отправился в Кордубу. Еще в тот же день, когда он шел после полудня в базилику, некто Минуций Силон, клиент Л. Рацилия, подал Кассию как солдат нечто вроде прошения, затем протеснился как бы за ответом сзади Рацилия, который сопровождал Кас-

³⁵ Собственно, Юба послал свои войска на помощь не самому Помпею, но помпеянкам, утвердившимся в Африке (Bell. Civ., II, 25).

сия и пропустил Минуция. Как только Кассий повернулся, Минуций охватил его левой рукой, а правой нанес ему два удара кинжалом. Когда поднялся крик, то все заговорщики напали сразу. Минуций Флакк пронзил мечом ближайшего ликтора и, убив его, ранил Кассиева легата, Кв. Кассия. Тогда Т. Васий и Л. Мерцеллон с такой же смелостью помогли своему земляку Флакку: все они были из Италики. А на самого Лонгина бросился Л. Лициний Сквилл и нанес несколько легких ран уже лежащему.

53. Тут сбегались на помощь Кассию; он обыкновенно держал при себе беронов³⁶ и несколько вооруженных добровольцев-ветеранов. Они изолировали остальных заговорщиков, спешивших принять участие в убийстве: в числе их были Кальпурний Сальвиан и Манилий Тускул. Минуций бежал, но был застигнут среди скал, бывших у него на дороге, и отведен к Кассию, которого отнесли домой. Рацилий скрылся в ближайший дом своего приятеля, чтобы выждать верного известия о том, прикончили ли Кассия. Л. Латеренсий, у которого не было в этом сомнений, радостно побежал в лагерь и поздравил солдат туземного и 2-го легионов, которые, по его сведениям, особенно ненавидели Кассия. Толпа подняла его на трибунал и провозгласила претором. Действительно, все без исключения, как те, которые родились в провинции, каковыми были, например, солдаты туземного легиона, так и те, которые от долгого житъя в ней уже сделались провинциалами (к числу таковых принадлежал 2-й легион)³⁷, были единоклупны со всей провинцией в своей ненависти к Кассию. Надо сказать, что легионы 30-й и 21-й были набраны несколько месяцев тому назад в Италии и переданы Цезарем Лонгину, а 5-й легион был лишь недавно образован в самой Испании.

³⁶ Кельтское племя к северу от Нуманции.

³⁷ 2-й легион стоял в Испании с 54 года до н. э.

54. Тем временем Латеренсий получил известие, что Кассий жив. Оно скорее огорчило, чем смутило его. Он быстро оправился и пошел проведать Кассия. При известии об этом 30-й легион идет с знаменами на Кордубу подать помощь своему императору. То же делает 21-й. За ними следует 5-й. В лагере оставалось только два легиона, и солдаты 2-го легиона, боясь остаться в одиночестве, по которому будут судить об их намерениях, последовали примеру упомянутых легионов. Но Туземный легион остался при своем решении, и никакой страх не мог сбить его с позиций.

55. Кассий приказал арестовать тех, которые были названы участниками в покушении на его убийство. 5-й легион он отправил назад в лагерь, а при себе удержал тридцать когорт. Из показания Минуция он узнал, что в том же заговоре участвовали Л. Рацилий, Л. Латеренсий и Анний Скапула, провинциал очень влиятельный, популярный у себя на родине и бывший столь же близким Кассию человеком, как Латеренсий и Рацилий. Не думая сдерживать своего раздражения, Кассий приказал немедленно казнить их. Минуция он отдал на пытку своим вольноотпущенникам, точно так же и Кальпурния Сальвиана, который заявил, что сделает показание, и оговорил еще большее число заговорщиков, — по мнению одних, согласно с истиной, а как жалуются другие, вынужденно. Той же мучительной пытке подвергнут был и Л. Мерцеллон. Сквилл назвал еще больше участников. Всех их, за исключением тех, которые откупились деньгами, Кассий приказал казнить. Между прочим, он открыто выговорил себе у Кальпурния шестьсот тысяч сестерциев, а у Кв. Сестия пятьсот тысяч. И хотя были наказаны наиболее виновные, но то, что в угоду деньгам Кассий забыл об опасности, которой подверглась его жизнь, и о боли от ран, показывало, до какой степени жестокость боролась в нем с корыстолюбием.

56. Через несколько дней³⁸ он получил от Цезаря письмо, из которого узнал, что Помпей потерпел полное поражение, потерял всю свою армию и бежал. Это доставило ему удовольствие, смешанное с огорчением: весть о победе вызывала радость, окончание войны отрезывало путь к произволу. Таким образом, он колебался, что ему предпочесть, — ничего не бояться или же все считать позволительным. Вылечившись от ран, он пригласил к себе всех тех, которые должны были платить ему деньги, и приказал зарегистрировать эти платежи; если же контрибуция казалась ему недостаточной, то он ее повышал. Он назначил также набор среди римских всадников. Набрав их из всех корпораций и колоний, он заметил, что они пугаются заморской военной службы, и стал приглашать их откупаться от этой повинности. Эта мера давала большие доходы, но порождала еще большую ненависть. После всего этого он произвел смотр всему войску. Легионы, которые он должен был вести в Африку, и все вспомогательные войска он послал к месту морской переправы, а сам отправился для осмотра изготавливаемого им флота в Гиспалис и пробыл там некоторое время, так как обнародовал перед этим по всей провинции эдикт, по которому к нему должны были явиться туда все неуспевшие внести наложенные на них денежные суммы. Этот вызов был встречен всеми с чрезвычайным смущением.

57. Тем временем Л. Титий³⁹, бывший тогда военным трибуном Туземного легиона, дал знать, что легион этот взбунтовался, перебил нескольких центурионов, противившихся его выступлению в поход, и ушел от 30-го легиона, который стоял лагерем у города Илипы и находился вместе с ним под

³⁸ Весть о победе под Фарнаком могла прибыть к Кассию дней через 20—25.

³⁹ Титий — испанец. (См. *Bell. Afr.*, 28).

командой Кассиева легата, Кв. Кассия. При этом восставший легион направился ко 2-му легиону, который шел к проливу другим путем. При этом известии Кассий выступил ночью с пятью когортами 21-го легиона и утром прибыл в Неву. Пробыв там один день для ознакомления с положением дела, он поспешил в Кармон. Когда сюда собрались 20-й и 21-й легионы, четыре когорты 5-го легиона и вся конница, он узнал здесь, что четыре когорты, захваченные солдатами Туземного легиона у Обукулы, вместе с ними пошли ко 2-му легиону: там все они соединились и выбрали себе в вожди Т. Тория из Италики. Быстро созвав военный совет, Кассий послал квестора М. Марцелла в Кордубу с поручением удержать ее в своей власти, а легата Кв. Кассия послал в Гиспалис. Через несколько дней к нему пришло известие, что кордубская корпорация отложила от него и что Марцелл то ли по доброй воле, то ли по принуждению, — об этом сообщалось различно, — примкнул к кордубцам; что две когорты 5-го легиона, стоявшие гарнизоном в Кордубе, поступили таким же образом. Раздраженный этим известием, Кассий снялся с лагеря и на следующий день достиг Сеговии у Сингилийской реки. Там на военной сходке он старался узнать настроение солдат и убедился, что они вполне ему верны (впрочем, не ради его самого, но ради отсутствующего Цезаря) и не намерены отказываться ни от какой опасности, лишь бы при их содействии эта провинция была закреплена за Цезарем.

58. Тем временем Торий привел в Кордубу старые легионы. Чтобы устранить мысль о том, что это восстание вызвано мятежными наклонностями солдат и его собственными, а также чтобы противопоставить Кассию, который казался благодаря имени Цезаря сильнее, столь же могущественный авторитет, он официально заявил, что желает возвратить эту провинцию Гн. Помпею. Может быть, он действительно делал это из ненависти к Цезарю и из любви к Помпею, имя которого имело большой вес у легионов, находившихся

прежде под командой М. Варрона. Но вообще всякий мог делать свои собственные догадки о том, каковы были намерения Тория; во всяком случае, таково было его официальное заявление. Солдат сбивали с толку до такой степени, что они сами распорядились написать на своих щитах имя Помпея. Навстречу легионам вышли в большом количестве жители этого округа, и притом не только мужчины, но и женщины и подростки, с мольбой не нападать на Кордубу и не разграблять ее: *вместе со всеми другими они враждебны Кассию, но просят не вынуждать их к выступлению против Цезаря.*

59. Войско было тронуто слезными мольбами такого множества людей и видело, что для преследования Кассия вовсе нет надобности в имени и памяти Помпея, что Лонгин одинаково ненавистен всем — и цезарианцам и помпеянкам, — и что ни кордубскую корпорацию, ни М. Марцелла нельзя восстановить против дела Цезаря. Поэтому солдаты сорвали со щитов имя Помпея, а Марцелла, который заявлял о своем намерении защищать дело Цезаря, признали своим вождем и провозгласили претором; далее, они соединились с кордубцами и разбили лагерь у Кордубы. Через два дня после этого Кассий расположился лагерем по сю сторону Бетиса на возвышенности в виду города и послал письмо к царю Богуду⁴⁰ в Мавретанию и к проконсулу М. Лепиду⁴¹ в Ближнюю Испанию с просьбой поспешить в интересах Цезаря на помощь к нему и к провинции. Сам же он тем временем опустошил, точно неприятель, окрестности Кордубы и предал пламени усадьбы.

60. В негодовании на эти безобразия легионы, выбравшие себе вождем Марцелла, сбегались к нему с просьбой вести

⁴⁰ Мавретания разделялась на две части: в западной царствовал Богуд, в восточной — Бокх.

⁴¹ Будущий член второго триумvirата. Он же содействовал назначению Цезаря диктатором (Bell. Civ., II, 21).

их в бой и дать им возможность сразиться прежде, чем прекрасное и славное достояние кордубцев будет на их глазах столь возмутительно уничтожено грабежами, огнем и мечом. Марцелл считал военное столкновение великим несчастьем, так как Цезарь одинаково пострадал бы и в случае его победы и в случае его поражения; кроме того, подобный шаг не соответствовал бы его полномочиям. Как бы то ни было, он перевел легионы через Бетис и выстроил их в боевую линию. Но он видел, что Кассий построил войско перед своим лагерем на высоком месте, и под предлогом, что тот не желает спустаться на равнину, убедил солдат вернуться в лагерь. И вот, когда он начал отводить свои войска назад, Кассий напал на него со своей сильной конницей (в чем, как ему было известно, Марцелл был слаб) и во время его отсутствия перебил нескольких человек из его арьергарда на берегах реки. Так как эти потери показали, с какими неудобствами и затруднениями связан переход через реку, то Марцелл перенес свой лагерь на другой берег Бетиса, и оба они стали часто выводить свои войска в боевом порядке. Однако вследствие топографических трудностей дело пока не дошло до боя.

61. Марцелл был гораздо сильнее своею пехотою, так как его легионы состояли из ветеранов, приобретших во многих сражениях большую боевую опытность. Наоборот, Кассий полагался больше на преданность, чем на доблесть своих легионов. И вот, так как лагеря были разбиты поблизости один от другого и Марцелл занял удобную позицию форта, с которого можно было отрезать Кассиевых солдат от воды, то Лонгин, из боязни попасть в своего рода блокаду в чужих и враждебных ему местах, выступил ночью в полной тишине из лагеря и поспешил к городу Улии, который считал верным себе. Там он разбил свой лагерь так близко от стен, что и самое местоположение (Улия лежит на высокой горе) и укрепления города делали его со всех сторон безопасным от осады. Марцелл пошел следом за ним и постарался придви-

нуть свой лагерь по возможности к самой Улии и к лагерю врага. Познакомившись с характером местности, он увидал себя вынужденным к тому, чего и сам всячески желал: именно сражение оказалось невозможным (если бы случай к нему представился, то он не был бы в состоянии противиться своим раздраженным солдатам), но зато он пресекал далекие набеги Кассия и таким образом предохранял кордубцев от участи, постигшей другие общины. Он поставил на удобных пунктах редуты и, проведя вокруг города непрерывную линию шанцев, изолировал своими укреплениями Улию и Кассия. Но еще до окончания этих работ Лонгин выпустил из города всю свою конницу: он ждал от нее много пользы, если она будет мешать Марцеллу в добывании фуража и провианта; но она же была для него очень стеснительной в случае, если бы оказалась из-за блокады бесполезной и только переводила бы нужные для войска хлебные запасы.

62. Через несколько дней после получения письма от Кв. Кассия прибыл с подкреплениями царь Богуд и присоединил к тому легиону, который привел с собой, несколько вспомогательных испанских когорт. Ибо, как вообще бывает в гражданских раздорах, так и в те времена, некоторые испанские общины поддерживали Кассия, но большая часть сочувствовала Марцеллу. Богуд подступил со своими войсками к внешним укреплениям Марцелла. Обе стороны сражались горячо, и эти схватки происходили неоднократно, причем судьба давала победу то той, то другой стороне, но ни разу не удавалось выбить Марцелла из его укреплений.

63. Между тем из Ближней Провинции прибыл к Улии Лепид с тридцатью пятью легионными когортами, с большой конницей и со значительными иными вспомогательными отрядами, для того чтобы вполне беспристрастно уладить распри между Кассием и Марцеллом. Марцелл без всяких колебаний немедленно вверился Лепиду и предложил свои

услуги; наоборот, Кассий продолжал держаться в своих укреплениях: может быть, он полагал, что у него более прав, чем у Марцелла, а может быть, боялся, что его противник своей покорностью уже привлек на свою сторону Лепида. Лепид разбил лагерь под Улией и постоянно поддерживал связь с Марцеллом. Сражения были им запрещены: Кассия он просил оставить укрепления, с уверением, что ему обеспечена будет полная безопасность. Кассий долго колебался, что ему делать и насколько можно довериться Лепиду, но, не будучи в состоянии уяснить себе, к чему приведет его упорство, потребовал уничтожения шанцев и предоставления ему свободного выхода. Тогда было не только заключено перемирие, но, в сущности, был установлен почти полный мир: шанцы заравнивались, караулы с укреплений были уже отведены. Вдруг вспомогательные войска царя напали на ближайший к царскому лагерю редут Марцелла (этого никто не ожидал, если, впрочем, в числе не ожидавших был и Кассий, ибо относительно его соучастия было сомнение) и там перебили врасплох нескольких солдат. И если бы возмущенный Лепид не поспешил подать помощь и прервать сражение, то дело кончилось бы еще большей бедой.

64. Когда Кассию был открыт путь, то Марцелл и Лепид соединили свои лагеря и затем одновременно отправились со своими войсками в Кордубу, а Кассий отправился в Кармон. Около того же времени прибыл проконсул Требоний для управления провинцией. Как только Кассий узнал о его прибытии, он разместил бывшие с ним легионы и конницу по зимним квартирам, а сам поспешно захватил все свое имущество, поспешил в Малаку и там, несмотря на очень дурную для плаванья погоду, сел на корабль. По его собственному заявлению, он будто бы не хотел довериться Лепиду, Требонию и Марцеллу; по словам его друзей, ему неудобно было путешествовать с пошатнувшимся авторите-

том по провинции, значительная часть которой от него отпала; а по мнению всех остальных, он боялся, чтобы его отовсюду награбленные деньги не попали в руки кому-либо другому. Выхав в хорошую по зимнему времени погоду, он повернул в реку Ибер, чтобы не оставаться ночью в море. Хотя затем буря усилилась, он все-таки надеялся продолжать свое плавание без особой опасности и направился против бурных встречных волн у устья реки. Однако в самом устье, оказавшись не в состоянии ни поворачивать корабля, вследствие силы течения, ни держать его наперерез огромным волнам, он погиб вместе со своим затонувшим судном.

65. Итак, Цезарь прибыл из Египта в Сирию⁴². Здесь отчасти сообщения приезжих из Рима, отчасти письма, приходившие оттуда же, убеждали его в том, что в Риме управление во многих отношениях неудовлетворительно и приносит делу только вред: ни одна отрасль администрации не поставлена целесообразно, так как от агитации народных трибунов возникают губительные мятежи, а от интриг и нерачительности военных трибунов и командиров легионов многое делается вопреки военным нравам и обычаям и приводит к разложению строгой военной дисциплины⁴³. Он понимал, что все это требует его личного присутствия в Риме, но предпочел предварительно так устроить те провинции и местности, которые он имел в виду посетить, чтобы они освободились от внутренних раздоров, подчинились бы римским законам и управлению и перестали бы бояться внешних врагов. В Сирии, Киликии и Азии он надеялся осуществить это скоро, так как

⁴² Ср. гл. 33.

⁴³ Имеется в виду главным образом Антоний, которого Цезарь оставил своим заместителем в Риме; здесь намек на распущенность и своеволие Антония, а также и на то, что он не сумел справиться с восставшими Цезаревыми легионами.

эти провинции совершенно не страдали от войн, но в Вифинии в Понте⁴⁴ предстояло несомненно больше хлопот. Он слышал, что Фарнак не очистил Понта, да и не думал очистить, так как чрезвычайно возгордился от удачного сражения с Домицием Кальвином. Побывав почти во всех более значительных городах, Цезарь определил людям, оказавшим ему услуги, награды от имени государства и от себя лично, произвел расследования и вынес приговоры по прежним местным тяжбам; соседним с провинцией царям, тиранам и династам, которые все поспешили к нему, он обещал свое покровительство, возложив на них обязанность охранять и защищать провинцию, и они простились с ним, полные дружественных к нему и к римскому народу чувств.

66. Проведя несколько дней в этой провинции, он поручил власть над ней и над легионом своему другу и родственнику Сексту Цезарю⁴⁵, а сам с тем же флотом, с каким прибыл, отправился в Киликию. Представителей всех общин этой провинции он вызвал в Таре, самый известный и могущественный город во всей Киликии. Устроив там все дела провинции и соседних общин и желая поскорее выступить в поход, он не стал там задерживаться, но двинулся ускоренным маршем через Каппадокию и после двухдневной остановки в Мазаке достиг Коман с их древнейшим и самым священным во всей Каппадокии храмом Беллоны. Он столь свято почитается, что жрец этой богини по своему высокому сану, власти и влиянию в глазах этого народа занимает второе место вслед за царем. Этот сан Цезарь присудил знатнейшему вифинцу из каппадокийского царского рода, Ликомеду, возобновившему на него притязания с бесспорным

⁴⁴ Вифиния и Понт образовали с 62 года до н. э. одну провинцию.

⁴⁵ Секст Цезарь служил у Цезаря в первую Испанскую войну (Bell. Civ., II, 20).

правом, которое долгое время не могло быть осуществлено вследствие несчастья его предков и перемены династии. Брату Ариобарзана Ариарату (оба они оказали отличные услуги Римскому государству) он уступил часть Малой Армении, но подчинил его Ариобарзану, чтобы Ариарат не соблазнился мыслью получить это царство в наследство и в качестве престолонаследника не устрасал бы Ариобарзана. Затем он продолжал свой поход с той же быстротой.

67. Когда он подошел ближе к Понту и к границам Галлогреции, к нему прибыл Дейотар, бывший в то время тетрархом почти всей Галлогреции⁴⁶. Как доказывали остальные тетрархи, он, собственно, не имел на это права ни по законам, ни по традиции, но зато был бесспорным царем Малой Армении, так как получил этот титул от римского сената. Он явился без знаков царского сана и в одежде не только частного человека, но даже подсудимого — с покорной просьбой помиловать его за то, что, находясь в такой части света, в которой никогда не было Цезаревых гарнизонов, он был в лагере Гн. Помпея под давлением римских войск и их начальников: конечно, не его дело было выступать судьей в спорах, возникших в римском народе, но он должен был повиноваться наличным властям.

68. Цезарь, наоборот, сослался на свои многочисленные услуги, которые он оказывал Дейотару в свое консульство⁴⁷ в виде государственных постановлений, и изобличил неосновательность его защиты: *он не может допустить ссылки с его*

⁴⁶ Наследством Дейотара была тетрархия тагистобогиев, но он присвоил себе также тетрархию трогмов. Тетрархии и титул тетрарха были отменены Помпеем, но по инерции названия продолжали сохраняться.

⁴⁷ В свое консульство Цезарь содействовал утверждению распоряжений Помпея в Азии; Дейотар, бывший тетрархом, получил при этом титул царя.

стороны на незнание, так как человек, столь умный и осторожный, мог бы знать, кто владеет Римом и Италией, где сенат и народ римский, где республика, кто, наконец, консул после Л. Лентула и Г. Марцелла⁴⁸, однако, ввиду прежних своих благодеяний, ввиду старого гостеприимства и дружбы, высокого сана и почтенного возраста Дейотара, наконец, ввиду просьбы многочисленных его гостеприимцев, спешно съехавшихся сюда для ходатайства о его помиловании, он его прощает. Споры между тетрархами он обещал разобрать потом, а Дейотару вернул его царскую одежду. Но по-римски вооруженный и обученный легион, который был образован Дейотаром из местных жителей, а также всю конницу он приказал привести для участия в войне.

69. Цезарь прибыл в Понт и собрал все войска в одно место. Но они были и по своей численности, и по боевой опытности весьма посредственными, за исключением одного 6-го легиона из ветеранов, привезенного им из Александрии. Но и этот легион после долгих трудов и опасностей потерял много солдат в трудных походах и плаваниях, а также в частых сражениях, и так уменьшился в своем составе, что в нем оставалось менее тысячи человек. Из остальных трех легионов один был от Дейотара, а два участвовали в упомянутом нами сражении Гн. Домиция с Фарнаком. В это время к Цезарю прибыли послы от Фарнака и прежде всего просили о том, чтобы его приход не имел враждебного характера; Фарнак готов исполнить все его требования. Особенно они ссылались на то, что Фарнак всегда отказывал Помпею в посылке вспомогательных войск против Цезаря, между тем как Дейотар, который их посылал, все-таки оправдался.

70. Цезарь отвечал, что проявит полное беспристрастие по отношению к Фарнаку, если Фарнак действительно наме-

⁴⁸ После Лентула и Г. Марцелла консулами были (в 48 году) Цезарь и П. Сервий.

рен исполнить свои обещания. Но он предупредил послов в обычных мягких выражениях, чтобы они не ссылались на Дейотара и не слишком хвастались тем, что не посылали помощи Помпею. Прощение молящих о помиловании доставляет ему самое большое удовольствие, и все-таки даже тем, которые оказались по отношению к нему услужливыми, он не может простить обид, публично нанесенных провинциям. Мало того, та самая услуга, на которую они ссылаются, принесла больше пользы Фарнаку, который этим обезопасил себя от поражения, чем ему, которому даровали победу бессмертные боги. Великие и тяжкие насилия над римскими гражданами, торговавшими в Понте, он не в состоянии сделать несуществующими и потому прощает их Фарнаку, ибо он не может вернуть жизнь убитым и способность к деторождению кастрированным, — казнь, которая для римских граждан была тяжелее смерти. Но зато Фарнак должен немедленно очистить Понт, отпустить челядь откупщиков и возвратить римским союзникам и гражданам все, что еще осталось в его руках. Если он сделает это теперь же, то тогда пусть и присылает ему дары и подарки, которые полководцы после удачных сражений привыкли получать от своих друзей. Дело в том, что Фарнак прислал ему золотой венок. С таким ответом он отпустил послов.

71. Но Фарнак видел, что Цезарь всячески спешит отсюда и что для него важно как можно скорее и благовиднее отправиться по делам более неотложным: всем было хорошо известно, что весьма многие дела отзывали Цезаря в Рим. Поэтому он давал самые широкие обещания, в надежде, что Цезарь поверит им даже охотнее, чем позволяют обстоятельства. Сверх того, он стал действовать медленнее, заводил новые переговоры и вообще старался обмануть Цезаря. Но Цезарь понимал, что он хитрит, и по необходимости принял теперь то, что при других обстоятельствах делал по природной склонности, — именно, неожиданно для всех поспешил дать сражение.

72. В Понте есть город Зела. Хотя он лежит на равнине, но хорошо защищен своим местоположением: его стены опираются на естественный, но точно сделанный человеческими руками холм, со всех сторон крутой. Вокруг этого города находится много других высоких холмов, отделенных друг от друга глубокими долинами; один из этих холмов, самый высокий, который получил большую в той стороне известность вследствие победы Митридата, несчастья Триария⁴⁹ и поражения нашего войска в прежние времена, примыкает почти к самому городу и находится в трех милях от Зелы. Его-то и занял всеми своими силами Фарнак и восстановил все старые лагерные укрепления, принесшие великое счастье его отцу.

73. Цезарь, разбив свой лагерь в пяти милях от неприятеля, заметил, что долины, защищающие царский лагерь, при одинаковом расстоянии могли бы служить прикрытием и для его лагеря, если только враги первые не займут тех мест, которые были гораздо ближе к лагерю царя. Тогда он приказал сносить материалы для насыпи в свои лагерные укрепления. Материал был скоро снесен, и в четвертую стражу следующей ночи Цезарь приготовил к бою все свои легионы, оставил в лагере обоз и на рассвете, неожиданно для врагов, занял именно то самое место, на котором Митридат одержал победу над Триарием. Весь снесенный материал он приказал доставить сюда из лагеря силами рабов, чтобы никто из солдат не отлучался от работ по укреплению, так как неприятельский лагерь отделяла от его начатых лагерных укреплений только долина протяжением не более одной мили.

74. Внезапно, на рассвете, заметивший это Фарнак выстроил все войска перед своим лагерем. Цезарь был убежден в том, что ввиду столь невыгодного местоположения это скорее обычный военный прием, имевший целью замедлить его ра-

⁴⁹ Триарий, легат Лукулла, был здесь разбит в 67 году до н. э.

боты и задержать возможно большее количество его солдат под оружием, а также, может быть, хвастливо демонстрировать самоуверенность царя и показать, что Фарнак защищает свою позицию более личной храбростью, чем укреплениями. Поэтому Цезарь без колебаний построил первую боевую линию перед валом, а остальной части войска приказал продолжать работу. Но на Фарнака, может быть, повлияло счастливое прошлое этой позиции или его ввели в заблуждение птицигандания и другие божественные указания, которым он, как мы впоследствии слышали, следовал; может быть, он узнал также о малочисленности солдат, находившихся у нас под оружием, и, считаясь с обычными условиями ежедневных шанцевых работ, принял за солдат ту большую массу рабов, которая носила материалы для насыпи; но возможно и то, что им руководила уверенность в своем испытанном войске, которое, как хвалились его послы, двадцать два раза было в сражениях и каждый раз побеждало, а также презрение к нашей армии, которая под предводительством Домиция была им, как известно, разбита. Во всяком случае, он решил дать сражение и стал спускаться по крутому склону в долину. Цезарь некоторое время смеялся над этим пустым хвастовством и над тем, что он сосредоточил слишком густые солдатские массы в таком месте, к которому ни один здравомыслящий враг не решился бы подойти; но тем временем Фарнак тем же шагом, каким спустился с крутизны в долину, стал подниматься на крутой холм с выстроенным к бою войском.

75. Невероятная опрометчивость Фарнака или, может быть, уверенность в своих силах очень изумила Цезаря. Не ожидая подобной атаки, он был застигнут совершенно врасплох. Приходилось единовременно отзывать солдат от работы, отдавать приказ взяться за оружие, выводить против врага легионы и выстраивать их, причем эта внезапная суматоха навела на них большой страх. Ряды еще не успели выстроиться, как

четырехконные царские колесницы с серпами⁵⁰ стали производить полное замешательство среди наших, еще не приведенных в порядок, солдат. Впрочем, колесницы были скоро осыпаны множеством метательных снарядов. За ними идет неприятельская пехота, поднимается крик, и начинается сражение, в котором много помогают природные свойства местности, но всего более милость бессмертных богов, которые вообще принимают участие во всех превратностях войны, особенно же там, где всякие человеческие расчеты бессильны.

76. Когда завязался большой и ожесточенный рукопашный бой, то на правом фланге, на котором стоял 6-й легион из ветеранов, зародилось начало победы. Именно здесь стали сбивать врагов вниз по крутому склону, а затем гораздо позднее, но при помощи тех же богов, все войска царя на левом фланге и в центре были совершенно разбиты. Насколько легко они подошли к неудобному для них месту, настолько же быстро были сбиты, и неудобство местности поставило их в тяжелое положение. Таким образом, много неприятельских солдат было перебито и отчасти передавлено обрушившимися на них своими же; наиболее проворным удалось убежать, но они должны были побросать оружие. Правда, они перешли долину, но, за неимением оружия, не могли ничего сделать даже на своей высокой позиции. Тогда наши, в увлечении победой, не колебались взобраться на невыгодное для них место и напасть на укрепления. Хотя неприятельский лагерь и защищали те когорты, которые оставил для его охраны Фарнак, однако, мы скоро им овладели. Сам Фарнак, все огромное войско которого было перебито или взято в плен, спасся бегством в сопровождении немногих всадников, и если бы штурм лагеря не облегчил ему бегства, то он попал бы живым в руки Цезаря.

⁵⁰ Шнейдер высказывает сомнение, как могли колесницы принимать участие в бою в гористой местности.

77. Столько раз побеждавший Цезарь был чрезвычайно обрадован такой победой, так как он очень быстро окончил весьма важную войну, и воспоминание об этой внезапной опасности доставляло ему тем больше радости, что победа эта легко досталась ему вслед за очень тяжелым положением, в котором он находился. Вернув Понт и подарив всю царскую добычу солдатам, он на следующий день сам выступил с легкой конницей, 6-му легиону приказал возвратиться в Италию для получения наград и отличий, вспомогательные войска Дейотара отослал на родину и, наконец, два легиона оставил в Понте под командой Целия Винициана.

78. Таким образом, он двинулся через Галлогрецию и Вифинию в Азию. Во всех этих провинциях он разобрал и решил все спорные дела и определил права тетрархов, царей и городов. Митридата Пергамского⁵¹, который быстро одержал упомянутую нами блестящую победу в Египте и помимо царственного происхождения получил также царское воспитание (царь всей Азии Митридат взял его, по причине его знатности, еще маленьким мальчиком с собою из Пергама и много лет держал при себе в своем лагере), Цезарь назначил царем Босфора, находившегося до этого времени под властью Фарнака. Таким образом, в лице этого вполне дружественного царя он создал для провинций римского народа оплот против варварских и враждебных царей. Ему же он присудил, в силу его происхождения и кровного родства, тетрархию Галлогрецию⁵², которой несколько лет тому назад завладел Дейотар. При этом Цезарь нигде не находил возможным оставаться дольше, чем позволяли требовавшие его личного присутствия беспорядки в Риме. Блестяще и быстро окончив все дела, он прибыл в Италию гораздо скорее, чем этого можно было ожидать.

⁵¹ О Митридате Пергамском см. гл. 26.

⁵² То есть Галатию, которую перед этим захватил Дейотар (гл. 67).

Африканская война (Bellum africanum) (неизвестного автора)

Африканская война

1. Не пропуская ни одного дня, Цезарь достиг обычными дневными переходами на четырнадцатый день до январских Календ Лилибея и тотчас же объявил о своем желании сесть на корабли, хотя при нем было не больше одного легиона новобранцев и вряд ли шестьсот всадников. Свою палатку он поставил у самого берега, так что волны почти что разбивались об нее. Это он сделал с той целью, чтобы никто не надеялся на какую-либо задержку, но чтобы все были со дня на день и с часу на час готовы к отъезду. Но как раз в это время погода не благоприятствовала отплытию. Тем не менее он держал гребцов и солдат на судах, чтобы никоим образом не пропустить удобного момента для выхода в море; тем более что жители этой провинции сообщали об огромных боевых силах противника, именно, о бесчисленной коннице, о четырех легионах царя¹, о ста двадцати слонах, о нескольких эскадрах. Но это его не смущало: он был спокоен и полон надежд. Тем временем со дня на день увеличивалось у него число военных кораблей, приходило все больше и больше грузовых судов, собирались легионы — четыре из новобран-

¹ Под царскими легионами разумеются войска нумидийского царя Юбы, который был сторонником Помпея и врагом Цезаря — между прочим, за проект цезарианца Куриона (войско которого он уничтожил в начале гражданской войны Bell. Civ., II, 41 и след.) обратит его царство в римскую провинцию (Bell. Civ. II, 25).

цев и, кроме них, пятый — из ветеранов² — и конница в количестве около двух тысяч человек.

2. Всего собралось шесть легионов и две тысячи всадников. По мере подхода каждого легиона пехоту грузили на военные корабли, а конницу на грузовые. Тогда Цезарь приказал большей части кораблей идти вперед и направиться к острову Апониане (в десяти милях от Лилибея), а сам, пробыв там несколько дней, продал с публичного торга имущество некоторых лиц, потом отдал по всем делам распоряжение претору Аллиэну, управлявшему Сицилией, поручив ему особенно озаботиться быстрой посадкой остальных войск на суда. Затем сам он сел на корабль на шестой день до январских Календ и немедленно направился вслед за остальными судами. На четвертый день плавания при надежном ветре и быстром ходе кораблей он оказался с немногими военными кораблями в виду Африки; остальные (грузовые) корабли за редкими исключениями были разбросаны бурей и, сбившись с курса, направились в совершенно различные стороны. Он прошел с флотом мимо Клуpei, а затем мимо Неаполя и, кроме того, оставил в стороне некоторые укрепленные места и города, находившиеся недалеко от моря.

3. Когда Цезарь приблизился к Адрумету, где стоял гарнизон противников под командой Г. Консидия³, показался проехавший от Клуpei вдоль морского берега по направлению к Адрумету Гн. Писон с конницей, состоявшей приблизительно из трех тысяч мавретанцев. Ввиду этого, Цезарь простоял некоторое время перед гаванью в ожидании подхода остальных кораблей, затем высадил войско, наличная численность которого доходила до трех тысяч пехотинцев и

² Этот легион стоял в Дальней Испании под командой Кв. Касия Лонгина (Bell. Alex., 52; Bell. Civ., II, 19 и 21). В настоящую войну он особенно отличился в войне со слонами — ср. гл. 84.

³ О Консидии Лонге см. Bell. Civ., II, 23.

шести сотен всадников, и разбил перед городом лагерь, в котором и держался, не причиняя никому вреда и запрещая своим солдатам грабить. Тем временем горожане заняли стены вооруженными людьми; большое их количество расположилось также перед воротами для обороны, всего же их было, приблизительно, около двух легионов. Цезарь объехал город кругом и, ознакомившись с характером местности, вернулся в лагерь. Все обвиняли его в недосмотре, что он своевременно не указал кормчим и капитанам кораблей тех гаваней в соседстве с Адруметом, куда они должны были направляться, и, вопреки своему прежнему обычаю, не дал запечатанных приказов с тем, чтобы по прочтении их они все до одного во-время направились в определенное место. Но на этот счет Цезарь отнюдь не ошибался; он предполагал, что теперь ни одна гавань на африканском берегу, к которой могла бы пристать эскадра, не может быть вполне безопасным от врагов опорным пунктом и надо только ловить случайно подвертывающийся случай для высадки.

4. Тем временем легат Л. Планк⁴ просит у Цезаря позволения вступить в переговоры с Г. Консидием в расчете на то, что, может быть, удастся образумить его. Пользуясь представившимся случаем, Цезарь пишет письмо и отдает его пленному для доставки Консидию в город. Когда пленный прибыл туда и, как ему было поручено, стал протягивать Консидию письмо, тот, прежде чем его взять, спросил: *от кого оно?* Пленный отвечал: *от императора Цезаря*. Тогда Консидий сказал: *в настоящее время у народа римского один император — Сципион*. Затем он у себя на глазах приказал немедленно убить пленного, а письмо, не читая и не распечатывая, отдал верному человеку для доставки Сципиону.

⁴ Легат Цезаря в Галлии (В. G., V, 24 и 25) и в Испании (Bell. Civ., I, 40).

5. Цезарь провел у города одну ночь и часть дня, не получая никакого ответа от Консидия. Остальные войска все еще не подходили, мало было конницы, для осады города недостаточно было сил да и наличные состояли из новобранцев; вместе с тем Цезарь не хотел тут же по прибытии проливать их кровь. Самый город был отлично укреплен, так что трудно было подступить к нему для штурма. Наконец, сообщали, что к горожанам идут на помощь большие конные силы. Ввиду этого не было смысла задерживаться здесь для осады города, так как, занявшись ею, пришлось бы страдать от обхода с тыла и нападений неприятельской конницы.

6. И вот, когда он хотел сняться с лагеря, вдруг городское население сделало вылазку из города и случайно в это же время подоспела им на помощь конница, которая была послана Юбой для получения жалованья⁵. Они заняли тот лагерь, из которого только что выступил Цезарь, и начали также преследовать его аррьергард. Как только это было замечено, легионеры вдруг остановились, и всадники при всей своей малочисленности с большой смелостью вступили в бой с подавляющей массой неприятелей. Произошло нечто невероятное: галльские всадники, числом менее двухсот, разбили двухтысячную мавретанскую конницу и отбросили ее в город. После того, как она была опрокинута и загнана в свои укрепления, Цезарь поспешил продолжать свой марш. Так как неприятели делали это довольно часто и то преследовали наших, то снова отбрасывались нашими всадниками в город, Цезарь поместил в аррьергарде несколько бывших при нем когорт из ветеранов и часть конницы, а с остальными начал медленно двигаться дальше. Благодаря этому, по мере удаления от города, нападения нумидийцев постепенно ослабевали. Тем временем по дороге приходили из городов и

⁵ Ср. гл. 8.

укрепленных мест посольства с обещанием дать провиант и охотно исполнить все требования. Таким образом, он в этот день разбил лагерь у города Руспины.

7. В январские Календы Цезарь выступил оттуда и достиг свободного и независимого города Лептиса. Из города вышли к нему навстречу послы с обещанием охотно исполнять все его желания. Поэтому он поставил у ворот города центурионов и сторожевые посты, чтобы ни один солдат не входил в город и не чинил обиды кому-либо из жителей, а затем расположился лагерем недалеко от города вдоль морского берега. Туда же случайно пришли грузовые корабли и несколько линейных, а остальные, как ему было сообщено, замечены были в направлении Утики, куда они двигались по незнакомству с местностью. Тем временем Цезарь, вследствие того, что его корабли сбились с пути, не отходил от моря, не углублялся в страну и держал всю конницу на судах, — по моему мнению, с той целью, чтобы не опустошались поля; что же касается воды, то он приказывал доставлять ее на корабли. Тем временем на гребцов, которые сошли с кораблей за водой, вдруг совершенно неожиданно напали мавретанские всадники и многих из них поранили дротиками, а некоторых убили. Дело в том, что они скрываются в засаде между лощинами верхом, чтобы внезапно оттуда выскакивать, но не для того, чтобы сражаться врукопашную в открытом поле.

8. Тем временем Цезарь разослал в Сардинию и в остальные соседние провинции гонцов с письменными приказами — немедленно по прочтении письма позаботиться о посылке ему подкреплений, провианта и хлеба. Часть выгруженных военных кораблей он отправил под командой Рабирия Постум⁶

⁶ Рабрий Постум — крупный негодант, скомпрометировавший себя в деле восстановления проконсулом Габинием (в 55 г. до н. э.) египетского царя Птолемея Аулета. До нас дошла речь Цицерона в его защиту.

назад в Сицилию, чтобы привезти оттуда вторую партию продовольствия; а <Ватиния⁷> послал с десятью военными кораблями на поиски остальных заблудившихся грузовых кораблей, а также для охраны моря от неприятелей. Равным образом он приказал претору Г. Саллюстию Криспу⁸ идти с частью эскадры к острову Керкине, который занимали противники и на котором, по доходившим до него слухам, было много хлеба. Эти приказы и указания он давал каждому отдельному командиру в категорической форме, чтобы они действительно могли быть исполненными и чтобы не оставалось места для каких-либо извинений, проволочек или уверток. А сам он тем временем, узнав от перебежчиков и местных жителей о положении дела у Сципиона и других своих противников и, между прочим, о том, что Сципион содержал царскую конницу на средства провинции, — удивлялся величайшему безумию этих людей, которые, вместо того чтобы жить в безопасности и в обладании своим имуществом на родине вместе со своими согражданами, предпочитают быть данниками царя.

9. На четвертый день до январских Нон Цезарь снялся с лагеря. Оставив в Лептисе гарнизон из шести когорт под начальством Г. Сасерны, он сам возвратился с остальными силами в Руспину, из которой прибыл накануне. Там он оставил весь войсковой багаж, а сам, с отрядом без поклажи

⁷ В пропуске имеется в виду известный цезарианец Ватиний (ср. *Bell. Civ.*, III, 19 и *Bell. Alex.*, 44).

⁸ Саллюстий Крисп — известный историк, враг Помпея и его партии. В 50 г-ду до н. э. был изгнан из сената, Кд в начале гражданской войны был восстановлен в своем звании Цезарем, который давал ему ответственные поручения. В настоящую войну он был облечен полномочиями пропретора, а по ее окончании и обращении Нумидии в римскую провинцию «Новая Африка» Цезарь назначил его ее наместником с полномочиями проконсула.

отправился по крестьянским дворам за хлебом, приказав горожанам послать вслед за ним все повозки и обозных животных. Найдя большое количество хлеба, он вернулся в Руспину. Я думаю, он занял этот город с той целью, чтобы не оставлять у себя в тылу приморских городов без охраны, но чтобы, наоборот, прикрывать их сильными гарнизонами и обеспечить для своих кораблей надежное убежище.

10. Поэтому он оставил там П. Сасерну, брата Гая, которого он назначил комендантом ближайшего города Лептиса, с одним легионом, приказав ему свезти в город как можно больше дерева, а сам выступил с семью когортами из легионов ветеранов, участвовавших в морских операциях под начальством Сульпиция и Ватиния, и, прибыв к гавани, находившейся в двух милях от города, подвечер сел с этим отрядом на корабли. В армии не знали и недоумевали, что обозначает этот замысел полководца, и потому всех волновали страхи и печаль. Как они видели, был выгружен, и то не целиком, лишь небольшой отряд, притом состоящий из новобранцев: таким образом, они высажены в Африке против больших боевых сил, вдобавок коварного народа, и против бесчисленной конницы. Поэтому они не усматривали в настоящем положении дела никакого для себя утешения, равно как и не находили никакой моральной поддержки друг у друга, если не считать выражения лица полководца, его бодрости и удивительной веселости: он выказывал дух высокий и отважный. В этом люди находили себе успокоение и надеялись, что знание и ум их предводителя помогут им преодолеть все трудности.

11. Проведя одну ночь на кораблях, Цезарь уже на заре собирался двинуться дальше, как вдруг сбившаяся с пути часть кораблей, за которую он особенно боялся, подошла сюда же. Узнав об этом, Цезарь приказал всем немедленно сойти с кораблей и поджидать на берегу в полном вооруже-

нии подхода остальных солдат. Суда были тотчас же введены в гавань, и, таким образом, увеличились его пешие и конные силы. Тогда Цезарь снова вернулся к городу Руспине и, разбив там лагерь, сам отправился с тридцатью когортами налегке за хлебом. Вот тогда и стали понятными намерения Цезаря — именно то, что он хотел тайно от неприятелей придти со своей эскадрой на помощь сбившимся с пути грузовым кораблям, чтобы они нечаянно не наткнулись на флот противников; равным образом он хотел скрыть это и от тех своих солдат, которые были оставлены для охраны, чтобы они не пугались и не падали духом ввиду собственной малочисленности и численного превосходства неприятелей.

12. Тем временем, когда Цезарь уже продвинулся от лагеря приблизительно на три мили, его конные разведчики и разъезды дали ему знать, что невдалеке замечено неприятельское войско. И действительно, вслед за этой вестью стала показываться масса пыли. Тогда Цезарь отдал приказ спешно вызвать всю конницу, которой у него в данный момент было немного, и стрелков, вышедших с ним из лагеря также в малом количестве; когортам же он приказал медленно идти за ним в полном порядке, а сам отправился вперед с немногими вооруженными. И когда издали уже можно было разглядеть неприятелей, он приказал солдатам на ровном поле надеть шлемы и готовиться к бою. Общее число их было: тридцать когорт, четыреста всадников, пятьсот пятьдесят стрелков.

13. Тем временем неприятели, во главе которых стояли Лабизен⁹ и Тиберий Пацидей, выстроили прямую, очень густую боевую линию необыкновенной длины, и притом не из пехоты, но из конницы. Между всадниками они поставили легковооруженных нумидийцев и пеших стрелков, и при

⁹ Около Лабизена и Афрания группировались остатки помпеянцев, спасшихся после сражения при Фарсале.

этом так густо, что цезарианцы издали приняли этот фронт за исключительно пехотный. Правый и левый фланги были подкреплены большими конными силами. Тем временем Цезарь построил (в длину) простую линию, насколько это позволяла малочисленность его отряда; стрелков он поставил впереди линии, а конницу на правом и на левом флангах, приказав ей позаботиться о том, чтобы не быть обойденной многочисленной конницей неприятеля: ибо он думал, что при таком построении войска ему придется сражаться с пехотными частями.

14. Обе стороны выжидали, кто начнет бой, но Цезарь не трогался с места, понимая, что, ввиду малочисленности своего отряда, ему приходится бороться с огромным множеством врагов не столько храбростью, сколько хитростью. В это время неприятельская, конница вдруг стала разворачиваться, распространяться в ширину, занимать холмы, принуждать к разворачиванию и ослаблению конницу Цезаря и вместе с тем готовиться к обходу. Конница Цезаря с трудом держалась против такой массы. Когда тем временем центры обеих армий сделали попытку пойти друг на друга в атаку, внезапно вместе с всадниками выскочили из густых эскадронов легковооруженные нумидийские пехотинцы и начали метать дротики в нашу легионную пехоту. Каждый раз, когда при этом их атаковали цезарианцы, их всадники бежали назад; а пехотинцы тем временем держались до тех пор, пока снова не выскакивали всадники и не помогали своей пехоте.

15. Цезарь замечал, что этот необычный род боя расстраивает ряды его солдат при выбегании их вперед: действительно, пехотинцы, отходя слишком далеко от знамен в погоне за всадниками, обнажали фланги и попадали под удары дротиков ближайших к ним нумидийцев, а неприятельские всадники легко избегали пускаемых нашей пехотой копий тем, что быстро обращались в бегство. Ввиду этого он

отдал приказ по рядам, чтобы ни один солдат не отходил от знамен дальше, чем на четыре фута. Тем временем конница Лабиэна, полагаясь на свое численное превосходство, не колебалась начать обход небольшого Цезарейского отряда. Малочисленные юлианские всадники утомлялись от напора массы врагов, их лошади были переранены, и им приходилось мало-помалу отступать, а враг все сильнее и сильнее теснил их. Таким образом, в одно мгновение вся пехота Цезаря была, окружена неприятельской конницей, все его боевые силы были сбиты в каре и принуждены были сражаться, точно загнанные за решетку.

16. Лабиэн верхом с непокрытой головой разъезжал вдоль первой линии; он ободрял своих, а иногда обращался к Цезаревым legionарам со следующими словами: *Что ты там, новобранец? Ты такой задорный? Даже и вас он одурачил своими речами? На большую опасность он, по правде сказать, толкнул вас. Я вас жалею.* Тогда один солдат сказал ему: *Я, Лабиэн, не новобранец, но ветеран 10-го легиона*¹⁰. Тогда Лабиэн говорит: *Я не вижу здесь знамен 10-го легиона.* Тогда солдат отвечал: *Теперь ты узнаешь кто я.* С этими словами он сбросил с головы шлем и, путив из всех сил копье, которое он нацелил на Лабиэна, тяжело ранил в грудь его коня и прибавил: *Лабиэн, знай, что это в тебя целится солдат 10-го легиона.* Однако все были охвачены ужасом, и особенно все новобранцы озирались на Цезаря и думали только о том, как бы увернуться от неприятельских копий.

17. Тем временем Цезарь понял намерения врагов и приказал как можно более растянуть фронт, а каждую вторую когорту заставил сделать поворот и стать так, чтобы одна

¹⁰ 10-й легион прибыл позднее (см. гл. 53—54). Служивший в свое время в этом легионе ветеран был в качестве *evocatus*’а приписан к другому легиону.

когорта была перед знаменами, а другая сзади. Этим маневром он прорвал правым и левым флангом неприятельское кольцо и, отрезав одну часть от другой, напал изнутри на неприятельскую конницу и пехоту и метанием снарядов обратил ее в бегство. Однако, не увлекаясь преследованием и боясь засады, он отступил назад к своим: то же сделала и другая часть его пехоты и конницы. Далеко отогнав неприятелей и нанеся им большие потери ранеными, Цезарь после этого сражения начал в полном боевом порядке отступление в свой лагерь¹¹.

18. Тем временем появились М. Петрей¹² и Гн. Писон с тысячью шестьюстами отборных нумидийских всадников и с довольно многочисленной нумидийской пехотой на помощь своим, прямо с похода. Тогда враги оправились от своей паники, снова набрались храбрости, заставили свою конницу повернуть назад и начали нападать на арьергард нашей отступающей пехоты, мешая ему вернуться в лагерь. Заметив это, Цезарь приказал когортам повернуться и на середине поля возобновить сражение. Неприятель сражался так же, как и раньше, избегая рукопашного боя; а у Цезаревых всадников лошади были изнурены недавней скачкой, жаждой, утомлением, ранами, так что не могли быстро преследовать неприятеля и продолжать скакать; к тому же и день подходил к концу. Тогда Цезарь объехал когорты и конницу и, ободряя их, просил сделать еще одно последнее усилие и не

¹¹ Это второстепенное сражение очень интересовало новейших критиков с военной точки зрения — ср. Н. Delbrück. *Geschichte der Kriegskunst*, I, 518 и специальный экскурс в издании: Р. Шнейдер, *Das Gefecht bei Ruspina*, между прочим, со ссылкой на известную книгу: Стоффель. *Histoire de César. La guerre civile*.

¹² После роспуска помпеянских войск в Испании (Bell. Civ., I, 38 и 63) Петрей отправился к Помпею, а после сражения при Фарсале примкнул к находившемуся в Африке Катону.

убавлять энергии, пока они не отгонят врагов за дальние холмы и не овладеют ими. Когда затем был дан сигнал и враги уже вяло и небрежно метали свои снаряды, он вдруг бросил на них свои когорты и эскадроны. В одно мгновение враги были без всякого труда прогнаны с поля, затем сбиты с холма, и наши, пробыв там некоторое время, в полном боевом порядке медленно возвратились к своим укреплениям. Но и противники, встретив дурной прием, теперь, наконец, устремились к своему лагерю.

19. Когда, таким образом, сражение было прервано, от противника перебежало к Цезарю много всякого народа и, кроме того, было захвачено много неприятельских всадников и пехотинцев. От них он узнал о намерениях врагов, именно о том, что они сделали эту попытку наступления в расчете произвести полное замешательство малочисленных легионеров-новобранцев небывалым и необычным родом сражения, а затем окружить их конницей и уничтожить, как это было с Курионом¹³. Лабие́н говорил на солдатской сходке, что он поставит противникам Цезаря такую массу вспомогательных войск, что цезарианцы даже в случае победы утомятся от одной только резни и затем будут побеждены. Действительно, он был слишком самоуверен, во-первых, потому, что, по дошедшим до него слухам, в Риме взбунтовались легионы ветеранов и не желали отправляться в Африку; кроме того, он продержал своих солдат в Африке целых три года и этим развил в них привычную верность себе; далее, он располагал громадными подкреплениями, состоящими из нумидийской конницы и легковооруженной пехоты; наконец, после поражения и бегства Помпея Лабие́н перевез с собой из Бутрота германских и галльских всадников, а затем набрал на месте отряд из людей смешанного происхождения, вольноотпущенников и рабов, вооружил их и научил ездить с уздай. [Кроме

¹³ О поражении Куриона см. *Bell. Civ.*, II, 41 след.

того, были вспомогательные войска от царя, бесчисленная конница со ста двадцатью слонами и затем двенадцать легионов, набранных из людей всякого рода.]¹⁴ Вполне надеясь на эти силы, Лабиэн с тысячью шестьюстами галльских и германских всадников и с восемью тысячами нумидийцев без узды с прибавлением вспомогательного отряда Петрея, состоявшего из тысячи шестисот всадников, из четверного количества легковооруженных пехотинцев и многочисленных пеших и конных стрелков и пращников, — накануне январских Нон, на шестой день после высадки Цезаря в Африке, дал Цезарю на ровном и открытом поле сражение, которое продолжалось с пятого часа дня до захода солнца. В этом сражении Петрей был тяжело ранен и оставил строй.

20. Тем временем Цезарь начал тщательно укреплять свой лагерь и на отдельных пунктах ставить более сильные посты. От города Руспины к морю он повел один вал и другой туда же от лагеря, чтобы его солдаты с большей безопасностью могли передвигаться туда и сюда и чтобы подкрепления прибывали к нему без всякого риска. Равным образом он стал свозить метательные снаряды и машины с кораблей в лагерь, вооружать и вызывать туда же часть галльских и родосских гребцов и морских солдат, чтобы по возможности помещать их между своими всадниками, так же, как это делали его противники с легковооруженной пехотой; наконец, он увеличивал свои боевые силы тем, что брал много стрелков с кораблей итирейцев, сирийцев и всевозможных других национальностей. Ибо он слышал, что Спичион на третий день после сражения поспешил на соединение с Лабиэном и Петреем; силы его, как сообщали Цезарю, состояли из восьми легионов и около трех тысяч всадников. Далее он стал

¹⁴ Фразу *praeterea regia auxilia... amplius XII milibus* с ее очень странным концом Шнейдер считает поздней вставкой.

устраивать железные мастерские, распорядился, чтобы было сделано как можно более стрел и копий, чтобы лились пули и изготовлялся палисад; посылал письма и гонцов в Сицилию с приказом свозить для него фашины и лес для таранов, чего совсем не было в Африке, а также присылать железо и свинец. Он считался и с тем, что в Африке он может пользоваться исключительно привозным хлебом, так как в прошлом году не было урожая вследствие произведенных противниками наборов, которые обратили пахарей в наемных солдат; кроме того, он знал, что противники свезли со всей Африки хлеб в немногие хорошо укрепленные города, а всю страну лишили его; что они вконец разрушают все города, кроме тех, которые они сами могут охранять своими гарнизонами, а жителей их принуждают переселяться за черту своей укрепленной линии, и, таким образом, поля брошены и опустошены.

21. В такой большой нужде Цезарь должен был приветливо обходиться с частными людьми и обращаться к ним с просьбами, и таким образом ему удалось свезти в свои укрепленные пункты некоторое количество хлеба, которое он бережно расходовал. Тем временем он ежедневно обходил шанцевые работы и, вследствие многочисленности неприятеля, держал на карауле двойное количество когорт. Лабиеэн распорядился перевязать и доставить на выючных животных и повозках в Адрумет раненых, которых у него оказалось очень много. Тем временем грузовые корабли Цезаря, сбившись с пути и не зная местности и своего лагеря, блуждали с большой для себя опасностью: на отдельные из них нападало по несколько неприятельских лодок, поджигало их и захватывало с бою. Получив извещение об этом, Цезарь расположил свои эскадры у островов и гаваней, чтобы обезопасить подвоз провианта.

22. Тем временем М. Катон, бывший комендант Утики, не переставал в длинных речах настойчиво порицать Гн. Пом-

пея-сына. Твой отец¹⁵, говорил он, когда был в твоём возрасте и заметил, что государство захвачено безбожными и преступными гражданами, а лучшие граждане или казнены, или наказаны изгнанием и лишены родины и гражданских прав, — был воодушевлен славолубием и прирожденным величием духа и, будучи совсем молодым человеком, не занимавшим еще никаких должностей, собрал остатки отцовского войска¹⁶ и отстоял свободу почти вконец уничтоженной и разрушенной Италии и города Рима; он же с удивительной быстротой вернул силой своего оружия Сицилию, Африку, Нумидию и Мавретанию¹⁷; этим он приобрел себе то высокое положение, которое во всем свете пользуется славной известностью, и хотя был молод и был простым римским всадником, удостоился триумфа; при этом, когда он приступил к государственной деятельности, за ним не было такой блестящей военной славы отца, не было блистательного положения у кого-либо из предков, да и сам он не имел ни таких сильных клиентов, ни славного имени. Ты, наоборот, обладаешь славой и высоким положением отца и сам по себе в достаточной степени наделен величием духа и энергией. Неужели же ты не сделаешь усилия и не отправишься к отцовским клиентам потребовать помощи себе, государству и всем порядочным людям?

23. Возбужденный этими словами весьма авторитетного человека, молодой Помпей отправился из Утики в Мавретанию с тридцатью кораблями всякого рода, часть которых была снабжена медными носами. Он вступил в пределы царства

¹⁵ Помпей еще молодым человеком привел в 83 году до н. э. Сулле на помощь в борьбе с марианцами отряд добровольцев из Пиценской области и действовал так энергично, что в 81 году получил триумф и прозвище Magnus (Великий).

¹⁶ Отец его Помпей Страбон, консул 89 года, известен по своему активному участию в Союзнической войне (90—88 гг. до н. э.).

¹⁷ Неточно: сам Помпей в Мавретании не был.

Богуда¹⁸ и налегке, с двухтысячным войском из рабов и вольноотпущенников частью безоружных, частью вооруженных, стал подходить к городу Аскуру, в котором стоял царский гарнизон. Горожане дали ему приблизиться только к самым воротам и к стене, затем вдруг сделали вылазку, смяли и обратили помпеянцев в паническое бегство и разогнали их в разные стороны к морю и на корабли. После этой неудачи Гн. Помпей Младший ушел оттуда со своей эскадрой и, не подходя более к африканскому берегу, направился со своими кораблями к Балеарским островам.

24. Тем временем Сципион с недавно упомянутыми войсками двинулся в поход, оставив в Утике большой гарнизон, и прежде всего разбил лагерь в Адрумете. Пробыв там несколько дней, он выступил ночью и соединился с Лабием и Петреем. Они разбили общий лагерь и стали в трех милях [от Цезаря]. Тем временем их конница разъезжала вокруг Цезаревых укреплений и перехватывала тех, кто выходил из лагеря за фуражом или за водой; таким образом она удерживала всех противников в их укреплениях. Вследствие этого цезарианцы стали терпеть страшную нужду в провианте, так как не было еще подвоза ни из Сицилии, ни из Сардинии, и по времени года корабли не могли без риска пускаться в море; вообще во всех направлениях Цезарь занимал не более шести миль африканского материка и, помимо всего прочего, страдал от недостатка фуража. В этой крайности ветераны и всадники, проделавшие много войн на суше и на море и часто страдавшие от опасностей и подобной нужды, стали собирать на берегу морскую траву, промывали ее в пресной воде и таким образом поддерживали жизнь своих голодных животных.

25. Царь Юба, узнав о таком затруднительном положении Цезаря и о малочисленности его войска, решил не давать ему

¹⁸ 18. Мавретанский царь Богуд — активный цезарианец (Bell. Alex., 59).

времени оправиться и увеличивать свою военную мощь. Поэтому он собрал большой отряд из конницы и пехоты и быстро двинулся из своего царства на помощь союзникам. Тем временем П. Ситтий¹⁹ и царь Бокх соединились и, узнав о выступлении Юбы, направились со своими войсками в его сторону, причем взяли после немногодневной осады самый сильный в его царстве город Кирту и, кроме того, два города гетулов. Когда гетулам было поставлено условие оставить город и передать его пустым и они это условие отвергли, то по взятии в плен были все перебиты. Двинувшись оттуда дальше, Ситтий все время опустошал поля и разорял города. Юба узнал об этом, когда был уже недалеко от Сципиона и его легатов. Тогда он решил лучше позаботиться о себе и о своем царстве, чем из желания помочь другим рисковать быть изгнанным из собственного царства и, может быть, потерпеть двойную неудачу. Поэтому он вернулся к себе, на помощь своей стране и городам, и, боясь за себя и за свое положение, отозвал даже и прежние вспомогательные войска, уже отправленные им к Сципиону, и оставил у него только тридцать слонов.

26. Так как в провинции существовало сомнение относительно прихода Цезаря и все были убеждены, что это не он, а один из его легатов прибыл с войсками в Африку, то Цезарь разослал тем временем по всем городам провинции письма с извещением о своем прибытии. Тем временем знатные люди бежали из своих городов в лагерь Цезаря и там сообщали о бесчеловечной жестокости его противников. Под влиянием их слезных жалоб Цезарь, до этого думавший выступить из

¹⁹ Ситтий, смелый авантюрист, сторонник Катилины, оставил Италию перед его заговором и, набрав в Испании отряд добровольцев, отправился с ними в Африку и там принимал участие в местных войнах. В 46 году до н. э. в союзе с Бокхом он энергично поддерживал Цезаря.

постоянного лагеря со всеми войсками и с вызванными вспомогательными отрядами не раньше начала лета, решил теперь же открыть военные действия против неприятелей и немедленно написал и послал с разведочным судном письма в Сицилию к Аллиену и Рабирию Постуму с приказом — не теряя времени и не позволяя себе никаких ссылок на зиму и на погоду, как можно скорее переправить к нему армию: *провинция Африка, писал он, погибает, и его противники разоряют ее вконец; если не подать союзникам скорой помощи против преступных и коварных врагов, то от Африки не уцелеет ничего, кроме голой земли, не будет даже кровли, под которой можно укрыться.* При этом сам он обнаруживал такую торопливость и нетерпение, что уже на следующий день после отправки писем и гонцов в Сицилию жаловался на то, что войско и флот медлят прибытием, и день, и ночь его мысли и глаза были устремлены только на море. И неудивительно: он видел; как выжигают усадьбы, опустошают поля, разграбляют скот, как убивают людей, разрушают города и укрепленные пункты, как казнят или держат в цепях первых в общинах лиц, а их детей насильственно уводят в рабство в качестве заложников. И в таких-то бедствиях малочисленность войска не позволяет ему оказать помощи молящим о защите! Тем временем он продолжал занимать солдат работой по сооружению вала и укреплению лагеря, безостановочно строить башни и форты и опускать в море материал для плотины.

27. Тем временем Сципион начал следующим образом дрессировать слонов. Он построил две боевые линии: одна, состоявшая из пращников, должна была представлять собой противника и пускать слонам в лоб мелкие камешки; против нее стояли выстроенные в ряд слоны; а за ними была собственно боевая линия, которая точно так же должна была обстреливать слонов камнями и гнать их назад на неприятеля тогда,

когда противник начнет бросать в них камни и они от страха повернут на своих. Но это обучение шло с большим трудом и очень медленно: тупоумные слоны трудно поддаются даже многолетней выучке при постоянном упражнении, и, когда их выводят в бой, они одинаково опасны для обеих сторон.

28. Так действовали оба полководца под Руспиной. В это время комендант приморского города Тапса, бывший претор Г. Вергилий, заметил, что отдельные корабли с войском для Цезаря по незнанию местности и своего лагеря блуждают в разных направлениях; и вот, воспользовавшись удобным случаем, он посадил на имевшееся в его распоряжении весельное судно солдат и стрелков, придал к ним несколько шлюпок и начал гнаться за отдельными Цезаревыми кораблями. Напав на нескольких из них, он был отбит и обращен в бегство, но все-таки не отказался от своих попыток и случайно наткнулся на корабль, на котором были два молодых испанца²⁰ Титии, трибуны 5-го легиона, отца которых Цезарь выбрал в сенат. С ними был и центурион того же легиона Саллиэн, который осаждал в Мессане²¹ легата М. Мессалу и не только обращался к нему с мятежными речами, но и задержал и арестовал деньги и украшения для Цезарева триумфа и по этой причине боялся за самого себя. Сознывая за собой вину, он убедил молодых людей сдаться без сопротивления Вергилию. Отведенные Вергилием к Сципиону, они были отданы под стражу и на третий день казнены. Когда их вели на казнь, то старший Титий, говорят, просил центурионов убить его прежде брата; он легко получил их согласие, и, таким образом, оба они были казнены.

29. Тем временем эскадры всадников, которых оба полководца обыкновенно ставили на караул перед лагерьем, изо

²⁰ См. Bell. Alex. 57.

²¹ Факт, известный только отсюда.

дня в день завязывали небольшие стычки; иногда даже лабиэновские германцы и галлы вступали в разговоры с Цезаревыми всадниками, условившись не трогать друг друга. Тем временем Лабиэн пытался с отрядом своей конницы штурмовать и город Лептис, комендантом которого был Г. Сасерна с шестью когортами, и силой ворваться в него, но благодаря отличным укреплениям города и множеству метательных машин защитники отбивались легко и без урона. Однако его конница часто и неустанно делала эти набег; но однажды, когда у ворот скупился целый эскадрон неприятельских всадников, наши метко пустили скорпион и привоздили им их декуриона к лошади; тогда остальные панически бежали в свой лагерь. После этого они потеряли всякую охоту атаковать город.

30. Тем временем Сципион почти ежедневно выстраивал свое войско недалеко от своего лагеря, всего в трехстах шагах, и по истечении большей части дня снова возвращался в лагерь. Этот маневр повторялся довольно часто; но так как из Цезаревого лагеря никто не выходил и не приближался к Сципионовым войскам, то из презрения к терпению Цезаря и его войска Сципион вывел все свои силы, выстроил перед фронтом тридцать слонов с башнями на них, вытянул возможно шире свою многочисленную конницу и пехоту, двинул единовременно всю эту массу и стал на равнине не очень далеко от лагеря Цезаря.

31. При известии об этом Цезарь приказал всем солдатам, которые вышли из окопов за фуражом и дровами, а также за палисадом и другими необходимыми для укрепления лагеря материалами, понемногу и спокойно, без суетливости и паники возвратиться в окопы и стать на вал. А тем всадникам, которые стояли на карауле, он отдал приказ держаться на тех местах, которые они занимали раньше, до тех пор, пока до них не будут долетать неприятельские снаряды; если же неприятели подойдут ближе, то по возможности в полном порядке

отступить за укрепления. Равным образом и остальной коннице отдан был приказ быть всем на своих местах, вооруженными, в полной готовности. При этом ему не было надобности делать все это лично и для этой цели следить за неприятелем с вала, но с присущим ему удивительным знанием военного дела он отдавал все необходимые распоряжения, сидя в ставке, через разведчиков и гонцов. Он видел, что хотя противники полагаются на многочисленность своих сил, но он часто обращал их в бегство, разбивал и наводил панику и притом даровал побежденным жизнь и прощал их вину; а вследствие этого, при их малодушии и сознании своей виновности, у них никоим образом не могло быть такой уверенности в победе, чтобы осмелиться напасть на его лагерь. Кроме того, его имя и авторитет в значительной степени ослабляли смелость неприятельского войска. Далее, отличные лагерные укрепления, высота вала и глубина рвов, а также удивительно вбитые в землю вне вала и скрытые острые колья, даже и без защитников не позволяли неприятелям близко подходить. Вместе с тем у него был большой запас скорпионов, катапульт и других орудий, употребляющихся при обороне. Все это он заготовил ввиду малочисленности своего наличного войска, состоявшего вдобавок из новобранцев, и держался терпеливо, — а по мнению врагов, трусливо, — вовсе не из страха перед неприятельской мощью. И если он не выводил своего малочисленного и состоявшего из новобранцев войска, то он делал это не потому, что сомневался в победе, но потому, что считал небезразличным, какова будет эта победа. Он находил для себя позорным допустить мысль, что после столь великих подвигов, после уничтожения огромных армий и после блестящих побед он одержал кровавую победу над сборными остатками бежавшего неприятельского войска. Вот почему он решил терпеть хвастовство и заносчивость неприятелей, пока не прибудет к нему со следующим транспортом некоторая часть его старых легионов.

32. Между тем Сципион, простояв некоторое время на упомянутой позиции как бы с целью показать свое презрение к Цезарю, мало-помалу отводит свои войска в лагерь. Там на солдатской сходке он распространяется о том, какой страх он внушил врагам и в каком отчаянном положении находится армия Цезаря. Ободряя своих людей, он обещает дать им в руки полную победу. Цезарь же приказал своим солдатам вернуться к работе и, под предлогом необходимости укреплять лагерь, все время занимал новобранцев тяжелым трудом. Тем временем из лагеря Сципиона ежедневно убегали нумидийцы и гетулы и частью направлялись к себе на родину, частью непрерывно перебегали целыми толпами в лагерь Цезаря, так как и сами они и их предки многим были обязаны Г. Марию, которому Цезарь, как они слыхали, был свойственником²². Из их числа он выбрал наиболее знатных людей и, дав им письма к их согражданам, ободрил их и на прощанье посоветовал набирать отряды для защиты себя и своих и не спешить с повиновением его врагам и противникам.

33. Во время этих происшествий под Руспиной к Цезарю прибыли послы от свободной общины Ахуллы с обещанием охотно и с полной готовностью исполнять все его требования: *они только убедительно просят прислать им гарнизон для обеспечения, беспрепятственного исполнения этих требований; в их общих интересах они будут снабжать его хлебом и всем, что у них есть*. Они легко добились этого от Цезаря и получили гарнизон, причем он приказал отправиться в Ахулла бывшему эдилу Г. Мессию. При известии об этом Консидий Лонг, стоявший в Адрумете с двумя легионами и семью сотнями

²² По мирному договору после Югуртинской войны (106 год до н. э.) гетулы были признаны свободными союзниками Рима. Вот почему они почитали Мария, победителя Югурты. Марий был женат на сестре отца Цезаря.

всадников, оставил там часть гарнизона и немедленно двинулся с восемью когортами против Ахуллы. Но Мессий быстро совершил свой путь и прибыл к своим когортам в Ахуллу раньше него. Когда Консидий подошел тем временем со своими войсками к городу и заметил, что там уже есть гарнизон Цезаря, он не осмелился рисковать своими людьми и, при всей многочисленности своего отряда, вернулся в Адрумет ни с чем. Однако через несколько дней он привел конные силы, взятые у Лабиена и, разбив под Ахуллой лагерь, снова начал осаждать ее.

34. Около этого же времени Г. Саллюстий Крисп, который, как мы указали²³, был послан несколько дней тому назад с флотом, достиг Керкины. С его прибытием бывший квестор Г. Децимий, который заведывал там продовольственным делом и держал большой гарнизон, состоявший из его челяди, сел на попавшееся маленькое судно и пустился в бегство. Тем временем претор Саллюстий, принятый керкинцами, нашел у них большое количество хлеба, погрузил его на грузовые корабли, которых там было довольно много, и отправил в лагерь к Цезарю. Тем временем проконсул Аллиэн посадил в Лилибее на грузовые корабли 13-й и 14-й легионы, восьмисот галльских всадников и тысячу пращников и стрелков и послал второй транспорт в Африку к Цезарю. Эти корабли при попутном ветре благополучно прибыли на четвертый день в гавань Руспины, где стоял лагерь Цезарь. Таким образом, Цезарь одновременно испытал двойное удовольствие и радость: он получил и хлеб, и подкрепления, наконец-то обрадовал своих солдат и, с облегчением продовольственных затруднений, перестал беспокоиться. Тогда он приказал высадившимся легионам и всадникам отдохнуть от утомительной качки и распределил их по фортам и укреплениям.

²³ См. гл. 8.

35. Узнав об этом, Сципион и его приближенные стали удивляться и недоумевать: Цезарь, который привык сам открывать военные действия и заманивать на сражение, теперь внезапно изменился. Очевидно, он действует не без серьезных оснований. Его терпение стало теперь внушать им большие опасения, и они послали лазутчиками, под видом перебежчиков, в лагерь Цезаря двух гетулов, которых считали вполне сочувствующими их делу, пообещав им большие награды. Как только последние были препровождены к нему, они попросили позволения безбоязненно сказать всю правду. Получив это позволение, они говорят: *часто, император, мы, гетулы, служащие в 4-м и 5-м легионах, клиенты Мария²⁴ и почти все римские граждане, хотели в большом количестве бежать к тебе в твой лагерь; но конная нумидийская стража не давала нам сделать это безопасно. Теперь, когда эта возможность представлялась, мы с величайшей радостью являемся к тебе, хотя, собственно, Сципион послал нас разведчиками, чтобы узнать, устроены ли у вас перед лагерем и у ворот вала рвы, или ловушки против слонов, а также разведать и сообщить о ваших дальнейших мерах против тех же животных и о приготовлениях к сражению.* Цезарь похвалил их и наградил воинским жалованьем²⁵, а затем они были отведены к остальным перебежчикам. Их слова вскоре подтвердились: уже на следующий день из названных гетулами легионов перебежало к Цезарю в лагерь много легионных солдат от Сципиона.

36. Во время этих происшествий под Руспиной комендант Утики, М. Катон²⁶, ежедневно производил набор из вольноотпущенников, африканцев, наконец, даже рабов и всякого рода

²⁴ См. гл. 32.

²⁵ В подлиннике: *stipendio donati*. Неясно, что это было за *Stipendium*. Возможно, что эти перебежчики были включены в армию Цезаря.

²⁶ См. гл. 22.

людей, которые только по возрасту своему могли носить оружие; набранные немедленно и регулярно пересылались к Сципиону в лагерь. Тем временем из города Тиздры, в который было свезено итальяскими купцами и землепашцами около трехсот тысяч модиев пшеницы, прибыли к Цезарю послы. Они сообщили ему, как велик у них запас хлеба, и вместе с тем просили послать им гарнизон для обеспечения охраны хлеба и других запасов. Цезарь тотчас же поблагодарил их и обещал прислать гарнизон в скором времени. Ободрив, он отпустил их к согражданам. Тем временем П. Ситтий²⁷, вступив с войсками в пределы Нумидии, взял с бою лежавший на укрепленном месте форт, в который Юба свез для военных надобностей хлеб и все другие военные запасы.

37. Второй транспорт усилил Цезаря двумя легионами ветеранов, конницей и легковооруженной пехотой, и Цезарь немедленно приказал разгрузившимся кораблям отправляться в Лилибей для перевоза остальной армии; а сам на шестой день до февральских Календ около времени первой стражи отдал распоряжение всем разведчикам и своим личным служителям явиться к нему. И вот совершенно неожиданно для всех он приказал в третью стражу вывести все легионы и идти за ним по направлению к городу Руспине, в котором он сам имел гарнизон и который первый примкнул к нему. Спустившись отсюда с небольшой возвышенности, он повел легионы левой стороной равнины вдоль морского побережья. Эта удивительно гладкая равнина тянется на пятнадцать миль. Ее замыкает с моря не очень высокий горный хребет и образует нечто похожее на амфитеатр. На этом хребте есть немного высоких холмов, на которых находились с очень давнего времени отдельные башни и обзорные сторожки; у последней из них стоял гарнизон и караул Сципиона.

²⁷ См. гл. 25.

38. Цезарь поднялся на указанный мною хребет и начал воздвигать на каждом холме башню и форт, сделал это менее чем в полчаса и находился уже очень недалеко от последнего холма и башни, которые были ближе всего к лагерю противников и на которых, как я указал, стоял нумидийский гарнизон и караул. Пробыв там некоторое время и, осмотрев местность, он расположил там конные посты, а легионам дал работу — провести и укрепить боковую шанцевую линию по середине хребта, от того места, к которому он пришел, до того, из которого вышел. Когда это заметили Сципион и Лабиэн, они вывели из лагеря всю конницу и, образовав конную боевую линию, прошли от своих укреплений вперед приблизительно на тысячу шагов, а пехотные силы, составлявшие вторую линию, они поставили менее чем в четырехстах шагах от своего лагеря.

39. Цезарь ободрял солдат за работой и нисколько не смущался близостью неприятельских сил. Только тогда, когда он заметил, что между неприятельской линией и его укреплениями не больше полутора тысяч шагов, и понял, что враг подходит ближе с целью мешать нашим солдатам и отгонять их от работы, — он счел необходимым вывести легионы из укреплений, ограничившись, однако, приказом, чтобы испанские эскадроны поспешно поскакали к ближайшему холму, выбили оттуда неприятельский пост и захватили этот пункт. Туда же он приказал идти следом на помощь небольшому числу легковооруженных. Бросившись туда, они быстро напали на нумидийцев, часть из них захватили в плен живыми, переранили нескольких бегущих всадников и овладели пунктом. Лабиэн заметил это и, чтобы скорее подать своим помощь, приказал почти всему правому флангу своей конницы оставить фронт и повернуть; с ней он и поспешил на помощь к своим уже обратившимся в бегство людям. Когда Цезарь увидал, что Лабиэн отошел довольно далеко от

своих главных сил, то чтобы отрезать врага, он направил, на него левый фланг своей конницы.

40. На поле сражения была очень большая усадьба с четырьмя башнями. Она загораживала Лабиэну горизонт и мешала ему заметить, что конница Цезаря отрезывает его. Поэтому он только тогда увидел Юлиевы эскадроны, когда они стали на его глазах рубить его людей в тылу. Так как от этого вся нумидийская конница пришла в ужас, то он поспешил бежать прямо в лагерь. Галлы и германцы, которые устояли, были обойдены сверху и с тылу и после храброго сопротивления были все до одного перебиты. Как только это заметили выстроенные перед лагерем легионы Сципиона, они обезумели от панического страха и побежали всеми воротами в лагерь. Сбив Сципиона и его войска с поля и с холмов и загнав в лагерь, Цезарь приказал трубить отбой и всю конницу вернул в свои окопы. Когда поле было очищено от неприятелей, он обратил внимание на удивительные тела галлов и германцев; они последовали за Лабиэном ввиду его авторитета из Галлии, частью их соблазнили примкнуть к нему награды и обещания, а некоторые принадлежали к армии Куриона и, будучи взяты в том сражении в плен, были помилованы и потому пожелали достойным образом отблагодарить своей верной службой. Их удивительно красивые и большие тела лежали теперь изрубленными и бездыханными в разных местах по всему полю.

41. На следующий день после этого сражения Цезарь вывел когорты из всех укрепленных пунктов и все свои боевые силы выстроил на открытом поле. Сципион, потерявший после этого дурного приема много людей убитыми и ранеными, стал держаться за своими укреплениями. А Цезарь, выстроив войско, начал временно подходить вдоль подножья хребта к его укреплениям. И уже Юлиевы легионы находились на расстоянии менее тысячи шагов от занятого Сципио-

ном города Узиты, когда Сципион из боязни потерять город, который снабжал его войско водой и всем прочим провиантом, вывел из лагеря все свои силы, выстроил их в четыре линии (причем первую линию, по обыкновению, у него образовала поставленная прямым фронтом конница по эскадронам, а в ее промежутках слоны с башнями и вооруженными людьми) и поспешил на помощь к своим. Заметив это, Цезарь подумал, что он идет против него с определенным намерением дать сражение. Но Сципион остановился около города на том месте, о котором было говорено выше, так что его центр был прикрыт этим городом, а правый и левый фланги, где были слоны, поставил на виду у противника.

42. Цезарь прождал почти до захода солнца и убедился, что Сципион не решается двигаться ближе к нему с того места, на котором стоял, но рассчитывает, в случае крайности, более на защиту самой местности, чем на рукопашный бой на равнине. Поэтому он счел разумным не подходить в этот день ближе к городу, так как знал, что там стоит большой нумидийский гарнизон и что враги прикрыли свой центр городом. Вместе с тем он видел, что ему нелегко одновременно атаковать город и вести бой правым и левым флангами на неудобной позиции, тем более, что его солдаты простояли с раннего утра голодными и утомились. Поэтому он отвел свои войска назад в лагерь и на следующий день начал выводить свои укрепления ближе к неприятельской боевой линии.

43. Тем временем Консидий, осаждавший с восемью когортами и нумидийскими и гетульскими наемниками Ахулла, в которой стоял со своими когортами Г. Мессий, неоднократно делал попытки отрезать город большими верками, но это ему совсем не удавалось, так как горожане их поджигали. Пораженный внезапным известием о конном сражении, он сжег хлеб, бывший у него в лагере в большом количестве, испортил вино, масло и прочие продукты, снял

осаду Ахуллы, двинулся через царство Юбы к Сципиону и, уступив ему часть своего отряда, вернулся в Адрумет.

44. Между тем один корабль из второго транспорта, отправленного Аллиэном из Сицилии, на котором были римские всадники Кв. Коминий и Л. Тицида, отбился от остальной эскадры и был отнесен ветром к Тапсу. Здесь его перехватил лодками и весельными судами Вергилий и привел к Сципиону. Точно так же и другой корабль (трирема из той же эскадры) был отнесен бурей к Эгимуру и захвачен эскадрой Вара и М. Октавия; на нем были ветераны с центурионом и несколько новобранцев. Вар распорядился доставить их под стражей, не чиня им оскорблений, к Сципиону. Когда они к нему прибыли и стали перед его трибуналом, он сказал: *я хорошо знаю, что вы безбожно преследуете сограждан и всех истинных патриотов не по доброй воле, но что вас принудил к тому подстрекательством и приказом ваш известный своими преступлениями полководец. Так как судьба отдала вас в нашу власть, то если вы будете защищать республику и истинных патриотов (то, чтоб вы и должны делать), мое твердое решение — даровать вам жизнь и наградить деньгами. Говорите теперь, что вы думаете.*

45. Произнеся речь, Сципион думал, что за его милость его, несомненно, поблагодарят, и потому позволил им отвечать. Но из них центурион 14-го легиона сказал: *за твою великую милость, Сципион (императором я тебя не называю), я тебе благодарен, так как ты мне, военнопленному, обещаешь жизнь и пощаду; и, может быть, я и воспользовался бы этой твоей милостью, если бы к ней не присоединялось величайшее преступление. Я ли должен поднять оружие против моего императора Цезаря, у которого я служил командиром центурии, и против его армии, за честь и победу которой я сражался больше тридцати шести лет? Я этого делать не намерен, и тебе очень советую бросить свою затею. Если ты раньше не испытал, с чьими войсками ты борешься, можешь узнать теперь. Выбери из своего войска одну когорту, которую ты*

считаешь самой храброй, и поставь против меня, а я из моих товарищей, которые теперь находятся в твоей власти, возьму не больше десяти человек. Тогда наша храбрость покажет тебе, чего ты можешь ожидать от своего войска.

46. После того как центурион хладнокровно высказался против Сципиона, последний, не ожидавший такого ответа, разгневался и оскорбился и дал понять своим центурионам, чего он от них хочет: центурион был убит у его ног, а остальных ветеранов он приказал отделить от новобранцев. *Уведите, сказал он, этих людей, оскверненных безбожным преступлением, насыщенных кровью своих сограждан!* Тогда их вывели за вал и казнили мучительной казнью. Новобранцев он приказал распределить по легионам, Коминия же и Тициду не позволил приводить к себе на глаза. Цезарь был этим очень огорчен и тех, которые по его приказу несли сторожевую службу на военных кораблях в открытом море у Тапса с целью охраны его военных и грузовых судов, он за небрежность, исключил с позором из армии и распорядился опубликовать строжайший эдикт против них.

47. Приблизительно в это же время с войском Цезаря случилось нечто невероятное. По заходе Плеяд около второй стражи вдруг пошел страшный проливной дождь с каменным градом. К этому присоединилась другая беда: Цезарь не держал, как это делалось прежде, своего войска на зимних квартирах, но, выступая в поход и приближаясь к врагу, почти каждые три-четыре дня разбивал новый лагерь, так что солдаты, занятые постоянной шанцевой работой, не имели возможности подумать о самих себе. Сверх того, при отправке войска из Сицилии, за исключением только солдат и их вооружения, Цезарь не позволил грузить корабли ни вещами, ни рабами, ни вообще всем тем, что обыкновенно солдату бывает нужно. А в Африке солдаты не только ничего не приобрели себе и не запасли, но даже вследствие большой

дороговизны продовольствия истратили и раньше приобретенное. При таком оскудении только очень немногие из них спали в кожаных палатках, остальные же ночевали в маленьких палатках, сделанных из одежды или сплетенных из камыша и цыновок. И вот, когда пошел ливень с градом, палатки пострадали от навалившейся на них тяжести и от сильной воды были подмыты и сбиты, в темноте ночи погасли огни, все пищевые продукты были испорчены, и люди бродили по всему лагерю, прикрывая головы щитами. В ту же ночь в 5-м легионе сами собой загорелись острия металлических копий.

48. Тем временем царь Юба получил от Сципиона известие о конном сражении и был вызван его же письмом. Часть войска он оставил под командой Сабурры²⁸ против Ситтия, а сам двинулся из своей страны к Сципиону, чтобы своим присутствием придать некоторый вес войску Сципиона и нагнать страх на войско Цезаря. С ним шли три легиона, восемьсот всадников с уздой, большая масса безуздных нумидийцев и легковооруженной пехоты, а также тридцать слонов. По прибытии Юба разбил с указанными войсками не очень далеко от Сципиона свой собственный царский лагерь. В лагере Цезаря до сего времени продолжался большой страх, и ожидание царского войска сделалось еще более напряженным перед самым приходом Юбы. Но когда наша армия стала лагерем против царской, она прониклась презрением к царскому войску и оставила всякий страх. Таким образом, весь тот вес, который Юба имел заочно, он, как только появился лично, потерял. Но, конечно, всякому было понятно, что прибытие царя придало Сципиону духу и уверенности. Ибо на следующий день он вывел все свои и царские силы с шестьюдесятью слонами, построил их с возможной внушитель-

²⁸ См. Bell. Civ., II, 41 след.

ностью в боевую линию и продвинулся на некоторое расстояние от своих укреплений; однако вскоре после того он снова вернулся в лагерь.

49. Когда Цезарь заметил, что к Сципиону собрались почти все силы, которых он ожидал, и что дело дойдет без задержек до сражения, он начал двигаться со своим войском по хребту, удлинять боковые линии укрепления, строить новые редуты и, по мере приближения к Сципиону, спешить с захватом возвышенных пунктов. Противники, полагаясь на свои большие силы, заняли ближайший холм и этим лишили Цезаря возможности продвигаться дальше. Лабиеэн уже давно решил захватить тот же холм и тем скорее достиг его, чем был к нему ближе.

50. Прежде чем дойти до того холма, который Цезарь хотел занять, ему надо было перейти через довольно широкую лощину, лежащую на дне крутого обрыва, многие места которой были изрыты наподобие пещер; за этой лощиной шел густой оливковый лес. Лабиеэн заметил, что если Цезарь захочет захватить этот пункт, ему придется сначала перейти через лощину и оливковый лес. Зная эту местность, он расположился в засаде с частью конницы и с легковооруженной пехотой. Кроме того, за горой и холмами он спрятал всадников, чтобы они показались с холма как раз в то время, когда он сам неожиданно нападет на легионеров: таким образом, Цезарь и его войско будут двойным нападением приведены в замешательство и, не находя возможности ни отступить назад, ни двигаться вперед, будут окружены и уничтожены. Но когда Цезарь, выслав вперед конницу и не зная о засаде, дошел с легионами до этого места, противники либо забыли об указаниях Лабиеэна, либо, может быть, испугались, что их в ямах задавят всадники, и потому стали небольшими группами и даже поодиночке выходить из пещер и устремляться к вершине холма. Настигшие их всадники Цезаря частью перебили

их, частью взяли в плен живыми, а затем немедленно бросились на холм и, выбив оттуда отряд Лабиезна, овладели им. Лабиезн с некоторой частью всадников едва спасся бегством.

51. После этого удачного кавалерийского дела Цезарь распределил между легионами шанцевые работы и на том холме, которым он овладел, разбил укрепленный лагерь. Затем от своего главного лагеря посередине равнины напротив города Узиты (находившегося на равнине между его лагерем и лагерем Сципиона и занятого Сципионом) он начал вести две боковых шанцевых линии, направляя их так, чтобы они примыкали к правому и левому углам этого города. Эту работу он производил с той целью, чтобы к тому моменту, когда он придвинет войска ближе к городу и начнет осаду, его фланги были прикрыты шанцевыми укреплениями и чтобы неприятельская конная масса не могла окружить его и заставить снять осаду. Кроме того, этим облегчались переговоры между обеими сторонами, и желающим открывалась возможность перебежать к нему: то, что до сих пор сопровождалось большой опасностью для перебежчиков, теперь могло происходить без затруднений и безопасно. Приближением к неприятелям он хотел также испытать, намерены ли они дать сражение. Помимо всех других соображений, это место лежало низко, и там можно было вырыть много колодцев, а Цезарь нуждался в воде, которая, вдобавок, была от него далеко. В то время, как легионы занимались упомянутой работой, часть войска стояла перед шанцами в боевом порядке близко от неприятеля, и варварские всадники и легковооруженные пехотинцы постоянно завязывали небольшие рукопашные бои.

52. Когда Цезарь уже подвечер отводил войска с этих работ в лагерь, то Юба, Сципион и Лабиезн со всей конницей и легковооруженной пехотой стремительно атаковали легионеров. Цезаревы всадники, сбитые внезапным натиском всей массы врагов, на некоторое время подались назад. Но это

нападение кончилось не так, как ожидали противники: Цезарь, вернув свои войска с полпути, подал помощь своим всадникам; подход легионов прибавил всадникам духу, и они, повернув коней против врага, атаковали нумидийцев, налетавших в пылу преследования врассыпную, и погнали их назад вплоть до царского лагеря, причем многие из них были ранены и перебиты. И если бы сражение не началось ночью и поднявшаяся от ветра пыль не помешала видеть хоть что-либо издали, то Юба с Лабиеном попали бы пленными в руки Цезаря, а их конница с легковооруженной пехотой была бы вся поголовно уничтожена. Тем временем солдаты из 4-го и 6-го легионов Сципиона стали в чрезвычайно большом количестве убегать частью в лагерь Цезаря, частью кто куда мог; точно так же сюда направлялось и много всадников Куриона, потерявших веру в Сципиона и его боевую мощь.

53. Так действовали оба вождя в окрестностях Узиты. В это время два легиона, 10-й и 9-й, отправившиеся на грузовых кораблях из Сицилии, заметили уже невдалеке от Руспинской гавани Цезаревы суда, несшие караульную службу у Тапса, и, боясь наткнуться на подстерегающую их в засаде неприятельскую эскадру, по ошибке направились наутад в открытое море, где подверглись сильной и продолжительной качке, пока, наконец, много дней спустя, изнемогая от жажды и голода, не добрались до Цезаря.

54. Но, высадив эти легионы, Цезарь помнил о прежнем своеволии солдат в Италии²⁹ и об определенной наклонности

²⁹ Имеется в виду бунт (в 47 году до н. э.) квартировавших в Кампании легионов, особенно 10-го и 12-го. Они двинулись на Рим, по дороге убили двух посланных к ним сенаторов и едва были успокоены самим Цезарем. Во всяком случае бунт этот помешал своевременному выступлению Цезаря в Африку и вообще был опасен для всей африканской кампании.

некоторых из них к грабежам. Поэтому он воспользовался тем незначительным обстоятельством, что военный трибун 10-го легиона Г. Авиэн не взял в Сицилии на борт ни одного солдата, но занял весь продовольственный корабль своей прислугой и животными. На следующий же день были созваны трибуны и центурионы всех легионов, и Цезарь обратился к ним с трибунала со следующими словами: Я очень хотел бы, чтобы люди сами, наконец, положили предел своей дерзости и крайнему своеволию и не злоупотребляли бы моей мягкостью, умеренностью и терпением. Но так как они не определяют для самих себя ни границ, ни меры, то я сам, по военному обычаю, проучу их с тем, чтобы другие вели себя иначе. Г. Авиэн! Так как ты в Италии подстрекал солдат римского народа против республики, а в муниципиях занимался грабежом и так как ты оказался бесполезным для меня и для республики, погрузив на корабли, вместо солдат, свою прислугу и животных, и по твоей милости республика в нужное время бедна солдатами, — по этим причинам я исключаю тебя из своей армии и приказываю сегодня же оставить Африку и удалиться как можно скорей. Так же и тебя, А. Фонтей. за то, что ты был мятежным военным трибуном и плохим гражданином, я увольняю из своей армии. Т. Салиэн, М. Тирон, Г. Клузинат! Так как вы получили в моей армии должность командиров центурий моей милостью, но не за свою доблесть, и вели себя столь дурно, что ни на войне не были храбрыми, ни в мире порядочными и полезными людьми, но более думали о мятеже и подстрекательстве солдат против своего императора, чем о воинской чести и дисциплине, то я считаю вас недостойными командования центуриями в моей армии, я вас увольняю и приказываю как можно скорее оставить Африку. После этого он распорядился передать их центурионам, оставить при каждом из них не более, чем по одному рабу и посадить их на корабль отдельно друг от друга.

55. Тем временем перебежчики-гетулы, которые, как мы выше указали³⁰, были посланы с письмами и поручениями от Цезаря, прибыли к своим согражданам. Их авторитет и имя Цезаря легко склонили последних к отпадению от Юбы: все они быстро взяли за оружие и без колебания начали военные действия против царя. Узнав об этом, Юба, отвлеченный тройною войною³¹ и поставленный этим в крайне тяжелое положение, отправил в пределы своего царства для защиты его от гетулов шесть когорт из той армии, которую он привел против Цезаря.

56. Со своей стороны, Цезарь провел боковые шанцевые линии и продвинул их до такого пункта, куда не могли долетать неприятельские снаряды. Этим он укрепил свой лагерь и, поставив перед ним против города много балист и скорпионов, беспрерывно отгонял защитников стены, причем привел сюда из прежнего лагеря пять легионов. Наиболее уважаемым и известным людям с обеих сторон это дало повод добиваться свидания со своими друзьями и родственниками. Цезарь хорошо понимал, сколько от этого было пользы. И действительно, знатные гетулы из царской конницы и командиры конных частей, предки которых раньше служили под начальством Мария и за это получили от него в награду земли и поместья, а после победы Суллы были отданы во власть царя Гиэмпсала³², — удружили случай и в начале ночи перебежали в количестве около тысячи человек с конями и прислугой в лагерь Цезаря, находившийся на равнине очень недалеко от Узиты.

³⁰ См. гл. 32.

³¹ С Цезарем, Ситтием и гетулами.

³² После поражения Югурты нумидийский престол перешел к его старшему брату Гауде, которому наследовал его сын Гиэмпсал II. С помощью марианцев он был свергнут с престола, но победивший (в 81 году) марианцев Помпей восстановил Гиэмпсала в правах и подчинил ему независимых до сего времени гетулов. Ср. гл. 32 и 34.

57. Такой оборот дела очень встревожил Сципиона и его приближенных, и как раз около этого времени они увидели М. Аквиния в беседе с Г. Сасерной. Сципион послал сказать Аквинию, что ему незачем разговаривать с противниками. Но гонец вернулся к Сципиону с ответом, что Аквинию остается кое-что договорить. Тогда уже Юба со своей стороны послал к нему посыльного, сказать в присутствии Сасерны: *царь запрещает тебе разговаривать*. Испуганный этим запрещением, тот ушел и послушался царя. И это случилось с римским гражданином, да еще получившим почести от римского народа! В то время как республика была невредима и все его личное достояние было цело, он предпочел оказать повиновение варвару Юбе, вместо того чтобы послушаться приказа Сципиона или, по крайней мере, после поражения своей партии благополучно вернуться на родину! Но еще высокомернее поступил Юба уже не с таким новым человеком и рядовым сенатором, как М. Аквиний, а с самим Сципионом, высоко стоявшим по своему происхождению, общественному положению и сану. До прихода царя Сципион обыкновенно носил пурпурный плащ, а теперь, говорят, Юба имел с ним разговор о том, что Сципион не должен носить такую же одежду, как он. Вследствие этого Сципион перешел на белую одежду и покорился такому надменному и нелепому человеку, как Юба.

58. На следующий день они вывели все свои войска из всех лагерей и, найдя небольшую возвышенность недалеко от лагеря Цезаря, выстроили войско и там остановились. Цезарь также вывел свои силы и, быстро построив их перед своими полевыми укреплениями, приказал им не двигаться с места: он, несомненно, был убежден, что противники, которые, помимо большого собственного войска, располагали подкреплениями от царя и с большой быстротой выскочили вперед, сами намерены завязать бой и подойти поближе. Верхом на коне он ободрил свои легионы, дал пароль и стал выжидать

неприятельского нападения. Сам он имел серьезные основания не двигаться вперед слишком далеко от своих укреплений, так как в занятом Сципионом городе Узите были вооруженные неприятельские когорты; а у того же города с правой стороны был кизилковый кустарник, и Цезарь боялся, что, при проходе мимо него, враги сделают вылазку из города и нанесут ему сокрушительный удар во фланг. Его оставляло еще и то, что перед фронтом Сципиона был один очень трудный пункт, который, по его мнению, помешал бы его солдатам самим пойти в атаку.

59. Не считаю возможным умолчать о том, как были построены войска обеих сторон. Сципион образовал такую боевую линию. Во фронте он поставил легионы свои и Юбы, а за ними во второй линии нумидийцев, при этом такими редкими рядами и с таким распространением в длину, что издали легионным солдатам этот центр представлялся простым. На правом и на левом флангах стояли слоны с одинаковыми промежутками между ними. За слонами были поставлены в резерве легковооруженные и нумидийцы. Конницу с уздой он всю поместил на своем правом фланге, ибо левый фланг замыкался городом Узитой и там не было простора для развертывания конницы. Кроме того, на правой части своего фронта он поставил нумидийцев и бесчисленное множество легковооруженных так, что между ними было расстояние не менее тысячи шагов, и придвинул их к подножью холма на значительном расстоянии от главных сил своих и неприятельских. Это он сделал с той целью, чтобы вслед за атакой обеих армий друг на друга в самом же начале боя его конница могла развернуться на просторе, а затем внезапно окружить своей массой все войско Цезаря, привести его в замешательство и перебить дротиками. Такой план сражения был у Сципиона на этот день.

60. А боевая линия Цезаря, если начать с его левого фланга и дойти до правого, была построена следующим образом.

На левом фланге у него стояли легионы 9-й и 10-й, в центре 25-й, 28-й, 13-й, 14-й, 29-й и 26-й. На своем правом фланге он поставил часть когорт второй линии из легионов ветеранов; кроме того, он присоединил к ним несколько когорт новобранцев. Третью линию он переместил на свой левый фланг и вытянул ее до левого легиона своего центра, расположив ее так, чтобы левый фланг был тройным. Это он сделал потому, что его правый фланг был прикрыт укреплениями, но за левый приходилось бояться, может ли он дать отпор неприятельской конной массе, и потому Цезарь сосредоточил там всю свою конницу. Но так как он мало на нее полагался, то в помощь ей придал 5-й легион и между всадниками расположил легковооруженную пехоту. Стрелков он разместил повсюду на определенных местах и в разных комбинациях, особенно же на флангах.

61. Выстроенные, таким образом, на расстоянии не более трехсот шагов друг от друга, армии простояли, не вступая в бой, с раннего утра до десятого часа дня, чего, может быть, никогда до сих пор не случалось. И когда Цезарь уже начал отводить свои войска в окопы, вся находившаяся вдали нумидийская и гетулийская безуздная конница вдруг начала двигаться справа и приближаться к бывшему на холме лагерю Цезаря, а Лабиеновы всадники с уздой оставались на месте и задерживали Цезаревы легионы. Тогда всадники Цезаря с легковооруженными внезапно, помимо его приказа, бросились на гетулов и, пылко зарвавшись слишком далеко вперед, перешли даже болото; однако при своей малочисленности они не могли выдержать напора неприятельской массы и, оставив далеко позади себя легковооруженных, были разбиты и переранены и потому спаслись бегством к своим, потеряв одного всадника, много лошадей ранеными и двадцать семь легковооруженных убитыми. Сципион, довольный этим удачным кавалерийским сражением, отвел ночью свои войска в лагерь. Но судьба решила не давать полной радости во-

яющим. Когда на следующий день Цезарь послал часть своей конницы за хлебом в Лептис, она неожиданно атаковала на походе выехавших за добычей нумидийских и гетулийских всадников, около ста человек перебила, а часть взяла в плен живыми. Тем временем Цезарь ежедневно выводил легионы на равнину, продолжал проводить среди равнины шанцы, вал и рвы и, таким образом, постоянно мешал набегам противника. Сципион также стал укрепляться против Цезаря и спешил с этой работой, чтобы Цезарь не отрезал его от хребта. Таким образом, вожди были заняты проведением укреплений, но тем не менее каждый день происходили конные сражения.

62. Тем временем Вар, узнав о прибытии из Сицилии 10-го и 9-го легионов, поспешно вывел свою зимовавшую до сих пор в Утике эскадру, посадил на нее гетулийских гребцов и морских солдат, выступил с целью подстеречь врага из Утики и прибыл в Адрумет с пятьюдесятью пятью кораблями. Не зная о его приходе, Цезарь послал Л. Циспия с эскадрой в двадцать семь кораблей по направлению к Тапсу на сторожевую службу для охраны своих продовольственных транспортов; с той же самой целью он отправил вперед в Адрумет Кз. Аквила с тринадцатью военными кораблями. Циспий быстро пришел к месту назначения, но Аквила был застигнут штормом и потому не мог обогнуть мыса; впрочем, ему удалось добраться со своим флотом до безопасного от бури уголка и скрыться из виду. Остальной флот стоял в открытом море на якоре у Лептиса и не имел защитников, так как гребцы вышли на сушу и частью разбрелись по берегу, частью ушли в город для покупки съестных припасов. Вар, которому сообщили об этом перебежчики, воспользовался этим случаем, вышел во вторую стражу из малой адруметской гавани, рано утром пришел со всем флотом в Лептис, сжег грузовые корабли, стоявшие в открытом море далеко от гавани, и захватил две квинкверемы, не встретив, за отсутствием защитников, сопротивления.

63. Тем временем Цезарь получил об этом известие при обходе лагерных укреплений, которые были в шести милях от этой гавани. Тогда он оставил все дела, быстро прискакал в Лептис и побудил весь флот следовать за собой; а сам сел на очень маленькое судно, по дороге встретился с Аквиллой, бывшим в большом страхе и волнении от многочисленности неприятельских кораблей, и пустился в погоню за неприятельской эскадрой. Тем временем Вар, пораженный быстротой и смелостью Цезаря, повернул свои корабли назад и поспешил со всем своим флотом спастись бегством в Адрумет. Но Цезарь после четырех миль ходу догнал его, отбил у него квинкверему со всеми своими морскими солдатами и, сверх того, взял на ней в плен сто тридцать неприятельских караульных, а также захватил вместе с многочисленными гребцами и матросами неприятельскую трирему, которая была ближе других к нему и некоторое время сопротивлялась. Остальные неприятельские корабли миновали мыс и укрылись в малой Адруметской гавани. Цезарь при том же ветре не мог одолеть мыса и, простояв тот день и ночь в открытом море на якоре, на рассвете подошел к Адрумету, сжег там все стоявшие вне гавани грузовые корабли, а все остальные суда либо потопил, либо прогнал в гавань. Подождав там немного, на случай если противник захочет дать морской бой, он снова вернулся в лагерь.

64. На том корабле были взяты в плен римский всадник П. Вестрий и служивший у Афрания П. Лигарий³³, которого Цезарь вместе с прочими помиловал в Испании и который потом направился к Помпею, а затем, после сражений, бежал в Африку к Вару. Цезарь приказал его казнить за клят-

³³ Помпеянцы, бывшие в Испании под командой легатов Помпея Афрания и Петрея, называются и у Цезаря (Bell. Civ., I, 43 след.) афранианцами, потому что Афраний как бывший консул был старше рангом Петрея.

вопреступление и вероломство, а П. Вестрия простил, так как его брат заплатил наложенные на него деньги и так как сам он оправдался перед Цезарем тем, что, будучи взят в плен флотом Насидия³⁴, уже перед самой казнью был благодаря Вару помилован, а затем ему не представилось случая перейти к Цезарю.

65. У жителей Африки существует обычай заводить на полях и почти во всех усадьбах подземные ямы, чтобы прятать в них хлеб, и они это делают, главным образом, ввиду войн и внезапных неприятельских набегов. Об этом донесли Цезарю, и он послал туда в третью стражу два легиона с конницей за десять миль от лагеря; все они вернулись нагруженные хлебом. Узнав об этом, Лабиэн прошел от своего лагеря семь миль по хребту и холму, по которому накануне шел Цезарь, разбил там лагерь для двух легионов и, в уверенности, что Цезарь будет часто ходить туда же за провиантом, ежедневно располагался на удобных местах в засаде с большими конными и легковооруженными силами.

66. Тем временем Цезарь, узнав от перебежчиков о засаде Лабиэна, пробыл еще несколько дней в ожидании, что неприятели, часто делавшие изо дня в день то же самое, наконец, станут небрежнее; а затем вдруг рано утром приказал трем старым легионам и отряду конницы следовать за ним задними воротами, выслал конницу вперед и, напав врасплох на спрятавшихся для засады в ущельях неприятелей, перебил около пятисот легковооруженных, а остальных обратил в позорное бегство. Тем временем Лабиэн со всею конницей поспешил на помощь бегущим. Так как малочисленные цезарианцы уже не могли выдержать напора превосходных сил противника, то Цезарь появился перед неприятелем со своими выстроенными в боевую линию легионами. Это устрало и задержало Лабиэна, и, таким образом, Цезарь благополучно отвел

³⁴ О Насилии см. *Bell. Civ.*, II, 3 и 4.

свою конницу назад. На следующий день Юба распял на кресте всех нумидийцев, которые покинули свою позицию и бежали в лагерь.

67. Тем временем Цезарь, страдая от недостатка провианта, перевел все свои войска в лагерь, оставил гарнизоны в Лептисе, Руспине и Ахулле, а командование флотом поручил Циспию и Аквиле, с тем, чтобы первый осаждал с моря Адрумет, а второй — Тапс. Затем он сжег свой лагерь, выстроил в четвертую стражу все свое войско, причем обозу было отведено место на левом фланге, и, покинув этот пункт, прибыл к городу Агтару, который до сих пор весьма энергично защищали собственными силами горожане против неоднократных штурмовых атак гетулов. Там он разбил лагерь в открытом поле, а сам отправился с частью войска по усадьбам за хлебом и нашел много ячменя, масла, вина и фиг, но мало пшеницы. Подкрепив этим свое войско, он вернулся в лагерь. Тем временем Сципион при известии об уходе Цезаря пошел вслед за ним со всеми войсками по хребту и в шести милях от его лагеря разбил три лагеря, разделив все войско на три части.

68. В двенадцати милях от лагеря Сципиона, но в одном с ним направлении, лежал город Зета; от Цезаря же он был дальше, в противоположной стороне, в семнадцати милях. Сюда Сципион послал два легиона за провиантом. Когда Цезарь узнал об этом от перебежчика, он перенес свой лагерь с равнины на холм, то есть на более безопасную позицию, и, оставив там прикрытие, выступил оттуда в четвертую стражу, прошел со всеми войсками мимо неприятельского лагеря и овладел городом. Здесь он узнал, что легионы Сципиона ушли далеко в окрестности за провиантом. Когда же он попытался и сам направиться туда, то заметил, что на помощь этим легионам спешат все неприятельские силы. Это замедлило его атаку. Он ограничился тем, что взял в плен близкого

друга Сципиона, римского всадника Г. Минуция Регина, бывшего комендантом этого города, и римского всадника из утической корпорации, П. Атрия, а также увел двадцать два царских верблюда. Оставив там гарнизон под командой своего легата Оппия, он начал отступать в свой лагерь.

69. Когда он был уже недалеко от лагеря Сципиона, мимо которого он должен был проходить, Лабиэн и Афраний со всей конницей и легковооруженными бросились из засады на его арьергард и выскочили с ближайших холмов. Заметив это, Цезарь выставил против врагов свою конницу, а легионерам приказал снести багаж в кучу и быстро атаковать врага. Тотчас же при первом натиске легионов неприятельская конница и легковооруженная пехота были без всякого труда сбиты с позиций и сброшены с холма. Цезарь уже думал, что разбитые и уstraшенные враги перестанут его беспокоить, и стал продолжать свой марш, но они снова бросились с ближайших холмов и точно так же, как и перед этим, на Цезаревых легионеров напали нумидийцы и легковооруженные; последние, отличаясь изумительным проворством, привыкли сражаться в рядах всадников и вместе и одновременно с ними набегать и отбегать. Они делали это часто, нападали на юлианцев во время их движения, убегали от наступавших, ближе не подходили, вообще сражались своеобразно и довольствовались нанесением ран издали дротиками. Разумеется, Цезарь понял, что единственная цель их попыток — принудить его разбить лагерь на совершенно безводном месте, чтобы его голодное войско, которое с раннего утра до десятого часа дня ничего не имело во рту, погибло вместе с животными от жажды.

70. Дело было уже подвечер, а Цезарь продвинулся, за четыре часа лишь на неполных сто шагов. Поэтому он убрал из арьергарда конницу вследствие потерь в лошадях и стал назначать в арьергард, на смену ей, легионы. Под прикрытием легионеров ему легче было выдерживать неприятельские

атаки, и он продолжал двигаться спокойно и не спеша. Тем временем нумидийские конные отряды стали справа и слева выскакивать с холмов и окружать войско Цезаря кольцом, а часть их нападала на его аррьергард. Если тем временем три-четыре Цезаревых ветерана оборачивались и изо всех сил пускали копья в наступающих нумидийцев, то те все до одного, в количестве более двухсот, повертывали тыл, а затем, снова повернув лошадей против его войска, в разных местах собирались, на известном расстоянии преследовали легионеров и бросали в них дротики. Таким образом, Цезарь то подвигался вперед, то останавливался и, довольно поздно закончив свой марш, в первом часу ночи довел свое войско благополучно, за исключением десяти раненых, до лагеря. Лабиэн также вернулся к своим главным силам, причем у него около трехсот человек было убито, много ранено, и все устали от настойчивых атак. Тем временем Сципион, который вывел свои легионы со слонами и выстроил последних перед лагерем на виду у Цезаря для устрашения его солдат, отвел свои силы в лагерь.

71. Для борьбы с такими разнородными неприятельскими войсками Цезарь стал учить своих солдат не как полководец ветеранов, одержавших ряд блестящих побед, но как фехтмейстер новичков-гладиаторов, наставляя их, на сколько шагов они должны отступать от врага, как они должны против него становиться, на каком расстоянии оказывать сопротивление, когда выбегать, когда отходить и грозить наступлением, с какого места и как пускать копья. Дело в том, что неприятельская легковооруженная пехота чрезвычайно тревожила и беспокоила наше войско, так как всадников она отпугивала от сражения вследствие гибели лошадей, а легионных солдат утомляла своей быстротой: действительно, как только атакуемые ею тяжеловооруженные солдаты останавливались и переходили в контратаку, те быстро убегали и этим легко спасались от гибели.

72. Все это очень тревожило Цезаря, ибо каждый раз, как завязывалось сражение, он одной своей конницей без поддержки легионных солдат никоим образом не мог помериться с конницей и легковооруженной пехотой неприятеля. Это тем более беспокоило его, что он еще не имел дела с неприятельскими легионами и не представлял себе, как он будет держаться против этой конницы и легковооруженной пехоты (действительно замечательной), если к ней прибавятся еще и легионы. Помимо того, огромный рост слонов и масса их продолжали приводить в ужас солдат. Впрочем, против этого он скоро нашел средство; он приказал переправить из Италии слонов, чтобы солдаты познакомились с внешним видом и особенностями этого животного и знали, в какую часть его тела можно легко попасть копьем и какая даже тогда остается неприкрытой, когда слон снаряжен и одет в броню, так чтобы можно было направлять в нее копья. Кроме того, надо было приучить и лошадей к запаху, реву и внешнему виду этих зверей, так чтобы они перестали их бояться. Этим он много выиграл: его солдаты трогали этих животных руками и убеждались в их медлительности, всадники пускали в них копья с притупленными концами, лошади тоже привыкли к зверям, благодаря их терпеливости.

73. По указанным выше причинам Цезарь сделался озабоченнее, медлительнее и осторожнее и оставил свою прежнюю быстроту, с которой он привык вести войны. И неудивительно: в его распоряжении были войска, привыкшие воевать в Галлии в открытом поле, с людьми прямыми и отнюдь не коварными, которые боролись храбростью, а не хитростью; затем он должен был старательно приучить своих солдат самим разбираться в обманных, коварных и хитроумных приемах врагов и определять, что делать и чего избегать. Поэтому, чтобы они скорее это усвоили, он старался не задерживать легионы на одном месте и под видом добывания провианта перебрасывал

их туда и сюда, так как был убежден, что неприятельские войска ни на шаг не уйдут от него. Уже на третий день он вывел в полном порядке свои войска и, сохраняя боевое настроение, прошел мимо лагеря врагов, заманивая их на сражение на выгодной для него позиции. Но увидав, что они не имеют этого желания, он подвечер снова отвел легионы в лагерь.

74. Тем временем прибыли послы из города Ваги, соседнего с Зетой, которым, как мы указали³⁵, овладел Цезарь. Они убедительно просили прислать им гарнизон и со своей стороны обещали много поставлять ему для военных нужд. Около того же времени пришедший (из сердечного расположения жителей) к Цезарю перебежчик сообщил затем своим согражданам, что царь Юба налетел со своими войсками на город еще прежде, чем туда мог придти гарнизон Цезаря, и, окружив его всей массой, тут же его взял, его жителей всех до одного перебил, а самый город отдал своим солдатам на разграбление и разрушение.

75. Тем временем Цезарь произвел на двенадцатый день до апрельских Календ смотр своему войску, а на следующий день вывел все свои силы из лагеря, продвинулся на пять миль и остановился в боевом порядке на расстоянии двух миль от лагеря Сципиона. Заметив, однако, что неприятели, которых он уже довольно давно вызывал на сражение, уклоняются от него, он отвел свои войска назад; но на следующий день снялся с лагеря и спешно направился к городу Сарсуре, где у Сципиона стоял нумидийский гарнизон и был свезен хлеб. Как только это заметил Лабиэн, он, с конницей и легковооруженной пехотой, стал беспокоить его арьергард. Отбив при этом кладь маркитантов и торговцев, возивших свои товары на телегах, он ободрился и стал смелее наступать на легионы, в предположении, что солдаты под тяжестью поклажи не будут в состоя-

³⁵ См. гл. 68.

нии сражаться. Но Цезарь это своевременно предусмотрел, приказав, чтобы в каждом легионе было наготове по триста человек. Их-то он и направил в помощь своим эскадронам против конницы Лабиена. Тогда Лабиен при виде легионных знамен в страхе повернул коней и обратился в позорнейшее бегство. Перебив и переранив у него много народа, наши легионеры возвратились к своим частям для продолжения похода. Лабиен все время шел за ними следом по хребту возвышенности, держась правой стороны.

76. По прибытии к городу Сарсуре Цезарь уничтожил на глазах у неприятеля Сципионов гарнизон, которому свои не осмелились подать помощь, несмотря на храброе сопротивление его командира, Сципионова ветерана-добровольца П. Корнелия, который в конце концов был окружен массой солдат и убит. Цезарь завладел городом и, дав там своему войску хлеба, на следующий день прибыл к городу Тиздре, в котором в это время стоял Консидий с большим гарнизоном и с целой когортой собственных гладиаторов. Осмотрев местоположение города, Цезарь отказался за недостатком воды от его осады, тут же прошел около четырех миль и разбил лагерь у воды; а затем выступив отсюда на четвертый день, снова вернулся в тот лагерь, который был у него под Агтаром. То же сделал и Сципион и также увел свои войска в старый лагерь.

77. Тем временем табенцы, жившие в самой дальней приморской области царства Юбы и с давних пор находившиеся в покорности и повиновении его власти, вдруг перебили царский гарнизон и отправили к Цезарю послов; сообщив о происшедшем, они убедительно просили подать им в их тяжелом положении помощь за их заслуги перед римским народом. Цезарь одобрил их образ действия и послал для охраны Табены Марция Криспа с тремя когортами и большим количеством стрелков и метательных орудий. В то же время к Цезарю прибыли с четвертым транспортом около четырех тысяч солдат из всех легионов, которые, по болезни

или пользуясь отпуском, не могли раньше переправиться в Африку вместе со своими частями, четыреста всадников и тысяча пращников и стрелков. Теперь он вывел все эти силы и легионы в полном боевом порядке и расположился лагерем в открытом поле, в пяти милях от своего собственного лагеря и в двух милях от лагеря Сципиона.

78. Вблизи лагеря Сципиона был город, называемый Тегей, где у него обычно стоял конный гарнизон числом около двух тысяч человек. Эту конницу он выстроил вправо и влево от боковых частей города, а сам вывел из лагеря легионы, выстроил их на нижней части хребта, прошел не более тысячи шагов от своих укреплений и стал с войском в боевом порядке. Но так как Сципион слишком долго стоял на одном месте и весь день проходил без дела, то Цезарь приказал эскадронам своих всадников напасть на неприятельскую конницу, стоявшую на карауле у города, и туда же послал в подкрепление легковооруженную пехоту, стрелков и пращников. Когда юлианцы, во исполнение его приказа, немедленно пришпорили коней и бросились в атаку, Пацидей начал вытягивать своих всадников в длину, чтобы они получили возможность не только окружить юлианские эскадроны, но и завязать горячий и отважный бой. Как только Цезарь это заметил, он приказал трем сотням готовых к бою солдат (а такие отряды по триста человек у него были из всех легионов) из того легиона, который в боевой линии этого сражения был к нему ближе всех, идти на помощь коннице. Тем временем Лабийен постоянно посылал своим всадникам конные подкрепления и заменял раненых и изнуренных нетронутыми и свежими силами. Юлианские всадники в составе четырехсот человек не могли выдержать напора неприятелей, которых было четыре тысячи, и, страдая от ран, которые им наносили легковооруженные нумидийцы, начали малопомалу отступать. Тогда Цезарь послал другой эскадрон, чтобы поскорее помочь теснимым. Это подняло их дух: они

все до одного атаковали врага и обратили его в бегство. Много народа перебив и немало переранив, они преследовали врагов на протяжении трех миль вплоть до самого холма и только тогда вернулись к своим. Цезарь, пробыв там до десяти часов, возвратился в свой лагерь без потерь и в полном боевом порядке. В этом сражении Пацидей был тяжело ранен в голову сквозь шлем копьем; много было также убито и ранено командиров и храбрых солдат.

79. Так как Цезарь никоим образом не мог принудить противников спуститься на ровное место и рискнуть своими легионами, а равно и сам не видел возможности разбить лагерь ближе к неприятелю из-за недостатка воды, то он понял, что противники не столько уверены в своей доблести, сколько презирают его именно из-за этого безводья. Выступив в третью стражу накануне апрельских Нон и пройдя от Аггара десять миль, он расположился лагерем у Тапса, где стоял Вергилий с большим гарнизоном. В тот же день он начал облагать город осадными укреплениями и повсюду занимать гарнизонами удобные и подходящие места, чтобы враги не могли проникнуть к нему и занять его внутренние укрепления. Тем временем Сципион, понявший намерения Цезаря и вынужденный к сражению, поспешно пошел по горам вслед за Цезарем и стал двумя лагерями в восьми милях от Тапса, чтобы не лишиться позорнейшим образом весьма преданных его делу тапситанцев и Вергилия.

80. Было здесь соленое болото, между которым и морем пролегалo ущелье не более шестисот шагов в ширину. Им-то и хотел пройти Сципион, чтобы подать помощь тапситанцам. Но Цезарь и это предвидел. Еще накануне он заложил в этом месте форт и оставил там гарнизон из трех когорт, а сам расположился в лунообразном³⁶ лагере под Тапсом и начал

³⁶ Шнейдер сомневается в том, что этот лагерь имел лунообразную форму.

со всех сторон окружать его укреплениями. Тем временем Сципион, потерпев неудачу в этом замысле, на следующий день совершил ночной переход к северу от болота и на рассвете остановился недалеко (в шестистах шагах по направлению к морю) от вышеупомянутого лагеря и гарнизона и стал укреплять свой лагерь. Когда об этом дали знать Цезарю, он увел солдат с работы, оставил для прикрытия лагеря проконсула Аспрената с двумя легионами, а сам с готовыми к бою войсками спешно отправился туда. Часть флота он оставил у Тапса, а остальным кораблям приказал приставать по возможности к самому берегу в тылу у врагов и следить за его сигналом: как только он будет дан, они должны вдруг неожиданно поднять крик и нагнать с тылу на врагов страха, чтобы они в смятении и панике принуждены были озираться назад.

81. Когда Цезарь прибыл и заметил, что боевая линия Сципиона находится перед валом (со слонами на правом и на левом флангах) и что при этом часть солдат довольно деятельно укрепляет лагерь, то сам он построил свое войско в три линии, причем на правом фланге стояли против врага 10-й и 9-й легионы, на левом 13-й и 14-й; в четвертой линии у самых флангов стояло против слонов по пять когорт 5-го легиона, стрелки и пращники были расположены на обоих флангах, а легковооруженная пехота была размещена между всадниками. Сам он пешком стал обходить солдат и, упоминая в дружеском обращении к ним о проявленной ветеранами храбрости и о прежних сражениях, возбуждал в них боевой дух. А новобранцев, пока еще не бывших в бою, он ободрял к состязанию в храбрости с ветеранами и рекомендовал им стремиться к победе и этим заслужить себе их славу, положение и имя.

82. И вот во время обхода войска он заметил, что враги у своего вала беспокойно суетятся, бегают в страхе туда и сюда, то возвращаются к воротам, то беспорядочно и без соблюдения дисциплины выходят наружу. Когда это стали замечать и

другие, то вдруг легаты и добровольцы-ветераны стали умолять Цезаря без колебания дать сигнал к бою; бессмертные боги, говорили они, предвещают полную победу. Цезарь колебался и противился их горячему желанию, он кричал, что не желает сражения, и все более и более сдерживал свои боевые линии, как вдруг, без всякого его приказа, на правом крыле сами солдаты заставили трубача затрубить. По этому сигналу все когорты со знаменами понеслись на врагов, хотя центурионы грудью загораживали солдатам дорогу и силой удерживали их от самовольной атаки без приказа императора. Но это было уже бесполезно.

83. Когда Цезарь увидел, что остановить возбуждение солдат никоим образом невозможно, он дал пароль «Счастье» и поскакал на врага. Тем временем с правого фланга пращники и стрелки осыпают снарядами и стрелами слонов. Животные, уstraшенные свистом пращей и камней, повернули, перетоптали сзади себя много столпившегося народа и бурно устремились в недоделанные ворота вала. Точно так же и мавретанские всадники, стоявшие на том же фланге для охраны слонов, теперь когда остались одни, первыми бросились бежать. Таким образом, легионы, быстро окружив животных, овладели неприятельским валом и перебили тех немногих храбрецов, которые пытались защищаться: остальные поспешно спаслись бегством в лагерь, из которого выступили накануне.

84. Здесь, мне кажется, нельзя обойти молчанием храбрость одного ветерана 5-го легиона. На левом фланге раненый слон от сильной боли бросился на безоружного обозного служителя, подмял его под ноги, а затем, став на колени, задавил его досмерти, причем поднял свой хобот и стал со страшным ревом ворочать им в разные стороны. Наш солдат не стерпел и с оружием в руках бросился на зверя. Когда слон заметил, что на него нападают с оружием, он бросил

мертвого, обвил солдата хоботом и поднял вверх. Вооруженный солдат, понимая, что в подобной опасности нельзя терять голову, стал изо всех сил рубить мечом по хоботу, в который был захвачен. От боли слон, наконец, сбросил солдата, со страшным ревом повернул назад и бегом пустился к остальным животным.

85. Тем временем солдаты гарнизона, стоявшего в Тапсе, сделали из города через приморские ворота вылазку и вышли, может быть, для того, чтобы подать помощь своим, а может быть, чтобы бросить город и спастись бегством; во всяком случае, они направились к берегу, войдя в воду до пупа. Но так как бывшие в лагере рабы и обозные мальчишки пускали в них камни и копья и не дали им подойти к берегу, то они вернулись в город. Тем временем войска Сципиона были совершенно разбиты и врассыпную бежали по всему полю, а легионы Цезаря их преследовали, не давая им времени оправиться. Они, наконец, прибежали в лагерь, к которому стремились, чтобы там оправиться, снова начать защищаться и найти какого-либо авторитетного и видного вождя, на которого можно было бы опереться и продолжать сражение. Но заметив, что там нет никакой для них опоры, они немедленно бросили оружие и поспешили бежать в царский лагерь. Оказалось, что и он уже занят юлианцами. Отчаявшись в своем спасении, они засели на одном холме и оттуда, опустив оружие, по-военному салютовали мечами победителю. Но это мало помогло несчастным: озлобленных и разъяренных ветеранов не только нельзя было склонить к пощаде врагу, но даже и в своем войске они ранили или убили нескольких видных лиц, которых они называли виновниками... В числе их был бывший квестор Туллий Руф, умышленно убитый солдатом, который пронзил его копьем; также и Помпей Руф, раненный мечом в руку, был бы убит, если бы не поспешил убежать к Цезарю. Поэтому многие римские всадники и сенаторы в страхе уда-

лились с поля сражения, чтобы и их не убили солдаты, которые, надеясь в виду своих блестящих подвигов на безнаказанность, решили вслед за этой великой победой, что им все позволено. И вот упомянутые солдаты Сципиона, хотя и зывали к Цезарю о помиловании, были все до одного перебиты у него самого на глазах, сколько он ни просил собственных солдат дать им пощаду.

86. Цезарь овладел тремя лагерями, причем неприятелей было убито десять тысяч человек, а еще более обращено в бегство, и вернулся в свой лагерь, потеряв пятьдесят человек убитыми и несколько человек ранеными. Но еще тут же на походе он остановился у города Тапса и выстроил перед ним шестьдесят четыре захваченных слона во всем снаряжении и вооружении, с башнями и украшениями. Он это сделал с той целью, чтобы этим явным доказательством поражения Сципиона по возможности сломить упорство Вергилия и остальных осажденных. Затем он лично обратился к Вергилию и предложил ему сдаться, сославшись на свою кротость и милосердие. Но увидав, что тот не дает ему ответа, оставил город. На следующий день он созвал своих солдат на сходку, принес жертву и на глазах у горожан похвалил солдат, одарил всех ветеранов и раздал с трибуны награды всем отличившимся храбростью и особыми заслугами. Затем, немедленно выступив отсюда, он поставил проконсула Ребила³⁷ с тремя легионами у Тапса, а Гн. Домиция³⁸ с двумя легионами — у Тиздры, где стоял Консидий, для продолжения осады; М. Мессалу он отправил вперед в Утику, куда поспешил и сам.

³⁷ Легат Цезаря в Галлии и во время гражданской войны (Bell. Civ., I, 26; II, 24 и 34).

³⁸ Гн. Домиций Кальвин, консул 53 года до н. э. вел в Македонии операции против Сципиона, командовал центром Цезаревой армии при Фарсале. В качестве наместника Азии был разбит Фарнаком под Никополем (Bell. Civ., III, 34 след., (Bell. Alex., 34).

87. Тем временем всадники Сципиона, бежавшие с поля сражения и направившиеся к Утике, достигли города Парады. Так как там их не хотели принять жители, которые были уже предупреждены молвой о победе Цезаря, то они взяли город с бою, снесли на его площадь кучу дров со всеми пожитками горожан, подожгли ее, всех жителей без различия пола, звания и возраста связали и живыми бросили в огонь, предав их таким образом мучительнейшей казни. Затем они прибыли в Утику. Еще до этого М. Катон, мало ожидавший опоры для своей партии со стороны жителей Утики вследствие льгот, которые им давал Юлиев закон, выгнал безоружный плебс из города и заставил его жить под стражей перед «Военными воротами», в лагере, укрепленном только фашинами и маленьким рвом; а городской сенат он содержал под караулом. На их-то лагерь и напали эти всадники и, зная, что жители Утики поддерживали партию Цезаря, приступили к штурму, с тем, чтобы их избиением отомстить за свой позор. Но жители Утики, которым победа Цезаря придала духу, отогнали всадников камнями и палками. Когда им не удалось овладеть лагерьем, они бросились в город Утику, перебили там многих горожан, а дома их взяли с бою и разграбили. Катон никоим образом не мог уговорить их вместе с ним защищать город и оставить резню и грабежи, и так как он знал, чего они хотят, то, чтобы отвязаться от них, дал каждому из них по сто сестерциев. То же сделал из собственных своих средств и Сулла Фауст³⁹. Затем он вместе с ними выступил из Утики и поспешил в страну Юбы.

88. Тем временем в Утику прибыло много бежавших с поля сражения. Созвав их всех вместе с теми тремястами, которые дали Сципиону деньги для ведения войны, Катон стал уговаривать их отпустить на волю рабов и защищать город.

³⁹ Зять Помпея.

Но увидав, что только часть из них соглашается, а другие находятся в паническом страхе и думают только о бегстве, он перестал об этом говорить и дал им корабли, чтобы они могли бежать, куда хотят. Сам он привел в порядок все свои дела, поручил своего сына и вольноотпущенников заботам своего проквестора Л. Цезаря, а затем, не возбуждая подозрений, с обычным выражением лица и речью, пошел спать и в спальне закололся мечом, который тайно принес с собой. Когда он упал, еще не испустив дыхания, то врач и другие близкие к нему люди, подозревая недоброе, бросились в спальню, зажали его рану и начали ее перевязывать. Но он собственными руками безжалостно сорвал повязку и с полным присутствием духа покончил с собой. Хотя жители Утики по партийным причинам ненавидели его, но все-таки почтили его похоронами за его редкую честность, отличавшую его от остальных вождей, и за то, что он укрепил Утику удивительными военными сооружениями и башнями. После его смерти Л. Цезарь пожелал извлечь из этого обстоятельства пользу для себя и, создав население, стал на сходке уговаривать его отпереть все ворота перед Цезарем, на милосердие которого сам он возлагает большие надежды. И вот, когда ворота были открыты, он отправился из Утики навстречу императору Цезарю. Мессала, согласно приказу, прибыл в Утику и занял все ворота караулами.

89. Тем временем Цезарь, выступавший из Тапса, прибыл в Узиту, где у Сципиона был большой запас хлеба, оружия и метательных снарядов и вообще всяких военных материалов, с небольшим гарнизоном. Тут же завладев ею, он оттуда прибыл в Адрумет. Без задержки вступив в него и осмотрев оружие, хлеб и деньги, он помиловал бывших там во главе гарнизона Кв. Лигария и Г. Консидия-сына. Выступив затем в тот же день из Адрумета и оставив там с одним легионом Ливинея Регула, он поспешил в Утику. На пути с ним встретился

Л. Цезарь и вдруг упал перед ним на колени с единственной мольбой сохранить ему только жизнь. С прирожденной мягкостью характера и согласно со своим привычным образом действий, Цезарь без затруднений исполнил его просьбу и точно так же помиловал Цецину, Г. Атея, П. Атрия, Л. Целлу — сына и отца, М. Эппия, М. Аквиния, сына Катона и сыновей Дамасиппа. Затем перед наступлением ночи он прибыл в Утику и провел ту ночь за городом.

90. На следующий день он рано утром вступил в город и, созвав сходку, обратился к жителям Утики со словами ободрения и благодарности за их преданность; а граждан римских — купцов и тех трехсот, которые сделали денежные взносы Вару и Сципиону, подверг суровому обвинению и после длинной речи об их преступлениях в конце концов объявил им, что они могут без страха показаться перед ним, но он дарует им только жизнь, а имущество их продаст. Впрочем, если кто из них сам выкупит свое имущество, то он продажу его отменит и внесенные деньги зачтет в штраф, так что выкупивший может вполне удержать за собой свою собственность. Так как они были чуть живы от страха и не ожидали за свою вину помилования, то, когда представилась надежда на спасение, они охотно и с радостью приняли это условие и просили Цезаря наложить штраф на всех трехсот в одной сумме. Тогда Цезарь наложил на них двести миллионов сестерциев с обязательством выплатить эту сумму в течение трех лет в шесть сроков в государственное казначейство. Никто из них не возражал, наоборот, все они заявляли, что они теперь снова родились, и с радостью благодарили Цезаря.

91. Тем временем царь Юба в том виде, как бежал с поля сражения, вместе с Патреем скрывался днем по усадьбам, а ночью продолжал путь, пока не прибыл в свое царство и не достиг города Замы. Здесь у него был собственный дворец и содержались жены и дети, сюда же он свез со всего царства

все свои деньги и драгоценности, а в начале войны построил здесь очень сильные укрепления. Горожане, еще раньше получившие желанную весть о победе Цезаря, не пустили царя в город по следующим причинам: подняв оружие против римского народа, Юба собрал в городе Заме множество дров и воздвиг на середине площади огромный костер. В случае поражения он хотел сложить на нем все свое достояние, перебить и бросить туда же всех граждан и все это поджечь, а затем, наконец, и самому покончить с собой на этом костре и сгореть вместе с детьми, женами, гражданами и со всеми царскими сокровищами. И вот теперь Юба, находясь перед воротами, сначала долго и властно грозил жителям Замы; затем, увидав, что это мало помогает, стал молить их допустить его до его богов-пенатов; наконец, убедившись в том, что они упорны в своем решении и что ни угрозами, ни просьбами нельзя склонить их к тому, чтобы принять его в город, он уже начал просить их отдать ему жен и детей, чтобы ему увезти их с собой. Увидав, что горожане не дают ему никакого ответа, и ничего от них не добившись, он оставил Заму и вместе с Петреем и несколькими всадниками удалился в одну из своих усадеб.

92. Тем временем жители Замы отправили по этому делу послов к Цезарю в Утику и просили прислать им помощь, прежде чем царь соберет отряд и начнет осаждать их: со своей стороны они готовы на всю жизнь предоставить себя и свой город в распоряжение Цезаря. Цезарь похвалил послов и приказал им раньше его отправиться домой и там своевременно сообщить о его приближении. Сам он на следующий день выступил с конницей в царство Юбы. Тем временем по дороге много вождей и царского войска явилось к Цезарю с просьбой помиловать их. Дав просителям пощаду, он прибыл в Заму. Когда тем временем разнесся слух о его кротости и милости, то почти все царские всадники прибыли к Цезарю в Заму. Он успокоил их и избавил от всяких опасений.

93. Так шли дела у обеих сторон. В это время Консидий, стоявший в Тиздре со своей челядью, отрядом гладиаторов и гетулами, узнал о поражении Сципиона. Устрашенный прибытием Домиция и его легионов, он отчаялся в своем спасении, покинул город, тайно уехал из него, нагруженный деньгами, в сопровождении немногих варваров, и поспешно бежал в царство Юбы. Но сопровождавшие его гетулы по дороге, из желания поживиться, убили его и разошлись куда попало. Тем временем Г. Вергилий, который был отрезан с суши и с моря, понял, что он бессилен, что его сторонники перебиты или обращены в бегство, что М. Катон в Утике наложил на себя руки, царь скитается, покинутый своими подданными, которые его презирают, Саббура и его войско уничтожены Ситтием, а Цезаря без замедления приняли в Утике, и от всей большой армии ничего не осталось. Тогда, получив от осаждавшего его проконсула Каниния гарантию для себя и для своих детей, он сдался проконсулу вместе со своим имуществом и городом.

94. Тем временем царь, которому отказали в приеме все общины, после всех сделанных им попыток отчаялся в своем спасении. Чтобы иметь вид людей, погибших смертью храбрых, он и Петрей вступили друг с другом в бой на мечах, и более сильный Петрей⁴⁰ без, труда убил более слабого Юбу. Затем он пытался этим же мечом пронзить себе грудь, но не мог. Тогда он упросил своего раба покончить с ним, чего и добился.

95. Тем временем П. Ситтий, разбив войско префекта Юбы Сабурры и убив его самого, шел с небольшим отрядом через Мавретанию к Цезарю и случайно наткнулся на Фауста и Афрания, двигавшихся с тем же отрядом, с которым они разграбили Утику; всех их было около тысячи пятисот человек.

⁴⁰ В рукописях дано Iuba Petreium вм. Iubam Petreius — см. «периоху» 114-й книги «Истории» Тита Ливия.

Тогда он быстро расставил ночью засаду и, напав на них на рассвете, перебил или заставил сдаться всех, кроме немногих всадников из авангарда, которые бежали, а Афрания и Фауста с женой и детьми взял в плен живыми. Немного дней спустя в его отряде произошел бунт, и Фауст с Афранием были убиты. Помпее с детьми Фауста Цезарь сохранил жизнь и все их имущество.

96. Тем временем Сципион с Дамасиппом⁴¹, Торкватом⁴² и Плеторием Цестианом⁴³ направлялись на военных кораблях в Испанию, но их долго бросало по морю, и они были занесены к Гиппону Регию, где в то время стояла эскадра П. Ситтия. Их немногие корабли были окружены превосходными силами противника и пущены ко дну; при этом погиб и Сципион с только что упомянутыми спутниками.

97. Тем временем Цезарь произвел в Заме аукцион царского имущества и продал достояние тех римских граждан, которые подняла оружие против римского народа; далее он назначил награды жителям Замы, решившим не пускать к себе царя, сдал в аренду царские пошлины, а самое царство обратил в провинцию⁴⁴ и, поставив во главе ее Г. Саллюстия со званием проконсула, оставил Заму и вернулся в Утику. Там он продал имущество тех, которые служили центурионами у Юбы и Петрея, и наложил в виде штрафа на тапситанцев двести миллионов сестерциев и на их округ три миллиона, на адруметинцев три миллиона, а на их округ пять миллионов; общины [...] и их имущество защитил от насилия и грабежей. Жителей Лептиса, имущество которых в прежние годы было

⁴¹ О Дамасиппе см. гл. 42.

⁴² Торкват сдался Цезарю под Ориком и был им отпущен (Bell. Civ., III, 11).

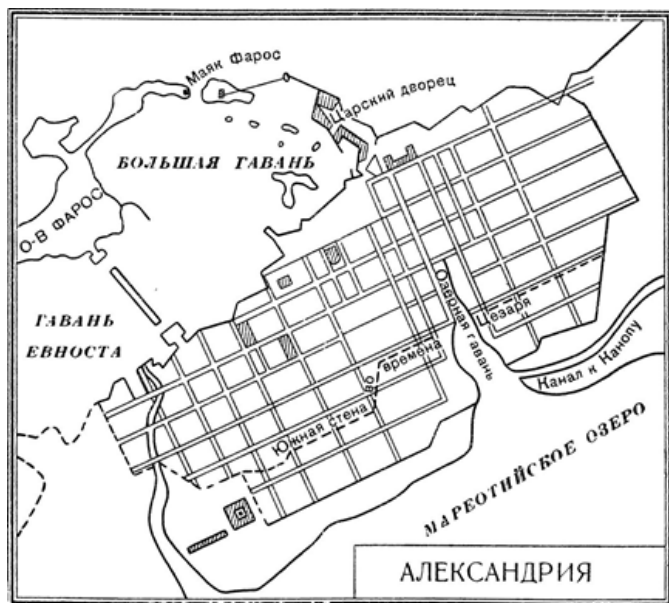
⁴³ Плеторий нам неизвестен.

⁴⁴ Точнее, Нумидия была прибавлена под названием «Новая Африка» к провинции Африке.

разграблено Юбой и возвращено было им на основании жалобы к сенату при содействии назначенных им посредников, он наказал ежегодной поставкой трех миллионов фунтов масла за то, что они с самого начала войны при возникшем среди их главарей разногласии заключили союз с Юбой и снабжали его оружием, солдатами и деньгами. На жителей Тиздры вследствие бедности их общины он наложил штраф в виде известного количества хлеба.

98. После всего этого он сел в июньские Календы в Утике на корабли и на третий день прибыл к Каралам в Сардинии. Там он наложил штрафы в десять миллионов сестерциев на сульцитанцев за то, что они приняли Насидия с его эскадрой и всячески ее поддерживали. Вместо десятины он заставил их платить одну восьмую часть доходов, продал имущество некоторых лиц и на четвертый день до квинтильских Календ сел на корабли. От Карал он шел вдоль берегов и, так как бури задерживали его в гаванях, только на двадцать восьмой день прибыл в Рим.

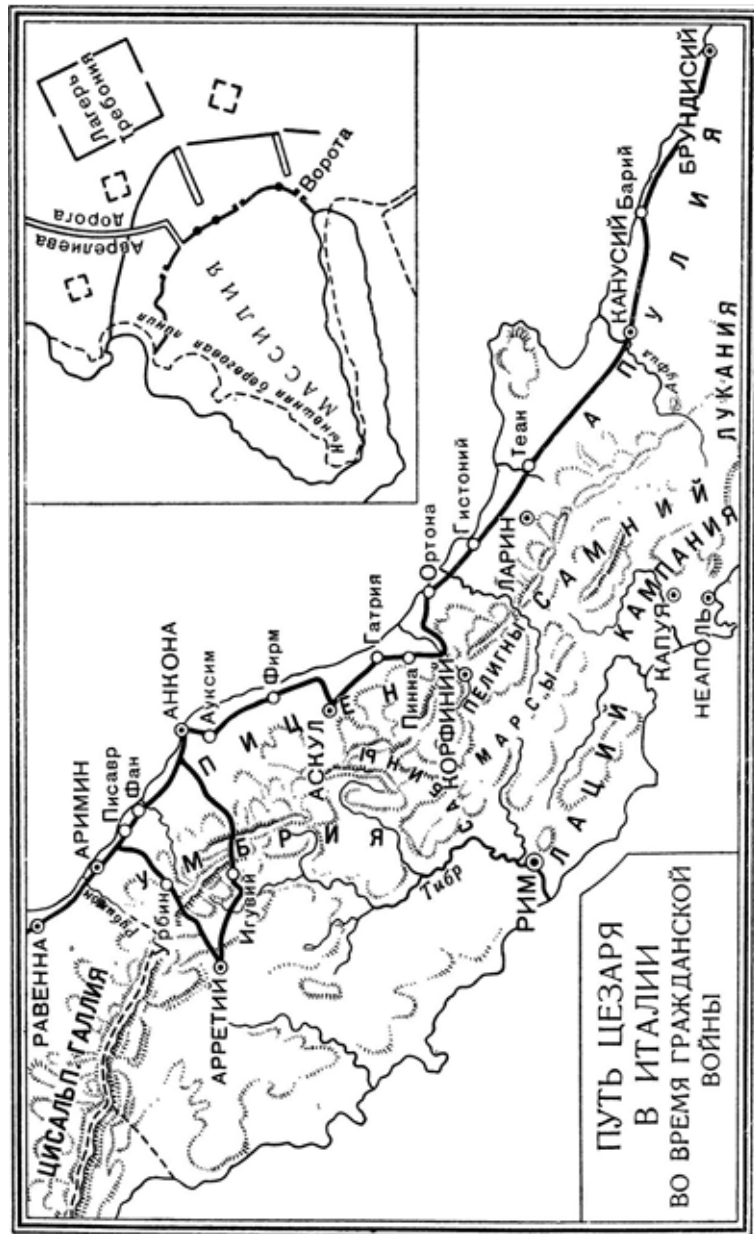
Карты

КАРТА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ЦЕЗАРЯ И ПОМПЕЯ
НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

**Таблица перевода дат римского календаря
в современные**

Число месяца по со- вре- менном у ка- лендру	Март, май, квинкти- лий (июль) и октябрь	Январь, секстилий (август) декабрь	Ап- рель, июнь, сен- тябрь и ноябрь	Февраль невисо- конского года	Февраль високон- ского года
1	Календы	Календы	Кален- ды	Календы	Календы
2	6-й день до Нон	4-й день до Нон	4-й день до Нон	4-й день до Нон	4-й день до Нон
3	5-й день до Нон	3-й день до Нон	3-й день до Нон	3-й день до Нон	3-й день до Нон
4	4-й день до Нон	Канун Нон	Канун Нон	Канун Нон	Канун Нон
5	3-й день до Нон	Ноны	Ноны	Ноны	Ноны
6	Канун Нон	8-й день до Ид	8-й день до Ид	8-й день до Ид	8-й день до Ид
7	Ноны	7-й день до Ид	7-й день до Ид	7-й день до Ид	7-й день до Ид
8	8-й день до Ид	6-й день до Ид	6-й день до Ид	6-й день до Ид	6-й день до Ид
9	7-й день до Ид	5-й день до Ид	5-й день до Ид	5-й день до Ид	5-й день до Ид
10	6-й день до Ид	4-й день до Ид	4-й день до Ид	4-й день до Ид	4-й день до Ид

11	5-й день до Ид	3-й день до Ид	3-й день до Ид	3-й день до Ид	3-й день до Ид
12	4-й день до Ид	Канун Ид	Канун Ид	Канун Ид	Канун Ид
13	3-й день до Ид	Иды	Иды	Иды	Иды
14	Канун Ид	19-й день до Календ следую- щего ме- сяца	18-й день до Календ следу- ющего месяца	16-й день до Календ следую- щего ме- сяца	17-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
15	Иды	18-й день до Календ следую- щего ме- сяца	17-й день до Календ следу- ющего месяца	15-й день до Календ следую- щего ме- сяца	16-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
16	17-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	17-й день до Календ следую- щего ме- сяца	16-й день до Календ следу- ющего месяца	14-й день до Календ следую- щего ме- сяца	15-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца

**Таблица перевода дат римского календаря
в современные**

Число месяца по со- вре- менном у ка- лендру	Март, май, квинкти- лий (июль) и октябрь	Январь, секстилий (август) декабрь	Ап- рель, июнь, сен- тябрь и ноябрь	Февраль невисо- конского года	Февраль високон- ского года
17	16-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	16-й день до Календ следую- щего ме- сяца	15-й день до Календ следу- ющего месяца	13-й день до Календ следую- щего ме- сяца	14-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
18	15-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	15-й день до Календ следую- щего ме- сяца	14-й день до Календ следу- ющего месяца	12-й день до Календ следую- щего ме- сяца	13-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
19	14-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	14-й день до Календ следую- щего ме- сяца	13-й день до Календ следу- ющего месяца	11-й день до Календ следую- щего ме- сяца	12-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
20	13-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	13-й день до Календ следую- щего ме- сяца	12-й день до Календ следу- ющего месяца	10-й день до Календ следую- щего ме- сяца	11-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
21	12-й день до Ка- ленд сле-	12-й день до Календ следую-	11-й день до Календ	9-й день до Календ следую-	10-й день до Ка- ленд сле-

	дующего месяца	щего ме- сяца	следу- ющего месяца	щего ме- сяца	дующего месяца
22	11-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	11-й день до Календ следую- щего ме- сяца	10-й день до Календ следу- ющего месяца	8-й день до Календ следую- щего ме- сяца	9-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
23	10-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	10-й день до Календ следую- щего ме- сяца	9-й день до Календ следу- ющего месяца	7-й день до Календ следую- щего ме- сяца	8-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
24	9-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	9-й день до Календ следую- щего ме- сяца	8-й день до Календ следу- ющего месяца	6-й день до Календ следую- щего ме- сяца	7-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца

**Таблица перевода дат римского календаря
в современные**

Число месяца по со- вре- менном у ка- лендрю	Март, май, квинкти- лий (июль) и октябрь	Январь, секстилий (август) декабрь	Ап- рель, июнь, сен- тябрь и ноябрь	Февраль невисо- конского года	Февраль високон- ского года
25	8-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	8-й день до Календ сле- дующего месяца	7-й день до Календ сле- дую- щего месяца	5-й день до Календ сле- дующего месяца	6-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
26	7-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	7-й день до Календ сле- дующего месяца	6-й день до Календ сле- дую- щего месяца	4-й день до Календ сле- дующего месяца	5-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
27	6-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	6-й день до Календ сле- дующего месяца	5-й день до Календ сле- дую- щего месяца	3-й день до Календ сле- дующего месяца	4-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца
28	5-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца	5-й день до Календ сле- дующего месяца	4-й день до Календ сле- дую- щего месяца	Канун Ка- ленд сле- дующего месяца	3-й день до Ка- ленд сле- дующего месяца

29	4-й день до Календ следующего месяца	4-й день до Календ следующего месяца	3-й день до Календ сле- дую- щего месяца		Канун Календ следую- щего ме- сяца
30	3-й день до Календ следующего месяца	3-й день до Календ сле- дующего месяца	Канун Календ следу- ющего месяца		
31	Канун Календ следую- щего ме- сяца	Канун Календ следую- щего ме- сяца			

Примечание. Во время Цезаревых войн римский год начинался с первого марта, и только в 45 году до н. э. Цезарь, после победы над своими противниками и достижения единовластия, перевел начало года на первое января.

Содержание

Г. Юлий Цезарь. Галльская война (Bellum Gallicum)	3
Книга первая.....	3
Книга вторая	40
Книга третья.....	59
Книга четвертая.....	76
Книга пятая	97
Книга шестая.....	132
Книга седьмая.....	158
Книга восьмая	214
Г. Юлий Цезарь. Гражданская война (Bellum civile)	248
Книга первая.....	248
Книга вторая	304
Книга третья.....	335
Александрийская война (Bellum alexandrinum)	
(неизвестного автора).....	409
Александрийская война	409
Африканская война (Bellum africanum)	
(неизвестного автора).....	462
Африканская война.....	462
Карты	523

**Записки Юлия Цезаря и его продолжателей
о Галльской войне, об Александрийской войне,
об Африканской войне**

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Д. Ананьева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru

Отпечатано в ООО «Леттер Групп»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д.16